

Дмитрий Корчинский.

Война в толпе

Литературная редакция Д. Корчинский, В. Артеменко

ОТ РЕДАКТОРОВ

Литературные редакторы выражают свою признательность подлинным авторам книги: боевикам УНСО, функционерам УНА, союзникам, сочувствующим и пособникам. Без письменных или устных сообщений огромного числа лиц, долгое время накапливавшихся в наших архивах и в нашей памяти, было бы невозможно так точно и в таком блестящем стиле изложить эти удивительные события. Все, что есть хорошего в этой книге, ее юмору, оптимизму, достоверности, компетентности суждений читатель обязан: Валерию Бобровичу, Виталию Чечило, Олегу Билому, Владиславу "Дошу", Александру Мартынчуку, Виктору Стадниченко, Морицу Саксонскому, Освальду Шпенглеру, Георгу Вильгельму Фридриху Гегелю и нам.

Д. Корчинский
В. Артеменко

Предисловие к русскому изданию

Мне очень приятно, что люди еще в 1996 г. собиравшиеся взорвать смоленский вокзал (чему есть доказательства) по зрелом размышлении решили издать свою книгу именно в Смоленске.

Я с сомнением отношусь к военным мемуарам, авторы которых (в чине пониже генеральского) берут на себя смелость рассуждать о стратегических проблемах и действиях сторон. Здесь читатель найдет только личные впечатления, не претендующие на пресловутую объективность.

"Autobiografias de soldados" (исп. автобиографии солдат) являются классическим литературным жанром. Возникнув на руинах рыцарского романа, в весьма специфической среде испанских "маргиналов" XVI-XVII ст они отличаются изрядной долей иронии, чем особенно близки нам, участникам современной смуты.

- Ты, вообще, кто?

- Был бакалавром, был солдатом, был купцом, был артистом...

- Так, я скажу, кто ты сейчас: беглый с королевской галеры!

Лопе де Вега "El gran teatro del mundo".

Когда в тридцатые годы XX ст. в эпоху великих потрясений, вновь возник интерес к подобной литературе, то предисловие к французскому изданию "Приключений капитана Алонсо де Контреро" в 1933 г., написал сам Ортега и Гассет. Почему? "В истории человечества неизменным остается разве что противостояние отчужденных форм общественного устройства и людских "спильнот" (укр.) Заговорщики и сектанты противостоят государству, имея целью самим стать государством. Сегодняшний день определяется господством отчужденных форм. Форм, которые невозможно, да и не стоит постичь, в них нужно "ориентироваться". Например, юрист - ничтожное с точки зрения переполненности жизнью, существо, жрец пустоты, человек, который "ориентируется". Сегодня он стоит над князьями, над вождями и судит

переполненных жизнью. Так, что только среди последних бандюг ищешь будущее, в картинках их бездарных татуировок - откровения, в их предательских глазках (эх, бритвой бы) - зарю завтрашнего дня.

Когда тебе скажут "это философ", спроси, по какой статье он сидел?

Когда скажут - "это поэт", спроси, где он воевал?

Это не означает, что тюремная мудрость заслуживает внимания, как и "поэтика войны". Но, ЧТО может знать о "субстанции" человек, ни разу не нарушавший уголовный кодекс! Как ощутить глубину любви, не прячась от минометного обстрела? Рефлексии предшественников отчуждены. Постичь их можно только в одном месте - в пограничье".

(Д. Корчинский "Революция од Кутюр")

В школе нас с детства запихивали российскими классиками, тем же Лермонтовим. Обидно сознавать, что для абсолютного большинства читателей, его гениальные строки, если честно, остаются пустым звуком, поскольку не вызывают непосредственных ассоциаций. Метод иллюстрации человеческих страстей литературными образами был с успехом применен известным психиатром, доктором Леонгардом в его книге "Акцентуированные личности". В нашем случае он оправдан и тем, что абсолютному большинству читателей насилие известно лишь в литературной его ипостаси. Проведем небольшой тест на интеллектуальную честность: прочтите до и после ознакомления с содержанием этой книги следующие избранные места из произведений Михаила Юрьевича Лермонтова ("Сочинения" Т 1-2 Москва "Правда" 1988г.) - Т 1 - "Валерик", "Завещание", "Свидание", "Исмаил-Бей" (ч1 строфы - 7, 24 - , ч2 - 2, 8, 12) другие редакции "Демона" (стр. 638-639).

Надеюсь, общий тон повествования, факты в нем изложенные, позволят вполне оценить непреходящую ценность, казалось бы такой абстрактной вещи, как поэзия XIXст. "Книги, это мины, заложенные под будущие поколения. Когда говорят "духовность" представляют васильки, а следовало бы - пожары.

Приоритет духовного - это беспредел. Бог его знает куда заведут идеалиста его абстракции, а заводят обычно в радикальное огрицанне. В отказ.

Абстракции агрессивны. Убивают и по бытовым причинам, но войны развязывают ради абстракций. Когда говорят о духовности, втягивайте голову в плечи.

Всякая философия завершается химией".

(Д. Корчинский "Революция От Кутюр")

Выдающийся русскоязычный бытописатель будущего Лев Вершинин.

Рабочее (не окончательное) название книги:

Дмитро Корчинский. ВОЙНА В ТОЛПЕ

(НАШ ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ)

Перевод с украинского

* ГЛАВА 1. ИМПЕРИЯ, КОТОРУЮ МЫ ПОТЕРЯЛИ. *

Дмитро Корчинский

Столько жертв и крови, столько героизма, но все равно двадцатое столетие останется в истории как эпоха еврейского юмора. Как оттого, что все часто происходило как в старом еврейском анекдоте, так и оттого, что именно этот жанр наиболее повлиял на культуру и политику столетия. Даже цитатник Мао написан в знакомом стиле. "Qualis artifex pereo". Какая великая эпоха уходит!.

Полковник Боровец

Назначение из КДВО на Байконур, я воспринял стоически. Во-первых, солдат службы не выбирает, а во-вторых, могло быть и хуже, например в Аральск или Сары-Азек, Джезказганской области. В Байконуре по крайней мере был построен современный город - Ленинск, содержание которого обходилось к началу 80-х годов в миллиард рублей. В кои-то веки, большевикам удалось построить что-то путное, да еще в абсолютно враждебной человеку среде. Если воспринимать архитектуру, как овеществленное время, то в пустыне эта борьба человека со временем изначально обречена на провал. У казахов, вообще кочевников, отсутствует чувство времени в нашем понимании, согласно - иудео-эллинской культурной традиции. Они не создают материальных форм. Человек, по роду своей деятельности - хронофаг. Когда человек дерзнул построить из камня, он восстал против Бога. Ленинск разделил судьбу всех бывших до него городов. Когда летишь на вертолете, внизу видны руины самых различных эпох. К ним органически присоединились и новейшие - брошенные старты. Например: 113-я, с которой запускали на Луну, 118-я - посадочная площадка "Бурана", 140-я, на которой в 1966 году пугали Де Голля тройным запуском глобальной ракеты. К слову, Де Голль оказался храбрым человеком, КП находился всего в 7 км от старта и это во времена, когда ракета могла полететь в любом направлении.

Явление это было известно еще со времен первых советских ракет, копий немецких ФАУ-2. Как только последние немецкие специалисты были репатрированы в Германию, сразу начались неполадки с гирокомпасами. Стоило взять немецкий со свастикой прибор, как проблема устранялась. Так, как будто на Пенемюнде их ракеты взлетали строго вертикально. Под пуски ракет обычно списывали все, что представлялось возможным. Оконные стекла, тумбочки и кровати в казармах. Один прапорщик умудрился даже подать на списание акт о четырех тоннах картошки. С глобальными ракетами была связана еще одна неясная история. В период кубинского кризиса, наращивание боевой мощи РВСН происходило самым быстрым образом. Массово создавались ложные ПУ, пошел слух о ракетах, оснащенных только аналогом ядерной боеголовки.

Контрольно-измерительные приборы, при проверке "эквивалента" заводскими бригадами, выдавали те же показатели. Вроде бы невероятно, но, когда эти гигантские ракеты с моноблочными мегатонными боеголовками, наконец, сняли с боевого дежурства, а сами ракеты свезли на ракетно-техническую базу (РТБ), к ним сначала приставили караул, потом просто дежурного солдата - сидел на стуле в проходной. Наконец, солдат ушел неизвестно куда, спустя какое-то время приехала бригада с завода, боеголовки зацепили краном, кинули на платформы и увезли.

Разрушения особенно усилились после высыхания Аральского моря, превращения его в систему гнилых соляных болот. Процесс этот геологический, фактор человеческой деятельности был сильно преувеличен, желавшими погреть руки на повороте северных рек. Слишком ничтожен человек, по сравнению с

великолепием природы. Собственно, сам Байконур стоит на дне древнего Аральского моря. На отдельных местах оголившегося некогда морского дна, среди гальки попадались даже драгоценные камни. "Грязные" рубины. - Мутно красные в отличие от индийских, кашмирских, цейлонских, прозрачных на 90%. Собирать их можно было горстями. Капитан Авдеев, командир роты, по своему пристрастию и поделкам, вроде самолетиков в бутылках, сделал жене ожерелье. Камни обрабатывали напильником затем солдаты, шлифовали их на кожаных ремнях где-нибудь в карауле. Дошло до политотдела, разгорелся страшный скандал: - Чем у вас на боевом дежурстве занимаются. Вы бы еще коронки ставили. Среди солдат и правда был умелец, пользовавшийся сослуживцев. С помощью телефонного аппарата ТА-57 убивал нерв, затем электродрелью высверливал пульпу, ставил пломбу из цемента и коронку из рандоли. Во время операции пациента привязывали к кровати. Одному караульному солдату этот дантист из народа умудрился поставить два зуба. Тот три недели плевался зеленой слюной, затем почернели и все остальные зубы. Другой целитель, вотяк, родом откуда-то из Удмуртии подвизался на поприще мануальной терапии. Солдат белил в каптерке потолок, лестница упала, случилась контузия. "Целитель" положил дверь на спину несчастного и стал прыгать на ней. Страдальца с дичайшими воплями сволокли в санчасть.

Наш начальник политотдела, полковник Кузнецов, ростом метр шестьдесят, любимая поговорка - "И я посмотрел Де Голлю в глаза" - был одержим манией созидать. Построил на плацу стенды из швеллеров. За усердие был переведен в Москву, где перекопал какой-то важный правительственный кабель, за что и был уволен. Обилие стройматериалов действительно побуждало к строительству. Я за два дня построил из железобетонных плит трибуну для начальства на плацу. Дорожные плиты были взяты на старом старте, благо техника позволяла, поднимала до ста тонн. Единственную проблему составляло - вырубить звезду, размером с хороший письменный стол. Рубили зубилами и тупыми топорами, шлифовали кирпичом. Единственную "болгарку" перед этим кто-то украл у начальника инженерной службы. Потом звезду надо было закрепить на другой плите - с углублением под нее, которое тоже надо было высечь. Трибуна получилась, как пирамида. В пустыне ее не разрушит ничего, кроме взрыва. Она и посейчас возвышается над плацем. Главное - правильный выбор стройматериала. Я в принципе не согласен с "теорией руин" Шпеера, согласно которой нельзя использовать железобетон для культовых сооружений. Один из примеров тщеты человеческих усилий - кирпич. Теоретически - обожженный кирпич в условиях пустыни вечен. Однако соль разъедает его полностью и удивительно быстро. Стены туалетов в солдатских казармах выпадают лет через пять.

Казахи брезгают жить в каменных строениях. Из вечного они строят только мазары и мавзолеи. Мазар - это четырехугольный заборчик вокруг могилы. Сами казахи не тверды в вере, хотя обрезать их начали со времен Тамерлана. Даже улемы и муллы, как правило, узбеки или татары. Ну, какой прок от муллы в юрте. Из всех обычаев только хоронили согласно мусульманскому обряду. Святые места - пережиток язычества представляли из себя кучи камней. ... Когда в 1972 году из пустыни начали выселяться ссыльные немцы, после них остались обработанные поля, сады, виноградники и шикарные дома под черепичной крышей. Продать их не представлялось никакой возможности. Немцы, действительно содержали подпольные силы самообороны и свирепых овчарок. Чрезмерно приблизившегося к их поселению казаха, действительно могли убить. Казахи смертельно боялись немцев и именовали их "фасыст". Такой же страх испытывали

они и перед дунганами или корейцами, те так же могли убить казаха запросто. Изумлял казахов и факт поедания собак корейцами. Когда казахи, наконец, заняли немецкие поселения, они вытравили овцами поля и бахчи, вырубил деревья, запустили овец в дома, превратив их в окотные кошары. И гордо поставили во дворах юрты. Через год, за ненадобностью, поскольку дождей там мало, разобрали крыши и все деревянные части на топливо. Учитывая их привычку, открыто отправлять естественные надобности, все вокруг было загажено, как во времена Чингиз-Хана.

Общение с казахами было весьма поучительным. По роду своих занятий: коменданта гарнизона и участкового уполномоченного местной милиции, в которой я имел чин капитана и соответствующую форму, я был "жолдаз бастыком" (товарищем начальником). Под моим контролем находилась территория равная половине Черниговской области. Еще меня уважали за свиту. В моем распоряжении имелась машина ГАЗ-66. Я имел толмача-узбека, водителя и двух охранников с пулеметом РПК. Казахов поражали сигнальные огни и барабанный магазин пулемета. Аксакалы восхищенно цокали языком, особенно, когда я давал указание казашке, напоить узников. Под тентом в кузове имелась клетка. В степи во время "бегового сезона" - весной и осенью дезертиры шли на звук поезда. В пустыне он слышен километров за тридцать. Некоторые, потерявшие направление и страдающие от безводья, сами бежали за машиной с криками - сдаваться. Далеко не все дезертиры были настроены мирно. Некоторые, особенно грузины и прочие "лица кавказской национальности" захватывали отдельные кочевья, объедали мирных казахов, насиловали казашек. Любопытно, что сами казахи относились к этому бедствию стойчески. "Апа", имевшая к тому времени по десятку детей, так же не отличалась чувствительностью. Кроме обычных причин, к дезертирству побуждала и специфика местных неуставных отношений. Особенно среди военных строителей, раздражались побоища на почве межнациональной розни. Горели бараки, побежденная сторона нещадно избивалась. Редкие спасшиеся вынуждены были искать самые недоступные убежища. Как-то начхим полка, протравил брошенную шахту хлор-пикрином на предмет истребления расплодившихся в подземельях собак. Каково же было наше удивление, когда из-под земли выбралось и бросилось врассыпную несколько грязных, оборванных людей. Солдаты поймали одного, по отметкам военной формы опознали строителя среднеазиата.

- Ты кто?

- Салябон.

- Что здесь делаешь?

- Льомом били.

И показывает скрюченные разбитые пальцы. Зимой строители жили в сорока местных палатках, где стоял лютый холод, а полевые кухни у них работали на солярке. "Деды" и "паханы" теснились вокруг печки, а остальные ютились по углам. Поскольку протопить палатку никакой "буржуйкой" нереально, умельцы изобрели специальную конструкцию - "елочку" из трубы большого диаметра. Ведра солярки хватало на ночь, печь накалялась докрасна и не коптила. Еще одним преимуществом палатки было то, что она сгорала всего за три минуты, "эфиопы" высказывали испуганные, но обгореть не успевали. От палатки оставались только тлеющие матрацы и вонючие паленые шинели.

Это была уже не "дедовщина", а неизвестно что. Мы солдат пугали: -

Будешь плохо служить, отправим в стройбат. Я впервые видел прапорщика - зам. полита роты. Встречались и ротные командиры - прапорщики. Кто был бригадиром в зоне - оставался бригадиром и в отряде. Были целые городки строителей

"чеченские", "армянские". Те же "зоны", только без колючей проволоки. Одного солдата строителя лет двадцати шести, пускали в бассейн для офицеров только по тому, что он весь от ногтей, до ногтей был обколот. Приходили даже бабы из военторга смотреть. Особенно их поражала изображение мухи на члене, что она символизировала, я по наивности до сих пор не знаю, но бабы были ушлые и шалели. Было только одно условие, чтобы купался голым. С ним в обнимку и снимались.

Как-то зашел в "тифозный барак", лежит один в гепатите, весь желтый. На столе вместо лекарств - кусок ракетного кабеля СМКПВБ. На оплетке ножом вырезано "Парт политработа".

Нам сдался один строитель-грузин.

- Я зарезал одного.

- Как зарезал?

- Ножом.

- А чего к нам пришел?

- Так далеко, домой не дойду, а эти зарежут, лучше к вам.

Звоню в прокуратуру, те ни в какуюю.

- Ты хочешь навесить на меня эту хуйню. Выкинь его с площадки. Еще раз возьмешь не нашего, приеду с проверкой.

Его еле выбили из камеры, цеплялся руками за решетку. Пробовали прижать дверями. Потом он прятался за баней. Когда выгнали за стрельбище, пошел на звук поезда. Мы ему еще дали булку хлеба, чтобы не сдох. Вообще, народ был паскудный.

Но случались и действительно таинственные случаи. Раз солдаты принесли из солончаков насквозь изъеденный солью автомат Калашникова. Предпринятое расследование не принесло ровно никаких результатов. В системе было что-то "энкаведешное". Сначала отбивали почки, затем тащили в санчасть лечить, хлеб давали, воду. Я сейчас удивляюсь, зачем? Теперь бы они мне были на хрен нужны. Тогда мы все: я, прокурор, Язов, Горбачев пребывали в одной системе и были скованы ее цепями.

Валерий Бобрович (Устим). ИНДОКИТАЙ

Как-то зимой 1991 - 92 гг., на съезде украинских военнослужащих, я познакомился с неким Юрком Романцом. Тогда я еще плохо разбирался в тонкостях "диаспорного" произношения и принял его за галичанина. В буфете, за рюмкой чая, зашла речь и о прежних временах. Мой знакомый обмолвился, что был во Вьетнаме. Следует заметить, что в те годы национальной эйфории, развелось что-то уж чересчур много украинских "комбатантов". Старшее поколение настаивало на своей принадлежности к УПА, младшие были вынуждены удовлетвориться многочисленными "локальными" конфликтами в странах третьего мира. Поэтому не удивительно, что я отнесся к словам моего знакомого с некоторым недоверием. Тем более что служил он, якобы, в "бригаде морской пехоты". Как известно, ни советской морской пехоты во Вьетнаме не было, ни в самой морской пехоте тогда не было бригад, а только полки. Когда я все это выложил моему vis-a-vis, он прямо вскипел.

- Як це не було! А в Данангу хто був?

Только тут до меня дошло, что соотечественник служил в американской морской пехоте, которая действительно защищала Дананг, во время знаменитого весеннего наступления северовьетнамцев в дни праздника Тет в 1968 г. Крылатая фраза US Marines, "чтобы удержать Кхе-Сан, нам нужны только боеприпасы, свежие бинты и бобы", тогда облетела весь мир. Спустя четыре года моя судьба также оказалась связанной с Данангом, хотя и несколько иным образом.

Летом 1970 г., по окончании мореходного училища, я, совершенно неожиданно для себя, был вызван в некое штабное здание в Одессе. Тогда в военно-морском флоте обнаружилась нехватка офицерских кадров по ряду специальностей и многих моих товарищей уже "замели". Действия флотского начальства в данном направлении ничуть не отличались от практики британского королевского флота времен войны с Наполеоном. Тогда капитаны боевых кораблей совершенно спокойно могли снимать с торговых судов приглянувшуюся им часть команды. Последствия не заставили себя издать. В апреле-августе 1977 г. по кораблям флота прокатилась волна мятежей, навсегда запечатлевшаяся в истории, как "вольный ветер в Спитхэде". Я также не имел никакого желания расставаться с прелестями заграничавания, напомним, шел 1970 г. и поэтому, твердо решил сопротивляться. Каперанг в кабинете, делано покопался в моей анкете и спросил, как я отношусь к тому, чтобы отправиться добровольцем во Вьетнам? Услышав отрицательный ответ, он, похоже, ничуть не удивился.

- Очень хорошо, тогда идите к секретарю и напишите заявление.

- Какое заявление?

- Об увольнении с флота, "по собственному желанию". Нам трусы не нужны. Мечта о "загранке", становилась и вовсе неосуществимой. С решимостью отчаяния, но ведь не воевать же, в самом деле, я обратился к последнему, вполне самоубийственному, в смысле карьеры, аргументу.

- У меня дед был репрессирован, как адъютант Петлюры и польский офицер. Формулировка в справке о реабилитации, признаюсь, вызывала во мне некоторое сомнение, как это "адъютант Петлюры" и, одновременно, "польский офицер". Кадровик, похоже, тоже разделял мои сомнения. Он промышчал что-то в стиле "сын за отца не отвечает", и колесо завертелось. В движениях бюрократической машины было что-то от хорошо отлаженного конвейера смерти, попав на который спрыгнуть уже не представлялось возможным. Наверное, так ощущали себя жертвы всевозможных репрессий. К счастью, мы перед ними имели одно неоспоримое преимущество - могли пить сколько влезет.

Вскоре я оказался в помещении, заполненном личностями самого подозрительного вида. Вход, или лучше сказать - выход, охранял автоматчик. Как водится, командиры кораблей и береговых частей, под предлогом оказания "интернациональной помощи" поспешили избавиться от самых пропащих, в основном на почве пьянства. Контингент подобрался прожженный. Похоже, их ничуть не беспокоила перспектива грядущей отправки на войну. По крайней мере, настроения в стиле "прощай Ревелек, нас убивать повезли", (В. Пикуль) не наблюдались. Секрет оказался прост, сдав документы и, получив взамен справку, наиболее отпетые бросились в загул, справедливо полагая, что лучше пересидеть отставку в милиции, по какой-нибудь административной статье. Но не тут-то было. Обладателей справок попросту не задерживали.

Нас погнали во Вьетнам в качестве военно-морского пушечного мяса.

Происходит дело не в акватории порта, был бы более уместен иной термин - рыбам на корм. Практика массовой засылки военных советников, когда, как в Эфиопии, количество советников превышает численность офицерского корпуса

страны, находится на грани с открытым военным вмешательством. Опыт Кореи, Кубы, Конго (Заира), Вьетнама, Эфиопии имеет свою специфику решения кадровых проблем: начинают мести всех подряд. Шутка ли, набрать 11500 желающих идти на войну в Эфиопию.

Обычно, советских военных советников подбирали с большим тщанием. Уже в двадцатые годы в академии РККА был создан восточный факультет. На нем, а также в Институте народов Востока готовили специалистов для работы за рубежом. Советско-китайский конфликт во многом объясняется тем, что Сталин ставил на Гоминдан. В него были вложены огромные средства, многие генералы-милитаристы получили образование в СССР. Тайными операциями в странах третьего мира ведал Военный отдел ЦК КПСС, руководивший деятельностью ГРУ и первого главного управления (разведки) КГБ, а также подготовкой командного состава РВСН. Советников подбирали из всех видов вооруженных сил и родов войск. Как правило, начальники политотделов обращали внимание на выпускников из обычных семей, окончивших училища с отличием. Новоиспеченных лейтенантов отправляли в хреновенькие части и вели лет пять, наблюдая, как те справляются с возникающими трудностями. Поскольку глупость советских генералов не была тайной для военного отдела ЦК, количество их за рубежом старались ограничить возможно меньшим числом при высшем военном руководстве. Основную массу советников составляли офицеры в звании подполковник-полковник, с опытом командования в должностях "командир полка" - "начальник оперативного управления". Они хорошо знали свое дело, но беда была в том, что туземцы имели о нем собственные представления. Это была другая война.

В Москве нас поселили в "интуристовской" гостинице. Выдали гражданскую одежду: белые рубашки и темные брюки. Выходить из гостиницы не разрешалось, милиция на входе, как и персонал в ресторане получили на наш счет соответствующие распоряжения. Нас кормили, но спиртного не подавали. Впрочем, в этом пункте, организаторы "гастролей" допустили серьезный просчет. У нас не отобрали деньги. Официант, похоже, был покорен моим французским обращением.

- Garçon.

- Ничего, если я в чайничке подам? - застеснялся польщенный работник "общепита".

- Подавай хоть в корыте! - Не выдержали мои страждущие соседи. Вскоре официанты с чайничками засновали от столика к столику, а атмосфера в зале значительно оживилась. К вечеру, уже на пути в номер, я ощутил, что еще не полон впечатлениями. На этаже под лестницей размещался бар. Поколебавшись, ибо оставалась всего одна десятка, я вошел. Усталый бармен скучал за стойкой, пара проституток досаждала скандинавскому туристу. Бутылка коньяка стоила на удивление недорого - восемь пятьдесят. Широким жестом я протянул червонец.

- Сдачи не надо!

- Что ты мне суешь!

На практике, в "мореходке", я уже ходил в заграничный рейс, да и сама Одесса была "свободным" городом, где обращалась валюта, но такое презрение к отечественным деньгам довелось испытать впервые.

- Доллары давай!

Московская наглость также была в новинку, тем более что практически любой исход конфликта - коньяк я уже отпил - меня устраивал.

Кипя справедливым негодованием, бармен призвал милицию. Паче чаяния,

несомненно "прикормленный" им правоохранитель, только мельком взглянул на мое удостоверение и потерял к происшествию всякий интерес.

- Из своих покроешь.

Я допил коньяк и победоносно, насколько позволяла координация движений, удалился в номер.

На следующий день, в самолете, на пути в Ташкент, выяснилось, что, пользуясь своей временной неприкосновенностью, кое-кто из моих товарищей даже свел бесплатное знакомство с гостиничными проститутками, тогда еще окруженными ореолом некоторой недоступности, и как оказалось впоследствии, даже заразился венерическими заболеваниями, благо эпоха СПИДа еще не наступила. В аэропорту Ташкента, пока нас возили на обед, какая-то сволочь украла из салона самолета четыре бутылки водки. К чести воздушного флота, командир корабля поддержал претензии флота морского и отказался взлетать до тех пор, пока водку не вернут "откуда взяли".

В таком веселом расположении духа, подогреваемые винными парами, мы приземлились в Ханое.

Полковник Боровец

Пистолет мне не выдали, в казахских райотделах милиции оружие тогда было в дефиците. Даже дежурный сидел без пистолета, их выдавали только опергруппе. Автоматов не было вовсе. Вооружение райотделов началось после снятия Кунаева в 1986 году. Назначение вместо него секретаря новгородского обкома партии Колбина, казахи восприняли, как пощечину. Местная молодежь провела в Алма-Ате демонстрацию протеста на почве конституции, участвовало тысяч пятьдесят-шестьдесят. Это была по мнению русских даже не демонстрация, а первое проявление межнациональной розни в СССР. Поскольку казахов тогда в Алма-Ате было явное меньшинство, они не нашли понимания у зрителей. Тогда "колбиты" начали отламывать куски мраморной облицовки и бросать в зевак. Это была далеко не демонстрация. Тогда впервые была применена армия. За неимением палок курсанты "усмиряли" поясными ремнями.

В это время в Алма-Ате располагался штаб Среднеазиатского военного округа. При штабе, как водится, была гостиница. Изо всех командированных, находившихся в ней, срочно формировались офицерские роты и бросали их наводить порядок. Но успеха достигла не армия, а пьяные русскоязычные трудящиеся на заводах кидали клич: "Идем быть казахов!" Подгоняли к проходным "Икарусы", набивали в них людей, как селедок и везли на площадь. Там выдавали палки и обрезки шлангов, поскольку противостояние длилось неделю, эти предметы успели заготовить. Еще, якобы, для молодежи на площади выставили пару контейнеров водки, чтобы сделать ее неуправляемой. Всем известно, что пьяные казахи агрессивны, особенно, когда их много.

Это была жизнь! Я бывало расхаживал по гарнизону в милицейской форме, чем приводил в изумление сослуживцев, иногда выходил в штатском для разнообразия. Утром, придешь в комендатуру, на лохматом коне скачет казашенок, везет ясак - трехлитровую банку кумыса. Я брезговал пить из бурдюка, прежде чем везти кумыс процеживали через марлю, чтобы не попадали волосы и мухи. Это была дневная норма, когда заканчивался сезон кумыса, кобылы доятся всего месяц: в апреле-мае, начинался сезон айрана. На праздники обязательные подношения в виде свежесвежеванного барана. По пятницам - винная порция, по две бутылки водки с юрты. Я был воплощением колониальной администрации в самой уродливой форме. Прежде всего, в отличие

от всех прочих, я не боялся казахов. Мог в четыре утра провести "шмон" по юртам, наловить беспаспортных родственников. Мы действовали по методу царских исправников, зацепляли юрту тросом, и сдергивали машиной. Я изымал незарегистрированные ружья, некоторые из которых восходили еще ко временам Ост-Индийской Компании. Их поражало, что я не забираю ружья себе, а гну стволы в ступице колеса и выбрасываю. Кроме того я занимался и просвещением, исполняя нелегкое бремя "белого человека" по Кипплингу. Я научил некоторых гнать самогон, что повлекло за собой изменение социальной структуры общества. Пока казашата носили кизяки для топки, "ата" пил горячий самогон ложкой из-под змеевика. А "апа" в это время была вынуждена пасти овец, что прежде считалось неслыханным. Процесс самогоноварения в степи определяется издали. Поскольку казашки не ездят верхом на лошадях, только незамужние еще рискуют скакать, они удовлетворяются верблюдами, при этом одногорбыми. Эту коломенскую версту видно издали, да еще из юрты вместо мяса несет дрожжами. Казахи прежде пекли пресный хлеб, а благодаря мне выторг на дрожжах в сахаре в "военторгах" резко пошел вверх. Продавщицы меня обожествляли.

К этой должности - я шел семь лет из тринадцати пребывания на "заморских территориях" - за Аралом. Сначала, как зам. командира роты, начальник штаба батальона. Несколько раз на меня подавали документы на майора, но начальник полигона всегда их возвращал.

- Что тебе плохо живется? Майоров много, а ты один.

Мой звездный час настал в 1980г. по возвращению из Алма-Аты с курсов ЦК по ведению психологической войны и спецопераций. Я решил применить полученные знания и поставил грандиозный социальный эксперимент. Кроме меня на эту должность претендовало еще несколько человек. Один из них даже начал строить комендатуру. Но он пошел неверным путем. Опустил себя - клянчил у командиров подразделений людей и стройматериалы в то время, как их нужно было брать за глотку. Я сделал свою карьеру в течении трех суток. Заступил дежурным по части и отловил за ночь 50 бродячих солдат, чем вверх всех в изумление, прежде повара, дневальные, земляки, пьяные зенитчики в обнимку с девками из "военторга" шныряли по расположению. Они даже не сопротивлялись. На другой день об этом пошли разговоры, которые дошли до начальника управления, который, устав от бардака и постоянных ЧП, быстро смекнул и сделал из этого практические выводы. Тут же на плацу я был назначен комендантом гарнизона и начальником ВАИ. Прочие командиры встретили мое назначение в штыки. В тот же день я задержал за нарушение распорядка 200 солдат и списочно доложил начальнику управления. Начался "разбор полетов", все получили массу взысканий. Ту же операцию я повторил на завтра, поймав еще 150 солдат. Некоторые командиры наиболее сообразительные тут же пришли с дарами, в обмен на списки нарушителей. Я быстро "хап" (хоз) способом построил комендатуру, гауптвахту, сауну с бассейном для начальства в БПК и обнес военный городок трехметровым деревянным (в пустыне!) забором. Склады огородил колючей проволокой в три ряда, на всех подъездных путях, кроме КПП врыл надолбы и ежи. Все посты охраняли мои верные псы из комендантской роты. А пост ВАИ я оборудовал на выезде из автопарка.

Солдаты боялись выезжать, чтобы не лишиться прав. Количество "друзей" еще возросло. Наехать на меня пытались уже только две структуры, политотдел и особый отдел. Так как я был исключен из партии и ссылался на свою "аполитичность" и несколько раз накрывал клуб и выволакивал на плац пьяных обрыганных активистов и общественников, партийный надзор был устранен. Начальник политотдела все же вручил мне писаря-коммуниста, которого мы

развратили за месяц и споили, хотя он был узбек и, кажется мусульманин. Уходя на гражданку он пил спирт, как воду и забыл про свои арабские книги, которыми поначалу гордился. С "особистом" поладили, таким образом: я взял под крыло старшину одной из рот. Прапорщик прежде служил в погранвойсках и имел большой опыт оперативной работы. Он очень просто вычислил всех стукачей. Он был помощником дежурного по части, все солдаты заходили в штаб, мимо него, но у "особиста" был отдельный выход по инструкции. Комната "особиста" была у туалета и солдаты быстренько забегали к нему за угол, и выходили в тупик, вроде они мусор собирают. Заходить таким образом не рисковали, чтобы не быть замеченными. Шли через штаб "смешиваясь с толпой". Прапорщик взял на карандаш всех, кто не выходил, расспросил солдат, и у меня уже был список, который я пригрозил "потерять на плацу", если он не прекратит на меня наезжать. В конце-концов мы разделили сферы влияния, я отдал "кесарю - кесарево" - наркотики и боеприпасы, мне осталось все остальное.

Закончив обустройство исправительных учреждений - гаупвахты и комендатуры, заведя массу друзей в лице начальников тылов, складов и военторга, которым вечно нужна была дармовая рабочая сила, создав карательные органы в лице комендантской роты, службы ВАИ, и той же гаупвахты, я начал колонизовать окрестности, наводя там твердый уставной порядок и социалистическую законность. Район назывался Кармакчинский, но поселка с таким названием в природе не существовало. Данный факт вызывал удивление у казахов. Это было сделано с целью сохранения военной тайны и затрудняло привязку полигона к местности. Противник и вместе с ними финансовые органы вводились в заблуждение. Станция Тюратам не входила ни в какой административный район, а центром нашего был город союзного подчинения Ленинск. Я думаю печать с соответствующей надписью тоже у кого-то хранилась. Кармакчинский район официально не относился к местам с тяжелыми климатическими условиями. Доходило до маразма, две площадки, находившиеся на расстоянии трех километров имели разные льготы: на одной год шел за полтора и это порождало лицемерие и двуличие, все "как коммунисты" не "могли быть в стороне" и просили их туда перевести. В конце концов власть сдалась и объявила район зоной стихийного бедствия. Все вопросы решали из Москвы, люди там никогда не бывавшие. Я быстро смекнул, что казахи, как и прочие граждане СССР, никаких прав не имеют и ограничены в передвижениях. Я мог позволить отдельным избранным семьям кочевать вокруг воинских частей, что давало им неоспоримые преимущества. С воинскими частями велся интенсивный обмен. Ценился брезент. Как-то с заправщика-цистерны с жидким кислородом скрали прорезиненный тент, нашли на юрте. Колеса для "ЗИЛов" и масло шли на машины совхозных бастыков. Солдаты тащили всевозможные предметы вещевого довольствия. Можно было видеть казашку, одетую в телогрейку с протравленной известкой надписью на спине "шестая рота". На почве обмена доходило и до злоупотреблений, вместо говяжьей тушенки неискушенным кочевникам подсовывали аналогичные по весу и внешнему виду консервы "щи-борщи". Казахи оберегали незаконно добытое имущество от моих набегов, закрывая его, даже ружья, в песок, подальше от юрты. Основным платежным средством у казахов была водка. Ценность последней особенно возросла в период "антиалкогольной" кампании, когда стали проводиться специальные рейды. Обычно водка хранилась в какой-нибудь мазанке на отшибе. Ящики прикрывала кошма, на которой возлежала какая-нибудь ветхая "апа", никаких иных функций по хозяйству она уже выполнять не могла, ей не доверяли даже внуков нянчить. Процесс обмена

протекал примерно следующим образом: Апа лежит на спине, со сложенными на груди руками, почти холодная.

- Апа, арак бар?

- Десять рублей, тебе много?

Апа из-под себя достает бутылку и лежит дальше. Когда вместо денег стали всучивать облигации, деньги брал сопровождающий. Все кочевники были прописаны в поселке Кармакчи, по улицам Абая, Кунанбаева, Момыш-Улы и Шевченко. Одна из них плавно перетекала в другие. Так как мазанки были построены в шахматном порядке, не зная казахского языка, разобраться было невозможно. Впервые, после покорителя Туркестана Перовского, я потребовал с местных документы, чем поверг всех в изумление. Казахам после войны никто толком не щемил. Любопытно, что их не ссылали. Казахстан и так был местом ссылки. Баев отправляли в города и там расстреливали. "Подбайков" (подкулачников, ред.) назначали председателями колхозов. Я даже видел пастуха с партбилетом. Подобная свобода - положить на власть, в тридцатые годы была невозможна. Даже во времена Сталина, паспортов у местных не было, куда казах убежит в пустыне? Колхозы у казахов были не производственными объединениями, как у нас, - что там производить - а сугубо территориальными. Свидетельства о рождении выдавались казахам при поступлении в школы. Там бедных детей пробовали приучить сидеть за столом, они конечно разбегались обратно в кочевья. Но свидетельства выдавали всем. Беспаспортных волокли в комендатуру, на гауптвахте их кормили свиной. На третий день правоверный, как миленький ел "шашка" с перловой кашей и, невиданное, впервые в жизни мыл полы. Если я еще скажу, что в полит массовое время они учили текст присяги и первые шесть статей устава внутренней службы, вы мне вообще не поверите. Не удивительно, что казахи живо интересовались не привезли ли родственники его паспорт и ясак.

Нужно понять, что ясак - это не взятка, а ритуал с похлопываниями и пожиманием рук. Чем больше ясак, тем выше начальник. Любимые ханы накладывали такие подати, что случалось, оставались без подданных по вине чрезмерного усердия подчиненных, те просто вымирали.

Искусству обращения с восточными людьми меня обучил подполковник Абельгазин Карин Абельгазинович начальник штаба полка, в последствии военный советник президента Назарбаева. Гонял он меня немилосердно, да еще приговаривал:

- Можешь еще сказать "блад нерусский", но к утру, чтобы было сделано.

Сейчас бы в ту среду, я бы им показал суверенитет, обложил бы такой данью - манаты бы несли мешками.

Меня боялись, на Востоке нет такого понятия, как уважение. На Востоке вообще нет ничего хорошего: долбанутая страна, долбанутые люди... Жить в песке, родиться и умереть на кошме, вы бы смогли?

Той, в простонародье, это тотальная обжираловка для мужиков, если пускать еще и баб, продуктов на всех не хватит. Водку пьют пиалами, нажираются, что свиньи. Вообще, пьяный казах, это нечто. Казахская кухня меня не прельщала, тот же бешбармак, мясо с шерстью, порезанное треугольником тесто, заправленное луком, все это сварено в котле сомнительной чистоты. Меня всегда неприятно удивляло восторженное отношение русских к восточной кухне. Даже после того, как их поперли с Востока, им все еще сладки все эти пилавы. Единственное, что я ел смело и с удовольствием, это баурсаки, простое тесто, сжаренное в кипящем сливочном масле. Можно есть сколько угодно и не брезгуя, мне их доставляли завернутыми в платок. Толпа

лежит, жрет это мясо с блюда, запивает араком. Самый крутой ритуал, когда достают баранью голову и начинают делить. Уважаемому гостю дают глаз. Прапорщик Козятинский, прежде чем заглотить глаз, выпил пиалу водки, это почти бутылка, потом запил его еще двумя, чтобы не вырвать. Так как отрыгивать водкой, непозволительная роскошь, прапорщик свалился как сноп. Когда проснулся - остались только мослы. Очень жалел, что проспал весь той. Культурная программа обычно состояла из козлодранья, это мероприятие было запрещено советской властью в тридцатые годы, но потом возродилось по недосмотру. Обычно всадники таскают освежеванного, выпотрошенного барана, победитель получает его в награду и варит вместе с пылью и конским потом. Просто, вымыть что-либо в пустыне - проблема, да и в голову никому не приходит.

Важнейшим фактором в деятельности колониальной администрации, является использование соплеменников на определенных должностях. Даже мои зверства меркли по сравнению с поведением начальника гарнизонной гауптвахты прапорщика Жанабаева Жакпека Комбаровича, в просторечии Жора. Прежде он служил в Чехословакии, где испортил зрение. "Там кругом деревья" - как он рассказывал в каптерке. Прапорщик был из рода чингизидов, чем очень гордился. Бил казахов камчой и приговаривал, когда мы ехали на машине: "Дави их черных". В смысле казахов простолюдинов - "черную кость". Его старший сын очень красивый, женился на русской - дочери полковника. Всего детей у него было человек восемь. Помню, как один, в классе шестом-седьмом, носил из машины в квартиру неподъемные ящики с тушенкой, пока "ата" пил чай. Не надорвался только из жадности. Роль толмача заслуживает отдельного разговора. Словарный запас кочевника весьма ограничен. Литературный язык существует разве что в городах. Казахское произношение также весьма простое, и изучить язык не составляет труда месяца за три. Но горе тому администратору, которому придет в голову подобная блажь, он будет осмеян каждым. Казахами всегда правили иноверцы. Хивинцы говорили по-узбекски, хорезмийцы и бухарцы - по-таджикски, каракиргизы - на уйгурском. Чокан Валиханов, хотя владел многими языками, изъяснялся по-русски. Его примеру следовало и советское байство, обучавшее своих детей в Кызыл-Ордынском пединституте имени Гоголя, на факультете - учитель русского языка и литературы. Там же за ясак-спирт, обучались и престарелые майоры со средним образованием, почему-то предпочитавшие факультет "учителей истории". Посещения института не требовалось, ясак доставляли два раза в год.

Кзыл-Орда - прежде именовалась форт Перовск.

Со времен покорения Туркестана сохранилась и система местных фортификаций. "Не стройте больше крепостей - стройте железные дороги" - учил Мольтке. Железнодорожная линия по ровной, как стол пустыне, была проложена серпантинном, в 1905 году ее строили англичане и получали за каждую версту. На крупных станциях Казалинск, Джусалы, Кызыл-Орда, стояли казачьи разъезды, оставившие после себя потомство казахов "урала" - белобрыхых, узкоглазых блондинов. Особенно это поражает в женской внешности. Станции были сложены из камня и имели стены под два метра толщиной с бойницами для стрельбы из винтовок. Сохранились даже клепанные водопроводные башни. Большинство разъездов ныне переведены на автоматику и брошены людьми. Как-то в ноябре меня высадили на разъезде Дермень-Тюбе, ловить дезертиров. На разъезде наставили товарников. Пойди, найди его там. У меня и в мыслях не было. Станционное здание казахи использовали как кошару для овец, пол по колено был усыпан кизьяками. Я жил там сутки, спал на блохастой кошме, смердящей,

какдохлый вокзальный бомж. Наконец решился разжечь печь, большую с чугунной дверцей и царскими орлами на ней. Перед этим я, скуки ради хотел выломать дверцу себе на память. Ее не топили года с 1917. Сжег бумагу, кизяк, наломал веток карагача. В трубе загудело, собрался народ, они думали пожар. Аксакалы изумленно цокали языками и шумно втягивали воздух носом. Им было удивительно, зачем выпускать тепло в железную бочку. Наконец один, с медалью за город Будапешт на чапане, произнес: "Я такое в войну видел". Казахов в нас удивляло многое, что спим на простынях, отгоняем мух ото рта рукой. Казахи, например, с пиалы сдувают мух губами. Есть даже пословица - Дурной, как русский, он мух руками отгоняет. Действительно, когдаходишь в юрту, можно прослыть за сумасшедшего, если начнешь отмахиваться от мух руками. Трудно сохранять спокойствие и сдувать мух с носа и рта. К утру мне окончательно надоело ловить дезертира, я хорошо знал российскую военную историю и сюжет картины Верещагина "Забытый". Сел в товарный поезд и вернулся на станцию. Пришел в часть, а там спрашивают: - Ты почему на службу не являешься, тебя уже ищут.

Единственным позитивным результатом экспедиции было то, что на разъезде я познакомился с Аминой - казашкой, и Бертой - оказашенной немкой. Работали они в разъездном магазине. Задача была одна - скупить в проезжающих поездах продукты питания, тогда в поездах толком не кормили. Узбеки затаривались в Москве и продавали в тридорога. Продавщицы обирали уже соотечественников. В пустыне шкала ценностей диктуется потребностью, в запас не возьмешь ничего, кроме риса, муки и сахара. На Востоке бытует пословица "Одного и того же верблюда можно купить и за одну монету и за сто". У речки, где есть дороги, верблюда можно было обменять на "Запорожца" - это машина с воздушным охлаждением очень хорошо показала себя в условиях пустыни. Казахи были абсолютно безразличны к достижениям нашей цивилизации, кроме, разве мотоциклов и телевизоров. Машины, кроме "Запорожца" или холодильники предмета вождения не составляли, а дача у казаха всегда с собой. В пустыне такого же верблюда можно было выменять на мясо рублей за триста. Особенность казахских кочевий - малое количество тягла, несколько вьючных верблюдов и несколько верховых коней. Остальные оставались полудикими и шли на мясо. Артезианская скважина на разъезде притягивала кочевников, поскольку была единственным источником питьевой воды. Сами казахи могут обходиться без воды - молочными продуктами, но нужно поить баранов. Начальник пожарной команды полка как-то повез в пустыню воду, менять у казахов на водку. Разбил машину о единственный столб. Меновая торговля велась бойко. Казахов в магазине удивляли белые халаты продавщиц, они думали, что это больница, куда попадали только редкие счастливицы. Что особенно нравилось продавщицам, так это то, что казахи с любой купюры не требовали сдачи. Деньги не имели для них номинальной стоимости. Господа офицеры покупали в магазине исключительно водку и вино, в основном узбекские портвейны "Агдам", "Талас", "Арак". Офицеров поражало в магазине обилие дефицитных промтоваров китайского и индийского производства, вроде вельвета в мелкий рубчик. К чему он казахам. На всех крупных разъездах существовали "толчки" - вещевые рынки, на которых жены офицеров продавали обмундирование и разные недоношенные вещи, которые скупали казахи. Особенно ценились ими офицерские сапоги и ватные брюки. Казахи, за непотребностью вывозили на "толчки" массу дефицитных книг на русском языке, например классиков выпуска тридцатых-сороковых годов. Также засиженный мухами хрусталь и ковры. Торговля осуществлялась без денег, путем обмена. Например шесть пар офицерского белья приравнялось к собранию

сочинений Пушкина, а за офицерские сапоги можно было выменять колесо к мотоциклу "Урал", (самый популярный транспорт среди прапорщиков). Там же в мазанке с подпертыми стенами и потолком находилась импровизированная чайхана, в которой подавали любые спиртные напитки, кроме чая. Когда прапорщик Коля "Борман" живым весом килограммов сто тридцать, плясал вприсядку, пол и потолок грозили провалиться.

- Амина, блядь, где ты?

Сама Амина тоже была не худая и в свободное время сожительствовала с рыжей Бертой.

Некоторые немцы - протестанты, а значит в душе безбожники, приняли мусульманские обычаи. В силу каких-то причин, они отбились от немецкой общины, опустили, стали носить казахскую одежду. Женщины Средней Азии в массе своей целомудренны и покорны. Казашку, зацепившую в юрте подолом котел, запросто могли и прибить.

По роду своих занятий мне приходилось сталкиваться и с асоциальным элементом. Единственной формой присутствия советской власти в округе были колхозные молочные фермы. Из Москвы перед Олимпиадой 1980г. и фестивалем молодежи, туда свезли массу тунядок. Они и "опущенные" немки должны были доить коров. Жили в юртах и вагончиках. На некоторых вагончиках было написано: "Награжу трипером, бесплатно". Температура внутри достигала 60 градусов, простыни были цвета такыра. Так что не удивительно, что в сорокаградусную жару "доярки" купались в чанах, где поили коров. Бабы сидят по глаза в мутной воде, коровы ревут, казахи поражаются. Ввиду отсутствия косметики и беспробудного пьянства бабы опускались моментально. Пили все подряд, но в основном курили анашу, благо зарослей сколько хочешь. Положил в тень и через 15-20 минут продукт готов. Пошла и мода, носить под солдатской панамой тампон смоченный в бензине и ацетоне. Именно там я заглянул в бездну человеческого падения. Поскольку всех казахов в округе они уже затрахали и наградили трипером, я поставлял им солдат для случки. Набивал грузовик самыми отчаянными, рискованными подцепить на "конец" ради минутного развлечения. За это они приносили мне ясак водкой, пить надоенное ими молоко брезговали все. Я даже толком не знаю, куда его девали. Дело не в гигиене. Для казахских коров после полыни и бумага была деликатесом. Молоко на заводах превращали в порошок, смешивали с привозным и так продавали. Иначе пить его было невозможно. Однажды две доярки выпили по кружке нитроокраски, мне с врачом пришлось выводить их из коматозного состояния.

Валерий Боборович (Устим)

Автобусами нас повезли в Хайфон. Это что-то около ста двадцати километров дороги. Пыльное разбитое шоссе было запружено колоннами техники. В одной из пробок нашим глазам предстала страшная картина, для меня первая из бесконечной серии "больших бедствий войны". На повороте, танк Т-54 занесло с полотна дороги, машина съехала в кювет и перевернулась. Сидевшие на броне люди, оказались вдавленными в мягкую болотистую почву и не погибли сразу. Теперь они жутко вопили, пока танк пытались оттянуть тросами. Тогда я еще не знал, что вьетнамцы попросту добивают искалеченных. Отсутствие инвалидов бросалось в глаза на улицах вьетнамских городов почти сразу же. Как ни как страна воевала к тому времени уже двадцать пять лет. В том же Гамбурге безрукие и безногие пятидесяти-шестидесятилетние мужчины попадались

на каждом шагу. Было видно, что это поколение воевало. Намного позднее, раненные на костылях не были редкостью в Тбилиси или Загребе. Прибывшие прежде товарищи рассеяли мое недоумение. Оказалось, что калек, если те не владели какими-либо полезными ремеслами, например, безногие обувщики или портные, или не имели хорошо подвешенного языка, чтобы их можно было использовать в пропагандистских целях - в госпиталях усыпляли. Хладнокровная жестокость азиатов является следствием всей их традиционной культуры, что странным образом проявилось даже в "ненасилии" Ганди. Все понимали, что его пресловутые голодовки, в защиту тех же неприкасаемых или против мусульманских погромов - есть не более чем обряд искупления. Диктатура династии Ганди была построена и долгое время оставалась незамеченной мировым общественным мнением, именно благодаря завесе из розовых лепестков. Почему эссесовцы носили на фуражках черепа, а не фиалки? Ведь никому не объяснишь, что традиция Totenkopf восходит к тюрбанным платкам венгерских гусаров, носивших на внутренней стороне головного убора этот символ христианского мученичества...

В сентябре 1969г. скончался Хо Ши Мин. В ходе своего визита в страну Косыгин предостерегал новое руководство страны против каких-либо военных авантур на Юге. Так выглядела диспозиция сторон накануне нашего появления в стране. Северный Вьетнам явно готовился к каким-то крупномасштабным боевым действиям.

Целью нашего прибытия во Вьетнам была деблокада гавани Хайфона - речного порта, расположенного в одном из рукавов Красной реки, милях в пятидесяти от моря. Весь речной фарватер был нашпигован американскими минами, сбрасывавшимися с самолетов. Наши сменные экипажи должны были выводить запертые таким образом суда. Действовать иначе американцы не осмеливались ввиду международно-правовых обязательств. В порт в ходе боевых действий поступали стратегические грузы: оружие, боеприпасы, техника "двойного применения", продовольствие. Как известно, помощь братскому вьетнамскому народу продвинулась вплоть до того, что на Кубани стали выращивать рис. Правда, сами вьетнамцы его не ели, для них закупали более удобоваримый. Впоследствии СРВ честно расплатилась за все военные долги вениками. Соблюдая законы ведения войны, американцы ограничивали цели своих бомбардировок вьетнамскими военными объектами. К моменту нашего прибытия, в Хайфоне были разрушены железнодорожный вокзал, нефтяная гавань, склады. При этом последствия бомбардировок, отнюдь не напоминали известные из кинохроники развалины Берлина. Никаких руин, буквально каждый кирпич был раздроблен на несколько осколков. На месте того же вокзала виднелась лишь небольшая куча мусора. Однако жилые районы оставались практически нетронутыми. Ковровые бомбардировки, о которых столько твердила советская пресса, не производились. Вообще, последующие события заставили меня усомниться в "агрессивности" американской политики во Вьетнаме.

Если судить даже по одним авианалетам, свидетелем которых я был, американцы воевали как-то "припадками" - исходя из каких-то своих далеко не военных расчетов. Бомбежки в начале июня 1970г. были первыми с ноября 1968г. Следующие самолеты появились только к новомуднему празднику 1972г. Все это время мы водили суда по заминированному фарватеру. В апреле 1972г. американцы вообще понизили в должности прежнего командующего ВВС во Вьетнаме, генерала Джона Лавелла за отдачу приказа о двадцати несанкционированных налетах на Северный Вьетнам во время крупнейшего коммунистического наступления! В ноябре налеты вновь прекратились, но в

декабре Ханой и Хайфон подвергают последним в этой войне бомбардировкам. В гавани Хайфона за все это время скопилось значительное количество судов под иностранными флагами. Одно какое-то "непонятное", кажется, сомалийское под Панамским флагом, два английских, пять "поляков", три "немца" из ГДР, два кубинских, масса китайских, одиннадцать наших, при чем только два "москаля" (из Ленинграда), остальные "родные" - из Черноморского морского пароходства (ЧМП). С воздуха иностранные суда были легко отличимы, крышки люков окрашивались в цвета национальных флагов. После возобновления боевых действий во время бомбежек порта, этим обстоятельством пользовались китайцы - известные провокаторы. На своем буксире они подходили под борт и открывали яростный огонь из счетверенных "максимов" по бомбардировщикам Б-52. Огонь снизу неминуемо вызывал ответный огонь сверху. Оставалось единственное средство, которому нас научили поляки. Билась "пожарная тревога", и из стволов под давлением восемь атмосфер, баркас начинали обдавать водой. У нас на баке находилась стационарная установка, создававшая давление в двенадцать атмосфер. Струя воды из нее не только разбивала стекла в рубке, но и выламывала двери, людей попросту смывало за борт. Причиной всеобщей ненависти моряков к китайцам, кроме тогдашних политических осложнений была и судьба экипажа польского "Конрада".

"Крышка люка" - имеется в виду крышка трюма (размером 15 на 8 метров) [Примечание публикатора]

Как-то китайцы провели в порт груженую снарядами барку. Как нам говорили, взрыватели американских неконтактных морских мин срабатывали на 17 источников информации о движении судна. Основными оставались, конечно, изменение магнитного поля и шум двигателей. Однако китайская барка была деревянной и приводилась в движение шестами. Ночью барку подогнали к причалу на место "Конрада", а польское судно вывели на рейд. К утру, разгруженную барку спрятали в камышах, а ее место занял "Конрад". Польское судно имело приличное водоизмещение и стояло в балласте, так что высота борта достигала метров четырнадцати. Утром американцы, располагавшие самой свежей разведывательной информацией, атаковали "Конрад". Пятерка "фантомов" обстреляла судно ракетами. Все они взорвались внутри корпуса. Во время налетов, мы занимали места на палубе, согласно пожарному расписанию, облаченные в каски и спасательные нагрудники. Надо отметить, что поляки, хотя и обучили нас приемам борьбы с китайцами, сами вели себя очень беспечно. "Никсон сказал, что ни одна бомба не упадет на польское судно", и они этому верили. Когда с палубы нашего "Дивногорска" я услышал глухие разрывы ракет - "бух-бух-бух", команда спала в каютах. Пожар быстро охватил все внутренние помещения. Огонь сорвал крышки люков и "Конрад" загорелся весь. Если бы поляков не застали врасплох, или они были трезвыми, то пробираясь коридорами на выход, они хотя бы накрылись одеялами, чтобы уменьшить действия огня. Ведь об этом знает каждый моряк. А так они выскочили, в чем мать родила, и все очень сильно обгорели. Сгорело семь человек. Рядом с "Конрадом" стояло китайское судно, оно имело водоизмещение тысяч пятнадцать тон и также находилось в балласте. Высота борта метров семнадцать. Обожженные поляки с руками, как на распятии, едва карабкались по почти отвесному трапу в надежде получить помощь, согласно всем морским законам. Однако китайские вахтенные не пустили несчастных на борт, и им довелось сползать вниз тем же порядком. Поляков подобрали "скорые", но в

больнице умерло еще семь человек, в том числе и мой знакомый весельчак-боцман. "Конрад" сгорел дотла, прогорели листы обшивки, поскручивало балки.

Прошло некоторое время, история, казалось, канула в Лету. Экипажи судов должны были сменять раз в году. Подоспел момент награждения "моряков-интернационалистов" вьетнамскими медалями "За дружбу народов". К этому времени интерклуб также разбомбили и вьетнамцы возвели временное сооружение из бамбуковых шестов, крытое пальмовыми листьями. Собралось нас довольно много: человек триста - наших, двести - китайцев, человек по шестьдесят-восемьдесят - кубинцев и немцев и всего сорок поляков. Как раз перед началом церемонии к нам подошла их делегация и сообщила, что они будут бить китайцев. Для них это было не так сложно, на польских судах отсутствовали помполиты. Характерно, что из моряков капиталистических стран, чьи суда так же стояли в порту, никто приглашен не был.

Столы были густо уставлены бутылками "столичной" и вьетнамской "Ламой" Качество местной водки оставляло желать лучшего. Сверху, в рюмке, плавало пятно сивухи, перед употреблением его надлежало поймать бумажкой и выбросить. И только затем, зажав свободной рукой нос - пить. Зато ячменное пиво было очень даже неплохим. Вскоре заиграла музыка, начались танцы, китайцы начали раздавать значки с изображением Председателя Мао. Взял один и я. Поляк швырнул китайский значок на пол: началась драка. Немецкие и кубинские помполиты тут же подняли своих людей из-за столов и вывели. наших подвела жадность. Дорвавшись до дармовой водки, они не могли действовать столь же быстро. Сквозь толпу к нам прорвался один из изрядно уже растерзанных поляков и закричал:

- Славяне! Что же вы смотрите!

Пользуясь превосходством в численности и живой массе, мы смели китайцев. Здание рухнуло на наши головы, и клубок из добрых шестисот человек набросился на немцев. Те, в который уже раз за свою историю, стали жертвами собственной пунктуальности. Их помполиты затеяли построение и начали пересчитывать людей. Оправившись от замешательства, немцы так же начали бить китайцев, поскольку те оставались единственными кого можно было отличить с первого взгляда. В драке я и потерял значок, о чем до сих пор очень жалею. Медаль - каким-то чудом сохранилась. Вьетнамцы очень быстро подогнали с десяток грузовиков с солдатами. Однако тем запретили вмешиваться в драку, они только растаскивали дерущихся. Одеты мы были во вьетнамскую форму, рубашку и штаны, но вместо войлочных тапочек, носили высокие американские ботинки. Шорты, как и высокие ботинки, служили отличительным признаком нас, европейцев: вьетнамцам бы и в голову не пришло носить нечто подобное. Они считали их признаком разложения, позвольте разве что нам, европейцам. За это они нас и презирали. Ботинком наступаешь на ногу вьетнамца и бьешь в лоб, вот и вся техника. Когда на помощь подоспели еще солдаты, мы прорвали кольцо и, взявшись за руки, с пением "Варяга", двинулись в порт. При этом оказалось, что у немцев существует какая-то своя песня на тот же мотив, а наша создана по принципу "слова народные, музыка тоже украдена". В порту мы разбросали шлагбаумы и будки с охраной и разбежались по судам. Подняли трапы и сидим, как в крепости, ждем, что будет. Наутро прибыл представитель торгпредства. Нас собрали в кают-компаниях. Выходят все с подбитыми глазами, с опухшими костяшками пальцев. "Попик" бегаёт вокруг представителя:

- Мои не дрались, мои не дрались...

А у самого уха наполовину оторвано. Представитель, как водится начал с

угроз. Обещания шли по ниспадающей, сначала "загнать в Магадан", затем "позакрывать визы" и, наконец - "дети ваши за границу ходить не будут". Когда долг был исполнен, огласили и мнение руководства: "А все-таки хорошо, что вы их..." Энтузиазм был полным: "Да, мы еще можем!"

Дмитро Корчинский

Бессмысленность этих убийств превосходит их уродливую жестокость. И все таки, почему нас так притягивает террор? Почему слова РАФ "Красные Бригады", "Сендеро Луминозо" воспринимаются как символы? Символами чего они являются? Какая истина видится в их поступках, тотальных как афоризмы, в их высказываниях, провоцирующих на поступки нас?

Вы думаете, что истина сияет божественным светом? Истина проявляется как позор, как смерть, как бессмыслица. Свидетельство этому - биография воплощенной истины. Дело не в том, что пытки, а в том, что наказание позорно. "Сын Божий распят - мне нестыдно потому, что это постыдно. И умер, и погребен -- это вполне возможно, так как не может быть. И тот, кого похоронили воскрес -- верю этому ибо это нелепо" (Тертуллиан).

Это для нас Воскресение праздник, а тогда это была нелепость.

Социализм действительно мог построить, только новый человек. Человек, который выжил в революции и войне, то есть прошел через множество повторяющихся движений, смысла которых он не понимал, через ряд ударов по печени, ударов по сознанию неизвестно откуда, через воплощение иррациональных лозунгов, через воплощение именно тех лозунгов, которые были наименее рациональными, прошел через все это, как через обряд, в котором разрушился и предыдущий мир, и предыдущее сознание и этим самым была освобождена дорога чистой воле. "В пустыне приготовь пути Господу".

Смысл обряда именно в том, что он длительный (повторяющийся) и непонятный, бессмысленный, что он ставит себя вне старых понятий, старого смысла, что он освобождает место для чистой воли извне. Чайная церемония делает самурая, а не фехтование.

Пехотинца делает строевая, а не стрельбы. Чтобы, стать буддистом, недостаточно знакомства с большой и малой колесницами. Нужно лет десять покрутить молитвенный барабан.

Обрядовым действиям можно приписывать тот или иной смысл, но сознательные действия, которыми вначале является любой обряд, собственно обрядом становятся тогда, когда они механизмируются, когда человек ограничивается предположением, что, возможно, некоторый смысл все же есть. И чем больше механичности, тем меньше смысла, тем более это обряд.

Жизнь может восприниматься как обряд только при наличии предварительного знакомства с обрядом. Смысл обряда состоит в том, что бы жизнь начала восприниматься как обряд.

Вера требует обряда. И это значит: имеешь то, что веришь. Не "во что веришь", а "что веришь". Вера - не акт восприятия, не акт простого отношения, но акт творения. Истину не познают, истину создают.

Представьте себя в Западной Германии начала семидесятых. В голове у вас тотальность, а вокруг - миллионы, которым безразлично, свиньи, которых не интересуют ни вы, ни ваши иллюзии красной армии. И вы единственный человек среди свиней, вы видите только свиней день, месяц, год, двадцать лет вы ходите среди свиней, последние люди погибли в 45-ом, следующие появятся лет через тридцать и вы их не увидите, есть свиньи и свинячье дерьмо в качестве

предмета и формы искусства, она же как накопление капитала и политический процесс. Естественно, вы возьмете бомбу и потащите ее в универмаг. Вы будете апеллировать к сатане.

Бог создал все. Сатана сделал все это занимательным.

Полковник Боровец. ГОРОД

Назарбаеву не составляет труда управлять двумя третями Казахстана, с кочевниками никаких проблем не бывает. Хуже со славянским населением целинных земель. Индустрия на севере Казахстана вышла из "зон". Директорами шахт в карагандинском угольном бассейне, до конца пятидесятых годов были расконвоированные з-к. При Сталине в совхозы, колхозы на предприятия АЛЖИРа просто не давала техники, "Машина ОСО - две ручки одно колесо и будешь гонять до полной победы социализма в отдельно взятой стране". Управлял всей этой империей какой-нибудь подполковник. Целина спасла Россию от революции в 50-х годах. Избыточное население из сел согнали туда. При неразвитости инфраструктуры в тогдашних городах, безработица началась на несколько десятилетий позже. Это была одна из самых удачных авантюр партии. Увы, все запустили при Брежневе. Тот начал урбанизацию, Сталин запрещал жилищное строительство, возникающие проблемы решались путем "уплотнения", Иосиф Виссарионович явно не был марксистом, его деятельность выдает приверженность к физиократам Сею и Мальтусу. Промышленность, как это видно на примере СССР, не создает никакой прибавочной стоимости, лишь перераспределяет. Только энергия Солнца и природное плодородие почв, производят продукты питания. Пока СССР был аграрной страной, он был непобедим. Города монополизировали и культивируют разве что ненависть к производительному труду и печатание денег. Коварные горожане соблазнили малых сих, за энергоносители выманивают у крестьян, как у индейцев за бусы, продукты питания. А кто вертит эти турбины? Кто их строил? Те же крестьяне-рабы. Прежде в село продавали разве что иконы и водку. Социализм на селе был ликвидирован задолго до "перестройки", когда Косыгин, вместо абстрактных трудодней, ввел товарно-денежные отношения. Великим борцом за аграризацию общества, показал себя Пол Пот. Избежать урбанизации возможно только путем непроизводительных расходов, строить кумирни или мостить дороги камнем, а потом перекладывать дорожное покрытие другой стороной. Когда англичане колонизовали Индию, они поняли, что колонизовать афганцев, отрицающих производительный труд не удастся. Их и оставили в покое до 1979 года. Казахи это понимали, они пасли баранов, узбеки же - нет, они рыли арыки..

Центром полигона была станция Тюратам, от нее веером расходились железнодорожные линии к площадкам. По ним мотовозами осуществлялись перевозки офицеров личного состава, техники. В целях маскировки, никакого строительства на станции не производилось, кроме современного шикарного здания вокзала. Город от станции находился метрах в трехстах и был огорожен колючей проволокой. С КПП ходил автобус. Метрах в ста от вокзала, на пути к городу стояла чайхана дяди Саши. Даже сейчас, вспоминая, как она выглядела, я вздрагиваю. Мазанка из шпал, во дворе ряд столов, забор из ящиков с надписями вроде 15А13. Происхождение баранины было весьма сомнительным, особенно, когда рядом бегал пес без ноги. Аборигены даже на Севере никогда не спешили избавиться от собаки, если у нее были две передние лапы и одна задняя, если наоборот - вешали. Подавали шашлыки на обрывках газет. Водку, дядя Саша - сам узбек, покупал у корейцев. Уже тогда это была частная

лавочка. Мы захаживали в чайхану после дежурства. Антисанитария была ужасной, нужду справляли по углам. Смерд, вонь, в той же яме валялись внутренности разделанных животных, зеленые мухи размером со шмеля летали лениво. Дочка дяди Саши была одноглазая и выглядела страшнее смертного греха. Папа обещал тому офицеру, который рискнет на ней жениться, в приданое машину.

Своих начальников, выбиравшихся в органы местной власти все знали в лицо. Никому не приходило в голову кого-то вычеркивать. Они решали конкретные вопросы. Когда генерал Галкин, зам. начальника полигона пришел на встречу с избирателями, ему устроили овацию минут на пятнадцать. Знали, что район, от которого его выдвигали будет жить без особых социально-бытовых проблем.

Так как казахи не могли селиться в городе, они расселились вокруг станции. Поселок служил местом самой разнообразной преступной деятельности. Строители продавали ворованные материалы. Это надо было видеть, полное отсутствие деревьев на улицах, дувалы, через которые выглядывают верблюды и за которыми блеют овцы, шатающиеся строители с унитазами на горбу. Излишне любопытному запросто могли набить морду. Ворованное перепродавалось дальше, как уже упоминалось, основным платежным средством служила водка.

Центр города был застроен в 1955 г. в господствовавшем тогда архитектурном стиле сталинского ампира. Четырехугольник: гостиница, штаб полигона, универмаг, дом офицеров, вокруг пятиэтажки. За площадью был разбит парк имени 30-летия Победы. Заросли тугаев и камыша, проросшего сквозь асфальтированные дорожки. Там даже пить было противно. В районе, где проживала генералей, парк с березами и соснами. Еще один шикарный парк, даже с травой имелся в госпитале. Как-то на нашу площадку шефы - днепропетровцы вместе с ракетами привезли вагон чернозема для благоустройства. Додумались. Прапорщички мешками растаскали по огородам.

На площади проводились парады и демонстрации. Вы когда-нибудь видели парад боевых частей? Командование полигона не могло собрать состав парадных расчетов с полигона и доверяло подготовку командирам частей, те передоверяли зам. командиров. Готовить парады было их основной обязанностью. Состав парадных расчетов менялся каждый день. Нужно было набрать коробку из ста офицеров, свободных от службы. Тех не хватало, поэтому одевали на прапорщиков капитанские и майорские формы. Так же размеры плацев в частях не совпадали.

Вся эта банда 5 ноября появлялась в Ленинске на генеральную репетицию. Поглядеть на это несусветное зрелище собирался и стар и млад. Описать увиденное невозможно. Над городом стоял мегафонный мат. Каждый командир вел свою коробку. Я возил знамя части в машине, командир доверял мне, чтобы не украли ордена. Распускать на обед боялись. Рядом находились магазины. Как-то совершили такую ошибку и половина перепилась, а другая половина разбежалась. Часов через пять неустанного труда, очередность уже не путалась. Шли нестройными рядами, под барабан, некоторые не в ногу. Всех тешило, когда шли офицеры военно-строительных частей, немые локоны из-под засаленных фуражек лежали на воротниках шинелей.

- Вы бы хоть раз в году постриглись.

Оркестром руководил майор, дослужившийся до старшего лейтенанта. Он был выпускником дирижерского факультета, даже писал какую-то увертюру, но, будучи непонятым, москвич спился. Все относились к нему с сочувствием, не дать человеку опохмелиться, считалось на полигоне страшным грехом. Утром на

разводе, сердобольный командир, видя мучения некоторых, цедил сквозь зубы:

- Пойди к начальнику тыла! Или: Пусть Кожанов тебя примет.

А бедному дирижеру похмелится не давали дня три перед парадом. По сторонам с подозрительным видом, что бы не подносили, стояли два политработника. На парад все брали с собой спиртное во флягах. В ожидании прохождения над толпой стоял сигаретный дым и винный дух. Дирижер в куцей шинельке, синий, трясущийся, но не от холода, выглядел жалобно. Из толпы доносились сочувственные голоса:

- Пашка, сыграй им сукам.

Пашка дирижировал, не обращая внимания на происходящее. Доведенный до его сведения сценарий неизменно нарушался так, что моряки шли под "Все выше, и выше, и выше... ", а летчики под "Гибель варяга".

После парада начинали двигаться демонстранты Предприятия ракетного комплекса, чтобы ввести империалистов в заблуждение были замаскированы под "народно-хозяйственные", молокозавод, кирпичный завод, льнокомбинат. Несли плакаты с соответствующими призывами, все знали друг друга, поэтому угорали со смеха. При прохождении "военторг" напивался в дымину, некоторых тащили под руки. В ожидании очереди все пили. Военторг еще нагло закусывал дефицитными колбасами, вызывая всеобщую ненависть и презрение трудящихся. Народ пил за очередную годовщину советской власти, поэтому замполиты их не трогали, боялись нарваться на грубость. Бывшие на параде первым делом спешили присоединиться к семьям и пройти еще раз. Никакого принуждения не было, каждый хотел повстречаться со знакомыми "весело провести время". Самое смешное, что на трибунах стояли такие же сизоносые. Только от них шел легкий коньячный дух.

То же самое наблюдалось и на выборах. Тогда власть относилась к ним серьезно. Как-то в нашем доме потекла труба, бабы залупились:

- Не пойдем на выборы.

Сразу починили. В другой раз командир полка поехал с водителем на рыбалку. При подсчете голосов обнаружили, что одного солдата не хватает. Хватились, командира по заднице мешалкой выгнали. Правда, организовано все было дубово. Утром вместо подъема включалась музыка. В день выборов агитация запрещалась. Этой формальности строго придерживались. Никто не заставлял идти на выборы. Накануне всех "губарей" выпускали с гауптвахты. Вел их в баню не кто иной, как начальник гауптвахты Жора Жанабаев. Как отец родной, даже без автоматчика, запросто курил с ними. Солдат распирало от гордости и осознания своей человеческой значимости. Утром могли нагло, не заправив постель пройти мимо старшины, не замечая того. Некоторые оборзевшие, демонстративно не отдавали честь даже патрулю. Начальники должны были терпеть, скрипя зубами. Задержать нельзя было ни одного солдата, день считался торжеством советской демократии. И рядовые демократы торжествовали. Выборы начинались в шесть утра с громаднейшей давки перед клубом. Упорно циркулировал слух, что фотографию первого проголосовавшего напечатают в газете и счастливчику даже дадут отпуск. Хотя таких обычно фотографировали накануне вечером. Газета-то выходила утром.

Город был привязан к двум вещам: реке Сыр-Дарья, которая значительно обмелела за последние десятилетия и советской хозяйственной системе, которая могла зарывать деньги в песок. Сейчас только седьмой микрорайон и аэропорт "Крайний", являются базами России. Эта тридцатилетняя аренда спасла город от окончательного разрушения. Наша 38-я площадка курировалась лично генерал-полковником Яшиным, зам. главкома РВСН. Под конец существования СССР

она стала объектом неясного циклопического строительства. Навезли камня, разбили площадь, соорудили два огромных мраморных фонтана, один назывался "Черномор", другой - "Воевода". Возвели двухэтажные бараки. Это была страшная государственная тайна. Я подозревал, что строили шикарный генеральский бордель. Ленинск их уже не устраивал, хотелось экзотики. Присутствие космической индустрии в городе ничем не ощущалось, разве что на въезде стоял фаллический символ - макет ракеты в натуральную величину, заменявший обычные изображения Ленина в виде финикийского божества Ваала. Была в Ленинске одна женщина легких нравов, заведующая космической гостиницей. Путалась со всеми космонавтами. Тем до полета запрещали иметь дело с женщинами, но они как-то умудрялись. Из всех ей понравился, разве что Титов Герман Иванович, тот сумел отодрать ее, как до, так и после полета. Из чего заведующая сделала вполне практический вывод, нечего мужикам соваться в космос.

Как-то командир захотел выслужиться и показать казарму. Ее ремонтировали месяц, день и ночь, собрали все кондиционеры, белье, кровати с деревянными спинками. Прапорщикам - старшинам пошили новую форму, душили матрасы одеколоном "Шипр". Показуха была дичайшая. Солдат туда не пускали, они жили на стрельбище. Командир подразделения тоже втайне надеялся получить подполковника досрочно. Но жестоко ошибся. Генерал сказал, как отрезал: - Полковник, меня последние тридцать лет от солдатских портянок что-то тошнит.

Приезжал зам главкома на полигон, как контрик, без свиты, за ним молча ходили всего два полковника. Он примкнул к ГКЧП и тайна площадки была погребена навеки. Солдаты засрели фонтаны. Считалось, что строить туалеты в пустыне - признак дурного тона. Вскоре, руины кто-то поджег, как водится, спихнули на строителей. Наверное, так же строили и пирамиды. Солдаты ходили оправляться за бархан. Для офицеров был построен дощатый туалет. Специально для Устинова возвели кирпичный туалет с синим унитазом из итальянского фаянса. Только часового забыли поставить. Прапорщики тут же скрутили унитаз и зарыли в песок, потом обменяли на водку. Видел я этот унитаз в одной из квартир Ленинска.

Казахи занимали в городе нишу обслуживающего персонала, тогда это было выгодно. А когда все это повалилось, представьте себе казаха-сантехника, только часть счастливиц продолжила сотрудничество с колониальной администрацией. В Ленинске осталось пять тысяч жителей, поэтому особо воровать не получалось. Первоначальное состояние навязчивого нищенства также отпало, прежде, казахи получали рублей по 70, но на мусорках они собирали старые сапоги со стертymi подошвами, шинели, фуфайки и продавали их кочующей родне. Проблема стертых подошв решалась там, что казахи носили калоши. Также казахи собирали бутылки, бутылки принимались только у соплеменников, для белых - "не было тары". У некоторых офицеров скопилось в лоджиях по паре тысяч бутылок, так как выбрасывать их они ленились. Мусор выносили один раз в четыре дня, если положить в ведро бутылки, мусор уже не помещался. В общежитиях офицеры просто выставляли бутылки за дверь. Казашки дрались за место уборщиц в общежитиях. При том, что белые с ними, по причине раннего выхода замуж и отсутствия товарного вида, не сожительствовали. Я знал только одного офицера, разведшегося с женой и женившегося на казашке. За три года она родила ему пять детей. Он отупел до такой степени, что его не назначили даже начхимом полка. Хотя был нормальный парень.

Банки, однако, казахи не собирали, не видя в них товарной ценности.

Открыл эту жилу один грек. Следующую жилу открыли государственные преступники, начавшие продавать кабеля корейцам. Был у нас начальник штаба полка, кличка "Слива", в его распоряжении была заброшенная шахта - 141 площадка. Сначала там была бахча. На площадке испытывали пироболты и он на этом поднялся. Жены из экономии он не заводил, у него не было даже гражданской одежды. Когда прибыли иностранцы и всем приказали прибыть в гражданском, он явился в рубашке без погон и форменных брюках, командир полка орал:

- Тебе что, тридцатку дать, чтоб ты себе штаны купил.

Жил за пайковые на 20 рублей в месяц.

Когда было трудно с финансами, он ходил в наряд через день, ел на кухне. Наряды продавались прапорщиками не хотевшими идти на кухню. Все собранные им за жизнь деньги, сожрала инфляция.

В городе процентов 20 брошенных баб жило с "прапоров". Потом начали гнать самогон. К нам в комитет прибыла даже делегация "жен космодрома".

В некоторых домах казахи зимой жгли костры, теперь они стоят, как в Сталинграде. В городе и тогда все чувствовали себя временщиками. Казахи откручивали даже колеса от детских колясок.

Валерий Боборович (Устим)

После каждой бомбежки экипажи вели дружеские переговоры - переключку по радио на предмет возможных повреждений. Среди судов своей фальштрубой внушительных размеров выделялся "Бабушкин". Ленинградцы к нему так и обращались: "Эй, ты, с вядром на трубе". Вообще-то, только попав на Север, я понял, что мой язык, известное средство межнационального общения, отнюдь не является русским, за каковой я его принимал по недостатку лингвистической практики. Нас "хохлов" узнавали везде и сразу. Даже во вьетнамском ресторане. В Хайфоне был единственный ресторан для иностранцев. Ситуация чем-то напоминала Мурманск, времен Второй Мировой войны, когда туда приходили союзнические конвои. С той существенной разницей, что дети не толпились у входа, выпрашивая хлеба, а в зале полностью отсутствовали женщины, предлагающие свои услуги. При этом снабжение населения оставляло желать лучшего. Продуктовый паек состоял из нешлифованного риса и рыбного соуса. Соус изготовлялся сбраживанием рыбных отходов и смердел, как всякая гнилая рыба. Там, где этому не мешали потребности производства, вьетнамцы спали по 14 часов в сутки, чтобы заглушить голод и сохранить силы. Отличительной чертой вьетнамского характера я бы мог назвать отсутствие индивидуализма, преобладание коллективистского начала. Немного понимая язык, можно было заметить, что слово "Вьетнам", даже в обыденных разговорах, повторяется очень и очень часто. Станным образом коллективизм уживался во вьетнамцах с предприимчивостью. Закаленные испытаниями, они проявляли настойчивость в достижении любых целей. Увидев у вас в руках доллар или даже донг, вьетнамец мог пройти следом не один километр и все равно заполучить его. Вьетнамцы использовали нас, но не доверяли. Вообще, на Востоке принято считать белых людей хитрыми, коварными, по сравнению с простодушными азиатами. Говорили о слежке, лично я, за незначительностью собственной персоны ее не ощущал, но генерала Лавриненко "опекали" в открытую. Польский дипломат Ян Балицкий рассказывал такую историю. Когда, еще в 1956 г., он, проездом в Лаос, высадился в аэропорту Сайгона, ему, несмотря на наличие дипломатического паспорта, было предложено заполнить многостраничную анкету.

Балицкий клялся, что ничего подобно, ни до, ни после, ему читать не доводилось. В анкете, на безупречном французском языке задавалось множество вопросов не только касательно самого дипломата, но и его жены, а так же нескольких поколений предков. Вопросы касались образования, начиная со школы, всех прежних мест работы, всех случаев пребывания за границей... и девичьих фамилий всех прабабок его и жены. Ознакомившись с анкетой, Балицкий старательно вписал в каждую рубрику стереотипный ответ "Not your business". Чиновник сайгонской администрации принял документ, взглянул на него, оскалил зубы в улыбке и поставил печать.

Северный Вьетнам на словах, исповедуя идеологию интернационализма, был верен учению Хо Ши Мина, яркого националиста, в расовом отношении не делавшего исключения даже для французов. Хотя еще в период моего пребывания образованные вьетнамцы вполне сносно изъяснялись по-французски. После многолетних скитаний по всевозможным странам третьего мира, у меня сложилось впечатление, что именно французы были наиболее гуманными из колонизаторов. Вместе с тем, они активно насаждали собственную культуру, приобщая таким образом, наиболее просвещенных туземцев к метрополии. Католическая церковь вела активную миссионерскую деятельность. Англичане достигли на данном поприще скорее обратных результатов. В девяностые годы нашего столетия архиепископом кентерберийским стал пакистанец, а следующим, вероятно, станет зулус. Женщин-мусульманок охотно вербуют на корабли Royal Navy, где для них создана даже специальная форма, по образцу индонезийской, со спортивным костюмом вместо купальника. К слову, о равноправии полов на военной службе. Только во французской армии женщины-офицеры с парадной формой (юбкой) наряду с сумочкой носят палаш. Бы ввел для них ножницы Далилы.

Но, даже понимая по-французски, познакомиться с местной женщиной было практически невозможно. На сей счет действовало драконовское постановление: уличенных в связи с иностранцем и прелюбодеянии, отправляли на исправительные работы, а если муж в момент совершения преступления находился на фронте, то жену совершенно свободно могли и расстрелять. Поэтому ресторан изо дня в день заполнялся исключительно мужской компанией. Это было неправдоподобное зрелище, особенно когда вьетнамский оркестр наяривал "тыз мене пидманула, тыз мене пидвела". На национальном уровне, сексуальные проблемы в воюющей стране были решены успешно. Офицерам северо-вьетнамской армии, кроме основной семьи, разрешалось заводить сожительницу по месту прохождения службы. Выбор кандидаток производился местными властями, без учета их прежнего семейного положения. Сравнивая вьетнамский опыт с китайским, можно признать, что маоистское руководство погорячилось с отменой многоженства, по крайней мере, в армии. Проживать в гарнизонах разрешается только семьям офицеров в ранге от полковника и выше, а продолжительность отпуска офицера НОАК всего 10 суток в год - чтобы не разлагались. Но все равно, один старший полковник на досуге умудрился даже слепить самый большой в мире чайник. Я видел фото.

"Десять лет войны минуют, как один взмах ресниц". Хо Ши Мин явно польстил женской части населения Вьетнама. В своих серых и темно-синих спецовках, с неизменными велосипедами аннамитки, вызывали скорее сочувствие. Можно было наблюдать, как женщина идет на работу и везет в тачке совершенно здорового мужа. Пока она работает на рисовом поле, тот сидит где-нибудь в теничке, а в перерывах она еще успевает поить его чаем. Вечером везет домой. Почему, спрашивается, не бросает? Мужика при всеобщем военном дефиците тут же подберет другая, более расторопная баба. Их эмансипированные соплеменницы

в Южном Вьетнаме в это время щеголяли в пестром тайваньском и гонконгском тряпье, разъезжали на мотороллерах и были куда доступнее. Если верить американской пропаганде к 1972 г. распространение венерических заболеваний достигло 700 случаев на 1000 проституток. В годы войны с "вьетминем" сотрудницы общественной службы французской армии, призванные охранять нравственность экспедиционного корпуса, навещали всех "нга-ке призывного возраста" (туземок, годящихся в сожительницы) и проводили с ними беседы о нравственности. Только сенегальцы могли позволить себе увозить в Африку всех детей от разных мамаш, которыми они обзаводились во Вьетнаме. Единственной сферой, где неформальное общение полов было еще возможным, оставались общественные туалеты. Когда в Хайфоне, я впервые присел над знакомой с детства дыркой, вошла вьетнамка, поклонилась мне и пристроилась рядом. Я опрометью выскочил наружу, но никаких пояснительных надписей или знаков не обнаружил. Тогда во Вьетнаме не было принято разделять "места общего пользования" на мужские, женские и для начальства. То же самое наблюдалось и в Корее или в Китае. В суровые годы "культурной революции" даже расстегнутая пуговка на блузке могла послужить надежным указателем на род занятий владелицы блузки. Увы, подобный пароль для Вьетнама был мне неизвестен. Тем не менее, во Вьетнаме я почувствовал себя человеком не только антропологически, когда с высоты моих ста шестидесяти пяти сантиметров был на голову выше всей базарной толпы, но и в финансовом отношении. Я получал в день восемь донгов, а бутылка "столичной" стоила четыре. Каждое утро к борту нашего теплохода, на мотороллере подъезжал рассыльный - "ходя" из ресторана - и начинал пронзительно кричать:

- Товалися, у меня все есть!

Мотороллер был оборудован холодильником, так что водка и закуски приятно освежали даже в самую лютую жару.

Если верить очевидцам, Индия, когда я прел в Индокитае, выглядела как и во времена Афанасия Никитина - благословенной страной, истекающей молоком и медом. В Калькутте вечерами все население города высыпало на улицы и крыши домов, чтобы поспать, наслаждаясь ночной прохладой. Проехать по улицам было возможно только на велосипедах. В жару мясо на базарных лотках не гнило, а вялилось живо, благодаря отсутствию насекомых и высокой температуре воздуха, которую эти самые насекомые не выносили. Очевидцы при этом, имели наглость утверждать, что во Вьетнаме так же нет комаров. Да и купить в Индии, по сравнению с Вьетнамом, было что. Известен старый анекдот: как-то, в годы товарного голода Индира Ганди, находясь с визитом в Москве, обратила внимание на толпу у одного из магазинов. Переводчик, не долго думая, брякнул правду:

- Босоножки выбросили.

- У нас такие тоже выбрасывают. - Ответила Индира. Низкие цены индийских базаров сыграли с моим приятелем злую шутку. Уезжая, он накупил штук семь костюмов. Они выглядели вполне прилично, но, попав под дождь, подобно Туринской плащанице покрывались синими пятнами по контуру тела и начинали издавать приторный запах благовоний. Это была погребальная одежда.

Дмитро Корчинский

Любое общество репрессивно. Не репрессии обеспечивают стабильность, стабильность сама отрезает головы высоким. Совершенная стабильность - на кладбище. Репрессивный аппарат Сталина был меньше брежневского, и на порядок

меньше, чем сегодняшний. Десяток эсесовцев держали в подчинении многотысячные концентрационные лагеря. Заключенные сами поддерживали порядок в бараках, охраняли себя сами, надзирали на работах и добровольно шли в газовые камеры.

Так функционирует общество. Не электрические мельницы перемалывают кости репрессированным, а отчужденные формы.

В жилах культуры циркулирует кровь, которая вылилась из трупов адептов. Мы и после победы останемся в подвалах. Раз в месяц мы будем делать набеги на Кабмин или на райпотребкооперацию, чтобы переверачивать там мебель, жечь бумаги ставни, председателя нацбанка лицом к стене и строго спрашивать: "Почему ж ты сука, в танке не сгорел?"

Спильнота должна общаться с большинством через полюдые. Полюдые - единственно возможная форма налогообложения без посредничества бюрократии, без продуцирования отчужденных форм. "И не выручит нечестие нечестивца".

Мы будем украшать города не строениями, а руинами. Микеланджело учит нас уничтожать лишнее. Городские ансамбли выиграны, освободившись от новостроек.

Полковник Боровец. КТО ТАКОЙ МЕНГИСТУ ХАЙЛЕ МИРИАМ?

- Старшина из роты зенитчиков. Все прапорщики брезговали ходить в офицерскую столовую. Ели в солдатской за одним столом. Только Жанабаев и Кравцов из финчасти - умнейший мужик - питались в офицерской столовой и ходили в форме. Остальные матерые, звероподобные прапорщики, с лоснящимися небритыми щеками, заплывшими красными глазами (прапорщики тыла), в засаленных на пузе и на спине кителях в приплюснутых от сна фуражках. Их не допускали ни на какие смотры или проверки, оставляли сидеть дома.

На стадионе сдавали тактику. Проверяющий подал команду "ложись".

Прапорщик Рязанцев, кличка "Борман", лег на спину, положил автомат на живот.

- Вы что не знаете, как выполняется команда "ложись".

- Я всегда так ложусь.

Все прапорщики заканчивали в Ленинске техникум связи, даже один таджик, он был начальником банно-прачечного комбината, продавал простыни. Едут на службу мотовозом, играют в кости на деньги, выигранное по копейке, пускают на выпивку в Тюратаме, другой формы общения между собой они не признавали.

Служба начиналась с рысканья, чтобы еще продать. Когда ничего нет, начинали склонять начальника вещевого склада продать танковую куртку, они шли за два литра спирта. Тут же находили покупателя и того, кто тайком запишет эту куртку на своего командира. Например, я, как командир роты, обнаруживаю, что не хватает 50 простыней или 70 шинелей. Мы пишем на лопуха-майора, начальника узла связи. Смотрим, когда сверка проводилась, если два месяца не проводилась, сосед на тебя навесит. Пишем на лопуха, 70 мне - 30 прапорщику.

Когда майор переводился в Москву, на нем столько висело, ну не дали ему 2

оклада, сняли за нерадивость, он поплакал и в Москву не переведешь - это

накликать на себя беду-проверку. Списали. Один из прапорщиков приспособился обкрадывать узбеков. У тех считалось престижным воровать танковые куртки, отсылать их на родину и там щеголять. Наш прапорщик похищал куртки из посылок. Подкладывал вместо них старые телогрейки и так отправлял.

Продолжалось это года три, прежде чем узбеки очередного призыва раскусили трюк.

Прапорщик Стебунов проспал, опоздал на мотовоз. Нужно было добираться на попутных - 40 км. На дороге его догнал своей машиной командир части вместе с зам. политом и начальником штаба

- Пьянь несусветная, приедешь в часть, я с тобой разберусь. Готовься на суд чести.

А суды чести у нас проводили с регулярностью шариатских - по пятницам, чтобы только тринадцатую зарплату не платить.

С перепугу прапорщик вцепился в запасное колесо на задку "УАЗика", уперся ногами и так доехал до штаба. Спрыгнул, обошел сзади и стал в строй.

Уже начинался развод. Подошел командир.

- Капитан Кобелев, ко мне! Где ваш прапорщик Стебунов?

- В строю.

- Как в строю, где? Что вы мне голову морочите.

- Вон стоит.

У командира отвисла челюсть.

- Где вы были товарищ прапорщик?

- Здесь был.

- Как вы приехали?

- Мотовозом.

Все прапорщики клятвенно подтвердили, что ехали вместе со Стебуновым и играли с ним в карты. Эта коллективная галлюцинация так и осталась для начальства неразгаданной, хотя командир, зам. полит и начальник штаба по очереди вызывали Стебунова и все допытывались.

- Так это ты был на дороге?

ГРАНИЦА.

Я вступил в контакт с Коммунистической партией Китая еще в 1976 г. Наш преподаватель марксизма-ленинизма в училище собрал вокруг себя несколько человек курсантов. Тогдашняя трактовка коммунистической идеологии казалась нам ревизионистской. Один из корейских товарищей, обучавшихся в училище, оказался китайцем. Нам стали доставлять пропагандистскую литературу.

Цитатники, специальные выпуски газет на русском языке. Антисоветская литература маоистского толка, это вам не журнал "Посев". Замаскировать ее ввиду схожести терминологии, ничего не стоило. Книги были украшены портретами классиков и имели реквизиты издания Москва "Политиздат". Я давал некоторым почитать - читали. Политическая неграмотность наших людей не позволяла заметить подвох. Это после событий 1993 г. корейская сторона изготовила для КПСС партбилеты с портретом Ким Ир Сена на обложке. Правда, грамматических ошибок было море, какую букву в том или ином слове китайцы не выговаривали, ту и не писали. В Китае к тому времени перебили русских эмигрантов, понадеялись на своих студентов - теологов.

Свою деятельность мы продолжили и по окончании училища - в войсках. В карауле слушали "Радио Пекина" или "Голос свободной Азии". На полигоне это не составляло проблемы, кидаешь антенну на периметр, приемник берет очень хорошо. Никаких шпионских сведений с нас не требовали, мы вели только пропаганду. Но деньги давали. Вскоре после выпуска я купил себе на свадьбу ковер, а мой сообщник - цветной телевизор. Я тогда на него здорово наехал:

- Хочешь, чтобы нас всех вычислили? Откуда у лейтенанта такие деньги?

О существовании тайных путей через границу, я узнал, когда капитана

Иловайского на почве его политических убеждений хотели положить в "дурку". Он выехал в Алма-Ату и вскоре нам передали его письмо с условленным знаком. Оказалось, что перейти из Казахстана в Китай весьма просто. В 1979 г. я сам мог сделать это, как два пальца об землю.

Ситуация с переходом границы после 1959 г. изменилась в первую очередь потому, что на той стороне силы общественной безопасности стали устраивать облавы на базарах. Незадачливых "челноков" без различия национальностей и гражданства сгоняли на рытье каналов. При обилии населения, рабочей силы не хватало. Пока у крестьянина есть рис и поле, его никуда не выбьешь. На каналах широко практиковали метод "реактивных бригад" - переносили землю бегом, после каждых шестисот ходок, давали лишнюю миску риса. Казахам не улыбалось такое "счастье", да и в СССР после Хрущева жить стало лучше.

До 1959 г. порядка не было и в самом Китае, в провинции оставалась прежняя, едва ли не циньская, администрация, насквозь пропитанная местными феодально-байскими пережитками. Численность преимущественно кочевнического населения Синцзян-Уйгурского автономного района достигала 300 млн. человек. В 1949 г. одновременно с провозглашением КНР должна была быть провозглашена Синцзян-Уйгурская Республика. Однако, самолет с новоиспеченным правительством разбился в Гоби, точно также, как позднее самолет с Линь Бяо на борту.

Проходимость границы серьезно затруднялась условиями местности, прежде кочевники использовали так называемый джунгарский проход, шириной около 30 км. В самом конце 60-х - начале 70-х, когда вдоль китайско-советской границы стали возводить "Линию Жукова" (эти УРы снимали в фильме "Приказ перейти границу" под видом японских), дефиле заминировали ядерными фугасами.

Считалось, что через него китайской армии открывается путь в сердце советской Средней Азии. Им же передвигались беглые и контрабандисты. "Тотальность" сталинского террора принято значительно преувеличивать. Как утверждают некоторые американские криминалисты, жертвы, в данном случае, политических репрессий, сами провоцируют свои несчастья. Наши, например, интегрировались в систему, которая их и погубила. Тотальный контроль был эффективен только в важнейших городах и в узкой прослойке "совслужащих". Они, как "социально чуждые" находились на особом счету, с ними проводили политзанятия по два часа в неделю. В случае разоблачения подобный элемент неминуемо попадал во "вредители" и "враги народа". Работу-то с ним до выявления проводили. Иное дело те, кто не интегрировался в систему, или пребывал в низах общества. Во-первых они были "социально свои", хотя и незаметные, поскольку политзанятий с ними не проводилось. Во-вторых, простор для маневра был несравненно шире. Предки "челноков" - конца восьмидесятых - начала девяностых годов, во всю орудовали на советско-китайской границе и при Сталине и при Хрущеве. Особенно подвизались на данном поприще азовские греки, сосланные в Казахстан Сталиным и расконвоированные Хрущевым. В Средней Азии греки исполняли функцию евреев - посредничали в торговых операциях на Великом Шелковом Пути. Разрыв отношений с Китаем был воспринят ими, как личная трагедия. Китайские товары, в основном мануфактуру, крепдешин, креп-сатин, креп-жоржет, шелк, мужские сорочки, носовые платки, зонтики от солнца, размокавшие от дождя, поставляли в комиссионные магазины, в них ходила вся Москва. В обмен везли старые газеты китайцам на самокрутки. Их курили даже в НОАК. Некоторое количество газет с портретами вождей, милиция отнимала в поездах. Остальные благополучно проносили через Джунгарский проход.

Греки покинули Советскую Среднюю Азию тем же путем. В китайских портах их ожидали греческие консулы, выдававшие им паспорта подданных Его Величества Басилевса Константина. Тогда же в пятидесятые. Среднюю Азию покинули курды, заведенные одним из своих вождей в советское рабство. Когда кочевников загнали в колхозы, несколько тысяч народа прорвалось через границу вместе со скотом и техникой. Передвижение коммунистическим Китаем не составляло проблем. В Китае и в девяностые годы у людей нет паспортов. Билеты на поезд или пароход недоступны трудовому земледельческому или скотоводческому населению. Частный транспорт был запрещен, грузовики принадлежали военному ведомству, родственники жили поблизости, количество праздничных дней не превышало четырех в год на праздник Нового Года. Согласно китайского уголовного кодекса, даже угон трамвая считается "контрреволюционным преступлением". Так что празднующих в стране не было. А у греков были деньги.

Следует понять, что китайская революция в переводах на русский, кроме разве мемуаров Владимиров, выглядела иначе, чем на родине. Знаменитый четырехтомник Мао Цзе Дуна был написан профессором Юдиным. Когда его прочел Чжоу Ень Лай, немного понимавший по-русски, то был поражен. После прихода Председателя Мао к власти, крестьянам было объявлено о возвращении императора, что успокоило народ после сорокалетней республиканской смуты. Только в 1958 году проституток согнали в профсоюз трудящихся женщин и закрепили за мужьями официально. В портовых городах лишь культурная революция переменяла сексуальные отношения. Образованные девушки, сосланные на перевоспитание в коммуну, брезговали жить с местными мужчинами и предавались лесбийской любви. Рикша и проститутка, две основные профессии в китайских городах, выжили даже при советской оккупации Манчжурии. Когда разоружили Квантунскую армию, это почти миллион человек, возникла транспортная проблема. Офицеров и буржуазный элемент вывозили эшелонами и пароходами в Сибирь, солдат - в Японию. Первые три месяца Харбин пребывал в состоянии сумасшедшего дома. Старшим японским офицерам сохранили оружие, ночами в городе стояла пальба - грабили районы, заселенные русскими белоэмигрантами, теми, кто не успел сбежать к гоминьдиновцам. Английских и американских летчиков, недавних пленных, выпинали из роскошных барачков советские офицеры. Ошибкой японцев было то, что они не строили концлагерей, всю эту публику попросту некуда было загонять. Воины императоры, рвань несуетная, в обмотках. Сидели на берегу, ели чумизу, смотрели на океан в сторону восходящего солнца и плакали. Китайские проститутки их даже в публичные дома не пускали. На Родину спешили вернуть трофеи, о солдатах особенно не заботились. Советским офицерам запретили ездить на рикшах, они делали это ночами, по повышенному тарифу. Если бы не запрет, никто бы и не катался - из экономии. В буржуазные районы новые жильцы вселились вместе с полевыми женами...

ОТДЕЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРНАЯ ИСПЫТАТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ

Наш полк формировался в Малой Вишере в 1941 г. каким-то капитаном. После первых боев полк исчез из виду и объявился только в 1944 г. в резерве Главного Командования и начал свой боевой путь. В 1965 году за участие в войне наш Таллиннский и Свинемюнденский полк был награжден орденами Кутузова и Суворова третьей степени - далеко не полководческими и награждали офицеров

от командира роты, до командира батальона. Я подозреваю, что в полк в это время попал кто-то из "блатных" и истребовал эти ордена. Прочие части на полигоне не имели и таких. Строители выползли с орденами "Знак Почета", Трудового Красного Знамени". Ими в основном награждали и офицеров, так же медалью "За трудовую доблесть".

К сорокалетию Победы в ознаменование боевого пути полка кому-то пришла в голову идея, привезти в часть некоторое количество эстонцев. Альбомами с фотографиями пусков, удалось соблазнить человек пятнадцать. Пока их везли два дня по пустыне, некоторые опомнились. Эстонцев бросили в карантин вместе с узбеками. Все они сразу же разучились говорить по-русски. Только один Баглушевич - хотя и говорил по-эстонски, не смог отвертеться. По утру эстонцы встали в кружок и запели псалмы. Баглушевич объяснил, что они все Свидетели Иеговы.

Но отцы-командиры были неискушенны в вопросах исповедания. Тогда Баглушевич застучал в особый отдел, что у всех эстонцев, родственники в Швеции, а у одного даже в Америке. Это подействовало, секретная часть осуществляет боевые пуски, а в ней обнаружилось сразу пятнадцать иностранных шпионов. Стали искать крайнего, инициатором идеи оказался начальник штаба первой группы. С него и спросили за потерю бдительности. А эстонцев отправили назад, с перепугу даже в стройбат не загнали. Я уже был в Киеве, когда наш полк опять отличился, признали новую власть, художники на плацу нарисовали портреты членов ГКЧП, а в обед тех свергли. Руцкой прислал комиссию, донес кто-то из доброжелателей. Начальнику политотдела полковнику Белкину и начальнику управления полковнику Петренко какие-то штатские там же на плацу на глазах изумленных офицеров, как в 1937г. сорвали погоны, затолкали в машину. Правда часа через три выкинули. Горбачев подписал указ о лишении обоих воинских званий. "Петрениа" помер с горя, как Язов "Старый дурак, черт меня дернул". Начальника полигона, генерала Крышко, я все-таки пристроил на Украине начальником центра административного управления стратегическими войсками.

РВСН были самой демократической структурой: лейтенант с капитаном и капитан с подполковником были на "ты", некоторые умудрялись посылать на хуй командира полка. По бардаку ракетный полк можно поставить рядом, разве что с кадрированным мотострелковым. В ракетном полку сильна взаимозависимость между различными структурами. На боевом дежурстве (БД) сидят вместе три офицера: лейтенант, капитан, подполковник 1-й, 2-й, 3-й. Первый и второй сидят рядом, следят друг за другом, третий, подалее - на связи, спит под мерный писк морзянки. Дежурство с трех ночи до девяти утра. Где-то после трех из Москвы начинают валом валить учебные команды. Если чем-то обидишь лейтенанта, он может уснуть и пропустить сигнал. Кому из Москвы придет служебное несоответствие? Конечно же, начальнику расчета. Начальники расчетов даже спали с лейтенантами в одних комнатах, следили, чтобы те перед БД не напивались и не играли в карты до одури. После дежурства, лейтенанта некоторое время щадили, не посылали в караулы. Потом лафа БД кончилась. Положенные четыре дня отдыха пообещали присоединить к отпуску, затем они исчезли совсем. Один лейтенант даже жаловался на партсобрании:

- Меня человеком считают только на боевом дежурстве.
- Никогда не обижай лейтенанта. Не дай бог, он станет твоим начальником.

Учил меня майор Гумен исходя из собственного опыта. Гонял он лейтенанта Фархудинова, правда выучил. Тот был образованный, пробился в капитаны, а

Гумен, майором, остался у него в помощниках. Его постоянно и назначали ответственным. Были еще специалисты-ракетчики, ставившие ракету в шахту по графику. Как-то, доведенный до крайности начальник пожарной команды, заявил распекавшему его командиру полка:

- За хуй вы меня укусите, товарищ полковник. А завтра пожарная машина не выедет. Служебное несоответствие Вам придет.

Подготовка ракеты к пуску контролировалась Политбюро. Пуск ракеты зависел от двух вещей - поворота Земли "довернулась" или "провернулась" на жаргоне ракетчиков и политического момента. Цели находились или на Камчатке или в районе острова Гуам - задрочивали американцев.

Единственным полководцем в полку был капитан Пихтовников, с флота, он здорово разбирался в тактике и умел составлять боевые документы. Пришел он в часть капитан-лейтенантом в 1964 году и ушел через двадцать лет капитаном. Сколько я помню, его всегда судили судом чести за аморалку. В то время, как остальных, в основном за пьянку и невыход на службу. Французы еще в XVI веке считали, что разврат более возвышенный порок, чем пьянство. Как-то Пихтовников повел в поход группу десятиклассниц. Несколько вернулись беременными. В полку он нужен был всего несколько дней, в начале года, когда составляли документы и для подготовки учений. Все остальное время он сожительствовал в особо изощренной форме.

Доказать собственную ограниченную служебную пригодность означало значительно облегчить для себя тяготы службы. Был у нас капитан Федорец - "Боб", его боялись ставить даже старшим машины. Как-то заехал на переезд, кузов остался на рельсах, несколько человек покалечило. Его задачей было прийти утром на развод и кантоваться до вечера. Ходил с фуражкой под мышкой. Имел по два выходных, на хоз. работы не назначали, числился в боевом расчете.

К ребятам, пытавшимся усовершенствовать воинские знания, относились очень плохо. Еще в войну товарищу Сталину стало ясно, что учить всю эту публику военному делу себя не оправдывает. Представьте себе заместителя командира полка по инженерно-технической части, или зама по вооружению. Пока те делили спирт и не вмешивались в технические моменты машины ездили и ракеты летали. Экзамены в академию принимались на площадке. Приезжала комиссия из Москвы, оценки выставлялись от количества спирта. Подобным образом избавлялись от ненужных. При мне поступили несколько человек, замполиты, начальник узла связи. Каково же было разочарование пытавшихся вырваться, когда по окончании академии их выпинывали назад на полигон. У меня был конкурент по соцсоревнованию Лапшин, захотел слить от братвы в Москву. Нашупал лапу, стали замечать, что он по утрам в мотовозе, когда все спят или играют на деньги в карты, кости, домино, читает учебники. Народ заподозрил неладное, вызвали писаря из строевой части.

- Скажи падла, куда Лапшин написал рапорт?

- Не знаю,

- Через день будешь в наряды ходить, сгною на тумбочке, за ухо прибью.

Тот сознался.

- В какую-то академию.

- Ну иди, мудака и помни, как мамку-родину любить.

Так подло братву еще не кидали, в очереди на академию стояли и более заслуженные. Этот хмырь даже два года ротой не командовал, а были ребята, командовавшие по три-четыре года. Я вызвал старшину роты, дал ключ от сейфа со спиртом и команду спить "земляков". Тот отлил немного и блестяще

справился с заданием. Солдаты из соседней роты перепились, один даже обгадился. Утром "академия" закончилась. Начальник штаба разорвал рапорт Лапшина перед его мордой. Вечером в мотовозе тот уже играл в карты. Мы его опять зауважали, особенно, когда он напился влежку и милиция отнесла его на руках в комендатуру. Утром командир части ездил его забирать. Как рассказывал сам Лапшин:

- Просыпаюсь оттого, что меня кто-то трясет. Лицо знакомое, присмотрелся мой командир. Я закрыл глаза, видение исчезло, а он меня опять трясет "Просыпайся сука, я не привеление, я твой командир". Тогда я обнял его за шею и заплакал.

Это спасло Лапшина от служебного несоответствия. Командир расчувствовался, даже отпустил домой помыться, привести себя в порядок.

- Что ж ты сынок так пьешь, не стыдно?

- Стыдно товарищ полковник.

Начальник тыла только что вышел из академии транспорта и тыла, года два, пока не обломали, был несусветный дурак. На учения надел португую и сапоги. Мы одевали солдатское х/б и панамы, а технари в черных танковых комбинезонах. Китель солдаты могут украсть и продать казахам, да и как в кителе ездить в МАЗе. Так он еще взял и карту. Начштаба кричал на ЗНШ:

- Какой дурак ему дал карту!

Хотели посмеяться, но это обернулось трагически. Вы когда-нибудь видели карту пустыни "двухсотку". На ней же ничего не нанесено, ехать по ней все равно, что по газете. Только север обозначает надпись "Генеральный Штаб". С целью соблюдения секретности старты не были нанесены на карту, листы лежали в "секретке", но ими не рисковали пользоваться. Единственная "сов.

секретная" карта позиционного района полка, лежала в сейфе командира.

Колонны должны были двигаться рассредоточено по направлениям и с интервалами по времени. Создателем советской школы перевозок был Лазарь Моисеевич Каганович. В войну ходили сплошной колонной, даже если часть и разбомбят, зато солдаты были как пчелы вокруг матки. В условиях абсолютного радиомолчания, начальник связи больше всего следил, чтобы радиосвязью не воспользовались. Батарейки были украдены, а радиостанции Р105, на лампах, переделанные "Телефункен" - станция УКВ с радиусом действия в 30км, в пустыне его можно увеличить до 70, если загнать солдата на крышу.

Вот он и увел колонну в противоположном направлении. Ориентирами были горы, одна и другая на расстоянии в 300км друг от друга. Он их и перепутал. Не доезжая горы, дорога, как это водится в пустыне, внезапно кончилась. Он повернул колонну назад. На обратном пути наиболее храбрые из солдат стали разбегаться по пустующим площадкам, подтверждая военную мудрость о том, что солдат как чудовище озера Лох-Несс. Солдат, как и собака, живет на инстинктах. Как можно обучить разумного человека обязанностям дневального?

Привели колонну к нам на исходе вторых суток. Собственно ее нашла поисковая группа. Мы все это время вынуждены были питаться подножным кормом, ловить рыбу маскировочными сетями. Маскировочных сетей под цвет пустыни не было. Из ГДР поступали лесные, ярко зеленого цвета. С целью маскировки заставляли даже казармы обмазывать глиной. Хотя всем известно, что тени надежно демаскируют любые строения в условиях пустыни. Изготовление рыболовных сетей из маскировочных, довольно трудоемкая процедура. Сеть необходимо было ошипать, иначе ее и МАЗом не выщипать. Сеть разрезали пополам и сшивали вдоль, получался невод, таких неводов делалось два. Их ставили в протоке "эфиопы" залазили в воду и с криком, свистом, улюлюканьем

гнали рыбу. Сазан, если и перепрыгивал первую сеть, то попадал во вторую. Организаторами таких дел были обычно первые ракетчики, ветераны движения - престарелые капитаны. Это была порода. При создании Ракетных Войск Стратегического Назначения (РВСН) поступила директива: отобрать лучших из всех родов войск. Командирам частей ничего не оставалось, как переписать аттестации, личные дела, характеристики, что бы только сплавить в ракетчики самых отпетых. Этим "первопроходцев" потом разгоняли лет десять. По ветхости своей, после пятого развода, они уже ничем, кроме браконьерства, охоты и рыбалки не интересовались. По берегам рек в тугаях, это растение с листьями, как у лозы и колочками, как у акации, последнего туранского тигра убили в 1934г., а казахи утверждали, что тигры и по сей день есть. В тугаях было довольно много фазанов. Эти умельцы накрывали тугаи сетками, с помощью солдат. Затем стреляли под сеткой, чтобы фазан не убежал, а взлетал, запутавшихся добывали веслами, причем брали только петухов. В августе утки-селезни линяют, меняют маховые перья, их отсекали от плавней, загребали бреднем. Ловили кабанов петлями. Система "Зона" 1 М содержала немецкую проволоку. Эта проволока была эластичной и хорошо растягивалась, в отличие от нашей, которая могла согнуться. Разорвать проволоку диаметром в 2 мм было невозможно. Ставили петли на одной тропе по шесть штук подряд, двух-трех кабанов буквально разрезало проволокой.

В пустыне полно зайцев. Казахи их не ели. Жует жвачку, но с когтями на лапах. Они бы ели и свинью, но и та хоть и с раздвоенными копытами, но жвачку не жевала. Ночью выезжали на ГАЗ-66, то же мне, машина для пустыни, набирали камней, ловили зайцев фарой-искателем. Задача была, не упустить добычу из луча света. Солдат подходил и метров с двух бил зайца горстью камней. Главное было не закрыть собой свет, чтобы не нарваться на маты.
- Что тебе по десять раз за каждым зайцем останавливаться?

Таким образом, часа за 3-4, добывали 12-15 зайцев. Добыча шла в котел караулу, а тушенку продавали казахам, или обменивали на водку.

Изготовление сковороды в карауле, так же не составляет труда. Кладут лопату и несколько раз на нее бросают тридцати шестикилограммовую гирю, затем берут подходящую смазку - "ЦИАТИМ-100". Самый надежный способ проверить содержимое баночек - дать собаке. Если лижет, значит можно есть. Пушечное сало-смесь оленьего жира с говяжьим или китовым, так же имело бытовую ценность, в караулах солдаты жарили картошку, хотя и воняет резиной. Системы охраны в карауле работали от аккумуляторов, для их смазки и выдавали "ЦИАТИМ-100".

Валерий Бобрович

30 марта 1972 г., выражаясь официальным языком "наступило обострение". Части регулярной северо-вьетнамской армии численностью до ста тысяч человек перешли демаркационную линию и атаковали Южный Вьетнам с нескольких направлений. В сентябре 1969г. Косыгин предупредил Ле Зуана, но вьетнамское руководство уверяло, что стоит только первому танку пересечь границу, как благодарное население подхватит его и на руках потащит до самого Сайгона. Я сам видел нечто подобное в позднейшем пропагандистском фильме. ... Американцы ответили мощнейшей концентрацией авиации. Сначала разрушили дамбы, а когда вода залила окрестные поля и свела на нет свободу маневра, взялись за танки. Это уже была не война, даже не охота, а тир. Фотографии сгоревших "пятидесятчетверток" со звездами на башнях, обошли всю мировую

прессу. Казалось бы, очередной casus belly - свидетельство агрессивности коммунистического режима, налицо и можно было ожидать большой войны. Паническая реакция Ханоя подтвердила эту фразу. Десятки тысяч мужчин были мобилизованы в армию. С ракетных и артиллерийских батарей снимали зенитчиков и погнали куда-то на передовую. Всем советским "советникам" вне зависимости от рода занятий довелось переквалифицироваться. Лично я стал артиллеристом(*). Когда военных советников назначают на батарею, как меня, или в стрелковые батальоны, как это было в Эфиопии, следует понимать, что дело взыскания интернационального долга находится под угрозой. В течение всякой колониальной (освободительной, междоусобной) войны неизбежно наступает момент, когда в армию начинают призывать, не глядя на ценз образования и оседлости. Тогда на поля битв возвращается традиционное военное искусство, перед которым мы, большей частью, бессильны. Наша зенитная батарея прикрывала нефтехранилища, она была построена еще французами году, эдак в 1947. На вооружении мы имели 24 счетверенные флотские артиллерийские установки "Эрликон", то ли английского, то ли американского производства, выпуска конца Второй Мировой войны. Подача боеприпасов осуществлялась гидравлически из бетонных погребов(**)

(*) Во Вьетнам автор попал в 1970 г., по окончании мореходного училища, (**) Стрельба из скорострельного зенитного автомата ведется расчетом из нескольких человек, большая часть которых непрерывно занята зарядкой кассет и подносом боеприпасов, расход при непрерывной стрельбе достигает 200 кг в минуту. [Примечание публикатора]

Знаменитая конструкция немецкого инженера Бекера, созданная еще в 1917 г. и функционирующая согласно гениально простого принципа отдачи свободного затвора, является одной из классических машин для убийства. За секунду каждый ствол извергает килограмм снарядов калибра 20x110 со скоростью 404 - 1200 выстрелов в минуту. Спустя почти двадцать пять лет знакомство с "Эрликонами" пригодилось мне на Балканах. А пока мы без особого успеха палили по американским самолетам палубной авиации и даже стратегическим бомбардировщикам. Сколько я тогда сбил самолетов - ужас. Утром, бывало, проснешься, а вокруг все усеяно обломками воздушного флота США. И все наши данные самым тщательным образом суммировались в вышестоящих штабах. Если верить сводкам, во Вьетнаме было сбито самолетов в три раза больше, чем их насчитывали US Air Force. Еще в 1940г. во время боевых действий в Северной Норвегии немецкий маршал авиации Шпеерле издал красноречивый приказ. "Любой летчик, который доложит мне о поврежденном или потопленном им корабле противника, будет немедленно предан военно-полевому суду". В подобном случае, анализируя советский опыт выполнения пятилеток за четыре года, американские аналитики пришли к выводу, что русские теперь могут двадцать лет не работать. Фактически, за пол года над Хайфоном советскими ракетами "земля - воздух" было сбито только два самолета противника. Задачей нашей батареи была борьба с истребителями-бомбардировщиками "Фантом". В отличие от B-52, "Фантомы" действовали пятерками, подходили к цели эшелонами на разной высоте. Заметив дымный хвост пущенной с земли ракеты, первая пятерка расходилась в стороны, а самолеты второй принимались за станцию наведения. Подкрыльевые кассетные установки ракет малого калибра "воздух-земля" были очень эффективным оружием. Дождь разрывов накрывал огневую позицию, и становилось уже не до управления огнем. Тогда из 24 наших установок стреляли только три: моя и еще две, где стрелками были старшие

матросы моего экипажа. Вьетнамцы дополнили оборонительные сооружения французов весьма эффективными бомбоубежищами. В землю закапывали кольцо канализационной трубы и накрывали люком. Спрятаться в нем можно было только одному человеку, зато накрыть удавалось разве что прямым попаданием. Но сидеть в этих трубах и трястись вместе с землей, было очень страшно.

Действительно, когда сидишь в люльке установки, ловишь в перекрестие самолет противника, хотя и знаешь, что не попадешь, мир вокруг как будто не существует. Жмешь на педаль открытия огня и не слышишь собственных выстрелов, не то, что разрывов ракет противника.

Мы вели, в основном, заградительный огонь, так чтобы "Фантомы", летавшие по складкам местности, вынуждены были приподниматься над этой стеной огня и попадать тем самым под ракетный обстрел. Моя бы воля и хоть какие-то технические возможности, я бы сам навел, наконец, американцев на эти нефтехранилища. Мы, моряки, не испытывали никаких иллюзий по поводу этой бойни. Флот всегда оставался наиболее революционизированной частью советского общества, мы же ходили в заграничные плавания. Случаев перехода на сторону противника во Вьетнаме не замечалось ввиду отсутствия возможностей к этому. Как ни странно, основным источником о положении дел в стране, для нас, запертых на судах, были политинформации. Каждую неделю к нам приезжал представитель посольства и довольно объективно и подробно отвечал на все наши вопросы. Именно из этого источника и происходят мои сведения об эвтанзии, вьетнамизации или боевых действиях в Лаосе. На протяжении всей истории вьетнамцы показали себя агрессивным и экспансивным народом. Соседние правители охотно набирали их в собственные армии. Вьетнам под номинальным правлением династии Ли был исторически разделен на две территории: северную, находившуюся под контролем династии Трин, ставившей на слонов, и южную, управлявшуюся династией Нгуен, предпочитавшей огнестрельное оружие. Граница владений проходила севернее города Хюэ, почти по линии ОМ2. Позднее Нгуены распространили свою власть на территории Лаоса и Камбоджи. В гражданской войне 1773-1803 гг. фамилия Трин была уничтожена, в Хюэ обосновался Нгуен Анх, принявший титул Гиа Лонг. В середине XIX ст. вьетнамцы столкнулись с французами, что на время отвлекло их от экспансии в Лаос и Кампучию.

Коммунистический режим вернулся к прежним планам в обертке "интернационализма". Вьетмин вторгся в Лаос уже в апреле 1953 г. Нейтралитет страны был нарушен созданием на ее территории к 1962 г. инфраструктуры "тропы Хо Ши Мина" - канала проникновения северо-вьетнамских войск в Южный Вьетнам. Восток, юг и север страны удерживался повстанцами Патет Лао. В феврале 1971 г. боевые действия южновьетнамской армии так же были перенесены на территорию Лаоса и Камбоджи. Американцы уничтожили базы на "тропе Хо Ши Мина". Были взяты огромные трофеи. В Лаосе на стороне американцев активно воевали племена Мео. Согласно французской статистике, население Кохинхина (Южного Вьетнама), только на 37-38% состояло из вьетнамцев. Статистика коммунистов указывала 87% вьетнамцев по всей стране. Однако зона обитания племен начиналась уже километрах в ста к юго-западу от Ханоя. Находились они на самых разных ступенях общественного развития. Генерал Лавриненко как-то попал в гости в племя, придерживающееся матриархальных традиций. Это надо было видеть. Росту в нем - выше двух метров, веса - килограммов под сто пятьдесят. Местные женщины едва доставали ему до гениталий и могли делать минет не нагибаясь. Сбежавшиеся со всей округи туземцы, с восхищением дотрагивались до слоноподобных генеральских стоп. Они считали, что белого человека привезли для улучшения местной

породы. Вождь племени по понятной причине намеревалась продлить пребывание генерала в гостях, как можно дольше, обещая привезти "потом". Сопровождавший того вьетнамский офицер, не имея в горах реальной власти, буквально валялся в ногах, умоляя вернуть генерала в срок, иначе с него (офицера) в Ханое голову снимут. Причина недовольства туземных племен Индокитая правительствами своих стран одна и носит универсальный для всех стран "третьего мира" характер. В продвижении цивилизации неминуемо наступает момент, когда дальнейший прогресс означает налогообложение. А как можно обложить налогом кочующих охотников и собирателей? На процент от выкопанных кореньев... Насильственное прикрепление к земле и трудовая повинность вызывали сопротивление. Хотя, если честно, я не знаю, кто кроме горцев воевал в Лаосе. Из кого, кроме вьетнамцев был набран "Патет Лао", остается глубокой тайной. Лаосцы тогда, да вероятно и сейчас находятся под нивелирующим гнетом буддизма. Численность правительственной армии едва достигала 4 тыс. человек, силы Патет Лао оценивали в 10-40 тыс. человек. До тридцати процентов мужского населения страны пребывало в монашестве. На базаре захожего лаосского бонзу легко было отличить по колокольчикам на ногах, которыми он отгонял насекомых, чтобы не давить их при ходьбе. Когда лаосцев начали мобилизовывать в армии воюющих сторон, они, первоначально, идя в атаку, стреляли в воздух, наивно полагая, что противник ответит тем же.

Полковник Боровец. СУДНЫЙ ДЕНЬ

Трубный глас заменяла сирена. В роли Архангела Михаила выступал пом-деж, прапорщик, который с остервенением крутил ручку. Собакам на площадке очень нравилось, они дружно подвывали. В этот момент свора ангелов-посредников с секундомерами влетела в казарму и, наученные опытом, чтобы не быть затоптанными, сразу прятались в канцелярию. Казарма на 10 минут превращалась в дурдом для буйно помешанных. Солдаты по тревоге хватили все подряд, чтобы надеть на себя и побыстрее стать в строй. Больше всего страдали те, кто отвечал за светомаскировку, они должны были завесить окна своими одеялами. Окна в солдатских казармах были по размерам одеял. Выбегали в непарных сапогах, двух касках на голове. Труднее всего было выдать оружие и записать кому. Стояла невообразимая давка, мат, подзатыльники и пинки. Шли по старшинству, от более заслуженных к менее, а не по взводам. Оружие, как и снаряжение хватили не глядя, а номера записывали свои, потом в строю менялись. Неразбериху усугубляла конструкция казарменных дверей. Чтобы не воровали столы, тумбочки и кровати, старшины забивали одну половину. Так же наглухо забивали и запасные выходы, не дай Бог дневальный ночью уснет - соседи украдут шинели. Потом могли нагло в них ходить, потерпевший считался опущенным, его называли "чайником", а гордого победителя - "Рексом". Украсть что-либо у соседа считалось доблестью. Кралось все, начиная с телефона на тумбочке дневального. Было особым шиком, поставить его в канцелярии и пригласить командира потерпевшей роты.

- Да это же мой телефон.

- Да пошел ты...

В дверь можно было протиснуться только боком. Из всех обитателей трех этажей, хуже всего доставалось третьему. Им сваливались на головы, и по ним шли ногами, не дай Бог кому-нибудь упасть, или не одеть шинель в рукава,

наступали и разрывали до воротника. С третьего этажа солдата сбрасывали на второй и затем на первый. Трех последних сарбазов, по хивинской традиции били нещадно. За 10 минут рота должна была стоять на плацу. В это же время, пока мы строились, авторота с гиканьем, свистом и улюлюканьем неслась в автопарк. Ее, как тигр буйвола, гнали ротный и взводные. Особенно доставалось "мазистам", им еще нужно было получить аккумуляторы, килограммов по сорок. Несли их худосочные солдаты первого года службы, "деды" бежали к машинам. Больше всего от этой системы выигрывали каптеры. Они оставались в роте, закрывали все на замки и спали, обжираясь тушнякам с маслом. За просрочку норматива можно было набрать столько баллов, что учение могло закончиться для ротного не начавшись. Пока прибывала техника, рота приходила в себя. Нужно было вывести всю технику, поэтому к каждой машине на ходу прицепляли по две-три "несамоходных". Из автопарка выползала кишка зеленого змия. За авторотой гордо, в облаке дыма, с дрожанием земли выезжали МАЗы, они всегда были на ходу. У них, сук, даже боксы были теплые - ракетная техника.

Следующий этап - погрузка личного состава и провианта, так же превращался в кошмар. Следом за командой - "По местам!", после того, как все уселись по машинам, наступало неопределенное время ожидания, тянувшееся 6-7 часов кряду. Кормить никого не собирались. Солдаты нервно курили и тоскливо смотрели в сторону столовой. Повара и кухонный наряд обжирались завтраком. Все время нашего ожидания стратеги в штабе разрабатывали диспозицию вывода части в запасной район. Все боялись принять решение, половина машин не на ходу, а ехать надо: все сроки истекают. Поэтому все обманывали друг друга. Командир смотрел на колонну длиной в несколько километров, дело шло к вечеру, курево кончалось. По колонне сновала сытая тыловая сволочь, все эти начпроды, писаря, и поддатые медики. У них в машине был харч и спирт, больных бросали на фельдшера, который потом сожительствовал с бедными солдатами в подвале. Санчасть была, как публичный дом, порядочные солдаты боялись туда ложиться, сначала трудотерапия, потом голодная диета, потом насильственное мужеложство.

Что дальше: особо жестокой была процедура мытья солдат в полевой бане в пустыне зимой. Лично я категорически отказывался - лучше под трибунал. Был один садист Белкин, он и изгалялся. Начитался фронтовых мемуаров, сволочь. На ветру ставили палатку и пытались нагреть несколько бочек воды до температуры человеческого тела. Солдаты, спавшие у выхлопных труб МАЗов, были невообразимо грязны. Грязь въедалась в тело, вода стекала с него, как с гуся. Отмыть их можно было только бензином или стиральным порошком в стационарной бане. Когда эту баню - крематорий топили, все прятались, солдаты начинали кашлять, прикидываться, что болеют. В полевых условиях в санчасть никого не принимали, из-за престижности теплых мест для спанья. Инстинкт подсказывал - расслабишься - пропадешь. Если некоторые подразделения приезжали в сапогах, а другие в валенках, можно было проснуться в одних портянках. Откуда валенки у узла связи, прапорщик пропил их еще прошлой зимой. Люди, как звери в стае делились на своих и чужаков, никто не выходил из своего района, вокруг вертелись чужаки.

Хуже всего доставалось клубным работникам и писарям. В подразделениях было тесно, мы спали в БМДС, в тепле, вповалку офицеры, прапорщики, солдаты. Вокруг часовые, связь только по селектору. Штабная элита буквально за несколько дней превращалась в чмуриков. Жили в утепленной байкой - "зимней" палатке, или в клубной машине КУНГ-ГАЗ-66. С ними же обитали: секретарь

комсомольской организации полка и зав. клубом. Больше некуда было деться. Зав. клубом даже пришел к моей машине:

- Нет ли у вас горячего чайку попить?

- Пошли вы, старшина, на хуй.

Мой старшина, срочной службы Галкин добавил сквозь зубы:

- Вам же сказали, командир роты, что идите на хуй. Ходят тут, чай просят и не стыдно вам.

Их еще заставляли оформлять наглядную агитацию, служившей солдатам на подтирку. Даже повара ими брезговали, норовили зачерпнуть сверху, не помешивая и вылить, не глядя, на шинель. У меня был настолько толковый старшина, что повара спали у нас, шеф-повару даже дали матрац. Харч все равно был паршивый, зато набирали снизу и ели в первую смену. Под конец, когда приползала какая-нибудь четвертая команда, остатки разводили водой, чтобы хватило всем. Не было ни отбоя, ни подъема, солдатам нравилось - лежали спокойно. От ночного безделья беспощадно резались в карты. Мы несли охрану позиционного района, поэтому были вне всякого контроля. Полагалось ставить парные посты, секреты, патрулировать... Зная нашего солдата, я не рисковал отпускать его дальше десяти метров, мочились с машины.

Единственным из офицеров к кому солдаты относились с уважением, был майор Колпаков - начальник инженерной службы. У него с собой было ружье, брал солдат на охоту, как и я жрал с солдатами из одного котла. Для офицеров накрывали отдельно, даже масло давали. Я знал, что такое кончается плохо и не отделялся от личного состава. Командир должен сидеть с солдатами в одном окопе, и вместе с ними кормить вшей.

Прожив в таком блядстве несколько дней, я понял, что нужно решать продовольственную проблему. Посоветовался с прапорщиком, склонив шеф-повара, свез казахам мешок лука, который выгодно обменяли на пряники и вино. Те были как кирпич, но питательные, долго жуешь, рота ела два дня. Через два дня мы свезли подсолнечное масло и обменяли на тот же ассортимент. Приценились к складу картошки, но дали отбой. Мы бы продали и вермишель. Ключи от прод. машины были у нас, часовой тоже стоял "от нас". Шеф-повар был беспробудно пьян.

- Мы забыли зачем сюда приехали. Так дальше нельзя.

Ему вновь наливали кружку вина и он вновь отрубался на несколько часов, под воздействием алкогольной интоксикации.

Валерий Бобрович

Признаюсь, мне было жаль бедных туземцев, преданных своими американскими "друзьями". Боевые действия в 1972г. почти приведшие американцев и южно-вьетнамцев к победе, были внезапно прерваны. 27 января 1973г. в Париже Генри Киссинджер, этот новоявленный пророк западной дипломатии, подписал соглашение, фактически, об обмене нескольких сотен военнопленных на целый Индокитай. В 1945г. США признали Вьетминь на пять лет раньше, чем даже Китай и СССР, поспособствовав развязыванию всей этой кровавой бойни. Тогда им был нужен союзник против Японии. Теперь круг замкнулся.

Подошла пора для раздачи наград. На сто человек полагалось два ордена Ленина, два - Красного Знамени, пять медалей - "За боевые заслуги". В отличие от вьетнамских, "свои" награды выдавались без свидетелей, что бы избежать неизбежных разногласий и зависти. Действительно, награждали далеко

не по заслугам. Как некогда жаловался герой романа "Винтерспельт": "Ну, дадут мне на батальон сколько-то железных крестов. Кому я их дам? Командирам взводов, унтер-офицерам, ну, пулеметчикам, если останутся".

Так вот, эта немецкая система была еще относительно справедливой, хотя тогда я свято верил, что где-где, а в доблестной немецкой армии к наградам представляли за конкретные заслуги. Теперь остается верить, что хотя бы британскими Victoria и Georg Gross награждают не по случаю.

По роду занятий мы, моряки, обречены на некоторый профессиональный героизм. "Кто бежит с тонущего корабля, один хрен потонет". Это командиру дивизии ничего не стоит избежать судьбы своих подчиненных, адмирал рискует пойти на дно вместе со всем экипажем. В нашем экипаже был парень больше остальных заслуживавший орден. Мы выгружали селитру в тюках с помощью стрел. Когда очередной подъем завис над раскрытым трюмом, объявили воздушную тревогу. Все, естественно, разбежались. Возгорание селитры угрожало взрывом и гибелью всем стоявшим у стенки судам. Самые мощные взрывы, после ядерных, происходят на складах минеральных удобрений. Парень, фамилию его я, увы, забыл, был единственным, кто подумал о последствиях. Если кто-то знает, как медленно работают корабельные лебедки, представляет себе, сколько времени довелось ему "маслать", прежде чем он завалил кран балки в сторону и смайнал подвес за борт. Парню, как и мне с моей контузией, довелось удовлетвориться медалями. Зато боцман, травмированный в бедро - его сбила машина - в качестве компенсации получил орден Боевого Красного Знамени.

Признаюсь, я так и не смог, несмотря на все свое любопытство, собрать какие-либо сведения относительно военного опыта вьетнамцев, хотя генерал Лавриненко оценивал офицерский корпус и рядовой состав, как весьма подготовленный и готовый к решению поставленных задач. Для чего, к слову, не нужны никакие особенные "тактические" примочки. Вьетнамцы воевали, как жили. Тогда я еще не знал, что люди могут пребывать в потоке войны, так же безрефлекторно, как чиновники в конторе. Как-то на батарее, мне вздумалось провести проверку состояния стрелкового оружия. Первый же солдат, в чистоте "Калашникова" которого я было усомнился, тут же дал в воздух длинную очередь и победоносно оскалился.

- Цистый, товалися!

Вьетнамцы обращались со своими автоматами, как с палками. Чтобы оценить это прагматическое слияние человека с оружием, лишенное какого-либо фаллического культа, нужно было повоевать самому. Неизбежно приходит день, когда начинаешь заколачивать прикладом своего АКМ гвозди. Я, конечно, выражаюсь фигурально. Речь идет о том, чтобы точно знать, чего следует и чего не следует ожидать от оружия. Посторонние слишком уж часто придают ему какую-то сакральную ценность.

Мы покидали Вьетнам морем, на спасенном нами "Дивногорске". Шли в Гонконг на ремонт. Последним зрелищем для меня в этой войне стала фантазмагория китайско-вьетнамского противостояния в Гонконгском заливе. Кроме Парасельских островов в Южно-Китайском море, там еще масса мелей и скал, некоторые из которых выступают над поверхностью воды только во время отлива. На спорных островах, в прилив, вьетнамские солдаты стояли буквально по горло в воде, с национальными флагами в руках. И горе тому, кто ронял или мочил полотнище, которое уже не могло развиваться в таком виде. На соседних мелях точно так же, с флагами в руках, стояли китайцы. Жизнь на островках входила в сухопутное русло только в отлив. Прибывала смена, готовили пищу. Если эти "спорные территории" были так важны, почему на них не строили,

скажем, вышек на сваях? Ответ прост, вышки обходились намного дороже людей. Хорошо развитое чувство долга позволяло вьетнамцам выдерживать низкую для них температуру воды. Когда я зимой купался на батарее, вода казалась мне, по черноморским масштабам, теплой, но вьетнамцы вылезали из нее, стуча зубами от холода. То же самое наблюдал один мой коллега, советский военный советник в Индии. Жители южных областей обычно мерзнут даже при омовениях в Ганге. Находясь на военной службе в штате Джамму и Кашмир, они выдерживают высоко в горах укутанные в одно одеяло, по 5-6 часов при пулеметах. Станным образом судьба вновь свела меня с вьетнамцами, спустя многие годы после войны. К концу семидесятых - началу восьмидесятых годов довольно много вьетнамцев обреталось во всяческих вузах на территории Украины. В те благословенные годы застоя, каждый иностранный студент стремился что-то продать. Вьетнамцам тогда, ввиду относительной недоступности для них рынков дальневосточного ширпотреба, продавать было, особо нечего. А в моду как раз вошло каратэ. И все из них, кто имел к этому хоть какие-то задатки, кинулись преподавать вьет-во-дао. В основном это были какие-то доморощенные деревенские стили. Для пущей важности инструктора придумывали себе боевые биографии "по-спецназистей" и стремились поразить воображение слушателей историями - "страшилками". Хотя по возрасту их бы и в "красные кхмеры" не взяли. По окончании учебы, вьетнамцы не очень-то стремились домой. Многие оседали тут, женились на вьетнамских же работницах, завезенных для работы на ткацких фабриках. Часть добытых, в том числе преподаванием, денег, надлежало отдавать своим старшим. На этой почве, случалось, доходило до разборок. Некоторые начинали скрываться от своих. В эмиграцию были перенесены и клановые противоречия. Но что оставалось неизменным, так это глубокое презрение к нам - белым. Самым курьезным образом "легендирование" постепенно перешло и на отечественных "сенсеев". Один из них договорился до того, что якобы, тренировался в Китае, для чего, нелегально, переходил границу. Благо, тогда за преподавание подобного "каратэ" сажали за решетку. А "пребывание в Китае" послужило отягчающим обстоятельством. Бессмысленность официального кровопролития делает войну отвратительнее вдвойне. Только гражданская война, является хоть в какой-то мере осмысленной. В ней мы сталкиваемся с теми, кого действительно ненавидим, и, если повезет, можем рассчитывать даже с родственниками и соседями. Покидая Вьетнам, я не клялся на предмет "никогда больше", но с тех пор воевал только под собственным знаменем, за дело, которое, считал правым. Случай для этого представился только спустя двадцать лет.

Дмитро Корчинский

Археология. Мотопехота

Как-то в 1982 г. я сидел на лекции по специальности в киевском институте пищевой промышленности. Была четвертая пара, поздняя весна, за окном солнце, у студентов авитаминоз и, когда преподаватель написал на доске тему "Экономайзер", это вызвало нервный смехок аудитории. "Чего вы смеетесь - грустно сказал он - отныне это будет делом вашей жизни! "

Да ну его к черту, чтобы дело моей жизни называлось "экономайзер" - сказал я себе и сбежал оттуда.

И вот я лежу в степи ночью под небом с таким количеством звезд, что

перехватывает дыхание и палкой шевелю картофель, что печется в углях, а рядом соблазнительно ожидает краденый арбуз. Нет в мире ничего вкусней украденного арбуза.

Теперь я лаборант Херсонской археологической экспедиции АН УССР. На моих руках грязь времен, ножом я дотрагиваюсь истории, а передо мною не вульгарный "экономайзер", а захоронение половецкого всадника.

Вдвоем с таким же балбесом, как и я, мы охраняем ночью это захоронение от местной публики из ближайших колхозов, которая иногда забредает на раскопки.

Херсонщина начала заселяться после завоевания Крыма. Говорят, что для стимуляции этого процесса существовало правило освобождать от преследования даже беглых каторжников, которые поселялись здесь навсегда. Зная местных жителей, я верю этим рассказам.

Погребение оказалось удивительной сохранности. Курганчик был маленький и совсем распаханный, уже даже не курган, а светлое пятно на темном поле. Когда его начали прокапывать, то уже на втором штыке наткнулись на дерево, которое сначала приняли за свежее, но выяснили, что это ступицы громадных колес половецкого воза, положенные на могилу. Колеса и дощечки от воза сохранились настолько хорошо, что именно на них мы и пекли картофель, на дереве, которое было срезано и обработано восемьсот лет тому.

Он лежал на спине на деревянных плашках. На нем были длинные кожаные сапоги и кафтан с ярким узором. В ногах - обшитое кожей деревянное седло и свернутая броня. Кривая сабля, булава, на груди лук со стрелами и глиняный горшок в головах.

Словно сгустился воздух, надвинулось небо и меня вдруг остро проняла значимость этих костей. Восьмисотлетняя ситуация этого погребения за день будет разрушена. Но состояние ностальгического созерцания, вызванное этой ситуацией, будет жить во мне все время, и вкус пожара будет сопровождать каждый глоток, который я сделаю потом.

Мне было лет пятнадцать, я брел по Одессе от железнодорожного вокзала в сторону порта. Был солнечный день, я очень хорошо его помню. На книжном лотке я увидел грубый том Феофана Прокоповича и двухтомник Гегеля "Философия религии". Я долго сомневался, что приобрести и, наконец, решился на Гегеля. Эта покупка определила мою дальнейшую жизнь. Я нырнул в него, как в море и я был поражен. "Философия религии" - наиболее поэтическая часть его философии и наиболее интересная. Я, наверное, немного понял тогда, но способ его поведения с предметом, способ его поведения со словом, конструкции этих фраз выстроили мою душу новым образом, строгим порядком.

С тех пор я много раздумывал о божественном и пришел к выводу, что Бог материалист, больше того - он вольтеррианец, но бывали случаи в моей жизни, когда мистика самым нахальным образом смеялась надо мной.

Как-то я принимал участие в раскопках небольшой курганной группы на берегу речки Бакшалы, там, где она вливается в Южный Буг. Я сидел на дне могилы и расчищал скорченный костяк эпохи "средней бронзы". За три тысячи лет в маленький курганчик было сделано десятков захоронений. Яма была на яме и разобраться во всем этом стоило здоровья. Надо мной нависало метра три земли и небо с невероятно красивыми облаками.

На фоне неба появилась голова приятеля, который позвал меня на чай. Как только я вылез на поверхность, бровка кургана и все, что было под нею - несколько десятков тонн земли - обвалилось, засыпав яму, в которой я только что сидел. Смерть прошла рядом, толкнув мое плечо. Я посмотрел на солнце и

облака. "Вот как выглядит судьба" - сказал я себе. Рационализм во мне сморщился и побледнел.

В те времена в сезонных археологических экспедициях собиралась колоритная публика. Бомжеватые художники, слегка диссидентствующие граждане, иногда мелкокриминальный элемент, выгнанные за лень студенты ехали на юг погреться на солнышке, помедитировать над черепками, наесться арбузов, отдохнуть от семейного рабства, попить водки, поговорить об абстракциях, переждать стрем.

Одного из этих экземпляров я вспоминаю с благодарностью. Петя был идейным алкоголиком. Но когда он выпивал два стакана вина, у него переставали трястись руки, он втыкал в отвал возле раскопа лопату и шагов с двадцати метал в черенок нож. Он всегда попадал. Это было единственное в чем он был художником. Он учил меня и с тех пор я принадлежу к секте, которая считает, что необходимо утяжелять рукоятку. От ножа он и погиб. Его зарезали где-то в Николаеве, таким образом, его жизнь приобрела стилистическую завершенность.

В 1985г. меня пригребли в армию. Я попал в учебную часть под Ригой. Во взвод, который готовил командиров БМП-2. Она была тогда сравнительно новой техникой.

Динамику демографических процессов в Империи лучшее всего можно было ощутить в Советской Армии. С каждым годом увеличивался процент закавказской и среднеазиатской молодежи, уменьшалось количество славян. В учебном полку под Адажи больше всего было азербайджанцев.

Полк был образцово показательным - это означало, что все время, когда солдаты не стояли в строю, они белили бордюры, рвали руками траву, красили, копали, мыли, чистили и все это оставляло совсем мало времени на боевую подготовку. Система была построена таким образом, что в принципе не могла подготовить ни одного хотя бы более-менее дельного механика, наводчика или командира БМП. Учебный процесс в Советской Армии был максимально формализован. Никого не интересовал результат. Все два года солдаты стреляли одно и то же упражнение с АК-74, на тех же расстояниях, в том же порядке появлялись грудная мишень, ростовая мишень, такое же упражнение стреляли наводчики БМП и танкисты. Никого не интересовало, что важнейшее в стрельбе - верно, выставить прицел, а значит сориентироваться в расстояниях.

По штатному расписанию мотострелковой роты, в составе каждого взвода предусматривался снайпер. Я не видел ни одного, (а видел я их много), кто бы умел пристрелять свою винтовку. Через год службы, как сержант, я был поставлен дрючить трех снайперов роты на каких-то очередных стрельбах. Стреляли по ростовой мишени на стандартном расстоянии 400 м. Все трое были из последнего набора и принадлежали к разным национальностям.

Армянин, азербайджанец и украинец-пятидесятник с Винницы. Когда после первых выстрелов стало ясно, что враг может не волноваться, я сказал земляку: "если кто-нибудь из этих двух попадет раньше тебя, я тебя замордую". Он помолился, зажмурил со страху глаза и стал стрелять не целясь. Он не промахнулся ни одного раза. "Видите, - сказал я кавказцам - Бог пятидесятник".

Позже земляк отказался принимать присягу и был переведен в строительные части (в восьмидесятых за отказ присягать уже не сажали). Он принадлежал секте, которая слишком буквально воспринимала заповедь "не убей". Его талант пропал зря.

Даже винтовка СВД уже является слишком сложной техникой для солдата

срочной службы. Армия учит ненависти к технике, ненависти к оружию и к своим боевым товарищам. Если бы началась война, я первым делом отстрелял бы человек десять из моей роты, чтобы они не застрелили меня. Еще я попытался бы убить кое-кого из офицеров.

Пользоваться современным оружием и военной техникой способны только добровольцы, люди, которые занимаются войной как делом своей жизни. Тем не менее, в советском подходе к использованию военнослужащих была своя логика. Пехотинца делает строевая, а не стрельбы. Если средняя предполагаемая продолжительность жизни мотострелкового полка в полномасштабном военном конфликте ровняется сорока минутам, то стоит ли обращать внимание на индивидуальные качества бойца?

По окончании срока пребывания в учебном полку, я получил свой первый опыт организации локальной межэтнической войны. Нас должны были отправлять в войска. Роту выселили из казармы. Днем нас возили на строительные работы в Ригу, а ночью мы спали на полу в одном из учебных корпусов.

В подвале одного из недостроенных домов у меня случилась стычка с черкесом, который примыкал к азербайджанскому землячеству, потому что был единственным черкесом в полку. Он схватил меня за одежду и прижал к бетонной стене. Пяткой ладони я ударил его в нос и через заднюю подножку повалил на пол, после чего побил ногами.

Я вышел из подвала и начал размышлять. Не позднее, чем сегодня вечером, меня начнет бить половина полка. Вру, не половина, но человек тридцать соберется наверняка. В худшем случае, меня покалечат или забьют на смерть, в лучшем, я кого-то покалечу или, скорее всего, убью, и меня посадят. Я понял, что необходимо создавать организацию. Я собрал всех славян роты (их набралось человек двадцать) и обратился к ним с речью:

- Товарищи! - сказал я им - полгода вас здесь бьют и ни одного раза никто из вас не помог друг другу. Нам здесь оставаться недели две. Это время беспредела. За это время вас опустят окончательно. Я предлагаю договориться действовать вместе, как кавказцы. Тому же, кто в случае чего не подпишется за товарища, все вместе поотбиваем почки. Нас достаточно много. Пару раз отобьемся, никто больше не сунется".

Все согласились, хотя я не заметил огня упорства в их глазах. Если бы мне тогда немного больше опыта, я мог бы полностью предусмотреть поведение каждого потом. Подобные союзы слабых людей (союзы созданные страхом) целесообразно скреплять кровью. Я мог бы тогда выбрать самого слабого, спровоцировать его возразить мне и побить его, при всех сломать ему что-нибудь и вынудить каждого ударить хотя бы по разу. Такой ритуальный жест дал бы толчок, породил бы совместную психологию группы. На некоторое время превратил бы это стадо в стаю. Кроме того, нужно стараться уравновесить страх. Троцкий был прав: "Солдат должен быть поставлен перед выбором между возможной смертью на фронте, и неизбежной смертью в тылу".

Но тогда я не знал всего этого. Мордобой начался вечером. Славяне испугались, меня вяло поддержал только один, да и тот с внутренней готовностью быть побитым. Так и случилось: его отключили в самом начале. Я схватил ржавую косу с обломанным на половину черенком (ее я заранее спер из подсобки) и бросился на них, как будто франк на сарацинов. Одному я таки хорошо попал по рукам и по голове и все поняли серьезность моих намерений. Сложилась патовая ситуация, я стоял спиной к стене и махал косой. Они, человек пятнадцать, держались на безопасном расстоянии и делали угрожающие движения. Так стояли мы несколько минут и кричали друг на друга. Наконец,

один из них предложил мне драку один на один.

- Давай выйдем, - сказал он - если ты мужчина".

Я согласился. Мы вышли за учебный корпус и увидели там толпу азербайджанцев. "Ты же сказал, что один на один" - сказал я. "Что поделаешь - ответил он - Такой солдатский судьба! "

Я попытался прорваться и сбежать, но сзади меня ударили по голове бревном и, когда я упал, стали добивать, но я скоро потерял сознание. Потом кто-то отвел меня в госпиталь. Как ни удивительно, мне ничего не сломали и не отбили и, если не считать сотрясения мозга, все обошлось хорошо.

Следующие пару дней я провел в госпитале и классно бы отдохнул, но туда заявился майор особист, чтобы допросить меня. Как выяснилось, моя организационная деятельность имела некоторые последствия. Драки продолжались и на другой день и это перекинулось еще на одну роту. В результате одному из славян порвали селезенку и еще что-то в животе. Его не успели довести в окружной госпиталь, он умер. Среди наших у кого-то хватило духа и он проломил молотком скулу какому-то азербайджанцу.

Особист искал зачинщиков и подозревал, что я один из них. Я понял, что нужно лить. Я пошел в штаб к одному знакомому негодяю (он был писарем) и попросил его, чтобы он вписал меня в команду, которую сегодня отправляли в войска. Через пару дней я уже был командиром отделения одного из взводов мотострелковой роты образцово-показательного полка "Железной дивизии" Прикарпатского военного округа.

В ту зиму мне посчастливилось принять участие в последних больших учениях Советской Армии "Гром 86". Они происходили в Западной Белоруссии и Прибалтике. Были задействованы все рода войск, включая флот.

Одновременно, в Западной Германии проводились большие учения НАТО. Американские солдаты ехали на маневры, как на пикник, в купейных вагонах в Баварию, где через каждые сто метров если не пивная, так сосисочная. Нас везли в "теплушках" - не в деревянных, как в гражданскую, а в железных товарняках. Внутри каждого вагона были настелены нары и поставлены "буржуйки". Полк вместе с техникой погрузился в эшелон и отбыл прямо в белорусские болота. Выезд полка стоил столько усилий, нервов, травм, что ограничиться заурядными учениями и не осуществить затем поход на Европу, как по мне, было расточительством. Я не знаю, какими были нормативы, но по боевой тревоге из парка могло бы выехать меньше четверти всей техники. Думаю, что в первую неделю третьей мировой войны, американцы имели бы против себя вчетверо меньше войск, чем могли бы ожидать в соответствии с данными космической съемки.

Зима была чрезвычайно сурова. Морозы достигали сорока градусов и через месяц учений половина личного состава роты лежала в медицинской части с обморожениями и бронхитами.

Там я понял, что врагов трое: холод, голод и недосыпание, они убивают больше, чем противник, а огонь вражеских батарей только мелкая неприятность.

Я с большим интересом наблюдал за тем крайним отупением солдат, которое вызывается длительными перегрузками, а также за проявлениями собственной подавленной психики. Оттуда я вынес убежденность, что большинство людей не способны принуждать себя к борьбе за выживание. Сбой социальной машины, или выход за пределы узкого житейского алгоритма, означает смерть для девяти из десяти. Я думаю, все, кто умер в тридцать третьем и сорок седьмом годах, умерли от нехватки воли, а не от нехватки пищи. Гюрджиев был прав: человек - это намного больше машина, чем кажется. То, что, как правило,

принимается за проявление воли, всего лишь проявление социальной инерции. Именно поэтому и возможны массовые армии.

Будучи выведенными из мест постоянной дислокации, большие массы войск теряют организованность. Первой разрушается система поставки. Я видел, как солдаты подбирали с земли и ели кашу, которая пролилась три дня назад. Ели замерзшие куски комбиджир. Как-то ночью я, наконец, добрался до палатки, в которую набилось человек пятьдесят. Я оттолкнул в темноте какое-то тело и не успел сесть возле буржуйки, как уснул. Моя рука коснулась железного бока печки и обожглась, но я не проснулся и не отдернул руку. Я понял, что произошло, только впоследствии, по ожогам и волдырям на руке.

В армии я выполнял функции командира отделения, а впоследствии заместителя командира взвода. Наибольшее испытание, с которым человек сталкивается в армии, это жестокая скука. Когда по полку распространился слух, что нескольких людей должны отобрать в Афганистан и в Анголу, в строевой части выстроилась очередь желающих. Когда произошел взрыв на Чернобыльской станции, часть полка была вывезена для аварийных работ. Все, кто отъезжал радовались: куда угодно только б вырваться.

Все время службы не обходилось без драк. Как-то мне так всерьез перепало. Дело было на Яворовском полигоне. У меня возникла ссора со здоровенным азербайджанцем. Он навалился на меня сзади. Я бросил его через бедро и даже сам удивился, что так гладко вышло. Тогда я несколько раз ударил его по голове ногами. Подошва моего сапога рассекла ему кожу на голове. Из раны сразу вылилось довольно много крови, но это его не остановило. Я должен был знать, что по голове добить тяжело, нужно было бы бить по корпусу, и к тому же делать это основательно. Как правило, человека не так уж легко затоптать.

Я хотел уже уйти, и в этот момент очень некстати рядом оказались несколько соотечественников моего визави. Они повалили меня, а он поднялся. Здесь я понял всю мудрость татарской пословицы: "нет ничего хуже недобитого врага". Кто-то отвел в сторону мою левую руку, а мой "недобиток" упал коленом мне на ребра, туда, где сердечная мышца. Я думал, что умру. Еще около двух месяцев после того, я не мог нормально вздохнуть. Это было скверно, поскольку время оказалось бурным в плане мордобоя. Я не мог драться полноценно и мне сильно доставалось.

В армии я впервые обратил внимание на удивительную не информированность населения относительно любых абстрактных вещей. Ежедневно в роту проводилась политинформация. От замполита требовалось, чтобы солдаты знали что-нибудь о НАТО и Варшавском Договоре. Он несколько месяцев старался вынудить нас запомнить какие-нибудь страны НАТО, но это ему не удавалось. Среди рядовых и сержантов роты нас было двое кто умел на географической карте показать Африку и только я один был способен показать экватор. С тех пор я горжусь своими познаниями в географии. Но прошло два года и весной 1987г. меня демобилизовали. Я возвратился в другую страну, в которой уже было все: демократия, проституция и квадратные пакеты для молока. Тогда я еще не мыслил в категориях философии смуты, но сердце мое переполнялось радостным предчувствием.

Дмитрий Корчинский

* ГЛАВА 2. ПЕРЕСТРОЙКА *

В свое время я думал: "Оковы тяжкие падут, темницы рухнут и изо всех щелей, как тараканы повывлезают художники, философы, мыслители, произойдет культурологический взрыв. Но ничего не случилось, не было там никаких тараканов. Диктатура никого не угнетала. Единственное, что мы привнесли в сокровищницу мировой цивилизации -- это черновильский взрыв. Только благодаря нему нас и запомнят".

Я поступил на исторический факультет Киевского университета и начал учиться в его красном корпусе. Когда-то, в конце двадцатых годов, здесь учились мой дед и моя бабушка. Дед рассказывал, что начальную военную подготовку им преподавал старый прапорщик, который говорил: "Студенты, запомните: часового с поста кроме разводящего и начальника караула может снять только Государь Император".

Летом 1987г. в Киеве возникло небольшая националистическая группа под названием "Украинский культурологичный клуб". Было организовано несколько публичных собраний с действительно культурологической тематикой. Власть оказалась настолько глупой, что вместо того, чтобы проигнорировать, начала против нее идеологическую кампанию в газетах, чем сделала огромную рекламу. Тогда уже я начал думать о том, что политическое или историческое явление это не поступок, а реакция на поступок. И явление тем более значительное, чем реакция более неадекватна.

Количество трупов не важно. Важен культурологический эффект. Гаврила Принцип убил только одного человека (о супруге эрцгерцога никто даже не вспоминает) и стал исторической фигурой. Можно найти тысячу сербов, каждый из которых мог бы посмеяться над такими количественными показателями и ни один из которых, тем не менее, не имел такой известности (а позднее такой литературы).

Перед одной из лекций на наш первый курс заявился кто-то из комсомольского начальства и предложил голосованием поддержать письмо с осуждением деятельности Украинского Культурологического Клуба.

Я вышел на кафедру и провозгласил первую в своей жизни политическую речь, в которой призвал воздержаться от этого, что все и сделали.

Двумя годами ранее такое стоило бы мне немедленного исключения, но в 1987г. начальство посчитало целесообразным не обращать внимания на мое фрондерство.

Через день ко мне подошел низенький старшекурсник и спросил о причинах моего поступка. Я сказал, что стараюсь воспитывать в себе интеллектуальную честность. Он рассмеялся и пригласил меня посетить одно из заседаний.

Вечером мы появились в коммунальной квартире на третьем этаже "сталинского" дома недалеко от парка им. Фрунзе. В комнату набилось человек с двадцать пять народа. Кто-то начал читать лекцию - что-то невнятное о голоде тридцать третьего года. Одного из присутствующих я узнал. 22 мая 1985г. я познакомился с ним возле памятника Шевченко. Эта число считалась националистической датой (день перезахоронения Шевченко в Украине, которое сопровождалось политическими выступлениями). В семидесятых годах в этот день возле памятника проходили собрания национально-сознательной публики, что обычно заканчивалось арестами. В восьмидесятых собираться уже никто не решался.

Нас было трое. Мы сидели на лавке и разговаривали. Время от времени к памятнику подходил кто-то из прохожих, клал цветы и спешил отойти. Мой новый знакомый рассказывал о некоторых из них. Это были люди известные в

украинофильских маргинальных кругах. На соседней лавочке сидело двое мордатых молодых людей. С нашего места было заметно, как один из них из-под журнальчика фотографирует в профиль тех, кто кладет цветы.

Мне было интересно. Я впервые наблюдал оперативную работу органов.

Раз в неделю я стал посещать сходки клуба. В то время в Киев начали возвращаться выпущенные на волю диссиденты. Это не были люди поступка, это были люди позиции. Как и все шестидесятники, каждый из них имел хорошую дикцию, умел декламировать и был готов сказать какую-нибудь речь в любую минуту своей жизни. Неизвестно, с чем связано то, что последующие поколения не имеют культуры речи. Они разговаривают вяло, блекло и, запинаясь, как и думают. Переключите канал и посмотрите, как все эти несчастные стараются отрывками слов высказывать отрывки мнений. Особенно это касается местного русскоязычного (как называл их Патриарх Владимир) населения. Язык подобен флоре. В значительной мере это природный феномен. Определенной территории, в каждую данную климатическую эпоху отвечает определенный растительный ансамбль, а в каждую историческую эпоху - определенное произношение согласных и звуковой посыл, определенная корневая и интонационная система, определенная структуральность - то есть определенный язык. Другой здесь не будет расти полноценно.

Если нас с вами обвиняют, что у нас все ограничивается разговорами, то нужно сосредоточиться на разговорах - на интонации, на согласных и на словарном запасе. Образование не бывает законченным - говорил Куринский.

Необходимо вдруг осознать катастрофическую нехватку собственного образования, боль от этого и начать провозглашать, декламировать.

Сосредоточиться на тональных аспектах языка. Это - легчайший способ достигнуть прорыва. Я, например, часто читаю проповеди ближним с единой целью поставить базар, то есть усовершенствоваться в демагогии.

В свое время Сократу постоянно снился один и тот же сон: будто какой-то голос с неба говорит ему - занимайся музыкой, Сократ, усовершенствуйся в ней.

Я хотел бы сниться вам со словами: занимайся высказыванием, негодник, усовершенствуйся в нем.

Давно замечено, что обеднение, блеклость языка является следствием прогресса. Более примитивные общества имеют более богатый язык - язык с более богатой технической базой - больше грамматических форм, больше синонимов, большой словарный запас.

Почти идеальный по своей технической простоте английский язык ранее имел больше временных форм, разделения на "ты" и "вы" и другие излишества. С развитием цивилизации, язык уступает математическому языку, образ числу, подобно другим физиологическим функциям, которые изменяют свое значение. Ранее пищу вкушали, потом ею ужинали, сегодня ее потребляют, завтра ее будут вводить внутривенно.

Понты есть основанием политики, а отсюда любого человеческого общежития. В политике, в бизнесе, в бандитизме, часто даже в войне 90% успеха дают артистичные качества, хорошо поставленный базар, умение говорить.

В конце концов, человек -- это вешалка для языка.

В начале марта 1988г. в общежитии физического факультета Киевского университета образовался студенческий националистический кружок "Громада" (Община - укр.). Я попал на его второе или третье собрание и сразу активно включился в работу. Здесь было веселее, чем с шестидесятниками.

Прошло десять лет. Я вспоминаю сейчас всех своих товарищей по клубам, союзам, партиям, ассамблеям, боевикам и ловлю себя на том, что мне не хотелось бы увидеть их снова.

Есть считанные единицы личностей и множество ситуаций. Большинство людей является людьми одной ситуации. Ситуация поднимает их, в этой конкретной ситуации они являются сильными, красивыми, воодушевленными, но ситуация проходит и остаток жизни все эти люди доживают кое-как, вызывая удивление тех, кто видел их ранее.

Начиналась митинговая эпоха. Я с головой окунулся в организацию первых в перестроечной Украине массовых акций, в выпуск политического самиздата, в создание кружков, вербовку сторонников. Я мечтал и составлял планы будущей революции, ни один из которых не осуществился.

Аноним

"Разработка" Корчинского со стороны Киевского Управления КГБ казалась перспективной. Несмотря на все больший размах правозащитного движения, в нем очень сказывался недостаток "буйных". В период застоя народ настолько эмансипировался от властей, что мысль о терроре никому и в голову не приходила. На обязательных инструктажах по случаю подготовки праздничных мероприятий два раза в год - 1-го мая и 7-го ноября - полковник Ветров, заместитель начальника 9-й службы не мог даже припомнить ни одного стоящего "теракта", кроме, разве того, как на стадионе задержали старшего лейтенанта, который оказался не старшим лейтенантом, а... опасным психическим больным. Козни националистов, если верить полковнику, не простирались дальше окраски столбов, витрин и даже машин ГАИ в сине-желтую гамму. То есть, один столб был окольцован синим, другой желтым, если смотреть издали, при большом желании цвета образовывали крамольное сочетание.

В семидесятые только армяне оказались способными на безмотивный террор. После известного взрыва в московском метро, когда подобная акция ожидалась в Киеве, не было найдено лучшего способа поисков преступников, как организовать наружное наблюдение в каждом вагоне метро. Все сотрудники киевского управления ездили таким образом что-то около двух недель до полного одурения. Взрыв прогремел на Крещатике накануне Первомайских праздников. Творец, иначе не могу его назвать, бомбы использовал весьма сложный электронный взрыватель с временным замедлением, по которому его позднее и вычислили. Заряд черного пороха был снаряжен в бутылку и не мог вызвать ни жертв, ни разрушений, остался лишь небольшой след на мостовой. Как ему удалось заложить бомбу, мне до сих пор не ясно. С другой стороны я сам видел человеческие экскременты посреди Киевского вокзала.

Однако опыт с метро признали успешным. В 1985 г. на международном фестивале молодежи и студентов в Москве в каждом вагоне подземки прохаживались туда-сюда по два курсанта, переодетых милиционерами. Не удивительно, что меры по охране высших должностных лиц были скорее формальностью. Вскоре после войны внутренние войска перестали охранять правительственные дачи, передоверив это занятие местной милиции. Лишь ограниченному кругу лиц, вроде Шелеста или Щербицкого, полагались телохранители. Караул в комплексе зданий ЦК КПУ, ныне по улице Банковской, несло лишь человек тридцать прапорщиков КГБ. Наружный периметр резиденции был огражден фотоэлементами, однако крыши всех соседних домов оставались свободными для доступа.

В ходе торжественных мероприятий во дворце "Украина" наряжался караул из состава полка ВВ, дислоцировавшегося на Подоле. Для этой цели служила 4-я отборная рота, весь личный состав которой был проверен особистами. Пятая рота оставалась резервной. Во дворце выставлялось 36 постов: на крыше, сверху у крепления люстры, на кухне, у выходов на сцену, у вентиляционных систем. На постах находилось одновременно 2 человека - по одному солдату и одному "кегебешнику". Штаб размещался в соседней школе. В караул заступали на 4-5 суток, спали за буфетными стойками. Один раз солдат с разбегу запрыгнул за стойку, а там буфетчица кимарила. Как заорет. Потом, конечно, пожалела. Подобное безобразие наблюдалось и в Октябрьском дворце. Накануне парадов и демонстраций на Крещатике, начальник инженерной службы, исполнявший тогда обязанности взрывотехника, со взводом саперов (срочной службы) проверял подземный переход. Сотрудники КГБ, каждый с четырьмя солдатами, обходили трибуны и заглядывали под них. Тогдашние трибуны - это такой низкий ступенчатый деревянный настил. Раз в переходе этот наш "взрывотехник" - любитель услышал подозрительное тиканье. Звук доносился из автомата по продаже газированной воды. Не дожидаясь прибытия ответственного лица, саперы разобрали автомат, внутри капала вода. Правительственную трибуну охраняли милиционеры из райотдела. С шести часов утра в день парада или демонстрации центр города оцепляли военнослужащие того же полка ВВ. Вместе с работниками коммунальных служб проверяли чердаки всех домов на Крещатике, наличие пломб на опечатанных дверях, даже общественные туалеты. С улиц внутри кольца "вытесняли" посторонних. То же самое происходило и с боевой техникой. Накануне дверцы и крышки бензобаков опечатывались. Как-то во время последнего парада, проходившего по Крещатику, напротив трибуны заглохла установка "Град". Вот-вот должно было начаться прохождение демонстрации. Штаб обычно размещался в парикмахерской "Черемшина" возле дворца профсоюзов. В воротах ставили на всякий случай тягач. В тот раз ворота заперли. Демонстрация стояла минут 15. Я еще подумал: "Хана зампотеху!" Так оно и случилось. Интересно, что компетентные органы не извлекли уроков из покушения на президента Садата на параде в Каире 6-го октября 1981 г. Военнослужащие парадных расчетов проходили мимо трибуны с боевым оружием. Тогда казалось, что выстрелить из парадной "коробки" практически невозможно. Товарищи помешают. Что у нас, в отличие от египтян, солдат-террористов нет. Сколько было в ротах осведомителей готовых донести особисту, показывает такой пример: как-то в Золочеве, в учебной бригаде внутренних войск перед строем роты проходили майор из особого отдела и капитан - командир роты. Вдруг капитан скомандовал:

- Кто работает на этого майора, шаг вперед!

Вышли пятнадцать человек. Солдаты были дезориентированы мирной беседой двух офицеров. А таких рот в бригаде двадцать. Особиста сразу убрали. Вообще, эта публика не соответствовала возлагаемым на них задачам. Все они оканчивали едва ли одиннадцатимесячные курсы в Новосибирске. В то время, как обучение в Высшей Школе КГБ продолжалось целых два года. Приход новой эпохи в Киеве ознаменовался и переездом Киевского Управления и самой Высшей Школы по новому адресу. В межвременье в этих священных для меня стенах разместились какие-то фонды и даже "духовная республика" Олеся Бердника.

Дмитро Корчинский

Осенью 1988р. преимущественно бывшими политзаключенными был создан Украинский Хельсинкский Союз, в который я вскоре вступил. Я не собирался этого делать поскольку не верил в политическую способность старперов, хотя и уважал их. Я больше полагался на студентов. В то время я решил осуществить попытку превратить "Громаду" в революционную организацию от чего она впоследствии и развалилась.

Как-то я подошел к красному корпусу университета, чтобы переговорить с несколькими студентами. Это было на следующий день после первого действительно массового митинга на который удалось вывести несколько тысяч человек. Мы были его организаторами. Разговаривать мы ушли в парк Шевченко. На боковой аллее нас заблокировали автобусом и несколькими милицейскими машинами и всех повязали. Я был тогда настолько неопытным, что заметил ментов только за секунду перед тем как меня схватили под руки. Нас отвезли в райотдел и развели по кабинетам для допроса. Меня допрашивал начальник РОВД. После того как я рассказал ему, что скоро произойдет революция и всех милиционеров предадут военно-полевым судам, он спросил меня, являюсь ли я членом Хельсинкского Союза (он казался тогда основной антисоветской организацией). Я подумал, что если я скажу правду, то он подумает, что я боюсь, поэтому ответил утвердительно.

Через несколько часов нас отпустили, пригрозив преследованиями и конфисковав весь самиздат, что оказался при нас. В тот же вечер я явился на собрание Союза и рассказал, что мне пришлось вступить в него прямо на допросе.

Осенью 1988 г. мы начали кампанию против военных кафедр в ВУЗАХ. Сегодня я никак не могу вспомнить, чем они нам не понравились. Очень полезная вещь, тем более, что мы мечтали о революции. Впрочем, предмет протеста не важен, главное - готовность к протесту. На одно из пикетирований военной кафедры университета явилась девушка с плакатом на груди: "Не пущу мужа в армию". На самом деле, у нее не было никакого мужа, ей было всего семнадцать лет. Поскольку, всю свою дальнейшую жизнь я собирался заниматься заговорами и провокациями, я подумал, что именно такая жена мне и нужна. И женился на ней.

Я не ошибся. Таким образом я приобрел преданного и чрезвычайно способного товарища.

Она училась на первом курсе физического факультета Киевского университета, который, безусловно, не закончила, нырнув в бурную деятельность. Таким образом, на будущее был выдержан стиль. Все большие революции делаются студентами недоучками.

Летом 1989 р. во многих областях Украины начали создаваться т. н. Союзы украинской молодежи. В Киеве за это дело взялся я. У себя на квартире я начал собирать некоторое количество молодежи и прогружать о национализме. Я понимал, что орган формируется функцией. Батальон как дееспособное дисциплинированное целое существует только на марше. Неделя привала и это уже скопище негодяев, которых любой зашугает перочинным ножиком. Работу я решил построить как непрерывную серию конфронтационных акций. Как оказалось с самого начала, милиция была абсолютно не готова столкнуться с сопротивлением и активными, организованными действиями толпы. Несколько раз, благодаря наличию смелого организованного ядра, нам удавалось маневрировать толпой. Чем я горжусь и до сих пор.

В 1988 и 89 годах был осуществлен ряд попыток организовать Народный Фронт по примеру прибалтийских. Все они были неудачными поскольку не было

привлечено ни одной более-менее известной номенклатурной личности. Наконец за дело взялась парторганизация Союза Писателей и кое-кто из Академии Наук. Первое собрание происходило в подвале полуразрушенного дома, в атмосфере романтического подъема и легкого стрема. Приходили все желающие. Далее все переместилось в помещение Союза Писателей. Я помню первое заседание писательской парторганизации (в двух шагах от здания ЦК КПУ).

Манихеи врут - думал я - когда все в Мире сводят к глобальному конфликту добра и зла. На деле есть только два рода конфликтов: плохого с еще худшим и хорошего с лучшим.

В то время существовало две Украины: Украина диссидентская, и Украина советская, лучшую часть которой я наблюдал в Союзе Писателей. Обе были ужасны. Обе объединились в Народном Рухе. Обе мне не подходили. Нужно было создавать что-то другое.

Сейчас многие считают, что Народный Рух был создан партийными органами, желавшими иметь подконтрольную им умеренную организацию, как противовес радикалам. Это не совсем верно. Безусловно, какой-то элемент зубатовщины во всем этом был, однако еще больше было растерянности и деморализации в рядах партхозактива в Украине и в Союзе. Они ничего не способны были создать, не способны были ничем руководить, в том числе и оппозицией.

Революция -- не убийство, это закапывание трупов. Эти люди и идеи уже до революции были мертвы. Всегда повторяется то же самое бессилие перед смертью. Зубатову в свое времена тоже ничего не удалось. Кроме того, не бывает глобальных заговоров. Позже мне самому приходилось принимать участие во многих заговорах в Украине и за ее пределами, поэтому я больше не верю в действенность заговоров. Всегда преувеличивают возможности спецслужб. Они способны доставить неприятности, однако не способны определить перспективы даже маленькой организации. Сокрушительный удар по боевой организации эсеров нанес не провокатор Азеф (под его руководством она эффективно функционировала), а революционер Бурцев. Рассказывают, что до 25% членства Армии Крайовой составляла агентура Гестапо. Агенты были даже в непосредственном окружении Штефана Ровецкого, тем не менее, организация действовала и осталась в истории как одна из выдающихся подпольных организаций двадцатого столетия. Как бы это не было неприятно нам, украинцам. Я много повидал и из собственного опыта могу утверждать, что парадокс состоит в том, что люди и явления обычно таковы какими кажутся на первый взгляд, их изнанка написана на их лице, свои тайны они рассказывают на первых минутах знакомства. Впрочем, случаются исключения.

Человек интересен в своих поступках и публичных высказываниях. Вне этого нет интересного. Вообразите историю Наполеона, написанную его камердинером. Там не было бы ни Аустерлица, ни Маренго, ничего, кроме грязных носков и платков.

Что может быть скучнее правды? Истина всегда тавтологична. Сказать, что СССР развалился потому, что все когда-нибудь разваливается, будет правильно, но так неинтересно! Намного интереснее поверить в заговор.

Человек имеет перед собой сплошной поток жизни и нуждается в том, чтобы систематизировать его. Систематизировать - как правило означает найти причину. И находят всегда неправильно. Только с возрастом осознаешь, что явная история интереснее тайной, что последствия интереснее причин, что канонические Евангелия интереснее Апокрифов.

В детстве нас интересуют сказки, в юности приключения, потом романы, а уже далее только мемуары.

В то время на мне висело несколько административных дел за несанкционированные массовые акции и была заведено уголовное за рецидив. Как-то меня осудили на пятнадцатисуточное заключение. Меня засунули в автозак и отвезли в спецприемник на Ремонтной улице.

- Работать будешь? - спросил офицер, который принимал меня.

- Конечно же нет. - Ответил я.

- А что будешь делать?

- Вести антиправительственную агитацию.

- Ну, ступай тогда в лентяйку.

"Лентяйкой" называлась камера, куда сажали тех, кто отказывался работать. Там кормили через день. Камера была переполнена. Я поинтересовался, есть ли клопы и получив утвердительный ответ, втиснулся на нары. Я закрыл глаза и стал вспоминать свой первый административный арест. Это было весной 1989 г. Во время какой-то массовой акции возле Верховного Совета УССР милиция повязала трех ребят. Я влез на фонарь и призвал всех идти на Крещатик перекрывать движение транспорта. Я повел за собою толпу, которая, правда, значительно поредела. Не успели мы перекрыть улицу, как привезли и возвратили нам задержанных.

Через пару дней утром, когда я завтракал, в дверь позвонили. Я открыл.

В квартиру ворвалось десяток милиционеров, схватили меня в чем я был и отвезли прямо в районный суд.

За несколько минут меня осудили на пятнадцать суток и под усиленной охраной отвезли в КПЗ на Глибочице. Политических тогда уважали, к ним было особое отношение. Сначала меня поместили в камеру на двоих. Там уже сидел сын покойного известного режиссера Василия Быкова. Его взяли с голодовки, которую он объявил, протестуя, что его не выпускают за границу.

Я выразил ему свое удивление: "Для чего уезжать на Запад, ведь здесь становится по-настоящему весело?" Но Запад для него был какой-то религиозной силой мечтой. Через несколько часов меня забрали от него и бросили в одиночку.

Через полтора суток меня перевели в камеру к уголовникам и мне стало немного веселее. Нам не разрешали ни книг, ни газет, вместо этого все время играло радио.

Из него мы узнали, что обвалился портал Киевского почтамта. Под обломками погибло девять человек. Я волновался, чтобы среди погибших не было кого-нибудь с наших, поскольку это было постоянное место сбора тех, кто интересовался политикой. Но все обошлось.

В камере я с интересом наблюдал все стадии наркотической ломки. Это был молодой парень с Кубани. Его взяли с маком на Киевском вокзале. Мучился он ужасно.

Мне довелось присутствовать при историческом событии. Как-то, после утреннего обыска и завтрака, железная дверь открылась и в камеру занесли несколько абсолютно новых матрасов. До этого мы валялись на голых нарах. Это было какое-то новое постановление. Все были настолько поражены этим актом гуманизма, что даже поверили в "перестройку".

Пока я скучал на нарах, моя жена устраивала на Крещатике акции протеста. Она была беременна. Интересно, что ни один из тех, с кого началась эта история не согласился помочь ей. Тогда это ее удивляло.

И вот прошло больше года, я снова под административным арестом. К вечеру следующего дня меня вывели из камеры и отвели к начальнику. Там какой-то чиновник в гражданском прочитал мне постановление городского суда о

замене администратора денежным взысканием, после чего меня отпустили. А случилось вот что. В Киев вот-вот должен был приехать Горбачев для встречи с кем-то из западных президентов. Для местного начальства было совсем некстати, что моя жена и товарищи устраивают прямо в центре города митинги с требованиями моего освобождения. Ко дню приезда были обещаны особенно хулиганские мероприятия в случае, если я все еще не буду на свободе.

Начальство наших публичных акций все возрастало. Было несколько драк с милицией. Наконец после одной демонстрации, которая закончилась возложением венка из колючей проволоки к памятнику Ленина, было арестовано двое наших активистов. Началось следствие, их поместили в Лукьяновскую тюрьму. Мы начали кампанию за их освобождение. В это время в организации выросло глухое недовольство моей деятельностью. Оно имело вполне психологическую природу. В основе недовольства, как это часто бывает в подобных случаях, лежал страх. Вначале молодежь собирается в политические организации, чтобы ощутить собственную значимость, из потребности общения, из желания прикоснуться к какому-то высшему смыслу, но никогда для того, чтобы сесть в тюрьму.

На первых порах, когда можно было чувствовать себя героем без особенного риска, ситуация всех устраивала. Но на каком-то этапе молодые люди поняли, что тюрьма совсем рядом. В те времена даже пятнадцатисуточное заключение казалось серьезной угрозой. Даже небольшая опасность в том случае, если она ощущается постоянно, ощутимо угнетает личность.

Я все время гнал их вперед, а им казалось, что в тюрьму.

Я всегда считал, что людям в пограничных психологических ситуациях необходимо воздерживаться от выпивки. Выходит так, что важные решения принимаются в похмельном депрессивном состоянии. Честертон прав: пить допустимо от радости. Однако ни в коем случае в состоянии нервного напряжения.

Кроме того, система отношений застолья обычно противоречит системе отношений, которая складывается в результате совместной борьбы. И это противоречие является опасным для сообщества.

В полуподвале на Музейном переулке состоялась сходка, на которой я сам поставил вопрос о своем руководстве. Меня почти никто не поддержал и я вынужден был оставить организацию. Со мной вышло только четверо человек.

В это время во всех других областных организациях развернулась инициированная мной борьба между националистами и демократами. Это привело к расколу. Я стал фактическим вождем националистической фракции.

Демократическая скоро сошла со сцены. Там не осталось способных людей.

Все-таки жлобским есть желание войти в историю, минуя тюрьму.

Летом девяностого года из нескольких маргинальных групп и кружков была образована Украинская Межпартийная Ассамблея. Это была попытка создать большую националистическую организацию. Мы вошли туда и через несколько месяцев осуществили переворот, превратив ее в централизованную партию.

Председателем был выбран Юрий Шухевич, сын одного из наиболее известных деятелей украинской истории -- Романа Шухевича.

Свою творческую биографию Роман Шухевич начал в 1926 г. убийством польского чиновника Собинского. Качество подготовки и мастерство исполнения указывало на то, что девятнадцатилетнему Роману суждено стать одним из талантливейших террористов столетия. Он был организатором или соучастником наиболее громких акций УВО, а впоследствии ОУН. Считается, что именно он

подготовил убийство министра внутренних дел Польши Перацкого. В 1941-42 гг. он командовал батальоном СС "Нахтигаль", а с 1942 г. был командующим УПА. Он был убит в бою с МГБ в 1950 г.. Он решил польскую проблему в Западной Украине. Мы должны быть благодарны нашим предшественникам еще и за то, что они сделали за нас всю грязную работу. Благодаря им мы теперь можем делать политику в белых перчатках. Сына Романа Шухевича - Юрия - всегда преследовали за отца. В общем он провел 35 лет в заключении, где полностью ослеп. Ему позволили возвратиться в Украину только в 1989 г.

Зимой 1990-91 гг. в Праге состоялся большой съезд Католической молодежи - около ста тысяч католиков со всей Европы. Было немного и с Украины (среди них ни одного, кто мог бы не запинаясь прочитать "Отче наш"). Я хотел посмотреть Прагу и затесался среди них еще с двумя такими же как и я негодьями. Прага меня поразила. До этого я считал, что имею какое-то представление об архитектуре по Киеву, Львову, Ленинграду и Москве. Это было ошибкой. Когдаходишь в Св. Вита то попадаешь в другой мир, более просторный, светлый чем тот, где ты есть у себя, где ты знаешь все, как буднично знаешь географию трамвайных остановок. Тыходишь в Вита и снова ощущаешь себя учеником, маленьким мальчиком в незнакомой мастерской великого мастера.

Совершенная готика Св. Вита наваливается на тебя сверху. Внутреннее пространство Св. Микулаша летит тебе в лицо. Барочные линии и детали расположены в таком ритме, что создают впечатление постоянного движения навстречу. Особенно при повороте головы. В этом смысл барокко: поместить человека в вихрь и оставить в нем.

До меня в Праге побывал Наполеон. Он украл чешскую сокровищницу. Я хотел бы украсть собор.

Меня всегда интересовало исследовать влияние архитектурных шедевров на психику населения. Взять заурядный серый город, например Житомир, и поставить посреди него собор Св. Вита. Что-то изменилось бы со временем в головах житомирян. Хотя бомбой, безусловно, эффективнее.

Цель созерцания искусства это приобретение способности созерцать и строить жизненные ситуации как произведения искусства. Силу дает умение постоянно извлекать из жизни эстетические переживания. Смаковать контекст "сейчас".

По Праге гуляли вчетвером: я, Славко, Олесь и одна львовская курва. На мне был кожух и монгольская шапка, на Славике танковый комбинезон с пятнами мазута, наверно его дедушка снял его с убитого танкиста. Олесь носил потертое кожаное пальто, румынская модель тридцатых годов.

Славко

До недавних пор популярные у нас кожаные плащи, в Албании, Румынии и Югославии носили люди определенной профессии. Помню, как в начале нашей эпопеи в Праге, мы пытались поменять деньги. Тогда там еще существовала вымирающая профессия уличных менял. Однако у Прашной брамы на наши отчаянные призывы: "ченч! " никто не реагировал. Менялы обступили нашу четверку на приличном расстоянии и молчали. Когда одновременно молчит много народа, это производит угрожающее впечатление. Тогда я еще не знал, что иностранцы вполне безобидны. Наконец, один из них жестами выразил пожелание, чтобы один

из нас приблизился. Пошел я. Свидание состоялось на "нейтральной" разделительной полосе. Первым же его вопросом, обращенным ко мне было: - Sind sie Kroaten? (Вы хорваты? - нем.)

Не знаю почему, но меня осенило (или потому, что ехали-то в Хорватию, хотя откуда им знать?)

- Ja, ja, Kroaten, Kroatia im meiner Herz! (Да, да, хорваты, "Хорватия в моем сердце - лозунг усташей).

Меняла обрадовался, дал знак своим приблизиться, нас окружила возбужденная толпа, из повторяющихся восклицаний Montenegri! Banditi! Мы наконец сообразили, что по одежде особенно по шапке, нас приняли за Черногорцев в стиле "Kacula la pyrozok negru" (рум. шапка пирожком черная). Те совершали свои набеги на менял, и под предлогом обменять доллары на кроны, отнимали у них честно заработанные деньги.

Дмитро Корчинский

Ночевали мы на полу школьного спортзала. Кроме нас там было еще около сотни молодых католиков, преимущественно поляки, несколько испанцев и бельгийцев.

Все они почему-то побаивались нас и это было неплохо, поскольку давало возможность трусить их на еду.

Настал Новый год. Вся Прага покрылась битым стеклом от бутылок из-под шампанского. Проснувшись первого января, я вспомнил, что сегодня день смерти Бандеры. Организатором нашей поездки был один очень способный восемнадцатилетний мошенник, который выдавал себя то за греко-католического священника, то за монаха-доминиканца. Я назначил его служить молебен в память по Степану в зале на втором этаже. Я обошел всю школу и согнал на молебен всех, кто там был. Я построил их и провозгласил самую длинную в своей жизни речь по-английски.

This is service about Bandera -- the lider of Ukrainian nationalist and all progre ssive people.

К моему удивлению все они дисциплинированно отстояли сорок минут молебна. Ни один поляк не решился сбежать. И тогда я осознал наши перспективы.

В конце 1990 г. в день Великой Октябрьской Социалистической Революции демократическая общественность решила воспрепятствовать коммунистической демонстрации на Крещатике.

Накануне вечером большая толпа собралась на площади Октябрьской Революции в Киеве для того, чтобы стоять всю ночь, поскольку утром нас не пустило бы туда оцепление милиции.

Рано утром в подземном переходе под площадью случилось столкновение между милицейским полковником Григорьевым и депутатом Верховного Совета Степаном Хмарой. Я с несколькими своими хлопцами бросился в стычку.

Образовалась толпа из наших и переодетых в гражданское курсантов школы милиции, которые действовали крайне неорганизованно. Я схватил полковника Григорьева сзади, рядом со мною оказался депутат Хмара, который на зековский манер пинал полковника ногами, сохраняя при этом отстраненное выражение лица (сбоку ничего не было заметно). Тем временем у полковника вытащили пистолет и радиостанцию и вывели его на поверхность. Пистолет, правда, все-таки возвратили набежавшим представителям власти, а радиостанцию мы спрятали. Коммунистической демонстрации воспрепятствовать не удалось, так как

милиции было в несколько раз больше чем нас и коммунистов вместе взятых. Через некоторое время за разбойное нападение на сотрудника милиции арестовали Хмару (Верховный Совет дружно проголосовал за лишение его неприкосновенности), а также еще нескольких человек, которых удалось идентифицировать по данным оперативной съемки. Ни меня, никого из наших не взяли. Мы были уже достаточно опытными и прятали лица от оперативной камеры. В подобных случаях всегда первым делом нужно стараться разбить оперативную камеру. В толпе бывает легко дать подножку оператору. Кому-то из своих перед любой акцией необходимо ставить отдельное задание на работу против оперативной камеры. Также все свои должны быть проинструктированы по поводу того, чтобы натягивать на лицо платки в случае любой стремной ситуации.

Эта история приобрела незаурядную огласку. Милиция и КГБ выходили из себя. Мы решили порадовать братьев. Вытянув внутренности из рации (они могли нам понадобиться для прослушивания милицейских переговоров), корпус мы положили в камеру хранения на железнодорожном вокзале, о чем анонимным звонком сообщили в приемную КГБ. Они сделали там засаду и несколько дней ждали, что кто-то придет. Наконец, достав корпус, могли отчитываться, что нашли рацию, хотя и в поврежденном виде, а мы остались при своих. Я сильно жалел, что не прихватил пистолет.

Славко

Наиболее показателен пример первой акции по празднованию летнего солнцестояния 30. 06. 91. День этот совпадает с датой провозглашения во Львове 30. 06. 41 самозванного украинского государства в обозе гитлеровской армии. По этому, непосвященные обычно связывают с праздником УНА-УНСО именно это второе событие. Но огненный крест был воздвигнут во Львове совсем по иной, более глубокой причине. "Три тысячи лет длится наша война", - как-то сказал Корчинский в одном из своих стихотворений. Следует понять психологию этого человека, он искренен только в своем творчестве и называет это "интеллектуальной честностью". Там есть еще одна характерная фраза относительно "высокой ступени" (Посвящения авт.). Так же, как и его излюбленное обращение к ближайшему, доверенному окружению "Дети" (Вдовы авт.).

Было бы просто глупо обойтись в данном случае ходульным определением "масонства", ставшим уже пошлостью в российской публицистике. Но что-то такое, не вполне ортодоксальное, в этих образах было.

Для успеха такой важной акции, как первое публичное выступление во всесоюзном и даже международном масштабе, ведь кадры хроники этого события показывают по телевидению и сейчас, спустя восемь лет, был принят ряд мер. Всех участников, числом около трехсот человек, перед операцией изолировали - вывезли в учебный лагерь в тернопольской глуши. Три дня личный состав подвергали интенсивной физ. подготовке (групповые действия, перестроения, прорыв строя противника) и психологической подготовке (изменение распорядка дня, рациона, промывание мозгов). Прикрытием для акции служило какое-то безобидное санкционированное мероприятие в помещении. Поскольку всяческие патриотические шествия по Львову в то время происходили при каждой возможности, оставалось только сообщить местному управлению КГБ заведомо ложный маршрут. Под давлением из Киева, загодя, те еще могли принять какие-то меры на предмет "недопущения" - перекрыть улицу, подвезти пару

автобусов ОМОНа. Свою порцию информации получило и тернопольское управление. Те даже смогли перевести на другой путь поезд со Львова, в который собиралась грузиться вся эта публика. В конце озверевшие от постоянных тренировок боевики ломались через вокзал и сквозь стоящий рядом ни в чем не повинный поезд на Москву, как татарская орда. Даже подумать нельзя было, чтобы их как-то остановить в мирном националистически настроенном Тернополе. Во Львове так и не сообразили, что пойдут не обычным маршрутом патриотических шествий - по дуге улиц от памятника выдающемуся украинскому поэту Мицкевичу к оперному театру, а по кратчайшей - глухой улочкой к площади перед оперным и уже оттуда к Мицкевичу, и куда-то дальше в неизвестном для них направлении. В своих расчетах организаторы акции учли и праздничное мероприятие в Опере на предмет юбилея все того же нацистского празднества 30. 0641 г. Толпа как раз выбралась на "стометровку" по его окончании и расходится не хотела, ожидая новых зрелищ. Она и послужила прикрытием для боевиков, так же их неорганизованным резервом.

Дмитро Корчинский

Вечерело, перед фасадом оперы колонна с ходу перестроилась в "каре", в середине которого был установлен деревянный, смазанный напалмом крест. Толпа, которая быстро собралась, притихла. В торжественной тишине креста был подожжен. От него зажгли факелы и каре, свернувшись в колонну, двинуло долой. Толпа пошла за нами. Все это имело на нее гипнотическое действие, ей передалось наше возбуждение.

Освещенная факелами колонна прорезала город. Никогда позднее, в ни одной публичной акции нам не удавалось достичь такого эмоционального подъема. Мы ощущали готовность все уничтожить на своем пути и с восторгом умереть самим. Весь следующий день каждый из нас ощущал себя расслабленным и опустошенным.

Дмитро Кочинский

* ГЛАВА 3. УНСО *

Утром 19 августа 1991 г. я с несколькими людьми высадился из киевского поезда на львовском вокзале. Во Львове все были подавлены переворотом. Из вокзала и львовской оперы, наделенные генетической памятью львовяне, быстро сняли сине-желтые флаги. Мы зашли в областной Совет. Там была тихая паника. Вывозили компьютеры и ксероксы. Я сделал своим штабом квартиру одного из наших львовян в центре города. С собою у нас был свежий тираж газеты "Капитуляция". Газета была рассчитана на деморализацию офицерского состава Советской Армии. Я организовал раздачу ее военнослужащим, а сам на скорую руку написал приказ областным организациям Межпартийной Ассамблеи о создании подразделений Украинской Народной Самообороны (УНСО) с целью организации саботажа и сопротивления ГКЧП.

Приказ и инструкцию по созданию и функционированию подразделений я зачитал всем областям по телефону. Я решил, что неплохо было бы организовать общую забастовку. Всех, кого можно, я засадил писать призывы к забастовке на

больших листах плотной бумаги. Готовые призывы сразу же вывешивались в людных местах. Мы начали договариваться на заводах об остановке работы и, хотя все были испуганы, некоторых мы таки убедили.

Но только начало налаживаться дело, как пришло сообщение об окончании путча. Я был вне себя. Забастовка, восстание, революция остались в мечтах. Но теперь я имел УНСО, необходимо было найти для нее какую-нибудь войну. Во время путча и сразу после него, в УНСО записалось довольно много колоритной публики разного возраста, пола, социального положения. Мы формировали их по районным командам. Мы разработали программу обучения и еженедельно по выходным проводили учения и инструктажи: изготовление зажигательной смеси, применения ее в бутылках и в виде фугасов; изготовление и применение самодельных взрывчатых веществ; тактические занятия; рукопашный бой и тому подобное.

Полковник Боровец. ГКЧП

Это был один из самых скучных дней в истории Украины. Брошенная на Киев белоцерковская дивизия застряла на полпути по причине отсутствия аккумуляторов и бензина. Это было даже не интересно, рухманы осторожно бузили в городском совете. В штабе КВО офицеры ходили в туфлях, никого в сапогах и с тревожными чемоданами я не заметил. Из Кировограда перегнали десантников. К общей зависти ободранных солдат, они вышагивали по штабу с автоматами и в редких тогда камуфляжах. Мы всучили им какие-то листовки. Прибежал какой-то перепуганный полковник из политуправления:

- Что вы тут раздаете?

Мы дали и ему тоже. Я понял, что Киев поднять не удастся ни "за", ни "против". Киевлянам просто было неинтересно. У войск не было оперативных планов на случай внутренних беспорядков, при советской власти они для этой цели не применялись. Наши правители, несмотря на все их недостатки, представляли уровень боеспособности армии. Вывести ее на улицы до первого водочного магазина? Когда 30% личного состава роты находится в увольнении, уже места себе не находишь. А тут еще с оружием. Кинуть их на картошку в какой-нибудь глухой колхоз было еще можно. А в Москве дошло до того, что сержанты начали угонять танки десятками. Один "землячок" заготовил даже сине-желтый флажок. Их потом неделю отлавливали по подвалам, по девкам. Командир белоцерковской дивизии знал, что делал, когда принял решение - не дойти до Киева. Их на войну и то страшно отправлять, пока не призовут резервистов постарше, лет по 40-50, сознательных.

Валерий Бобрович (Устим)

Путч ГКЧП внезапно прервал уже изрядно наскучившие мне трудовые будни нефтяника. Спустя двадцать лет я как-то сразу вспомнил о том, что я боевой офицер. 20 августа я уже находился на баррикадах у Белого дома со стороны Москва реки. Наш сине-желтый флаг почему-то вызывал неподдельный восторг у кацапов. Запомнился случай. Мы пребывали в бездействии, сидя не своих "укреплениях", как вдруг обратили внимание на буксир, тянувший невыразимо ржавую баржу.

- Хлопцы, посмотрите, до чего москали "Аврору" довели!

Действительно, при так называемом ремонте броненосный корпус крейсера был попросту выброшен. Останки настоящей "Авроры" завершили свой путь на свалке Балтийского завода или, где ее там "реставрировали". А на Неве мирно покачивается макет в натуральную величину. Все-таки, русские так и остались сухопутным народом.

Перед лицом такого варварства, что еще оставалось мне, офицеру флота, как вступить в УНСО. Потом в своей вербовочной литературе мы рекомендовали этот шаг, как универсальный. В УНСО, действительно, брали всех. Даже к моему заявлению на предмет того, что я "боевой офицер" отнеслись спокойно, я бы даже сказал, снисходительно. Тогда все выдумывали себе прошлое. Обычная биография украинца "гнал самогон и людям помогал" казалась стыдной на волне патриотического угара. На Украине события ГКЧП протекали вполне провинциально. Не скажу, что мы все тогда извлекли должные уроки из первых московских или, скажем, вильнюсских событий. То, что формула вооруженного восстания "вокзал, почта, телефон, телеграф, мосты" изменилась, стало очевидным позднее. Говорят, что к Белому дому тогда собралось сто пятьдесят тысяч народа (включительно с зеваками), но где были остальные? Времена массовой политики остались в прошлом. Неосознание этого большинством участников событий, предопределило дальнейшие победы УНСО.

Славко

Прибывались к УНСО и дети. Вообще, пятнадцатилетние являются лучшими солдатами, организм их достаточно развит, в этом возрасте физические нагрузки переносятся легче, чем взрослыми. Интеллектуально это еще дети, для них не существует многих "взрослых" барьеров, они еще играют в жизнь, даже деньги, необходимость их добычи, на что уже "сдерживающий фактор", это тоже игра.

Первым "сыном полка" стал "Виталик". Учащийся интерната с математическим уклоном, он вырос в УНСО с 15 до 21 года. За шесть лет он превратился в одного из лучших боевиков, с чисто организационным, не связанным с армией военным опытом и опытом командования. К сожалению, "Виталик" пропал без вести во время штурма боевиками Грозного.

Военные способности женщин и детей должным образом, еще до Пол Пота, оценили палестинцы. "Кровавый шабат" 11. 3. 78 (37 убитых, 76 раненых) устроила группа боевиков ООП в возрасте от 15 до 18 лет. А командовала ими семнадцатилетняя девушка. Именно женщины являются самыми последовательными, убежденными и беспощадными террористами. Быть таковыми им помогает убежденность в том, что жертвы на самом деле они сами. Одним из признаков, свидетельствующим о жизнеспособности той или иной идеологии, организации является число женщин-сторонниц. Впервые "группа сексуальной поддержки военнослужащих" объявилась еще до создания УНСО летом 1991 г. Составляли ее, в основном гражданки США - студентки различных вузов, изучавшие политические науки и прибывшие в Украину, к месту предполагавшегося кризиса, на практику. Дети украинских эмигрантов, они носили вполне фольклорные имена: Мотря, Хивря, Христина... Мы именовали их "слониками" за непроходимую наивность и габариты. Как ни странно "слоники" хорошо проявили себя в дни ГКЧП. Тогда буквально в последний момент, Д. Корчинский и его окружение съехали во Львов. Были ли они хоть как-то предупреждены - не знаю. Но и оборудование пресс-центра в Киеве так же перевезли на конспиративные адреса. Львов, утром 19 августа представлял собой жалкое зрелище. Исчезли сине-желтые знамена, до

тех пор вывешенные, буквально, на каждом общественном сортире. В Львовском "Гайд-Парке" на "стометровке" у оперного театра, сиротливо горбились под дождем человек 150 самых непримиримых. В эти дни, благодаря лихорадочной активности Д. Корчинского и родилась УНСО. "Слоники" исполняли всю техническую работу. Тогда я впервые убедился, что русский не такой понятный язык, даже для тех, кто говорит по-украински. Все материалы для военнослужащих шли по-русски. Активность "слоников", когда у всех местных было только одно желание - свалить, объяснима. Они рассчитывали на кризис, к участию в нем их готовили, кроме всего прочего, у них были американские паспорта. Есть что-то от религиозной веры в чудо в том, как американцы в кризисных зонах, от Чечни до Эфиопии уповают на свой паспорт. Невольно испытываешь уважение и зависть к стране, способной выслать для защиты своих граждан морскую пехоту и авианосцы. А тогда, в редкие минуты отдыха, Корчинский, сидя на столе, занимался со "слониками" изучением советских уставов. В годы срочной службы он был заместителем командира мотострелкового взвода и одно время старшиной роты.

- Услышав команду: "Мотря! ", - военнослужащий должен четко ответить: "Ай эм! "

- Услышав лай караульной собаки, часовой должен немедленно сообщить о нем в караульное помещение.

К сожалению, античная ясность этих фраз до "слоников" не доходила. В плане личном от общения с ними осталось светлое воспоминание о том, что безопасный секс все же не обременительная предосторожность, а приятное для обоих, времяпровождение. Как сложились их судьбы, не знаю.

Нашим успехам способствовало смятение, царившее в органах КГБ, милиции и юстиции. В обстановке der Shturm und Drang - массовых мероприятий - после провалов в Тбилиси и Вильнюсе ни начальство, ни подчиненные не были готовы взять на себя какую-либо ответственность: каждый ожидал указаний от еще более вышестоящего руководства. Чтобы не возбуждать толпу, "организаторов" и "участников" если и брали, то, обычно, на обратном пути. По этому, чтобы в послемитинговой эйфории не "забыть" кого-либо из бойцов, попавших под статью кодекса об административных правонарушениях, все должны были из дому сообщать руководству о своем благополучном прибытии. Правило это постоянно нарушалось. Сразу же после ГКЧП состояние неопределенности в органах перешло в явную растерянность и панику. Милиция вообще длительное время была занята "сращиванием" с "новой" преступностью. Только после превращения Украины в полицейское государство, противодействие со стороны МВД стало ощутимым. Органы КГБ долгое время находились под угрозой расформирования, что определяло их позицию. Уже во времена ГКЧП, когда личный состав киевского управления к обеду 19 августа был собран в актовом зале, все объяснения со стороны руководства свелись к прочтению известного постановления. Не была дана ни одна команда ввести в действие какой-либо из составлявшихся на подобный предмет планов. Позже в тернопольском управлении, где состояние организационного распада и, соответственно, общественного контроля было относительно наибольшим, удалось ознакомиться со списком лиц, подлежащих задержанию. Первые места в нем занимали наши. Тогда они еще были революционерами.

Когда начальник киевского управления обратился к Председателю, как быть с сотрудниками, находившимися в отпуске, тот ответил -- не вызывать. Вместе с тем, очевидно, для того, чтобы предотвратить массовое бегство сотрудников, выдача отпусков была прекращена. Так все и просидели на рабочих местах

первый день, слушая новости. В это время функционеры различных политических организаций лихорадочно перетаскивали имущество на "конспиративные квартиры". Им казалось, что за ними следят. Последующие события показали, что спешной перевозкой всего этого добра сумели воспользоваться лишь наиболее предприимчивые. Масса народа уповает на всяческого рода беспорядки, почему-то куда реже - на стихийные бедствия, как на повод для того, чтобы свести счеты или обогатиться. Чушь собачья! Как показали события в Москве, а в пределах Садового Кольца находятся самые тучные пастбища, мародерские инстинкты просыпаются у массы с опозданием. Для успеха любого преступного мероприятия необходим даже не умысел - можно всю жизнь строить планы, а психологическая готовность взять или ударить по первой возможности. Реальные преступления в массе своей совершаются спонтанно, как только обстоятельства позволяют, или человек приобретает, наконец, достаточную решимость. В моменты мятежей и внезапных "революций" подобная решимость у людей активных направляется, в первую очередь, на достижение целей, кажущихся им основными, то есть политических и военных. Один, заслуживающий доверия источник, участвовавший в обороне Белого дома в 1993 г., рассказывал...

Когда я спросил у него, почему не открыли мешки и не рассовали по карманам по несколько пачек, он ответил: "Думали забрать все". Рискну ему не поверить: это он потом думал, что думал потом забрать все.

Смена ориентиров в деятельности КГБ после событий ГКЧП была столь стремительной и полной, что вызывала замешательство у многих сотрудников. Как-то, накануне 7 ноября 1991 г., мой знакомый Е. К. с жаром упомянул о необходимости выведать планы коммунистов на предмет демонстрации, мол, они же "гекачеписты", они за Союз. Потом опомнился:

- Твою мать! Кого мы ловим...

Как честный человек, он впоследствии выхлопотал себе пенсию и погрузился в частную жизнь. Уходило поколение. Только наиболее зубастые сумели воспользоваться открывшимися перед ними карьерными возможностями. Один даже вступил в контакт со спецслужбами США и получил генеральское звание. Второй, рангом пониже, вступил в должность начальника райотдела и приобрел тем самым известную хозяйственную самостоятельность.

Период замешательства и последующей "социальной реабилитации" органов был использован Корчинским для установления некоторых пробных контактов с высшим руководством КГБ и УКГБ по Киеву и области. Надо сказать, что унаследованная от КГБ структура СБУ первоначально значительно затрудняла проникновение новых людей. "Как это? Он ко мне придет и будет у меня в сейфе читать все, что я на него собрал?" Окончательно, основная бумажная масса "сведений из оперативных источников" была уничтожена в преддверии первых выборов в Верховный Совет независимой Украины.

После первых же контактов Корчинский был явно разочарован открывшейся ему картиной, начиная с интерьера в киевском управлении - "Я ожидал чего-то большего...". Он и прежде презирал КГБ за "коммунально-кухонные методы борьбы".

"Проникновение" в структуру, подобную КГБ и СБУ, как оно видится любителями приключенческого жанра, с тем, чтобы работать там "изнутри", лишено для политических организаций смысла. Переходя из одной сложившейся структуры в другую, чтобы не быть отторгнутым, человек вынужден принимать предлагаемые ему нравственные приоритеты. Я долго не мог понять, почему китайцы так последовательно истребляли собственных агентов, работавших на ответственных постах в Гоминьдане, даже если это и были "старые, проверенные

товарищи". Потом понял, что с момента, когда они стали гоминьдановцами, эти люди перестали быть коммунистами. Использовать их в качестве источников информации - это одно, а терпеть их дальнейшее существование, когда оно не вызвано оперативной потребностью - другое.

В период "перестройки" со стороны КГБ предпринимались неоднократные попытки воплотить миф о финансировании контрразведывательной (нелегальной) деятельности из легальных источников частного предпринимательства. Такие "дочерние" фирмы, открытые и функционировавшие с помощью КГБ, если оказывались прибыльными, очень быстро теряли связь с ведомством. Может кто-то в руководстве и получал с них деньги, но то, что до финансирования не дошло, так это точно. Вообще, те, кто занимался борьбой с "идеологическими диверсиями", впоследствии оказались в проигрыше, о чем свидетельствует такой, теперь общепринятый, критерий определения "престижности", как количество выделенных на отдел "иномарок". Под нас выделили всего одну - белый "Пежо". В то время в милиции этих иномарок... Президент Кучма в своей внутренней политике явно поставил на ментов.

Дмитро Корчинский

Мы переименовали Межпартийную Ассамблею в Украинскую Национальную Ассамблею (УНА). В этом названии для меня реализовывалась ассоциация с французской революцией. Считалось, что УНА и УНСО имеют совместное руководство. Главнокомандующим считался Юрий Шухевич. На деле он ничем никогда не руководил и за всю историю УНА-УНСО не принял ни одного решения. Он был символом наследственности поколений.

Фактически, в то время в организации окончательно установилась моя единоличная диктатура.

Можно сказать, что нация -- это универсальное сообщество, которое определяется национальным сознанием и волею членов нации принадлежать ей. Это тяжело сформулировать и тяжело уловить. Но эта трудноуловимая вещь существует и по масштабам последствий, по количеству жертв превосходит все человеческие творения, кроме, разве что, социальной справедливости. Если она убивает - значит она существует.

Нация -- это парадокс. Возникновение наций парадоксально. Вероятно, первым носителем украинского национального сознания был палач украинского народа Ярема Вишневецкий. Он строил украинскую нацию на левом берегу Днестра - там, где ее только и можно было построить. Его противники догадались о своей национальности разве что под Берестечком, за два дня до того, как их утопили в болоте.

Ключевое событие в плане нациогенеза - хмельничина - первоочередным своим заданием имело уничтожение зародыша украинской нации - Вишневецчины. В польской историографии война 1648-54 гг. трактуется как гражданская.

Гражданской она была также для украинцев. С обеих сторон воевало приблизительно равное количество украинцев (это стало национальной традицией во всех дальнейших войнах, до Второй Мировой включительно). Освободительной эта война была только для татар. По крайней мере, татары воевали только на одной стороне. Татары создали несколько наций, в т. ч. украинскую. За все, что есть у нас сильного, офензивного, перспективного мы должны быть благодарны татарам и большевикам. Они уничтожали наше тело и творили нашу душу. Хмельницкий платил татарскому мурзе вдвое больше чем козацкому полковнику. И все же он первый национальный герой. Разрушение конструктивнее

чем строительство. Для того, чтобы родиться, нации необходимо кого-то убить. Чаще всего - своих родителей. Все нации построены негодьями, нет ни одной, построенной святыми.

Осенью 1991 г. в Киеве активизировались пророссийские кружки. Мне казалась опасной возможность политического возрождения булгаковщины. В Киеве всегда было значительным российское интеллигентское ядро. В начале столетия здесь имел неплохую социальную базу Шульгин со своим "Киевлянином". После революции сюда бежала бело-офицерская сволочь со всей России и чувствовала себя как дома, пока петлюровцы с одной стороны, а большевики - с другой, не нормализовали здесь духовную атмосферу. Однако дело было бы довольно тяжелым, если бы не строительный бум шестидесятых-семидесятых лет, когда население города возросло вдесятеро, преимущественно за счет притока из украинского села.

Я решил пресечь деятельность русофилов на самом начале. Первая акция была намечена в подземном переходе на выходе из метро под площадью Дзержинского. Там постоянно торговали распространители российской патриотической прессы.

В шесть вечера, в час пик, к милиционеру, который дежурил на выходе из метро и мог видеть ту часть подземного перехода, которая нас интересовала, подошел заплаканный подросток и пожаловался на хулиганов, которые бесчинствовали на платформе внизу. Когда милиционер ушел вниз, несколько ребят подбежали к распространителям прессы и начали молча бить их. Это продолжалось около двух минут. Мимо них проходила толпа, однако, как и ожидалось, никто из прохожих не остановился, чтобы вмешаться в драку. Когда дело было закончено, унсовцы ушли, прихватив, в качестве трофея весь товар. Время пик было выбрано потому, что в толпе легко убежать. Наблюдатель, которого оставили недалеко от места события, позднее рассказывал, что милиция появилась только минут через двадцать. Такие упражнения очень полезны для молодежи, поэтому они были продолжены.

Также нами было разогнано собрание русофилов в политехническом институте. С тех пор мы получили монополию на защиту общеславянских интересов.

Несколькими годами позже я познакомился с Олегом Бахтияровым - одним из вождей партии Славянского Единства. Он рассказал мне, что тогда, после всех этих художеств, они планировали хлопнуть меня. Но ему в руки попал сборник моих стихов и он решил, что этого не нужно делать. Впрочем, я думаю, до дела у них не дошло бы.

В день октябрьской революции 1991 г. Произошел первый выход в люди УНСО. Мы противодействовали коммунистической демонстрации, возглавляемой будущим Председателем Верховного Совета Александром Морозом. Демонстрация должна была закончиться митингом возле республиканского стадиона. Там и возникла драка. Перепало и Морозу, но наиболее буйных повязали менты. В райотделе и наши, и их оказались в одной камере. Интересно было наблюдать за тем, как кто-то из наших чернявых татарковатых львовян (таких много в Галиции) доказывал какому-то россиянину, что россияне вообще не славяне и не арийцы, что они происходят от смеси татар с угрофинами и самоедами. Как на грех россиянин оказался вполне нордической внешности: высокого роста, блондин, голубоглазый, с твердым как у скандинава лицом. Все зло в мире от объективной реальности.

Распад Советского Союза еще больше заострил проблему сепаратизма внутри

республик. В 1991 и 1992 гг. все ожидали антиукраинского восстания в Крыму. Черноморский флот в своей массе отказался присягнуть украинскому государству, особенно зловещей фигурой считался командующий Ч. Ф. контр-адмирал Касатонов.

Я считал, что для укрощения Крыма и флота достаточно только погромче топнуть ногой. Для того, чтобы доказать это, я решил осуществить вояж на юг. Один буржуй закупил для нас целый поезд. Я загрузил туда около полутысячи наших бойцов, фольклорный хор и несколько православных священников (все это должно было выглядеть как поездка на молебен на могилы украинских моряков в Севастополе). Еще я взял с собой для прикрытия депутата Хмару. Сразу же после провала путча его выпустили из Лукьяновской тюрьмы. Власть все еще была дезориентирована. Никто не знал: или препятствовать нам, или наоборот - способствовать. Наконец к нам подсадили руководство железнодорожной милиции и мы отправились.

Сначала мы посетили Одессу. За несколько дней перед этим, там прошли обыски на квартирах наших ребят, санкционированные городской прокуратурой. Наш поезд не пустили на железнодорожный вокзал, а загнали на сортировочную. Мы выгрузились, поспорили о чем-то с руководством местной милиции и двинулись в город.

Мы выстроились возле городской прокуратуры, я взял десяток ребят, депутата Хмару и зашел во внутрь. Там было тревожно и пусто. В кабинете городского прокурора я поставил бойцов возле окон и дверей. Прокурор пребывал на грани нервного срыва. Он стоял возле стола и руки у него дрожали. Мы развалились в креслах и по очереди начали вычитывать ему мораль. Я наслаждался ситуацией. Тогда я не догадывался, насколько быстро менты опомнятся и построят государство под себя. В том, что им это удалось, совместная вина всех активных людей. Нужно было адекватней реагировать на все попытки поднять голову. Судья вынес несправедливое постановление - огонь! Прокурор возбудил дело - огонь! Милиционер высунулся - огонь! Недоглядели .

Покуражившись над одесским прокурором, мы провели митинг на Дерибасовской, погрузились на поезд и отправились далее. По дороге мы остановились в Херсоне. Там двое наших бойцов позволили себе немного выпить и их пришлось выбросить из поезда. С херсонского почтамта мы дали телеграмму: "штаб Черноморского Флота, контр-адмиралу Касатонову. Буду завтра. Встречай. Целую, твоя УНСО". Позднее нам сообщили, будто Касатонов заявил, что быстрее съест свою фуражку, чем пустит нас в Севастополь. Симферополь мы проехали ночью. Рано утром поезд остановили на небольшой станции в сорока минутах езды перед Севастополем. Я вышел узнать, в чем дело. Мне сообщили, что далее нас не пустят. Я дал команду выйти из вагонов и построиться поперек железнодорожных путей. Милицейскому начальству и пограничникам я сообщил, что не пропущу ни один поезд, пока нам не откроют путь. Так простояли мы несколько часов и настолько сбили железнодорожный график, что, наконец, нас таки пропустили.

В Севастополе мы сделали все, что хотели. Милиции туда нагнали со всего Крыма. Из флотских никого не было видно. Мы промаршировали туда-сюда по центру города, провели молебен. Около двух десятков кликуш с плакатами жалко протестовали против нашего появления.

На большом прогулочном катере мы прошли севастопольской бухтой. С мачты мы сорвали красный флаг и повесили наш. На некоторых военных кораблях и подводных лодках в знак приветствия поднимали сине-желтые флаги.

Вояж нашего "бронепоезда дружбы" доказал, что антиукраинские силы в Крыму не имеют потенциала, что командование флота - это бумажный тигр, а настроение личного состава флота далеко не однозначно. Тем не менее, украинские патриоты еще долго скулили, относительно того, что мы провокаторы. Нет в мире животного более подлого, чем испуганный национал-демократ.

Весной 1992 г. наконец Бог послал войну.

Это было Приднестровье - война в садах.

Грядет большая смута. Можно воспринимать это как трагедию, как катастрофу, но более рационально полюбить ее, найти в ней глубокий смысл. Возросла опасность, но для целых наций, групп и выдающихся личностей появилась возможность прорыва, возможность ухватить судьбу за хвост, начать собственную историю.

Отбросив множество мелких неприятностей, именно в Приднестровье 1992 г. можно было наблюдать интересную модель идеального положения вещей и идеального общественного устройства. Общество живет в состоянии духовной мобилизации, умеренного напряжения сил и подъема чувств. Все жизненные ощущения ярки и остры. Сравнительно высокий уровень благосостояния. Четкие цели. Ясно очерченный враг. Каждый имеет то, во что верит и занимается тем, что ему сродственно: кто хочет - работает; кто хочет - торгует; кто хочет - воюет. Важным моментом есть то, что кто хочет, может воевать и воюют только те, кто хотят.

Говорят о приватизации, а нужно говорить о приватизации власти, приватизации государственных функций, приватизации войны. О новом феодализме.

Феодал (или же полевой командир, или же промышленный барон, или же олигарх) должен дать своим людям порядок - то единственное, чего они хотят после окончания эпохи восстания масс. Порядок - это, когда рабочий имеет высокооплачиваемую работу, зажиточный дом. В воскресенье - возможность выехать со своей большой семьей к чистой речке на дорогом авто. Порядок - это, когда священник имеет церковь, в которую ходят, когда люмпен имеет достаточной гигиеничный мусорник, когда художник имеет светлую мастерскую, а научный сотрудник - дорогую лабораторию, когда наши барыги толще соседских, когда у всех много денег и везде сладости, а рыцарь всем этим руководит и имеет возможность немного повоевать в свое удовольствие. Это утопия, безусловно, но разве это не чудесно? Пусть шипят враги, главное, чтобы люди были довольны, чтобы, как в здоровом организме каждый орган выполнял свойственную ему функцию, а не все функции сразу. Ногами не думают, а головой не ходят.

Враги убеждают народ, что войну можно выиграть усилиями обоза. Что авангард нам не нужен. Но войну за будущее выиграем именно мы, а панам из обоза мы дадим вволю помародерствовать на поле боя и поторговать сапогами, которые они постыгивают с трупов врагов. Главное, чтобы люди были довольны. Еще до войны в Приднестровье возникли две украинские организации: "Союз украинцев" возглавляемый сейчас уже покойным Бутом и Союз "Повернення" возглавляемый Александром Большаковым, с которым мы самым тесным образом сотрудничали. Его заместитель по союзу, Председатель Слободзейского исполкома Мыкола Остапенко стал первой жертвой известной позднее "группы Илашку". 23 апреля 1992 г. машина, в которой находились он и шофер, была обстреляна на дороге между Слободзеей и Коргашем. Нападающих было двое, они прятались за деревьями на обочине. Один стрелял по колесам, другой по

салону. Водитель получил легкие ранения, а в тело Остапенко попали 18 пуль калибра 7. 62. Нападающие скрылись на машине "Лада", сделали круг по полевой дороге и исчезли. Остапенко умер через день.

Террористов из "группы Илашку" выловили в 1993 г. Их судили.

Национал-демократы в Украине выступали на их защиту. В войне между украинцами Приднестровья и молдаванами, Украина поддержала молдаван. Изучая любой эпизод украинской истории, сразу поищи, где здесь измена. Это будет ключом для понимания ситуации. История нового Украинского Государства началась с предательства украинцев Приднестровья. Была установлена блокада. Позднее, когда мы уже занимали свои позиции под Кошницею и под Кочиерами, когда вложили уже много усилий в возрождение проукраинских симпатий среди населения, в Кишиневе объявился главный украинский демократ, бывший политзаключенный Чорновил. Выступая по молдавскому телевидению "Меседжеру" (которое смотрит и Приднестровье) заявил, что вся Украина поддерживает молдаван, а приднестровцы - сепаратисты и негодяи. Потом он имел наглость повторить это же на митинге в Приднестровской Рыбнице. Его чуть не разорвали. Как говорит полковник Боровец: "У нас зазря никого не сажали". Выступая в те дни на митинге в Киеве, я заявил: "... Когда вам говорят, что в Приднестровье сложная ситуация, отвечайте - это в Украине сложная ситуация, но мы ее упростим! "

В обороне Приднестровья участвовало несколько формирований. Наибольшая по численности и лучше организованная Республиканская Гвардия, Черноморское Казачье Войско, ТСО (территориальные спасательные отряды). Плотнее всего мы сотрудничали с ЧКВ. У них мы получили первое оружие, наши позиции были всегда рядом. У них также крутилось много добровольцев с Дона, Кубани, Терека, Урала. Вояки, как дети, особенно в начале войны. Они ужасно любят разнообразные погребушки, значки, медали, нашивки. За значок с тризубцем можно было выменять гранату или две пачки автоматных патронов. С помощью Большакова мы устроили свой штаб на пятом этаже гостиницы "Аист". Она стоит на самом берегу Днестра. Тех добровольцев, которые приезжали из России, брали к себе казаки или гвардейцы, а большинство тех, кто прибывал с Украины, брали к себе мы. Я помню рабочего лет сорока с Западного Донбасса. Всего за несколько часов он настолько освоился в окопах под Кошницею, что, казалось, он в них родился. У него было абсолютное ощущение ситуации. Он знал, где заминировано и где огневые точки противника. Он ориентировался в лишенных любой логики перестрелках, которые велись через яблоневый сад, знал, что происходит на позициях гвардии справа и в голове гвардейского подполковника ночью. Есть люди талантливые к войне. Он дисциплинированно воевал, а по окончании боевых действий, погрузил железо, которым успел обрасти (стволов, наверно, пять), на отбитый у кого-то грузовик и исчез точно так же, как появился, в никуда.

По моим наблюдениям, процентов двадцать наших мужчин имеют скрытый милитарный инстинкт. Человек всю жизнь работает конторщиком или токарем и вдруг случайно попадает в окопы. И больше его оттуда не вытянешь. Инстинкт проснулся. Человек нашел себя. Как жесток мир (в смысле перемирие) по отношению к этим красавцам.

Никогда не забуду еще одного прилюдного лет этак двадцати. Ему дали псевдо Богомаз. Он два раза нехорошо показал себя, чем вызвал подозрения. Его отвезли на нашу базу в Рашкове и посадили в "зندان". Так наши называли приспособленный под гауптвахту погреб. Рашков весь подрыв погребями. Рыть тайники, хранилища и пещеры есть древнейшим инстинктом украинца. Я приехал в

Рашков, когда он сидел уже три дня. С собою я привез Юрка Шухевича. Мне казалось, что этим я создаю метафору. Слепой Шухевич, как слепой Жижка, унсовцы, будто Табориты. Я представлял, как он сидел в лагере старый, слепой и бредил подвигами отца, жизнь его упиралась в глухую стену. Он даже вообразить не мог, что пройдет лишь несколько лет и возглавляемые им отряды возьмут оружие в руки и начнут войну. Меня это ужасно трогало. Славко дал ему покрутить в руках пистолет, СКС, автомат, гранатомет. База размещалась в сельской школе. С поляны перед входом можно было видеть Днестр и противоположный молдавский берег. На базе находилась часть людей, которые не были на позициях. Они проводили время в учениях, которыми руководил Славко. Местные жители смотрели со страхом на эти занятия, на построения, дисциплину и часовых.

На вечер я назначил трибунал. Он происходил в присутствии всех. В центре я посадил Шухевича, хлопцы стояли полукругом. Богомаз со связанными руками стоял перед строем. За пятнадцать минут его присудили к расстрелу. Через двое суток мы взяли грузовую машину, бросили Богомаза в кузов, с ним сели двое наших, я сел в кабину к шоферу и поехали в лес в сторону украинской границы. Богомаз был абсолютно спокоен, даже смеялся анекдотам, которые рассказывали дорогой хлопцы. Мы развязали его, когда нашли подходящее место в лесу. После того, как он сам вырыл могилу, его сильно побили, требуя в чем-то признаться. Он молчал. Ему приказали полностью раздеться и стать на краю могилы. Один из наших стал перед ним в десяти шагах и навел СКС. Он выстрелил дважды так, чтобы пули прошли в нескольких миллиметрах от правого и левого уха. Богомаз пошатнулся. Мы молча сели в машину и поехали домой. И тут мои представления о человеческой природе пошатнулись. Богомаз бежал за нами голый и кричал: "Куда же вы? Вы же обещали взять меня на Кочиеры" Он споткнулся и упал, а мы уехали.

Тихое, грустное умиление вызывают у всех участников воспоминания о войне 1992 г. Солнце, легкость, вызревание плодов в садах, оружие и свобода. "Наслаждайтесь войной, мир будет ужасным". Это самое разумное из всего, что было сказано после Экклезиаста.

Еще у нас был один француз Оливье (наши дали ему погоняло Винегрет). Ему было лет восемнадцать, он ужасно гордился партийным билетом Французского Национального Фронта. Из его рассказов я понял, что это какое-то кидалово, вроде Народного Руха. Оливье был очень дисциплинированным и очень смешным.

Существует ошибочное представление относительно роли четырнадцатой армии. На деле же, во время боев в Бендерах, раненые приднестровцы умирали под воротами армейских частей. Их не пускали вовнутрь. Вооружение казачества и республиканской гвардии осуществлялось таким образом: толпа женщин окружала склады и принуждала охрану к сдаче, после чего мужчины выносили оружие. Иногда часовые или начальники караулов просили связать их. Ни четырнадцатая армия, ни Россия не помогали. Все, что было хорошего с их стороны - это инициатива отдельных лиц, которая не поощрялась начальством. На заметку будущему сепаратисту: метрополии всегда предадут своих в колониях. Наше участие ужасно раздражало как молдаван, так и россиян. В бюрократических недрах ООН это воспринимали как расширение числа участников конфликта. Кравчуку кидали предьявы со всех сторон. В июле его пресс-служба заявила о подписании Указа президента Украины о выводе всех украинских добровольческих подразделений из Приднестровья. Я был поражен. Такое могло случиться только в безумной ситуации начала девяностых. В ответ я опубликовал свое заявление: согласно Указу президента Украины, УНСО начинает

поэтапный отвод своих подразделений с территории ПМР, который должен быть завершен не позже мая 1995 г.

Интереснее всего было в Дубоссарах. Линия фронта проходила через частный сектор. Ветки деревьев ломались от перезрелой черешни. Ты смотришь и соображаешь: пойти нарвать - подстрелят, не нарвать - жаба задавит. Как правило - шли. Рассказывают, что одна испанская принцесса в жаркий день лакомилась мороженым и приговаривала: "Боже, как хорошо! Если бы это было еще и грешно! "

Какой вкусной была черешня, за которую ты рискнул жизнью.

Но все хорошее когда-то проходит. Заканчивалась и война. У нас начались проблемы с приднестровскими ментами, с пророссийской частью республиканской гвардии и с разведкой четырнадцатой армии. У нас накрыли тайник с оружием и боеприпасами (около полтонны), которые мы приготовили для вывоза в Украину. Его сдал один урод, который некоторое время выполнял у нас функции зампотылу. Нас принуждали к сдаче оружия. Большую часть людей пришлось вывести в Украину.

Мы очень заботились о том, чтобы люди выходили пустые (без оружия и боеприпасов, все это вывозилось централизованно). Происходило, обычно так. Несколько отъезжающих шмонаются командиром на базе. Из них вытряхиваются гранаты, патроны, тротильные шашки и тому подобное. Их везут к границе и шмонают еще раз, с удивлением снова находя по заначкам гранаты, патроны, тротил. Затем люди сами идут через границу. Их останавливают на ближайшем посту милиции (героев видно издалека) и при шмоне находят у каждого полный джентльменский набор криминала. Таким образом часть людей сразу попадала в тюрьму.

Однажды утром те люди, что оставались, были окружены в своей казарме гвардейцами. Одновременно были арестованы руководители подразделений. Хотя наши были почти безоружны, гвардейцы не решались войти вовнутрь. Так продолжалось до вечера. Ночью нашим удалось улизнуть и пробраться к украинской границе. Еще около суток гвардейцы держали в осаде пустую казарму. Так завершилась наша приднестровская кампания. Все кампании заканчиваются одинаково для варягов. Способ избежать унижительного разоружения - это или своевременно уйти самим, или разоружить дружественное правительство. Мы все, организаторы и участники войны, сделали большую ошибку. Необходимо было превратить Приднестровье в Славянскую Чечню, сделать его территорией свободной от закона, идти на возбуждение одесской области и Молдавии, объявить Приднестровье приютом революции. К сожалению, была реализована банальная сепаратистская идея. Сейчас, Приднестровье пребывает в жалком состоянии. Деморализация и экономический упадок, несмотря на то, что республикой руководят способные и сильные люди. Однако, они не знали, что революция не может быть остановлена.

Части людей просто не было куда возвращаться. Это были отпетые. Они могли существовать только в условиях жестокой дисциплины. Или их нужно было стрелять в затылок. Мы поселили их на какой-то нычке в Тернополе, надеясь в скором времени начать еще какую-нибудь войну. Но к сожалению, скоро выяснилось, что ни у кого не доходят руки заниматься ими. Хлопцы расслабились. Как-то вечером, слоняясь возле железнодорожного вокзала, они повстречали какого-то сержанта (или отпусника, или дезертира). Они выпили с ним пива, потом поссорились, задушили его, выкололи ему глаза (распространенный предрассудок, что в глазах убитого остается изображение убийцы) и утопили его в пруде. Их, безусловно, накрыли на другой же день.

Они имели нахальство не сбежать.

Мы начали с того, с чего начинало казачество в XVI ст. - с молдавских походов. Нас много критиковали, но я так и не могу понять: почему это Вишневецкому было можно, а, например, Корчинскому - нет?

Необходимо экспортировать революцию. Чем больше ее вывозишь, тем больше ее становится. Для того, чтобы господствовать, нужно сбежать. Беглецами, изгоями, эмигрантами созданы империи, цивилизации, миры.

Я думаю, в свое время переселение народов осуществлялось так же как сегодня. Завоевание осуществлялись не как походы, а как эмиграционные волны.

Уже сегодня в Европе любопытны не правые (они преимущественно гомосексуалисты), а алжирцы, турки и курды. Азербайджанские армяне интереснее армянских. Украинская нация может быть создана только за пределами украинской территории.

Исламская эра "Хиджра" считается от побега Мухаммада в Медину. Прошло всего только двадцать лет и его ученики победили Эран-шахр, завоевали Египет и наконец сожгли всем надоевшую Александрийскую библиотеку.

Славко. ФОРТ РАШКОВ

В бытность мою в ПМР, мне, тогда исполнявшему технические функции, довелось, ввиду отсутствия строевых командиров, "покомандовать" одно время тыловой базой УНСО в Рашкове. Там на отдыхе находились смены из-под Кошницы и Кочиер, так же с караула в Рыбнице. Верный принципу никогда не оставлять солдату лишней минуты свободного времени, я допекал личный состав инженерным оборудованием позиции, за что получил нагоняй от Корчинского. Мол, превратил боевое подразделение в стройбат. Я предвидел все зло, проистекающее от "тактики", но сделать ничего не смог. Так, на первое занятие по р-б личный состав прихватил боевые "стволы" и саперные лопатки. В ходе отработки "блоков" одним оружием колотили до другому,

В Приднестровье передо мной прошла целая галерея прелюбопытнейших типов боевиков. Старшиной был "Тур", родом из Одессы, внешне совершенно "типичный" персонаж. Он скрывался в ПМР от наказания за превышение пределов необходимой обороны -- 16 рубленых ран на голове жертвы. Вопреки криминальным причинам присоединиться к УНСО, он оказался прекрасным старшиной. Тщательно выискивал и хранил наши боеприпасы, а ведь мог бы и украсть... Следил за своим внешним видом вполне в соответствии со строевым уставом. Прессинговал отделение, когда командовал им на позициях. Любопытно, что самоорганизация казарменного быта происходила без дедовщины. Ее заменяло направленное силовое воздействие от имени командования - буки. Так же добровольцы, охотно играли в свою прежнюю срочную службу, в том идеализированном виде, в каком она иногда вспоминается.

По окончании боевых действий Тур все же попался в лапы одесской милиции, отбыл три года. Сейчас - отошел от политики, но службой в УНСО гордится так, как гордятся чем-то таким, чего в оставшейся жизни никогда больше не будет.

Надо понять основную массу фронтовиков, у которых на годы войны приходится пожалуй единственный всплеск духа.... А потом они тупо гнули спину. И так до пенсии. В этом опасность военных воспоминаний: человек осознает, что выше себя уже не прыгнет. Так произошло со многими рядовыми "унсовцами" из Приднестровья, особо не проявившими себя и потому не взятыми

на "оперативную работу". Оторванные от дальнейших перипетий борьбы, ведь когда идешь вперед, прошлые достижения ничего не значат, они неизбежно опускались все ниже. Место лоточника или охранника - их нынешний удел. И из всей жизни - только одно лето, и бесконечные воспоминания о том, как (неделю) побыл человеком. Из таких мне особенно грустно вспоминать о "Шраме". Афганец, уже на гражданке заработавший "телесные повреждения" (голова), он имел неплохие шансы: характер, опыт. Подвел опыт "выживания" в одиночку. Ввиду вышеизложенных причин, я относился к нему, скорее, как к младшему компаньону юридической фирмы. Боялся, что какой-нибудь идиотский отказ, приведет в действие машину "военно-полевого самосуда". Нашел ему занятия по интересам. Был у нас авантюрный (идиотский) план увести с КПП украинской Национальной гвардии под Кучурганом БТР. Приготовили для него даже тайник в парниках. Регулярно я отправлял Шрама на разведку. В гражданском он вылеживал целые дни в лесополье, ведя наблюдения (численность, распорядок дня "противника"). Все шло к нападению. Но тут Шрама понесло. Ночами он часто бродил гористыми околицами Рашкова "для поддержания физической формы". Жители жаловались, что он сиживал на дувалах в лунном свете. Поскольку, все было тихо, я никаких мер не принимал. Отправляясь в эти ночные путешествия, он вежливо просил карабин СКС. Я ему давал, чтобы не лез в пирамиду без разрешения. Помню, нам опять отказали в исполнении замысла. "Шрам", возмущенный нерешительностью нашего местного сообщника, командира рашковских ополченцев "Робин Гуда", где-то подвыпил. Взял карабин и ушел "на дело". Я надеялся, что он мирно поспит в лесополосе, поэтому утром принял к сведению его рапорт.

- Командир, это голимое дело - БТР не на ходу. Я там был, всех построил, но потом мне их жалко стало... "

Вскоре "Шрам" отправился домой. Влип в очередную историю с убийством (не хотел подчиняться местным авторитетам) и сел. Признаюсь я ему тогда не поверил, однако спустя какое-то время после исчезновения "Шрама", отвозил очередную смену отпускников к украинскому КПП в Кучургане. Там их, ввиду поста, демонстративно, обыскивали и отправляли на родину. Смешно, но такая наивная защита от провокации с "обнаружением" оружия иногда помогала. На нейтралке ко мне подошел офицерик и поинтересовался, что за черные повязки на лбу мы носим. Услышав ответ, мол для маскировки ночью в окопе, чтобы лоб не светился в бойнице, рассказал совершенно невероятную историю. Тогда ночью, к ним в вагончик вломился точно такой же с повязкой на лбу, вся голова в шрамах (показал места) выгнал всех на улицу, построил, проверил БТР и ушел. Со слов лейтенанта, они (девять человек) очень испугались. Ведь у них пистолеты, автоматы, а у того карабин, а в нем, как известно 10 (!) патронов. Вот вам и истории о героических поступках. Зря я не поверил "Шраму" на слово...

Из людей, созданных для войны, я могу назвать еще "приблуду". В гостиницу "Аист" пришел шахтер лет сорока, рост 180, руки как лопаты, по самые глаза в кожу въелась угольная пыль. Просится на войну, а ведь не мальчик. Говорит, "омоновцы" в Дубоссарах убили брата, хочу отомстить. Дали ему на размышление сутки, он просидел в номере молча и отправился на передовую. Через два дня он уже знал все предполье перед опорным пунктом, пристрелял ориентиры и рубежи для ведения заградительного огня. За все время пребывания на позициях имел рекордное число подтвержденных попаданий. Поверьте, убить врага в Приднестровье было событием. Находясь в тылу в

"Дубоссарах, нашел доступ к базе в Глинном. Раздобыл ГАЗ-51, несколько ящиков патронов, парочку стволов, еще какое-то имущество, поделился с нами и уехал проселками на родину. Говорили, что добрался до Донбасса. Бывает, что человек рожден для войны, только не знает о своем предназначении до поры до времени. Такие "мужики" составляют цвет воюющей армии. Относился к ним и "Робин Гуд" - рашковский лесничий. До войны он понемногу крал лес, благоустраивал хозяйство. Так же внезапно, без видимых внешних причин, он надел на себя форму (я таким и запомнил его в "погранцовском" маскхалате. Как прежде дефицитные стройматериалы - за коньяк и вино, выменивал на Глинном боеприпасы и оружие. На предмет создания инженерных заграждений в случае прорыва молдавско-румынской бронетехники, командованием ополчения ему был выдан сосредоточенный заряд тротила, электродетонатор и батарейка. Я поделился с ним саперным имуществом и подарил еще полбочки напалма. Мечтой "Робина" были огневые фугасы. А верхом мечтаний расплатиться со многочисленными недругами из числа районного партхозактива. Помню, как он сник, когда узнал, что война кончилась и придется опять заниматься "озеленением склонов". Его неоднократно "шмонали", но он выжил и даже сохранил работу. Я видел его встречу с Корчинским в 1995 году, он плакал в наших объятиях и с надеждой спрашивал, когда все это начнется вновь.

Случалось, хотя и редко, что к нам прибывались и толковые военные. Начать следует с дезертиров из армии на войну. Помню матросика из Одессы, который в форменке и с баульчиком вещей пристроился к транспорту УНСО и так, миновав все барьеры в Раздельной и на границе прибыл в "Аист", чтобы "демобилизироваться" я видел его потом в этой же форменке среди ополченцев - первый "военно-морской унсовец".

Еще двое жертв "неуставных отношений" с базы хранения в Умани. То ли их хотели подрезать, то ли они кого-то, скорее, что они. Первый "Лис" ничем не выделялся. Зато второй "Ровер" (велосипед, укр.) проявил способности и под конец он командовал секцией - "роем" (в УНСО, как в армии США отделения делятся на две секции, теоретически, огня и маневра). Когда все это кончилось, пошел "сдаваться".

Иду я по плацу. В камуфляже, темных очках и кроссовках. Командир меня увидел и кричит:

Уведите его на... отсюда. Закройте его на гауптвахте.

Ведут меня. Начальник штаба меня увидел, говорит:

Что вы его так ведете. Ему эти ваши автоматы, как два пальца об землю.

Я ему еще гранату отдал "эфку" на хранение. Меня до самого "дембеля" на гауптвахте продержали. (Оставим на совести рассказчика протокольное правдоподобие событий. Важна тональность).

В Абхазии в 1993г. "Ровер" уже командовал отделением и полувзводом (двумя отделениями). Все у него в хозяйстве было в порядке, но эти повадки вечного "дембеля"... Шлепанцы на босую ногу, майка, автомат "на ремень" и волочащаяся "лунная походка" в десяти шагах за строем. Отличался он и на оперативной работе. Сейчас женился, отошел от политики.

"Что является целью такого ожесточенного в своей последовательности мессианства? Деятельность экстремистских политических организаций и их парамилитарных формирований обречена, если они не в состоянии контролировать продолжительное время какую-либо территорию. Невозможно все необходимое добывать у противника и постоянно находиться на его территории. Подобные "освобожденные зоны" как раз и служат тылом, за их счет осуществляется

снабжение, там скрывается боевики после акций. Первая попытка создать освобожденную зону была предпринята УНСО еще в Приднестровье летом 1992г. При падении Бендер и Тирасполя предполагалось отрезать территории севернее Рыбницы и создать на них какое-либо "украинское" образование. Попытка "государственного переворота" с треском провалилась. Формирования УНСО в Рашкове и Каменке были разоружены и постепенно разбежались, "просочившись" на территорию Украины. В этой аванюре участвовало свыше 80 боевиков, на 20 больше, чем белых наемников в известной биафрской истории с Чомбе.

Дмитро Корчинский

Как-то очередной раз я возвратился из Приднестровья. В глубокой меланхолии я размышлял над тем, что на Крещатик никогда не удастся перетащить войну. Никогда уже не будут подорваны мосты через Днепр, никогда загорелые хлопцы в грязных камуфляжах не выбьют дверь кабинета министров, не зятянут ДШК на колокольню Святой Софии, не используют подземных коммуникаций для неожиданного прорыва... Вдруг зазвонил телефон.

- Добрый день, - сказал приятный душевный голос, - я отец Борис Табачник, секретарь киевской Метрополии. Мне сказали, что вы можете мне помочь...

В 1992 г. религиозная ситуация в Украине была динамичной и интересной. На волне национального подъема на Западной Украине почти полностью восстановила свои позиции Греко-католическая церковь. Это вызвало многочисленные конфликты с теми, кто сохранял верность православию. Интересно то, что в греко-католиков перешел почти весь политический актив. Это дало им наиболее качественные кадры. Неоднократно мне приходилось наблюдать ситуации, когда несколько греко-католиков могли зашугать православное село, отобрать под себя церковь, победить многочисленную православную общину. Часто доходило до крови. Греко-католики обычно побеждали. В двадцатом столетии они имели двух замечательных предстоятелей. Первым из них был митрополит граф Андрей Шептицкий, который брал участие во всех украинских, австрийских, польских и немецких интригах первой половины столетия. Следующим был кардинал Иосиф Слепой. Когда Сталин расправлялся с греко-католической церковью, его уперли в Сибирь. В конце сороковых годов американцы выменяли его на какого-то шпиона. Остаток жизни он провел в Риме. Это был сильный человек. Рассказывают, что его побаивался Папа и недолюбливала ватиканская публика. Он выбивался из общего ряда. Как и Шептицкий, он мечтал о создании украинского патриархата. Ему на смену пришел Кардинал Мирослав Любачивский, личность настолько бледная, что полностью устроила Ватикан. С начала девяностых годов, он вместе со своей канцелярией перебрался во Львов, в старую резиденцию униатских предстоятелей - комплекс собора Св. Юра.

В конце восьмидесятых была восстановлена Украинская Автокефальная Православная церковь. Она была не совсем канонической, но тамошняя публика мне наиболее нравилась. Патриархом был Мирослав Скрыпник. Один из интереснейших украинских авантюристов XX ст. Он начал свой творческий путь в качестве адъютанта Петлюры, потом он принимал участие в украинском легальном политическом движении на Западной Украине. Был послом (депутатом) польского сейма от Волыни в тридцатых годах. В сороковых сотрудничал с немцами, после войны - с Богом, в качестве председателя УАПЦ. Резиденцию он имел в Бамбруке (США), был чрезвычайно властолюбивой, сварливой и колоритной личностью. В

1992-93 гг. он побывал на Украине.

Я навещал его в первом классе номера гостиницы "Киев". Это был старик с внешностью Мефистофеля, большими, как-то удивительно заостренными сверху ушами. Он расслабленно сидел в глубоком кресле. Я поздоровался. Слабым капризным голосом он сообщил мне, что он присмерти, что он обессилен, что такие-то и такие-то не высказывают к нему подобающего уважения, а такой-то, наверно, является врагом Украины. Затем я выслушал двухчасовой монолог - он говорил быстро, не прерываясь, то возбуждался и кричал, избличал и опровергал, то шептал и жаловался, то говорил, что ничего уже не хочет, то угрожал мстостью. В этом высохшем теле бурлил вулкан. Он перессорил между собою всю православную эмиграцию и ощущал силы взяться за Украину. Но наибольшее количество парафий в Украине имела Российская Православная Церковь. Собственно украинские парафии были ее наибольшей частью. Долгие годы здесь хозяйничал Митрополит Киевский и Галицкий Филарет. Он построил роскошную резиденцию на Пушкинской улице в Киеве и правил железной рукой, чем, безусловно, вызвал искреннюю детскую ненависть всего клира. В конце восьмидесятых он едва не стал Московским патриархом, но вместо него выбрали Алексея, который был его открытым врагом. Тогда Филарет понял, что спасение в сепаратизме. Его враги, а ими были все епископы, собрали Харьковский собор украинских парафий. Филарета лишили сана, а позже расстригли. Но он решил побороться. Он все еще удерживал за собою резиденцию и кафедральный Владимирский собор, когда решился обратиться ко мне. Я выставил охрану возле Собора, чтобы избежать его внезапного захвата врагами. Власть боялась какой-либо определенности. Милиция то наезжала на нашу охрану, то помогала ей. Я убедил автокефалистов начать переговоры с Филаретом на предмет объединения. Им было тяжело, поскольку Филарет (подобно Св. Павлу в молодости) в свое время активно нападал на автокефалию и науськивал на нее власти. Однако интрига закрутилась. Дело понемногу шло к объединительному собору. Тем временем в Киев намеревался прибыть из Москвы новый руководитель украинских парафий Митрополит Владимир Сободан. Предусматривалось, что он поселится в Киево-Печерской Лавре. Она, как и все другие монастыри, выступила против Филарета. Мы решили захватить ее накануне приезда Собоdana. Необходимо было добиться нейтралитета со стороны милиции. Филарету симпатизировал один из заместителей Министра внутренних дел, на которого была возложена ответственность за то, чтобы конфликт не перерос в серьезные стычки.

Как-то я сел с ним в его "Волгу" и мы поехали осмотреть Лавру. Он повернулся ко мне и заговорил про Филарета. "Вот я смотрю в эти чистые, синие глаза, - сказал он, - и думаю: ну как можно что-то замышлять против этого человека. Он же святой! "

Филарет был "матерым человецищем". Однако это был единственный из высших служителей церкви, кого я знал (а знал я их много), кто всерьез относился к церковной службе. Он мог часами ходить по своему кабинету и напевать псалмы. Моменты службы были светлейшими моментами его жизни. Кроме моментов, когда он считал деньги.

Дальняя часть Лавры, которая нас интересовала, окружена кирпичной стеной восемнадцатого столетия с узкими ружейными бойницами. Операцию я наметил на вечер. Основной нашей целью было захватить главный административный корпус, после чего ввести туда Филарета. Я даже мечтать никогда не мог, что придется воевать в таких романтических обстоятельствах, разыгрывать трагедию в исторических декорациях. Дело осложнялось тем, что

противоположная сторона была на стреме. О возможности штурма догадывались. Я проинформировал о дате и времени акции и посвятил в детали плана только трех человек. Они изготовили штурмовую лестницу и спрятали ее возле намеченного места под стеной. За час до начала акции я собрал около сотни своих во Владимирском соборе. Я разбил их на группы и приказал каждой отдельно доехать к месту сбора на склонах берегов Днепра под Лаврою. Только там я объяснил им причину сбора и поставил задачи. Через десять минут двое скромных молодых людей постучали в дверь административного корпуса. Когда им открыли, они завязали разговор с келейником. Разговор перетек в драку. Один из молодых людей выстрелил из газового пистолета. Это был сигнал к общему нападению. Со стены во двор посыпались наши бойцы. На колокольне тревожно забили колокола, начали выбегать монахи. Задачей двух наших первых, было в течение минуты удержать вход, но на случай неудачи, была заготовлена небольшая самодельная тротиловая шашка, чтобы высадить дверь. Этого не понадобилось. Административный корпус был захвачен сразу.

Далее, при помощи палок, цепей и кусков гидравлических шлангов, начали разгонять монастырскую публику. Она сопротивлялась. Я послал людей стянуть звонарей с колокольни.

В целом я не заметил аскетизма в быту монастырского начальства. Кухня была переполнена деликатесами, которые наши сразу же съели, чтобы в случае чего не оставлять врагу. Я ожидал Филарета, чтобы ввести его во владение. После его появления мы были хотя бы немного прикрыты со стороны уголовного кодекса. В какой-то степени, это бы выглядело не как разбойное нападение, а как взятие под охрану собственности под руководством законного владельца. "Когда он придет, - думал я, - он уже не отвертится". Однако его все не было, вместо него подъехало несколько машин ОМОНа. Я сгруппировал всех наших возле административного корпуса на небольшом возвышении, чтобы легче было защищаться. Убежать не было возможности - мы были в замкнутом подворье. Кроме того, ситуация на этот раз не была такой, чтобы ложиться костью. Милиции все прибывало. Я вступил в переговоры с их начальством. Руководил начальник Печерского райотдела. Он явно не симпатизировал Филарету, вероятно, райотдел немного прикармливался с Лавры. После длительных споров и многих, сделанных по громкоговорителю предупреждений, я решил сдаться. Я проинструктировал всех своих, чтобы сбросили все уголовное и еще раз напомнил, чтобы никто не давал ни каких показаний.

Всех закрыли в клетках райотдела. Меня потянули на допрос. Милиционеры не скрывали злорадства. Наконец, они могли расквитаться за все предыдущее. "Не понимаю, почему вы радуетесь, -- сказал я. -- Вы только что сорвали государственной важности дело, которое я проводил совместно с Министерством Внутренних Дел".

В протокол допроса был занесен эпизод моей поездки на рекогносцировку в машине заместителя министра.

Меня несколько раз возвращали в камеру и снова тянули на допрос. Под утро, я, наконец, уснул, возложив голову на колени одного из своих товарищей. Вместе с нами, в камере оказался директор стадиона "Динамо" Анатолий Калоша. Он принимал активное участие в церковных делах и тем вечером был вместе с нами.

Рано утром в райотдел примчался мой заместитель министра. Ситуация действительно была скандальной и он немного испугался. Он забрал себе в портфель все протоколы и сам вывел всех нас из райотдела. Оказавшись на воле, я посмотрел на утреннее небо и вздохнул с облегчением. Я думал, что на

этот раз таки закроют.

Как выяснилось, во время штурма Филарет все-таки подъезжал к Лавре, но не решился въехать. Лавра осталась за Московским патриархатом. Из тех и более поздних событий я вынес стойкое убеждение в том, что духовным лицам нельзя вмешиваться в дела церкви.

Это отвечает и сути украинского православия, где дела, обычно, решали братства, состоящие из мирян, а не духовные. Наиболее известным украинским православным деятелем был Петро Могила. Митрополитом его провозгласили несколько человек, среди которых не было ни одного духовного, но у всех были сабли. И неплохой вышел Митрополит.

Немного позже наши винницкие хлопцы решили захватить помещение местного епархиального управления. Там сидел епископ Агафангел. За его кабинетом хлопцы нашли интересную комнатку с двумя кроватями, переполненную спиртным, порнографическими журналами и видеокассетами. Впоследствии Агафангела перевели на Одесскую Епархию, где он приобрел популярность как активный гомосексуалист. С тех пор, как мы вплотную занялись делами церкви, количество атеистов в организации существенно возросло.

Позже произошел объединительный собор, на котором филаретовская часть церкви объединилась с автокефальной. Все это стало называться Украинская Православная Церковь Киевского Патриархата. Часть автокефалистов с объединением не согласилась и выделилась в отдельный патриархат. Я писал в те дни: в последнее время мне приходилось интенсивно общаться с иерархами трех христианских конфессий. Все время я ловил себя на том, что в голове моей звучит фраза: "Ла Иллаху ил лалаху ва Мухаммаддун расул лахи". А может и действительно - Расул Лахи?

Через полгода мне довелось расширить свой опыт средневекового штурма опытом средневековой обороны. Ко мне обратилось несколько "афганских" семей. Им были обещаны квартиры в новопостроенном доме в "Царском селе" на Печерске. Однако, когда дом был готов к заселению, выяснилось, что все квартиры расписаны за разнообразными начальниками из Кабинета Министров, Верховного Совета и Министерства обороны. "Афганцы" решились вселиться самовольно и защищаться. С ними были их семьи и двадцать наших хлопцев. Дело облегчалось тем, что это был высокий шестнадцатизэтажный дом и в нем был только один подъезд, который наши забаррикадировали после того, как вошли туда. Вскоре появилась милиция и, поняв серьезность намерений, оцепила дом широким кольцом. "Афганцы" повывешивали с балконов плакаты с лозунгами, которые объясняли смысл их акции. Осада продолжалась три сутки. Милиция попыталась разобрать баррикаду на входе при помощи небольшого экскаватора, но наши обстреляли его шариками от подшипников из специально сделанных больших рогаток. Экскаваторщик убежал и больше не отваживался подъезжать близко. Милиция пока еще не хотела атаковать при помощи пожарных лестниц. Была большая вероятность того, что кто-нибудь разобьется при штурме.

Милицейское начальство предчувствовало ужасный скандал в случае появления хотя бы одного трупа. На всякий случай, наши приготовили напалм в бутылках и время от времени стреляли из рогаток, если кто-нибудь подходил близко.

Из нескольких тысяч "афганцев" Киева, акцию никто не поддержал. Нет там у них никакой солидарности.

Милиция давила все время на психику, при помощи громкоговорителей обещая разнообразные ужасы из уголовного кодекса. Наконец часть "афганцев" не выдержала и решила сдаться. Всего несколько семей решилось держаться до конца. Они попросили наших оставить их, поскольку теперь рассчитывали не на

силу, а на то, чтобы спекулировать собственными страданиями. Позиция мученичества бывает рациональной в пределах современного "большого стиля". Ты можешь быть убийцей, но обязан выглядеть как мученик. Стороны во всех современных конфликтах демонстрируют миру собственные страдания и утаивают победы. Эту моду завели евреи в своих послевоенных игрищах. И таки верно угадали.

Наши хлопцы слиняли подземными теплотрассами. Милиция была ужасно разочарована, не найдя никого из наших, когда ворвалась в дом. Я вспоминаю те времена с тихой грустью.

Мне запомнился разговор Славка с одним нашим знакомым бандитом. Тот шутя подбивал Славка на какой-то "хлопок", на что Славко отвечал: "Не нужно грузить. Я очень хорошо понимаю разницу между уголовным преступлением и политическим". Он имел в виду, что за политику угрожает суток пятнадцать или условное наказание. Как это смешно сегодня, когда мы ходим под расстрельными статьями, а уголовные откупаются даже от убийства.

Кстати, "афганцам", которые остались, квартиры таки дали. Те, что капитулировали - пролетели.

Аноним

Приемы оперативной деятельности КГБ основывались на широком использовании осведомителей, в меньшем объеме - технических средств подслушивания. Наиболее распространенными из них были телефоны. Конструкция данного изделия позволяла подслушивать не только телефонные переговоры, но и разговоры в помещении. Правда, емкость системы была ограничена. В областном городе средних размеров можно было подслушивать не более нескольких десятков телефонов за раз. "Жучки" размером с таблетку использовались КГБ куда реже. Для начала их надо было еще доставить к месту предполагаемой беседы. Падким на образчики западной культуры "правозащитникам", как-то удалось подсунуть "жучка" в корешке альбома с репродукциями. Эти лохи даже не обратили внимания на того, кто им его принес. В последствии попытки затесаться в сложившуюся компанию, например, сопровождая какую-нибудь известную личность "на сходку", позволяли заподозрить такого визитера. Обилие бюрократических процедур и закрытость некоторых советских учреждений позволяли довольно успешно "внедрять" подслушивающие устройства в одежду "объектов". Например, человека могли вызвать в военкомат, благо, почти все мы были тогда военнообязанными, и, пока он дождался приема, вшить жучек в куртку или пальто. Однажды, какой-то ушлый антисоветчик обнаружил устройство и вытащил его. Обычно, фургончик с оборудованием для воспроизведения и записи разговоров крутился рядом, поэтому тут же примчались оперативники и потребовали вернуть "это".

- Что "это"?

- Сами знаете.

Никакими законодательными актами данный вид оперативно-розыскной деятельности не регулировался, поэтому люди посмелее просто посылали незадачливых чекистов.

- В туалет выбросил.

Все довелось выгрести ведрами и процеживать. Благо, выгребные ямы у нас, как правило, не отделяют от писсуаров - не Франция.

Вообще, очереди во всяких присутственных местах, от ЖЭКов до больниц, широко использовались для установления контактов источников с объектами.

Запись бесед непосредственно на магнитофон применялась куда реже. Оперативный диктофон-микрокассетник советского производства размерами чуть больше портсигара, с корпусом из металла и минимумом кнопок на панели с торца. Микрофон выводили через одежду, диктофон клали в карман. Таких изделий было немного, поэтому с развертыванием гуманитарной помощи всяческим "оппозиционным" группкам, трофейные диктофоны корейского или тайваньского производства нашли широкое применение. Записывать на них еще что-то и удавалось, но прослушать было практически невозможно. Тогда на всяческих сходках было модно и "престижно" выставлять диктофон на стол и записывать - это свидетельствовало о связях владельца с диаспорой.

Иногда для наблюдения применялись видео- и фотоаппаратура. На видео в основном фиксировали факты правонарушений при проведении различных массовых мероприятий, вроде несанкционированных митингов. Одно время видеокамера в предвкушении визитов каких-то важных шишек была установлена в подъезде дома, где проживал Корчинский. Вообще, по оперативным съемкам личного состава в ходе акций УНСО можно было опознать кого угодно. Никогда не забуду ориентировку, касающуюся другого, более раннего периода, но суть проблемы она передает точно: "Разыскивается мужчина (женщина), 25-40 лет, пишущий на стенах Киево-Печерского государственного заповедника лозунги антисоветского содержания, флейцевой кистью шириной 25 мм. Одет в темную куртку и брюки". Навести какой-либо порядок на политических тусовках Киева или Львова, (провинцией, кроме Чернигова, я брезговал) даже в интересах элементарной безопасности не представлялось возможным. Степень проинформированности для этой публики напрямую коррелировалась в их собственном восприятии и восприятии окружения с мерой политического веса. Как водится, с беспечностью соседствовала шпиономания.

К счастью, рабское следование большинством "источников" инструкциям Комитета, позволяло с большой долей вероятности локализовывать эту публику даже путем анализа и наружного наблюдения. Что бы там не говорили, а провокаций в то время официально, да и фактически, не позволяли, боялись ответственности. Поэтому "источник" вполне в стиле инструкций Департамента полиции времен Азефа должен был держаться в стороне от активной деятельности, организации и участия в несанкционированных митингах, например. Эта публика, обычно, вертелась вокруг начальства с какими-то неопределенными организационными функциями или сама была руководством, решавшим общие вопросы. Или наоборот, очень "частные", например, финансовые. Памятуя прежнюю деятельность КГБ по формированию правозащитного движения, особенно подозрительно выглядели всякие "борцы с режимом" со стажем, писавшие антисоветские памфлеты, передававшие их на Запад, состоявшие на контакте у третьего секретаря посольства США и ездившие для этого в Москву, так же включенные в список кандидатов на получение статуса "беженца". Такие "стучали" сразу на обе стороны. Мои подозрения относительно одного человека, назовем его В. М., подтвердились в 1997 г. Тогда в центре Киева дошло до небольшой перестрелки. Трое потерпевших единодушно вопили воистину, как "потерпевшие", о том, что у них должна была состояться встреча с этим самым В. М. А вместо него пришли вооруженные боевики. Один из них, приставив пистолет к груди жертвы, перед тем, как спустить курок, даже произнес:

- Будешь знать, как запускать лапу в организационный карман В. М. Того даже на допрос не вызвали, очевидно, он вовремя переметнулся к ментам.

С самого начала трое из руководства УНСО, якобы близко связанные с границей (не буду называть фамилии, хотя это были В. М., О. В. и А. Л.) проходили по другой линии и не освещались обычным порядком так, как освещался, например, Корчинский. Из руководства мне известны трое лиц, в разное время признавшихся Корчинскому в своих связях с КГБ-СБУ. Он сохранил их признания в тайне и у меня нет оснований разглашать подобные сведения. В начальный период деятельности УНА УНСО в горячке политической активности тех дней легко можно было выявить источник методом наружного наблюдения. Узнал о чем-то, требующем немедленного оповещения начальства, например, план акции, меняется, пройдут другой дорогой, сразу бежит к телефону, или к кому-то на встречу. В жаркие дни политических мероприятий парки и задворки вокруг управления превращались в место прогулок эдаких парочек, обсуждающих какие-то важные проблемы, что-то записывающих, отсчитывающих, пугливо озирающихся по сторонам. Прежние конспиративные квартиры "мирных времен" благополучно накрылись. Встречи в гостиничных номерах приживались с трудом. Наконец, сошлись на машинах - высиживали в них, как гомосексуальные любовники.

Эта непреодолимая жажда получения информации со стороны противника и стала основной контрразведывательной деятельностью в УНА УНСО. Деятельность была необходима разве что, как средство прикрытия наиболее важных организационных мероприятий, что и достигалось путем тотальной дезинформации. Информацию о приготовлениях, как и сами приготовления, скрыть невозможно - что-нибудь да просочится и составит пищу для размышлений. Так вот, этой пищи должно быть как можно больше, в пять, в десять раз. Противник, обреченный на собственные головы, как средства анализа, неизбежно захлебнется в таком обвале противоречивых сведений. Принятие того или иного варианта действий УНА УНСО обязывало СБУ и милицию, контактировавших между собой с трудом и через вышестоящих посредников к разработке собственной диспозиции на предмет предстоящей "эзекуции". Изменить ее в ходе акции уже не представлялось возможным. У Корчинского есть основания гордиться его первыми тактическими победами.

Дмитро Корчинский

Создание украинской армии началось с уничтожения военного образования. В этом были заинтересованы Соединенные Штаты и Израиль, так как в военных вузах Украины учились тысячи курсантов из арабских стран. Американцы понимали, что, готовя военные кадры в Украине, другие страны остаются привязанными к советским системам вооружений. Это противоречило интересам американского ВПК.

Американцы много усилий потратили на то, чтобы влиять на военное руководство Украины. наших генералов и полковников тогда можно было покупать за жвачку. Министр обороны столько же времени проводил в Америке сколько в Украине. Одним из первых его шагов было создание управления военного образования и науки. До этого военные вузы пребывали в подчинении видов войск. Управление возглавил генерал Прокофьев. Он подготовил проект реформы военного образования, которая предусматривала ликвидацию элитных училищ. После того, как он выполнил эту функцию, его забрал к себе Израиль. Он имеет синекуру на должности военного атташе Украины в Израиле. Живой, здоровый и неплохо себя чувствует. Куда смотрит интифада?

В те годы я активно интриговал против реформы. УНСО была единственной

политической организацией, которая активно и последовательно воевала против Министерства обороны. Сначала нас старались приручить. Я встречался с Прокофьевым, а позже с Министром обороны. Помню, как меня поразила незначительность этих людей. Это были случайные, скучные, неинтересные негодяи в больших роскошных кабинетах.

Весной 1993 г. нам в руки попал отчет командованию Черноморского флота командира группы кораблей, которые выполняли боевое задание на рейде Гудауты. Они закачивали на берег горючее для абхазской бронетехники через импровизированный терминал, обстреливали грузинские самолеты и тому подобное. Пикантность ситуации состояла в том, что Черноморский флот формально пребывал под совместным украинско-российским командованием. Я, конечно, не упустил возможности поставить в неудобное положение украинскую власть, опубликовав эти документы. Я считал, что Украина должна поддерживать Грузию. Для того, чтобы не иметь фронта в Крыму, мы должны постоянно поддерживать фронт на Кавказе.

Однако, сначала мы сконтактировали с абхазами. Они сами вышли на нас. Я послал кого-то со своих посмотреть ситуацию в Гудауте. Выяснилось, что они больше заинтересованы в политической поддержке, чем в добровольцах. Хотя все наши знакомые по Приднестровью воевали за абхазов, я решил выйти на контакты с киевскими грузинами. Это было нетрудно, поскольку наш политреферент Дядя Толя давно и беспорядочно мутил с кавказцами. Это был очень колоритный экземпляр. Первый раз его арестовали в конце пятидесятых годов во время поездки на Кавказ. Ему было девятнадцать. Сибирские зоны тогда были огромных размеров - десятки тысяч заключенных, среди которых хватало буйного элемента: бандеровцев, власовцев, прибалтов. Через полгода на зоне, куда он попал, началась забастовка. Председателем забастовочного комитета старшие товарищи выдвинули Толика (решили подставить как самого молодого). Забастовку подавили при помощи танков. Хлопца при этом сильно покалечили. Одно время он вообще не ходил, впоследствии передвигалось на костылях. Он пережил несколько лет крытой, принудительное кормление во время продолжительных голодовок. Через десять лет он освободился, но ненадолго. 22 мая 1972 г. на ступеньках возле памятника Шевченко в Киеве он прочитал собственный стих, после чего его снова арестовали. В этот раз большую часть времени он провел в психиатрических больницах. Всего отсидел двадцать три года.

Дядя Толя носил пропеченное солнцем татарковатое лицо, седую бороду и длинные волосы и, если бы не излишек суетности в узеньких глазках, был бы похож на даосского монаха. Питался кофе и сигаретным дымом. За три дни он превращал новый костюм в тряпку. Способен был говорить часами и ненавидел слушать других, но тем не менее владел даром общения и необходимой для мошенника способностью вселять доверие. Его можно было выбросить из самолета в какой-нибудь незнакомой стране без денег и документов и через два дня увидеть его в кабинетах министров и президентов. Находилось все: машины, квартиры, окна на границах, эфирное время на телевидении. Через неделю его уже знали все и он знал всех. Он мгновенно разбирался в ситуации и уже сам объяснял ее аборигенам, поучал и разводил с невероятным апломбом. Но вторично его нельзя было пускать на то же пастбище. Он слишком быстро успевал все вытоптать, залгаться и испортить своей патологической безответственностью. Он был из тех, кто сжигает лес только для того, чтобы прикурить сигарету. Люди отягощенные значительным тюремным опытом, как правило, имеют склонность собирать вокруг себя редкостную сволочь и таскать

ее за собою. Какие-то, очень уж потасканные курвы, вороватые мужички, мутнячки, червячки. В конце концов - мы.

В конце весны я попросил дядю Толю собрать знакомых грузин в помещении одной быстобанкрутирующей фирмы, которая снимала комнаты в Киевском доме офицеров. После длительного разговора они согласились финансировать отправку людей на абхазскую войну.

Постмодернизм - это смесь. Это уничтожение расстояний и времени. В Нюрнберге судят Валленштайна. Он сидит между Герингом и Линкольном. Эмпедокл является учеником Декарта. По идее, постмодернизм - это ситуация переполненности. А на деле - пустота. В конце столетия произошло не увеличение поинформированности, а увеличение числа хромосом. Дауны делают телевидение. Дауны им наслаждаются.

Я всегда много внимания уделял пропаганде. Современные войны - это вооруженные политические демонстрации. И демонстративный момент в них не менее важен, чем собственно момент применения оружия. Вообще, пропаганда срабатывает тогда, когда люди ходят по колено в пропаганде. Но, когда на это недостает средств, оружием пролетариата есть скандал. Между прочим, качественный скандал не такое уже и легкое дело. На Западе стоит заявить, что министр крадет - и это уже скандал. У нас на такое никто не обратит внимания. Скорее удивит противоположное заявление. Как-то нам попала в руки копия медицинской карты министра юстиции, из которой вытекало, что он ВИЧ-ИНФИЦИРОВАН (по дате - один из первых в Украине). К тому же, инфицирование произошло, как следовало из бумаг, в результате гомосексуального контакта. С большим удовольствием мы поделились своим маленьким открытием с депутатами Верховного Совета, с чиновниками кабинета министров и администрации президента. Вы думаете это вызвало скандал? Ни в коем случае! Наверно, у них там много таких. Современного человека не пробьешь сексуальными извращениями, моральными недостатками, несправедливостью. Единственное, что способно волновать подсознание - это обыгрывание угрозы прямого насилия.

Люди должны бояться Пифагора, чтобы интересоваться им. Существует только то, что убивает. Наша просветительская миссия состоит в том, чтобы объяснить: абстракции агрессивны. Когда говорят про духовность, воображают васильки, а это - пожары. Любая философия заканчивается химией. Хотя Бы из этого ею нужно интересоваться.

В 1992 г. мне нужно было донести свою точку зрения до крымчан. Это можно было осуществить при помощи серьезной компании в средствах массовой информации. Но, во-первых, у нас их не было, а во-вторых, люди отторгают новую информацию. Ее не так уже и легко навязать. Я опубликовал заявление, которое состояла всего из одного предложения: "Крым будет украинским, или безлюдным". Прошло шесть лет, в Крыму эти слова помнят все.

Командиром абхазского подразделения я назначил Валерия Бобровича ("Устима"). В минувшем флотский офицер, воевал во Вьетнаме. Однажды я заметил, что каждый человек имеет такой небольшой промежуток жизни, когда она отращивает глаза, которыми будет смотреть на себя в дальнейшем. У многих эти глаза отрастают под влиянием одной-двух книжек, прочитанных в юности. Устим смотрел на себя глазами авторов и героев литературы про УПА. Это специфическая пропагандистская эмигрантская литература, написанная преимущественно в пятидесятых годах участниками событий. Под влиянием гнетущей эмигрантской действительности они романтизировали войну. Правда, там было что романтизировать.

Наше подразделение должно было действовать сначала в составе батальона морской пехоты, который был сформирован одной небольшой грузинской партией. Перед отправкой наших первых людей в Грузию, меня попросили зайти в центральный офис СБУ на Владимирской улице. Там я имел беседу с двумя зампредами, которые уговаривали меня не вступать в войну. Они сообщили мне, что Украина подписала какую-то международную конвенцию о борьбе с наемничеством. Мне было скучно. Вероятно, им был нужен факт проведения профилактической беседы, чтобы подтвердить, что они бдят в пределах действующего законодательства.

Я вылетал из аэропорта "Борисполь". С собою я вез два десятка унсовцев, чтобы дополнить наше подразделение. Перед отлетом я узнал, что наши в Абхазии уже прошли тяжелые бои и потеряли двоих убитыми.

* ГЛАВА 4. АБХАЗИЯ. ЭПОПЕЯ "АРГО" *

Валерий Бобрович (Устим)

Был ли первый законно избранный демократический президент независимой республики Грузия батано Звиад Гамсахурдиа кровавым тираном, мне, доподлинно, неизвестно. Отношения населения к событиям зимы 1992/93 гг., как нельзя более ярко иллюстрирует рассказ Моего грузинского коллеги. Когда во время боев на проспекте Руставели в одном из гастрономов выбило витрину, а грабить там уже было нечего, жители установили в проеме стулья, и с этого подиума, как в кино, с любопытством взирали на происходящее. Иногда кто-нибудь из зрителей падал сраженный случайным осколком, тогда его место занимал следующий.

К весне 1993 г. последовала и грузинская военная экспедиция против Абхазии. Целью было перекрыть границу с Россией. Двинулись на трех десантных баржах. На одной - в качестве огневого средства была установлена БМП. Экспедиция готовилась и отправлялась в обстановке строгой секретности. Каково же было негодование бойцов когда поймав с помощью радиоприемника волну тбилисского телевидения они услышали репортаж о себе и победную репликацию об окончании предприятия, которое едва успело начаться. Где-то на широте Гудауты, конвой был остановлен российским сторожевиком и повернул к берегу. На пляж десантники высаживались уже под пулеметным огнем.

В мае 1993 г. с партией Гражданский Конгресс Грузии была достигнута договоренность о том, чтобы направить в Поти группу советников для формирования батальона морской пехоты. С зимы 1992 г., вооруженные формирования имела каждая уважающая себя партия. "Мхедриони" разоружала в горах райотделы милиции, Кетовани в просторечии "Кетуши" формировал Национальную Гвардию.

Предполагалось сформировать в составе батальона и группу боевых пловцов. Грузинским ВМС, состоявшим из нескольких сейнеров и судов на подводных крыльях, вооруженных ДШК и "душками" нечего было противопоставить кораблям Черноморского флота, кроме некоторого числа орудий береговой обороны, гаубиц Д-30 и зенитных пушек калибра 85-100мм. Кто-то подал мысль о разведывательно-диверсионных действиях против кораблей и судов противника на якорных стоянках, а также его портовых сооружений, посредством малых штурмовых средств. Поскольку мой опыт подводных погружений ограничивался аквалангом, довелось наводить справки об инструкторах подводного плавания, имеющих опыт обращения с кислородными приборами замкнутого цикла. Вскоре

один такой объявился - некто "Обух". В прошлом - боевой пловец-сверхсрочник, он весьма долго прозябал в различных туристических, спортивных и киношно-декораторских тусовках, ограничивая круг своих занятий инструктажем, спасением утопающих и культуризмом. Вообще человек созревал до того, чтобы стать "толкиенистом", "военным реконструктором" или еще кем-нибудь наподобие всей этой вполне безобидной публики, если бы в 1992 г. не вступил в УНСО. Когда подвернулась война "Обух" решил потряхнуть стариной. К этому времени, его сын "Цвях", которому едва исполнилось 18 лет, уже успел на свой страх и риск принять участие в Нагорно-Карабахском конфликте на стороне Азербайджана. Оба, отец и сын, с первой партией УНСОвцев были отправлены в Абхазию, где мы начали формирование украинского батальона "Арго". Поначалу я предполагал ограничить круг их обязанностей такими прозаическими вещами, как приобретение водолазного снаряжения и подготовка личного состава. "Обух" долгое время прожил в Абхазии и мог даже изъясняться по-грузински и на туземном наречии. Но не тут-то было. Мой "инструктор" твердо решил следовать идеалу "белого наемника", вроде "Конго-Мюллера" или Боба Денара и прочих безмянных авантюристов времен кризисов в Биафре и Катани. В своеобразной целеустремленности этому человеку нельзя было отказать. Готовясь к поездке, самым неэффективным способом гимнастики - изометрическим, он нарастил весьма приличную мускулатуру. Хуже обстояли дела с подводными диверсиями. Оказалось, что немалый запас технических средств батумского дельфинария, по неизвестным мне причинам, был недоступен. Грузины, по простоте, предполагали обойтись совершенно непригодными в военных целях - "пузырящими" аквалангами. Их комиссионеры с готовностью предложили производить закупки в Турции. "Обух" мечтательно пускал слюни, предвкушая получение вожделенных игрушек: скутеров, гидрокостюмов, гарпунных ружей и ножей. Я настоял на приобретении снаряжения в Киеве. На бывшей учебной базе ДОСААФ нашлось некоторое количество кислородных приборов и прочего легководолазного снаряжения. Не составлял проблемы и выбор целей. На любой из якорных стоянок вдоль сочинского побережья, атаку возможно было произвести вполне безнаказанно. При проведении террористических действий, надлежит исходить из античного принципа простоты замысла и исполнения. Атаковав, возможно более крупную цель в российских территориальных водах, мы бы имели достаточный пропагандистский эффект. Пример - позднейшая история с "Авразией".

Собственно, технические проблемы были сведены к минимуму. Забортное размещение контейнеров со снаряжением, позволяло избежать разоблачения, даже при проведении таможенного и пограничного досмотра. Как-никак, а почти десять лет, я, как и весь плавсостав торгового флота промышлял контрабандой, и без ложной скромности, достиг на этом поприще некоторых успехов. Судовой корпус может быть легко разрушен снизу, в области бокового киля, сосредоточенным зарядом ТНТ массой 5 кг. Применение двух зарядов по оба борта усиливает эффект, также как и условия подводной среды. Вода, как известно, не сжимается и часть взрывной волны отражаясь от дна усиливает действие взрыва. Для прикрытия, при тогдашнем беспорядке, в области судоходства, вызванном утерей монополии пароходств, обзавестись какими-либо фрахтовыми документами для каботажного рейса, не составляло труда. Резервным вариантом, оставалось рыболовство.

К сожалению последующие события войны поставили крест на наших военно-морских планах.

Я вспоминаю об этом потому, что для характеристики эпохи имеют значение

и сведения о нереализованных планах. Деятельность террористических групп на 90% состоит из подготовки мероприятий, которые так и не удается реализовать. В Абхазии в то время проживало около 60-65 тыс. человек абхазцев и 350 тыс. грузин. Безусловно, и дураку понятна невозможность какого-либо серьезного вооруженного сопротивления при таком соотношении населения. Правда, было еще около 250 тыс. армян, россиян, греков, украинцев, так называемых русскоязычных, но к началу конфликта им все было по барабану, немного позднее они просто поразбежались, кроме армян, которые в большинстве своем состояли из сельского населения и приняли активное участие в конфликте на антигрузинской стороне. Исходя из того, что по количеству их больше, чем абхазцев, они компактно проживают и по национальным признакам являются неплохими бойцами, армянский фактор в абхазской войне был вторым после российского. Армянская общественность Абхазии сформировала несколько отдельных национальных батальонов, которые действовали автономно. С одним из таких батальонов, а именно им. Маршала Баграмяна, нам пришлось столкнуться. Было это в начале июня. Я занимал должность командира добровольческого отряда УНСО "Арго" и получил приказ захватить село "М". Форсировав речку и не доезжая до села метров 800, мы послаздили с машин, развернулись в цепь. Имея пулеметы на флангах, начали продвигаться к селу. Разведка мне донесла, что в селе около 50-60 вооруженных людей, не россияне, плохо обмундированные и явно не производят впечатления регулярного подразделения. Над кабиной нашего головного ЗИЛа развевался желто-синий флаг. Наверное, по нему армяне определили нашу национальную принадлежность. Как только цепь двинулась вперед, над крайним домом замахали белым флажком. Мы остановились и на всякий случай залегли. Я взял двух стрелцов и двинулся навстречу трем неизвестным воякам, которые, махая белым флажком, вышли из села. Где-то, приблизительно, посередине между нашими позициями, мы сошлись. По их внешнему виду я понял, что они не грузины и почему-то брякнул: "Салам Алейкум". Они переглянулись и старший ответил: "Барэф дзес". Вот теперь стало ясно, армяне, еще и кресты, наконец-то, заметил на грудях. Старший, дальше будем его называть Леон, то ли спросил, то ли подтвердил: "Ви не гоги" (Гоги называют грузин, аналогично: фриц, иван, томми.) "Мы украинцы" - ответил я и показал трезубец на фуражке, еще и достал крест из-за пазухи, надеясь этим развеять его сомнения, вызванные моим мусульманским приветствием. Леон был неразговорчив: "Мы воюем с гоги. Ни украинцы нам, ни мы украинцам плохого не делали. Чего хочешь?". Беря пример с Леона я отвечал кратко: "У меня приказ взять село". "И что, будеш брать?". "Буду" - уверенно ответил я, заметив краем глаза, как на соседнем пригорке ребята уже успели развернуть в направлении села нашу ЗУшку. Леон помолчал, подумал и сказал: "Ну и бери его на хер" Повернулся и пошел назад. Через 25-30 минут мы увидели как из села потянулась вереница армянских ополченцев. Через час село взяли под контроль мы. Вот так, бескровно, закончилась встреча украинских и армянских боевиков в Абхазии.

Вернемся к началу лета 1993 г. Российская агрессия на Кавказе разворошила и наш украинский муравейник. Учитывая традиционную украино-грузинскую дружбу, на Украине сотни, даже тысячи людей готовы были вызваться защищать с оружием в руках маленькую свободолюбивую республику. Помешала, как всегда, тупая политика украинского правительства. Эти поросычьи морды начали стонать: как бы чего не вышло, как нас поймет европейское содружество, не обидеться ли Москва. "Естественно, обидится" - сказал лидер УНА УНСО Дмитрий Корчинский. С того времени, вопрос

вооруженного российско-украинского сопротивления на Кавказе полностью перешел под "юрисдикцию" УНСО. Я был назначен командиром добровольческого отряда УНСО, который немного позже стал называться "Арго". Перед отъездом я поинтересовался историей Абхазии, этого малоизвестного на Украине края.

Морское пиратство было одновременно славой и трагедией народов, населяющих этот край. Морской и прибрежный разбой, продажа пленных и собственных соотечественников в рабство - было главным промыслом черкесов и абхазцев. Одно из первых воспоминаний про гениохов - древних абхазцев - тоже связано с пиратством. Это тексты Диодора (307-301 гг. до н. э.): "... для защиты плавающих по Понту, он (Евмел) вступил в войну с варварскими народами, как правило, занимающимися пиратством: ниохами, гениохами, ахейцами и очистил от них моря". Справка: ахейцы проживали на юго-востоке от Геленджикской бухты.

В XV†††-XIX ст., во время колонизации Кавказа, ахейцы были полностью уничтожены российскими войсками, как и множество других народов: натухаи, абадзехи, игапсуги, ногайцы, убыхи. Не удивительно, что и от абхазцев осталось всего лишь 60 тыс. человек, но и работорговля серьезно подорвала развитие абхазцев, как нации. Подумать только: больше 20-ти столетий пиратства и работорговли. Возникали и погибали государства, гибли города, переселялись народы, росло мореходство, а в этом регионе ничего не менялось. Как пишет Ф. Дюбуа де Монпере: "... можно считать, что несколько миллионов черкесов и абхазцев было продано в рабство и вывезено морем за эти столетия". Во все времена древняя Зихия (Черкесия) была рынком рабов. Это продолжалось два тысячелетия. Этим самым безвозвратно был подорван этнический потенциал нации. Масштаб работорговли в Восточном Причерноморье сравним с широко известным вывозом негров-рабов из Африки в США.

Все же вернемся к современности. Настал день нашего вылета в Закавказье. Чтобы избежать осложнений со стороны СБУ, мы вылетели в цивильном, но большинство везло форму в чемоданах. Первая группа была небольшая - 11 человек. Все были радостно взволнованы, как будто летели на свадьбу, а не на войну. Казацкий дух еще не умер. Все волновались, что нас может задержать родная СБУ. Облегченно вздохнули только тогда, когда внизу увидели горы многострадальной Картли. Эту землю нам выпало защищать, отныне она нам станет второй родиной.

Я разрешил хлопцам по очереди в туалете переодеться. Когда из туалета самолета начали один за другим выходить ребята а малознакомой в то время грузинам УНСОвской форме, в салоне воцарилась тишина. Вот так, в полной тишине, мы и сели в аэропорту Тбилиси.

Нас встретили наши друзья. В тот день вылететь в Сухуми не было возможности. Артиллерийским обстрелом там была попорчена взлетная полоса. Нас разместили в отеле, а уже вечером московское телевидение передало, что в Тбилиси высадился полк, сформированный из галицких украинцев, которые примут участие в боевых действиях на стороне Республики Грузия. Хлопцев аж пораздувало от гордости - еще бы, одиннадцать человек приняли за целый полк, что же будет, когда мы, как планировалось, развернемся в полсотни. Правда, кое-что нас удивило, ведь из одиннадцати человек, только один был из Западной Украины. Московская пропаганда действовала по старым штампам сороковых годов, не замечая, что национализм на востоке Украины развивается быстрее, чем в традиционных национально сознательных западных регионах. На второй день началась посадка в самолет. Это зрелище нас шокировало. Самолет брали чуть ли не штурмом. Все это напоминало посадку в пригородную

электричку. Представители разных родов войск, разных отрядов и вообще гражданские, но все до зубов вооруженные, лезли в самолет, толкались, ругались. Стояли в проходах, людьми были забиты даже оба туалета. От товарных поездов времен гражданской войны все это отличалось разве что тем, что никто не сидел на крыше и не висел на приступках за дверьми. Все же нам, как гостям, освободили сидячие места. Меня предупредили, что в Сухуми нас будет встречать командир батальона морской пехоты на черной Волге. Естественно, я не надеялся увидеть такой себе лакированный лимузин. Война все-таки. Но то, что нас встречало в Сухуми... Представьте себе машину без передних и с одним задним крылом, и с густо поддробленным пулями тем, что осталось от кузова. В дальнейшем мне пришлось пользоваться услугами этой "боевой машины пехоты" довольно часто.

Батальон, куда нас привезли, находился на территории пансионата "Синоп" В тот же день мы получили оружие. Меня удивило отсутствие караульной службы в нашем расположении и я согласовал с комбатом постановку моих людей на посты. Днем - возле ворот, ночью - еще один возле складов с боеприпасами. В первую же ночь меня разбудил выстрел, потом дикие крики: "Убили, убили!" Прихватив автомат, я выскочил наружу. Возле КПП стоял мой постовой Шамиль - бледный, весь трусится, сжимая в руках автомат. А в двух метрах от него корчится на земле грузин. Подбежал поручик Байда еще с двумя стрелцами. Я приказал заменить постового, а сам наклонился над грузином: он был ранен в плечо, ничего серьезного, скорее царапина. Его счастье, что пуля зацепила только левое плечо. Шамиль, не меньше испуганный, чем грузин (еще бы, первый раз стрелял в живого человека), доложил: "Стою себе на посту, идет, кричу: "Стой! Пароль!" А он, явно подвыпивший, отвечает: "Я тебе покажу пароль. Я здесь уже десять лет хожу. Сейчас тебе уши надеру!" Ну, я и стрельнул". Стрельца Шамиля на посту заменили, грузину оказали первую медицинскую помощь, а мне надо было идти докладывать командиру батальона. Идя к нему я, откровенно говоря, волновался. Что ни говори, международный скандал - союзника подстрелили.

В комнате на кровати сидел батано Вахо, наш комбат, и задумчиво чесал живот. "Сотник, что там за шум?" "Да понимаете, пан комбат, мой постовой подстрелил вашего хлопца, он не хотел говорить пароль". "Что, убил что ли?" "Да нет, только поцарапал, пуля прошла по касательной". "А жалко, если бы убил, дисциплину подтянули бы. А то лязят пьяные по ночам без дела". Вахо встал, подошел к столу, налил две рюмки коньяка. "А вообще, сотник, давай выпьем за маму моего солдата, которой не придется плакать за своего сына и за маму твоего стрелца, которая не научила его метко стрелять!" "Ну на счет меткости стрельбы, то это мне минус" - сказал я машинально выпивая рюмку.

В следующую ночь история продолжилась. Где-то, приблизительно в первом часу ночи, проверяя посты, я услышал какой-то вопль возле КПП. Быстренько подбежал. С одной стороны шлагбаума с автоматом наизготове стоял мой постовой роевой Рута. С другой - лейтенант Титилеби. Он кричал: "Падажди, нэ стреляй, сейчас вспомню. Ну как же он называется? А, вспомнил, лошад полосатый". Я все понял. В ту ночь пароль был "Зебра". К слову, ночные шатания наших союзников после этого прекратились.

Через несколько дней нас подняли по тревоге и перекинули в район сухумского маяка и радиолокационной станции. Тут ожидалась высадка российского морского десанта. Я приблизительно представлял себе, что это такое. Корабли всегда прикрывают десант орудиями главного калибра. Если

такой залп накроет, то от нас останется только месиво из крови и прибрежной гальки, тем более, что кроме спаренной 23-мм ЗУшки, мы никакого серьезного оружия не имели. Выход один: закопаться как можно глубже в землю, десант подпустить к самому срезу воды, надеясь, что он прикроет нас от артобстрела. Все получили задания, инженерные работы закипели. Я пошел познакомиться с соседом справа. Это было небольшое грузинское подразделение, человек 10-12, но их прикрывала хорошо замаскированная "Шилка" Вернувшись назад, я увидел толпу грузин из соседних подразделений. В центре стоял роевой Обух и что-то живенько рассказывал, размахивая руками, приседал, падал, перекатывался - все это издалека напоминало брачные танцы гамадрилов.

Я обратился к нему: "Обух, вам было приказано выкопать окоп для стрельбы лежа. Что Вы тут делаете? Еще и кучу людей вокруг себя насобирали". "Пане сотнику, я союзникам рассказываю, как воюют белые наемники в Родезии" - вытянулся Обух. "Во идиот, - подумал я, - тут сердце останавливается в ожидании обстрела 12-ти дюймовых орудий, а он античный театр устроил на берегах Колхиды". "А окоп, - продолжал Обух, - я уже выкопал, можете посмотреть". Мы подошли к небольшому углублению, которое, казалось, для своих физиологических потребностей выгреб кот. Я даже растерялся: "Но Обух, учитывая наклон к воде, наступающим будет видно над бруствером Ваши зад и ноги". "Ничего подобного, - сказал Обух, для наглядности устраиваясь в ложбинке. - У Клаузевица - он назвал том и страницу - окопы для стрельбы лежа копают именно так". Я решил не углубляться в спор, поддерживаемый ссылками на такой высокий авторитет. Молча подошел к срезу воды, остановился и начал снимать с плеча автомат. Из-за небольшого бруствера выглянул Обух, настороженно буравя меня глазами, спросил: "А что это Вы там собираетесь делать?" "Так вот, не мудрствуя лукаво, проведем небольшое испытание. Разряжу по Вашему окопу автоматный рожок. Если Вас не зацепит, то Вы с Клаузевицем правы, ну а если зацепит... я сделал паузу и развел руками. Нервно подбросив вверх свой зад, Обух пулей вылетел из окопчика. "Вы что, Вы что, окоп еще не законченный, надо провести еще некоторые косметические работы". Схватив лопату, он начал углубляться в землю. На остальных участках работа шла успешно, иногда даже слишком успешно. Подходя к месту, где должно было разместиться пулеметное звено, я увидел глубокую яму, из которой вылетала земля. Поглядев вниз, я увидел хлопотавшего там роевого Руту. Яму он выдолбил выше своего роста. "Как же ты будешь оттуда стрелять?" "Все предусмотрено", - бодро ответил он. Рута показал табуретку, которая явно была взята из одного из разрушенных домов, каких вокруг было великое множество. "Надо стрелять, становлюсь на табуретку, при обстреле - опускаюсь вниз". "Ну что ж логично", - подумал я и двинулся дальше. В этот день высадки десанта не было. На второй день на рейде появился российский катер. Явно прощупывая нашу оборону, начал обстрел побережья. Бил наобум, но, учитывая, что делалось это с носовой автоматической пушки, приятного было мало. Не получив отпора, обнаглел и подошел совсем близко к берегу. Огонь стал прицельным. Тут уж стало не до шуток. Петля между столбами песка и гальки, поднятыми взрывами снарядов, я подбежал к "Шилке". Отдышавшись, постучал автоматом по броне. Из люка высунулся грузинский офицер. "Почему не стреляете, почему не потопите эту консервную банку? Вы что, хотите, чтобы он сотворил тут лунный ландшафт?". "Не можем, катер русский, а мы официально с Россией не воюем. Только по прямому указанию командующего корпусом".

Наша 23-мм ЗУшка была установлена на стареньком ЗИЛе, который дотянул

ее на себе к зданию РЛС и сдох - сел аккумулятор. Но дело все равно надо было как-нибудь решить. Катер подошел уже метров на 300 и гатил во всю, особенно по тем местам, которые казались наиболее подозрительными. Я влез в кабину, поставил переключатель коробки передач в положение "нейтраль" и, как только катер развернулся к нам бортом, ребята толкнули машину и она выкатилась из-за строения. Сразу заработала ЗУ и, к нашему счастью, первая же очередь пришлось по рулевой рубке и корме. На корме что-то загорелось. Туда кинулись три матроса, но были сметены автоматом-пулеметным огнем с берега. Взбодренные нашим успехом, стреляли все, даже сторож маяка из своей дупельтовки 16-го калибра. Моторная лодка, которая пыталась прийти на помощь горящему катеру, попав под такой сумасшедший обстрел, затонула через несколько секунд. Катер пытался выйти из зоны обстрела, но несколько снарядов ЗУшки, пущенных под корму, повредили рули. Катер начал циркулировать кругами и, получив очередную порцию снарядов в борт пониже ватерлинии, завалился на левый бок и затонул. Через несколько минут на воде осталось только пятно солярки и плавал какой-то мусор. В бинокль я разглядел два спасательных пояса, но людей видно не было. Так закончилась первая морская баталия УНСО К слову, десанта в том месте так и не было. Россияне высадились на следующий день возле Очамчиры. Приблизительно 600 человек десантников прорвали оборону и сумели доставить в Ткварчельский анклав боеприпасы, медикаменты и питание для радиостанций. После этой операции десантники разбились на две небольшие группы и подались в горы, где их должны были эвакуировать вертолетами. Во время этой операции приблизительно половина их была уничтожена грузинскими войсками. Все они были россияне, прекрасно вооружены - каждый имел автомат с подствольным гранатометом. Для сравнения: подствольника у нас не было ни одного. Если судить по боевой подготовке, я думаю, это было подразделение морской пехоты.

Через два дня нас с морского побережья перекинули в горы. Действовали мы в междуречье Восточной и Западной Гумисты. Нашим заданием было взятие села и закрепление на позициях вдоль левого берега Восточной Гумисты. Восточная Гумиста течет в расщелине, речка стремительная, не везде возможна переправа. Расщелина глубиной до 120-300 м. Подняться тоже можно только в некоторых местах. Как всегда нам поручили контролировать такую площадку, что про какую-либо цельную линию фронта и речи быть не могло. Катастрофически не хватало людей. Наш проводник мингрел до войны работал в этих местах лесником. Он показал тропинки, по которым от речки к нам можно было подняться. Там мы поставили растяжки и противопехотные мины. Вдоль побережья по верху расщелины через каждые 500-600 м посты по пять человек. Но на душе было как-то тревожно, настораживали оптимистические настроения союзников. Они почему-то считали, что противник будет передвигаться по тропинкам и дорогам нанесенным на карты, по которым туристы и местные пастухи ходили до войны. Я же видел, что в отдельных местах, имея даже начальную альпинистскую подготовку, подняться не составит особого труда. Поэтому, взяв двенадцать стрелцов, решил обойти наши позиции снизу, собственными глазами убедиться, где можно подняться. Обойдя вокруг наших позиций и пометив на карте небезопасные места, мы вернулись назад уже по верху. Весь маршрут получился километров 16-18. Стояла ужасная жара, люди запарились. Тропинка, по которой мы возвращались, в некоторых местах просматривалась с другого берега и мы, чтобы не попасть под минометный огонь, растянулись длинными цепочками с интервалом в 20-50 м. Последним шел известный уже читателю стрелец Шамиль. Он был вторым номером гранатометчика, по этому, кроме автомата, на него был

навьючен наплечник с запасными снарядами для РПГ-7. Хлопец из Киева, не привыкший к таким физическим нагрузкам, страшно устал, потому решил схитрить, срезав угол дороги, но углубившись в лес, сразу же потерял ориентацию и пошел в другом направлении. Оно и не удивительно, в субтропическом горном лесу, где растут папоротники почти с человека в высоту. Придя на базу и не досчитавшись одного бойца, я вынужден был взять двух автоматчиков и вернуться на поиски. Я был одновременно и злой и взволнованный. Страшная усталость после многокилометрового маршрута, умноженная на тревогу - что случилось с Шамилем? Мои ноги, казалось, превратились в ласты. Наконец, выяснили, крайний наш пост он прошел, его видели. Куда же он мог деться, шел ведь последний? Если убили, то это означает, что в нашем тылу действует диверсионная группа противника. Тут уже не до шуток. Прочесывая местность, я с ужасом раздвигал листья папоротника, каждый раз ожидая увидеть зарезанного Шамиля. Безрезультатно пролазив по лесу несколько часов, мы вынуждены были вернуться назад. На базе, с превеликим удовольствием стянув с распухших ног сапоги, я сел под деревом. Мозг напряженно работал в поисках выхода из создавшейся ситуации. Солнце уже садилось за гору. В это время постовой подвел ко мне двух грузин. "Ты сотник, - спросил старший и, разглядев отличия, не дожидаясь ответа, продолжил. - Не волнуйся, мы нашли твоего хлопца. Живой. Он тут, недалеко, боится подойти. Когда к вам вели. Даже заплакал и все говорил - что со мной сотник сделает? Только бы не отправил домой в Киев. Меня же вся улица провожала. - Во какой парень! Командира боится, а смерти нет! Мы из разведбата, нас 15 человек осматривали район леса. Там и наткнулись на твоего человека. Думали русский, хотели сначала убить, потом смотрим, автомат за спиной, заморенный такой, еле ноги передвигает. Решили взять в плен. Выскочили на дорогу, окружили, наставили автоматы. Сдавайся, кричим, руки вверх. Как у него граната в руках оказалась, до сих пор не пойму. - Сами сдавайтесь, абхазы хреновы, всех подорву. - И понимаешь, а? Колечко из гранаты взял и выдернул. Если бы пистолет в руках держал, убили бы, а то граната.. Кто знает, куда осколок полетит? Ну и за абхазов тоже. Поняли, свой. Не кидай, кричим, гранату, мы не абхазы, мы грузины. А он говорит: - Покажи документ. - И матом ругается. Белый стал, весь трусится. Ну, думаем, точно кинет. Стараемся спокойно объяснить. Какой такой документ в разведке, а? А он говорит: - Так пусть кто-нибудь сбегает и принесет. - Ну мы и хотели побежать, а он как заорет: - Стоять! Один пойдет, остальные тут постоят. - Так и продержал нас минут сорок. После, как принесли документы, мы ему пальцы минут десять разжимали. Так руку свело. Ты уж пативцемули, будь любезен, не наказывай его. Хороший парень, джигит! "

Сами понимаете, после таких дифирамбов пришлось Шамиля амнистировать. Единственное, что в этой истории осталось загадкой - что мог понять в этих документах Шамиль? Они же были написаны грузинскими закорючками, хотя, может именно это его досконально убедило. Вообще в общении с грузинами больше всего мне понравились их интерпретации наших пословиц. Например: "Не так страшен черт, как его малютка" или "Слушай, сотник, не перегибай кутьке хвост". Тут уже нужны пояснения. Я путем логических размышлений, а также опроса местного населения, пришел к выводу, что это означает в творческой обработке сванского народа: "Не переливай в кутю меду".

На следующий день нам уточнили задание - удерживая оборону левого берега Восточной Гумисты, обеспечить тайный переход "милицейского" батальона на правый берег. ВО второй половине дня подошел милицейский батальон - до

двухсот штыков. Он и на самом деле в большинстве своем был сформирован из работников МВД Грузии. Многие были в серых милицейских мундирах. Казалось бы, полностью боеспособное подразделение. Добровольцы знают, что такое дисциплина, владеют оружием, но жизнь еще раз показала пропасть между полицейским и армейским вышколом.

Под покровом темноты мы обеспечили им переправу через речку. Все прошло тихо. Переночевав, они должны были на рассвете неожиданно атаковать и взять село, находившееся на горе над ними. После того, как наши группы обеспечения переправились назад на левый берег, началось наступление. Для начала на месте своего "тайного" местонахождения милиционеры распалили костер, хорошо поужинали с водочкой. После этого застрелили своего командира батальона, который сдуру ночью пошел проверять свои пьяные посты. Чуть ли не до утра нам на другом берегу были слышны разборки с руганью, угрозами и одинокими выстрелами. Утром с тяжелыми головами они построились колонной и по дороге в гору двинулись в направлении села. Впереди, метров за 600-700, шла "разведка", тоже колонной человек 25. Зайдя в крайнюю хату, застали там двух пожилых людей армян, мужа и жену. На вопросы, есть ли в селе вооруженные люди, женщина ответила, что есть. Старый армянин противоречил, что дура женщина, она даже старого деда с дрючком увидит и ей уже чудятся вооруженные люди. Нет в селе никого.

Ну, что делает в такой ситуации обыкновенный армейский сержант?

Разворачивает отделение в расстрельную, на краю села оставляет прикрытие.

Деда, конечно же, берет с собой, пообещав ему в случае засады использовать его в качестве щита. То есть, если соврал, первая пуля твоя.

Так вот, читатель, ты не угадал. Приняв к сведению показания подозреваемых (пользуясь милицейской терминологией), так же колонной они двинулись к центру села. Дав им достаточно подтянуться, по колонне с двух сторон ударили пулеметы. Те из немногих, кто уцелели, рассказывали, что это напоминало бойню. Недобиткам в количестве шести человек посчастливилось вырваться из этого кровавого мешка только потому, что россияне значительную часть своих огневых приспособлений держали на околицах села, рассчитывая на атаку основных сил батальона. И правда, была возможность, имея больше ста пятидесяти бойцов, атаковать село и, если не взять его, то хотя бы дать возможность вырваться из окружения разведке. Жаль, но этого не случилось. Услышав стрельбу в селе, милиционеры поняли - "подследственный не колется" - и, как зайцы, мигом разбежались по лесу. Слава Богу, бегать там есть где. Чтобы прочесать эти леса, дивизии будет мало. Это поняли и россияне, они не стали преследовать беглецов, просто поставили в тех немногих местах, где можно форсировать речку, засады. Голод выгонял из леса милиционеров и гнал их на переправы. На протяжении трех ночей мы слышали выстрелы, крики и видели светло-серые милицейские шинели, которые плыли вниз по Гумисте. Никакой практической помощи мы им оказать не могли, кроме малоэффективного автоматного-пулеметного обстрела леса на противоположном берегу. Тем паче, два пулемета, которые у нас были - это ПКТ (пулемет Калашникова танковый). Это оружие было снято с подбитых танков и совсем не приспособлено для использования в полевых условиях. На пулеметах не было прицелов, наводились они по стволу, как пожарные бронбойты, а самодельные, кустарно сваренные сошки были слишком легкими. По этому, после длинной очереди пулемет переворачивался. Мы их называли "на испуг". Неизвестно было, для кого они были больше небезопасны - для врага или для пулеметчика. Правда, психологический эффект давали своими басистыми голосами.

Левым флангом нашей обороны было село Старушкино. По украинским меркам - это хутор с полтора десятками холобуд. Еще три дня назад оно было взято другим роем моей сотни. Противник оставил его без боя. Людей, местных жителей, тоже не было. И вот, утром четвертого дня, приезжает к нам полковник генштаба в американском камуфляже, весь расшитый позументами, на кепи золотые дубовые листья - ни дать, ни взять занзибарский адмирал. Все мы - лесовички рядом с ним - начали чувствовать себя какими-то зачуханными. Дал он мне пакет, открываю, приказ: форсировать Восточную Гумисту и взять с боем село Старушкино. Не выдержал, спрашиваю: "Батоно полковник, вы карту читать умеете?" "А как же!" "Так вот, Гумисту вы только что переехали, а Старушкино - это тут, где вы сейчас находитесь. Так что, пативцемули, недоразумение какое-то вышло".

Сделав вид, что внимательно изучает карту, полковник через несколько минут выправился и сказал: "Чорт, опат дураки в штабе напутали". Сел в машину и поехал назад. В это время ко мне подошел комбат Вахо: "Ты што, савсем тупой. Треба було сказат, есть. Через два часа по радиии сообщили б: "Ломая упорное сопротивление противника, село Старушкино нашими войсками было взято. Приказ выполнили!" Глядишь, нас бы и отметили. А так, еще и хорошего человека в неудобное положение поставил. Я знаю этого полковника, он до войны яблоки в Сухуми продавал. Очень хороший яблоки были. А ты пристал. Карту читать умеешь, карту читать умеешь? Ну не умеет. Ну и што? Ему что надо месние покажут".

Вахо отошел, недовольно бормоча что-то под нос. А я подумал, может он прав? Вот так, век живи, век учишь, а дурнем помрешь.

Хорунжий Вашек

В УНСО меня сразу предупредили: "Хотя Вы офицер советского флота, но согласно нашему уставу, службу будете начинать рядовым стрелцом". "Ничего, - успокоил меня пан Корчинский, - посмотрите на Устима, даже его опыт и военное образование не помешали ему дослужиться до сотника. Ваши перспективы прямо зависят от того, насколько основательно Вы сможете забыть все, что знали прежде".

Как говорилось, так и сбылось. Свою абхазскую кампанию 1993 г. я начинал уже в ранге хорунжего УНСО. Было лето 1993 г., основные силы отряда УНСО "Арго" вели тяжелые бои в городке Шрома. Я со своим подразделением занимал позицию справа от Шром - поселок Апианда. Каждый день со стороны Шромы мы слышали канонаду, а ночью над горами вставало зарево пожарища - это горел город. У нас было сравнительно спокойно. Мы держали под контролем брод через Восточную Гумисту. На другом берегу разместилось село Ахалшени. Там уже были россияне. Справа над Апиандой нависала гора, вся покрытая лесом, как медвежьей шкурой, судя по карте - 920 м над уровнем моря. Вот с этой горы и начались наши неприятности. Постоянных постов - ни наших, ни противника - на ней не было, но время от времени появлялся какой-нибудь бродячий отряд и надоедал нам обстрелами с горы наших позиций. Огонь вели одиночными выстрелами с автомата по всему, что двигалось, включая коз и собак. Снайпер, к нашему счастью, был неопытен, но на нервы действовал и, в конце концов, кто-то на пулю таки нарвался бы. За несколько дней наблюдения мы обнаружили двухэтажный домик, хорошо замаскированный лесом. Скорее всего, он использовался противником как база. На следующий день, взяв с собой

одного автоматчика и прибившуюся к отряду собаку, я двинулся на ту гору. Подойдя к дому, мы натолкнулись на колючую проволоку. Нею местные сельчане ограждали свои огороды от диких животных. Перекинули через ограждение собаку, сверху на проволоку бросили плащ-палатку и перелезли сами. Пес - хорошо обученный курцхар, незаменимая для разведки в лесу собака - тихо рычал, повернувшись по направлению к дому. Стало ясно - в доме чужие люди. Оставив своего стрелца прикрывать главный вход, я тихонечко обошел домик, подпрыгнул, подтянулся и залез на террасу, которая тянулась вдоль всего второго этажа. Больше всего я боялся, что подо мной обвалятся подгнившие балки. Тихонько подошел к окну.

В середине разговаривали, густо пересыпая слова матами. Грузины практически не употребляют матов, да и у нас русская ругань была строго воспрещена, кроме всего прочего еще и потому, что ночью стреляют на голос. Так что, национальная принадлежность людей в середине не вызывала сомнений.

Раз так, выдернул кольцо, посчитал до двух, и Ф-1 полетела в окно. Оторванные взрывной волной двери просвистели над головой, едва не зацепив подбегавшего к дому моего стрелца. Я вскочил в дом, ведя автоматный огонь. На фоне окна в дыму и поднятой пылюке я увидел силуэт человека и последней очередью резанул по нему. Он плавно завалился назад в комнату. В то, что осталось от дверей, влетел мой запыханный автоматчик. Пес предусмотрительно остался внизу.

В комнате кисло пахло взрывчаткой; перекинутые кровати; стол; на полу четыре фигуры. Двое подают признаки жизни. Нас удивило, что на поясах у всех были приспособлены наручники. Ними мы и заковали тех, кто остался в живых. В нагрудных карманах нашли удостоверения. Вот это да! Рижский ОМОН! Насколько мне известно, они много сала за шкуру залили прибалтийцам, теперь, выходит, перебрались сюда. В этот момент по окнам брызнули автоматные очереди. Мы выскочили из дома, вытянув за собой обоих ОМОНовцев. По кучности стрельбы было ясно, что стреляло человек 12. Пока что нас прикрывал дом, от которого аж щепки летели. Пригнул к земле автомат стрелца: "Ты что, сдурел? Как только начнем стрелять, они сразу поймут, что нас только двое. Тогда конец. Расстреливаем ментов и убегаем". ОМОНовцы лежали молча. Это были люди, которые никого не щадили и хорошо понимали всю бесполезность просить пощады для себя. Забрать их с собой мы не могли, оставить в живых тоже. Это были наемники, у которых руки были по локти в крови. Но сердце моего стрелца дрогнуло: "Что хотите делайте, пан хорунжий, но пленных расстрелять не могу".

"Хорошо, - говорю, - забирай собаку и убегайте, я догоню". Но выполнить приказ было невозможно - не было, кого забирать - умный пес уже выглядывал из-за деревьев с другой стороны ограды. "Ну, давай, догоняй своего Серка" - подтолкнул стрелца в спину. Через полчаса я догнал их уже в лесу. Он посмотрел на меня и все понял. Обстрел наших позиций прекратился.

БОЙ ЗА ШРОМУ

РОЕВОЙ "ЯВИР"

Дорога простреливалась тяжелыми пулеметами. Россияне торопливо перетягивали огневые средства с других площадок. Появились первые раненые.

Первый и второй номера нашего пулемета были ранены и отправлены в тыл. Среди союзников было несколько убитых.

Чтобы спасти положение, комбат приказал: "УНСО, вперед! " У нас была возможность прорваться через обстреливаемый участок дороги, но это привело бы к 30-40 % потере личного состава. После получасового спора удалось убедить союзников в том, что во время боевых действий необязательно передвигаться по дорогам. После того, как мы получили свободу действий, отряд лесом обошел Шрому. Мы вышли к обрыву высотой метров 200. Ни россияне, ни грузины не могли даже представить, что тут может пройти более-менее значительное подразделение, поэтому какого-либо серьезного наблюдения за этим участком не велось. На веревках мы спустились вниз и спустили все вооружение и боеприпасы. Было еще темно, так что сделать это было не легко, но, к счастью, обошлось без жертв. Внизу мы очутились на расстоянии 35-40 метров от российских окопов. Запрещено было курить и разговаривать.

В горах рассвет наступает неожиданно, как будто кто-то крутит ручку реостата. В 5 ч. 10м. солнце выглянуло из-за гор и залило все своим светом. В то же время послышалась команда: "Гранатами - огонь! " Бесполезно даже пытаться нарисовать на бумаге картину почти одновременного взрыва 46 гранат Ф-1 (справка: граната Ф-1 теоретически - разлет осколков до 200 м, практически - на 50-60 м сметает все живое). Это надо видеть. Читатель, поверь на слово, картина впечатляющая. Ни до, ни после этого я ничего подобного в жизни не видел. Правда, сотник говорил, что после американских бомбардировок во Вьетнаме у него остались более сильные впечатления.

Поднятая взрывами пыль и земля еще не успели упасть, как прозвучала команда: "Вперед! " Почти не прикрываясь, с криком "Слава! " отряд рванул вперед.

Автоматно-пулеметное стрекотание, взрывы ручных гранат и над всем этим усиленное эхом в горах - Слава! Слава! Слава! Россияне растерялись, начали убегать. Мы прошли по городу, как разгоряченным утюгом. Врываясь в дома, мы видели брошенные на полу клоунские казацкие нагайки, намыленные кисточки для бритья, а в одной из комнат - святая святых для москаля - недопитая бутылка водки. Все это говорило про паническое бегство. Добравшись до центра города, мы с сотником поднялись на чердак трехэтажного строения школы.

Оттуда было видно дорогу на Новый Афон, по которой панически откатывались россияне. Дорога была забита пехотой, легковыми и грузовыми машинами, среди которых был даже красный "Икарус". Если бы в это время ударила грузинская артиллерия, разгром был бы полный. Но поразило меня не то, что молчали грузинские пушки, а количество отступающих - их было не меньше 600 человек. Позднее, уже в госпитале в Тбилиси, сотник признался: "Если бы я знал про количество человек в гарнизоне Шромы, то вряд ли б отважился атаковать город с полусотней стрелцов".

Россияне, увидев, что их никто не преследует, переформировались, отправили наиболее деморализованные части в тыл и, получив в помощь батальон ДШБ, перешли в контрнаступление. Действовали они нерешительно, прощупывая нашу оборону. Это скорее напоминало разведку боем. У нас катастрофически не хватало людей для обороны всего города, тем более, у россиян был перевес в том, что они 6 месяцев просидели в городе, замечательно знали округу, каждый кустик, калитку, переулочек. Отдельные группы автоматчиков начали просачиваться нам в тыл. В этих условиях сотник принял решение создать на господствующих высотах огневые точки, которые могли бы перекрестным огнем накрывать улицы между ними. Как раз пригодилась грузовая машина с мешками соли, которую бросили отступающие россияне. С помощью этих мешков, дома на

горбах, занятых нами, быстро были переделаны в доты. Попав под перекрестный огонь наших пулеметов, россияне отступили и сегодня нас больше не беспокоили. Всю ночь на наших позициях кипела работа. Все, что можно было заминировать - заминировали, сарайчики были превращены в маленькие крепости, а между ними в тяжелом скалистом грунте были выдолблены пути сообщения. Утром при поддержке минометов москали начали наступление. Атаки шли одна за одной, как волны прибоя, и точно так же, разбиваясь об нашу оборону, откатывались назад. У меня была возможность еще раз убедиться в том, что у россиян нет ни капли жалости даже к своим солдатам. Лопухих кацапчат их же командиры гнали просто на наши пулеметы. Как командир роя связи, я находился на главном командном пункте вместе с сотником, когда в разгаре очередной атаки в двери ввалился роевой Рута. Страхивая с себя пыль, он, немного нервничая, начал докладывать: "Пулеметы от непрерывного огня разогрелись, к дулу невозможно рукой прикоснуться, а москали все прут и прут. Что делать?" Потянувшись до хруста в суставах, сотник ответил: "А вы, украинули, поставили б возле пулеметов ведерки с водой, мочили б в них тряпочки и так остужали стволы. Мы же не можем обмануть надежды российских ребят погибнуть за родину".

Больше всего нам докучала батарея ротных минометов. Россияне разместили их за трехэтажным домом так, что мы своими РПГ-7 никак не могли их достать. Помог случай, точнее совпадение. На противоположном от наших укреплений боку маневрировал танк Т-80, прикрываясь домами. Он достаточно тщательно обстреливал нашу оборону. На второй день боев поручик Байда засек российские переговоры. Какой-то капитан Лисицин в истерике кричал: "Я отказываюсь атаковать в третий раз, это не грузины, это или украинцы, или какие-то наемники с Западной Европы". Мы поймали волну. На следующий день, выяснив квадрат, с которого били российские минометы, сотник вышел в эфир на русском языке и от имени капитана Лисицина начал кричать, что в квадрат 14 (расположение российских минометов) прорвались украинские автоматчики, надо немедленно накрыть их огнем. Наш старый знакомый, танк Т-80, среагировал мгновенно, развернул башню и врезал по своим минометам. Минометный огонь сразу стих, а эфир, казалось, стал мутным от российского мата. Танкистов крыли вдоль и поперек. Они явно растерялись и подставили нам бок, а наши хлопцы первым же выстрелом из ПТУРС подпалили эту надоевшую нам железную коробку. Горел он, как сноп соломы. Никогда раньше не мог себе представить, что железняка может так гореть, но, как сказал поэт: "Жизнь продолжается, идет война".

Несмотря на постоянные требования сотника, подкрепления нам не давали, а на третий день боев приостановилось обеспечение боеприпасами и продовольствием. Сотник на машине, которая в то время смутно напоминала "Волгу", по простреливаемой дороге прорвался в штаб корпуса. Там его снова накормили "завтраками", пообещав все, но не сейчас, а в ближайшее время. Перессорившись с командованием и набив машину всем, что удалось вырвать у интендантов, сотник Устим уже в темноте вернулся в Шрому. Перед отъездом поставил ультиматум: если завтра подкрепления не будет, в 18-00 начнет выводить УНСО из Шромы.

Ситуация действительно сложилась очень сложная. Противник пристрелялся, наша система обороны не позволяла нам маневрировать, по этому нас достаточно метко накрывали огнем. Днем что-либо принести на позиции или вынести раненых было почти невозможно. Ситуацию можно было изменить, сделав бросок вперед, но это было невозможно из-за нехватки личного состава и полного отсутствия

тяжелого вооружения. Чтобы спасти людей оставался один выход - вывести подразделение из города. Трудности были в том, чтобы оторваться от противника, вынести вооружение, раненых и при этом свести потери до минимума. На совещании решили в 17-45 открыть огонь из всех видов оружия, имитировав подготовку к наступлению. Из гранатометов РПГ-7 выпустить все снаряды, оставив по 2 для отступления. Под огневым прикрытием начать повзводное отступление. При этом один взвод отступает, закрепляется и прикрывает второй, потом третий. К сожалению, такой поэтапный способ отступления прошел не так гладко, как хотелось бы. Россияне нас опередили на два часа. В 16-00 начался массовый обстрел наших позиций. По нам били минометы и установки "Град".

Как я уже писал выше, у нас уже две недели была напряженка с харчами, а в этот день хлопцы в одном из домов нашли мешок с мукой. На радостях Байда с Гонтой напекли блинов и весь отряд, кроме наблюдателей и пулеметчиков, собрался на камбузе, где, не обращая внимания на усиливающийся обстрел, наслаждались свежим хлебом. В самый разгар хлебной оргии в саклю ворвался рассерженный сотник: "Вы что, подурели, при таком артиллерийском обстреле собрались в одном месте, одним снарядом всех накроют. А ну, немедленно рассредоточиться". Недовольно бормоча, обжигаясь до волдырей засунутыми за пазуху блинами, стрельцы поразбегались по боевым позициям. Обстрел усиливался, от взрывов дрожал воздух, как в пустыне во время большой жары, когда вдруг две минометные батареи перенесли огонь на позиции соседствующего с нами Ахалцихского батальона. Первый залп ударил перед окопами метрах в семи-восьми. Я все это четко видел. Как правило, следующий залп ложится на 10-12 метров дальше. Поэтому опытные военные или остаются на месте, или броском передвигаются метров на 20 вперед, чтобы выйти из зоны обстрела. Но Ахалцихский батальон был сформирован из 18-19-летних юношей, которых не только обучить, но даже обмундировать не успели. После первого залпа они, как стая перепуганных воробышков, поднялись из окопов и кинулись убежать. На склоне горы, прямо справа от нас, их накрыл второй залп. Зрелище устрашающее. Вместе с осколками камней, в небо полетели обрывки пиджачков, кепочек. В такой момент проклинаешь дядей с большими звездами, которые сидят в тылу и посылают на смерть детей. Жаль хлопцев, но надо бы уже подумать и про своих. Под огневым прикрытием первого и второго роев, третий отошел за дорогу и там закрепился. За ним успешно переправился второй рой. Остался первый и разведчики. В это время я находился с сотником на первом этаже дома, который использовался нами как главный командный пункт. Внезапно на втором этаже затрещал пулемет. Сотник удивленно глянул на меня: "Как же так, у нас всего два пулемета и оба, согласно приказу, должны быть на другой стороне, прикрывать своим огнем отступление остатков сотни". Попасть на второй этаж можно было только по внешней лестнице и по террасе, которые тщательно простреливались. Сотник рванул по лестнице наверх, как настоящий спринтер, я за ним. Ступеньки аж гудели под ногами, над головой пролетали осколки мин и свистели пули. Запыхавшиеся, но целые, мы вломились на второй, почти разрушенный, этаж. Возле пролома в дальней стене стоял роевой Обух и длинными очередями стрелял в окно. Я глянул на сотника и у меня отняло речь, он аж побелел от злости. "Обух, - прошипел он, - почему не отошли со своим роем? " "Что, я буду перед москалями отступать? Да я до последнего патрона буду отстреливаться, а свою позицию не оставлю". "Не будешь ты до последнего патрона отстреливаться", - сказал сотник и потянул из-за спины автомат. "Это почему? ", - с опаской спросил Обух. "Да потому, что я тебя собственной

рукой прямо тут расстреляю за невыполнение приказа". Обух побледнел, наклонился, мгновенно пособирал свои "пасочки", закинул на плечи пулемет и как молния бросился к дверям. По дороге испуганно буркнул: "И чего это психовать, так бы сразу и сказали". На ступеньках он за что-то зацепился и загремел вниз. Было такое впечатление, что кто-то спустил по лестнице мешок, набитый металлическими кастрюлями. Я даже подумал, что он убится. Но уже через пятнадцать минут его пулемет затрещал с другой стороны дороги. Когда мы спустились вниз, все наши отошли. С нами остался только один автоматчик из роя разведки Цвях. На прощание я заскочил в помещение нашего, уже бывшего, штаба, положил на диван две гранаты от РПГ-7, щедро полил все бензином и подпалил.

Вот и все, прощай Шрома. Осталось самое трудное - проскочить дорогу, когда на пятки уже наступают россияне. Я с ходу перескочил дорогу, но уже на другой стороне меня таки достала пуля в бедро. Я перекатился под прикрытие стены какого-то полуразрушенного дома. Поднять даже голову мне не давали, но я отчетливо видел все, что делалось на дороге. В это время прозвучал сильный взрыв, густой дым и пламя охватили наш командный пункт. Сотник с Цвяхом, воспользовавшись этим, рванули через дорогу. Но было уже поздно - через кукурузное поле, наперерез им бежало около десятка российских солдат. Они проигрывали противнику всего лишь несколько секунд, но в этих секундах была их жизнь. Прямо посередине дороги сотник стал на одно колено и открыл огонь по наступающим, Цвях стал позади и начал стрелять через голову сотника Устима. Таким образом они пытались сконцентрировать огонь, прижав врага к земле, и тем самым выиграть те несколько драгоценных секунд. В общем, это им удалось, но в этот момент позади Цвяха разорвалась мина. Как выяснилось позднее, он принял в спину и ноги больше сорока мелких осколков. Цвях упал на дорогу, сотник завалился на левый бок, но потом встал. Осколок мины пробил подсумок, патронник с патронами и застрял у него в бедре под кожей. Это было последнее, что я увидел, потому что потерял сознание. Чем все это закончилось я узнал уже в Тбилиси в госпитале Святого Георгия, где лежал в одной палате с паном Устимом.

Валерий Бобрович (Устим).

Сзади на меня навалился Цвях и медленно сполз на брусчатку. В тот же момент я ощутил сильный удар в правый бок. От неожиданности я подскочил в полный рост и тут же правую руку, как плетью ударило. Боли еще не чувствую, но напрягаю плечо, а рука не слушается, висит как чужая. Глянул, мундир разорван, кровь, кости торчат. А тут как раз, в кукурузе снова москали зашевелились. Вряд ли сейчас мог бы повторить, но тогда левой рукой поднял автомат и разрядил все, что было в патроннике в кукурузу. Наклонился к Цвяху, слышу - он что-то булькает, на губах кровь пузырится. Успел подумать: "Похоже, пробиты легкие". Прислушался, шепчет: "Не бросай меня сотник, лучше пристрели". Просить легче, чем сделать. И не только психологически, но и технически. Патронник автомата пустой, одной рукой я его никак не перезаряжу. Да и мое время истекает - кровь из руки так хлещет, что уже в сапоге хлюпает. Сдаваться в плен нельзя, наши противники люди честные, благородные, еще перед началом боя несколько раз предупредили: "Хохлы, в плен не сдавайтесь, мы из вас из живых будем шкуру драть". Я им верю, тем более с детства терпеть не мог физических расправ. Поэтому, вынимаю гранату, ложусь рядом с Цвяхом. Выдерну кольцо, когда дождусь россиян или начну

терять сознание. К счастью, в это время два наших роя перешли в контратаку, чем и спасли мне жизнь. Цвях погиб, его четыре с половиной часа на плащпалатке несли в тыл. Так как все серьезные ранения у него были в спину, он истек кровью.

Во время этого рассказа в палату зашли наши союзники - грузинские офицеры - принесли фрукты и коньяк. Хорошо выпили, начали вспоминать последний бой, я разгорячился, начал критиковать действия грузинских подразделений. Майор Титилеби спросил: "Так ты что, считаешь всех грузинов трусами?" "Нет почему же. Вот командир Ахалцихского батальона - весь батальон разбежался, а он один до конца оставался с нами. Я слышал как он кричал - сотник, я тут, я не убежал, я с вами". Титилеби почесал затылок: "Однако, на всю Грузию один храбрый грузин оказался и у того фамилия Шевченко". Я поперхнулся коньяком: "Как это?" "Все очень просто, у него отец украинец, а мать наша, грузинка".

Дмитро Корчинский

В тбилисском аэропорту мы погрузились на пассажирский самолет, переполненный людьми в камуфляжах, ящиками с боеприпасами и консервами, оружием, и вылетели на Сухуми. Мы летели ночью, чтобы самолет тяжелее было сбить. Однако, сесть нам не удалось - сухумская взлетная полоса обстреливалась. Мы возвратились в Тбилиси и ночь провели под самолетами на теплых бетонных плитах. Из Сухуми все-таки смог вылететь какой-то самолет, из него выгружали раненных и только здесь я начал чувствовать войну, то удивительное ощущение под ложечкой и ту удивительную отстраненность ума, которые всегда появляются в присутствии смерти. Там ночью на бетонных плитах взлетной полосы я изобрел для себя критерий, которым возможно отличать по-настоящему высокое искусство. Это то искусство, которое может быть воспринято в пограничных душевных состояниях. Я старался мычать какие-то мелодии и все они только раздражали меня. Я вдруг понял их фальшь, неадекватность, необязательность. Но старинная, щемящая мелодия "Черная пашня испахана" нашла мое сердце. Те, кто составил ее, знали эти состояния, они вынесли их из пограничья. Это было настоящее. Чистая щемящая печаль и мужество этих нот поражали. Эта мелодия, звучащая в моем сердце, воспоминания о ней, осталась сильнейшим эстетическим переживанием моей жизни.

Первый, кого я увидел, когда мы, наконец, прибыли в расположение батальона, был отец Роман - наш капеллан. Он был страшно перепуган предыдущими событиями и это читалось в его глазах. Из-под рясы виднелись зеленые штаны его "афганки", а в карманах он носил по гранате.
- Епископ абхазский, - сказал он, - предложил мне служить вместе с ним. Поверьте, это очень важно. Но если вы прикажете, я буду и дальше пребывать вместе с хлопцами.

Я мог бы приказать, но тогда бы он умер от страха.

- Хорошо, - сказал я, - два раза в неделю вы будете докладывать командиру подразделения.

Я выслушал доклад Устима. Правая рука у него была на перевязи.

Пулеметная пуля пробила ему предплечье. Хлопцы уже успели отойти от напряжения последних дней и наслаждались отдыхом. Я поклонился двум цинковым гробам (их должны были сегодня хоронить) и посетил раненых в госпитале. Затем я представил бойцам (и уже бывшим в боях, и прибывшим со мной) нового

командира. Ему не повезло. Через неделю, в первом же бою он был ранен осколком минометной мины и мне пришлось назначать следующего. Вечером были устроены поминки по павшим товарищам, по грузинам и нашим. Двое наших бойцов позволили себе выпить на полстакана виноградного вина больше, чем было указано. Тут же, перед строем, каждому всыпали по десять палок. Это наказание называлось "буки". Название сохранилось со времен УПА. В Карпатах растет бук и именно буковыми палками поддерживали дисциплину в сороковых годах. Здесь, в Абхазии, били бамбуком. Наказание должно быть произведено так, чтобы причинить боль, но не быть унижительным. Били всегда перед строем, который находился в положении "смирно", демонстрируя уважение воле командира. После всего провинившийся должен был поблагодарить экзекутора.

После экзекуции я сказал бойцам: "Ваш новый командир, как и пан Устим, имеет право назначить физические наказания и даже расстреливать за дисциплинарные нарушения, потому что, если хоть один из вас будет ранен или убит вследствие того, что командир не смог поддержать дисциплину, я расстреляю командира".

Я не бывал в Сухуми до войны, но сейчас город мне понравился.

Разрушения и запустение облагораживают лица городов. Разгар сезона. Я иногда выходил на пляж. Километр налево и километр направо ни одной живой души. Лишь кое-где воронки от взрывов. Светило солнце и море было ласковым. Я кидал в воду пластиковые бутылки и стрелял по ним, а после купался.

Война обладает терапевтическим действием. Болезни не выдерживают присутствия смерти. Тот, кто не бывает убит или ранен, возвращается с войны новым человеком. К оружию привыкаешь очень быстро. Привыкаешь к острому восприятию жизни. Ты возвращаешься из пограничья, ты поднимаешь руку, чтобы остановить машину, а она проезжает мимо. Удивленный, ты машинально тянешь руку туда, где должен быть автомат, а его там нет. И черная тень набегает на твою душу. Сталкиваясь с житейскими ситуациями, ты не сразу приучаешься думать не о прицельной планке, а о присутствии прокуратуры.

Свобода - это абстрактный принцип, который может овеществляться только в одной форме - в форме войны.

Как-то я выехал из Сухуми на дорогу, которая вела на Шрому. Грузины надеялись осуществить еще одно наступление и накапливали людей. Слева над дорогой нависала гора, справа был обрыв. Дорога обстреливалась "Градом". Снаряды падали в обрыв, а бойцы прижимались к склону горы, прячась от осколков. Здесь же была машина связи и грузинский полковник (как я узнал позже, он был полковником еще советской армии). Я подошел к нему и сказал: "Видите вон ту гору? На месте россиян, я втянул бы туда миномет и накрыл бы всех вас. Давайте, я пошлю туда несколько человек, чтобы заняли высоту". "Не нужно, - сказал он. - Там такая тропинка, что ничего невозможно втянуть". "Тогда, как знаете" - сказал я и уехал. На следующий день русские втянули туда миномет и первой же миной накрыли машину связи вместе с полковником. Большинство офицеров проявили себя плохо в локальных войнах. Их можно было использовать только как военспецов: отремонтировать БМП, научить личный состав корректировать минометный огонь и тому подобное. Среди грузин я видел только одного способного военачальника - заместителя министра обороны Гию Вашакидзе (сержант советской армии). Он хорошо, по-деловому организовал оборону Очамчиры. Там была российская база подводных лодок, которая сыграла определенную роль во время высадки в начале лета российского десанта. Гия расположил батарею из нескольких орудий метрах в ста от базы и сообщил ее

начальству, что в случае повтора десанта, бомбардировки Очамчиры и тому подобное, огонь будет вестись не по кораблям, а прямо по базе. С тех пор он не имел неприятностей.

Как-то я с хлопцами заехал в его штаб. Там я с удивлением увидел карту всю почерканную пометками. Было видно, что с нею работали. В это самое время в штаб подъехали российские военные наблюдатели контролирующие условия соблюдения очередного перемирия. Старший в их группе, какой-то капитан, долго присматривался к нам и наконец сказал: "Чтой то вы не похожи на грузин ребята". "Обижаешь начальник" - ответил я.

В осажденном Сухуми подразделение квартировало на даче Сталина. Вечерами, сидя на террасе, можно было наблюдать, как внизу враг бомбардирует город, как угасает море. Под дачей был субтропический парк с бамбуковой рощей и павлинами. Само помещение не поражало роскошью. Просто большой дом. Рядом, построенный в тридцатые годы, санаторный корпус для членов ЦК. Они вообще были аскетами. Общие туалеты на этажах. Здесь же на даче Сталина была резиденция местного "уважаемого человека" Бори Кокубавы. Он носил профессорскую бородку и АПС со стволом, удлинённым под глушитель. Как-то я загорелся воевать в соответствии с тем, как того требовали местность и оперативная ситуация - небольшими подвижными группами. Я считал, что в каждой группе должен быть гранатомет, СВД и ПК. Этого добра не хватало. Я решил потрусить Борю. Он долго отказывался, но, наконец, сказал: "Хорошо, я даю вам два СВД, два РПД, 2 гранатомета с оптикой, но это мое личное оружие!" Кстати, обманул, ничего не дал.

Тем летом мне довелось проехать от Абхазии до Тбилиси. Мы ехали двумя машинами вместе с сухумским главарем Мхедриони. На коленях каждого лежал автомат. Каждый отрезок пути контролировала какая-то из группировок. Мы проехали участок, который контролировал Кетовани, и остановились на посту, который держали мингрелы - хлопцы местного князька Кобалии. Их было человек пятьдесят. Они все выскочили откуда-то и окружили нас. На обочину выехала БРМка и развернула башенку с пулеметом в нашу сторону. Они тыкали в окна автоматами и гранатометами, и ужасно кричали. Я на всякий случай снял автомат с предохранителя. Мхедрионовцы заявили, что нас ждет Кобалия и, если мы опоздаем, всем будет плохо. Вся эта публика была крайне разочарована тем, что не может растянуть нас и нашу машину по винтикам. Нас под сопровождением отправили в столицу Мингрелии - Зугдиди. Как выяснилось позже, маечку с водителя второй машины они таки сняли.

Кобалия сидел в здании бывшего райкома. Во дворе стояло два бронетранспортера и тусовалось сотни полторы вооруженных бородачей. В Мингрелии все были вооружены, даже дети, лет после четырнадцати. Единственные, кого мы видели без оружия - это милиционеры на дорогах. Вероятно, оружие им не доверяли. Они стояли и беспомощно махали полосатыми палками в след машинам. Нас ввели в кабинет. Там, склонившись друг к другу, сидели Кобалия и Кетовани и сговаривались. Мы беседовали с полчаса. Кетовани просил у меня людей, обещал каждому дать бронежилет. Кобалия, похожий на хрестоматийного местечкового еврея, все время хитро улыбался. И мы поехали дальше. Все время посреди дороги нам случались грустные, измученные жарой коровы. Они подставляли бока ветерку, который создавался проезжающими машинами. Я смотрел и думал: какое удивительное смешение эпох стилей, типажей, формаций. Князьки, которые будто пауки, засели в своих гнездах. На операционных линиях против южного фланга НАТО действуют разбойники и пираты.

Партии, племена, армии, тейпы, вирды, кланы.

Я смотрел на картины, что проплывали за окном машины, на виноградники и вспоминал, как в достаточно юном возрасте, я попал на один из киевских винзаводов. Мне запомнился разливочный цех. Там работал длинный конвейер. В начале автомат заливал в бутылки вино, а в конце другой автомат эти бутылки запечатывал. Вдоль конвейера сидели женщины и вставляли пластиковые пробки в бутылки. Рядом с каждой стояла большая картонная коробка с пробками. Женщина брала из нее одну и вставляла в горлышко, брала и вставляла, брала и вставляла... И так восемь часов в день, пять дней в неделю, одиннадцать месяцев в год, тридцать лет своей жизни. Я смотрел на все это и думал: со мной может произойти все, что угодно - я могу нищенствовать, я могу рисковать, я могу воевать, я могу сидеть в тюрьме. Одним я не буду заниматься никогда, ни при каких обстоятельствах - продуктивной работой. Жизнь человеку дается для того, чтобы сыграть ее. Футболист на поле стадиона использует вдесятеро больше усилий, чем крестьянин на поле колхозном, однако, первый весело играет, а другой скучно работает. Первому добавляются силы, а из другого они вытекают. Я открою вам тайну: мы все помрем. И потому никакая работа себя не оправдывает. Что делают приговоренные к смерти? Играют в карты.

Во время войны в Абхазии проявилась удивительная закономерность: все наши раненые и убитые, были ранены и убиты по субботам. Как-то в пятницу мы выехали на пост прикрывать участок окружной дороги выше Сухуми. Местность представляла собой холмы, на которых перемежались лесистые и открытые участки. Атаковать позицию могли с любого направления. Я расположил своих людей на направлении, наиболее вероятной атаки, договорившись с грузинами, что они прикроют все другие. Так провели мы ночь. До утра на соседних постах звучала беспорядочная стрельба - испуганные союзники стреляли в темноту, чтобы ободрить себя. Между тем ночь была лунная. Небольшой табун одичавших за время войны коней пасся на нашей позиции. Часть ночи мне удалось поспать, хотя мешали карманы, набитые патронами и гранатами. На утро обошел тылы и с возмущением увидел, что грузины не несут службу. Они пособирались возле какой-то халупы, жрали сладкую вермишель и спали. Не было выставлено ни одного часового. Я поругался с ними и пригрозил, что заберу своих людей с позиций, если они не исправятся. Под вечер я так и сделал, поскольку грузины были неисправимы. Кроме того была суббота. Я погрузил своих в кузов машины, сам сел в кабину и мы уехали. Я думал, что на этот раз обойдется. Мы ехали над ущельем, когда машину обстреляли. Водитель придавил газ и мы съехали с опасного участка. Я выскочил из кабины - в кузове был один раненый. Взявши двух человек, я бросился к обрыву, однако никого не увидел. Вероятно, какой-то одинокий стрелок обстрелял нас наугад с очень далекого расстояния. Одна из пуль случайно залетела в кузов. Я возвратился к раненому. Пуля попала в задницу. Ранение было легкое, но даже здесь нас достала суббота. После того я издал приказ: "По субботам мы больше не воюем". Кстати, пост, который мы оставили, был полностью уничтожен менее чем через сутки. Рок преследовал нас долгое время и после Абхазии, на Украине. Потери мы несли по субботам. Один из наших бойцов Игорь Лисак-Кучеренко (Непогода), вернувшись в Украину работал в Львовской организации. Одним субботним вечером во время стычки с милицией он был смертельно ранен выстрелом из пистолета. Несколько наших тогда же было арестовано. Через год следователь, который вел их дело, застрелился из того же пистолета, которым

был убит Непогода.
Вернувшись домой, я сел и написал стихотворение:

Пустынный берег моря.
В море я смотрю, играю
Камешками разноцветными в песке,
Я знаю все, держу цветные истины в руке.

Когда упали мины - то взорвались
будто в голове
Вот строчки протокола на листе,

Минуты в камере, но светят годы мне,
Забуду символ веры, положения теорий,
Ведь я воюю за пустынный берег моря.
И цель моя проста, война моя чиста.

Случайность как всегда одолеет систему и удивительных тонов вечернее море выльется из моего сознания через живот разорванный осколками минометной мины или ударами милицейских ботинок. Берег будет последним воспоминанием. В моих карманах найдут несколько разноцветных камешков.

Через неделю, после того, как я это написал, в Мингрелии был убит Олекса Довгий. Осколки разорвали его живот. Все, что нашли у него, перед тем, как похоронить - это несколько обточенных морем камешков и ракушек. Когда ты идешь прямой дорогой рационализма, когда шагаешь позитивистским путем, то, обычно, не замечаешь, что везде по нему разбросаны мистические камушки, для того, чтобы ты спотыкался и разбивал себе голову, чтобы ты дробил толстую лобовую кость своего зазнайства. Я не могу себе простить, что не ввязался в московский осенний конфликт 1993 г. Со всей матушки России защищать Белый Дом собралось аж двести человек. Не нашлось никого, кто решился бы установить среди них дисциплину и поставить какие-нибудь ясные задачи. Пределом мечтаний вождей народа было вести переговоры с Ельциным. Постоянно повторяется одна и та же ошибка. Никогда нельзя отдавать руководство восстанием в руки легальной оппозиции. Более того, первые, кого надо уничтожить - это своих легальных союзников. Желательно, чтобы они выглядели жертвами режима. Их трупы лучше послужат революции, чем их разговоры. Легальные всегда предают, ибо чувствуют, что как только слово окончательно возьмет автомат, их политическая роль закончится. Так было и в Париже в 1968 г. Любой, кто пытается вступить в переговоры с правительством на начальном этапе восстания, должен быть застрелен. Единственная задача восстания - это победа войны. С первых же минут как можно больше насилия, как можно больше оружия, как можно больше любых военных действий. В этой ситуации, на удивление, самым буйным оказался Гайдар. Он понял, что нужно как можно скорее укомплектовать хотя бы пару танковых экипажей и прямой наводкой лупить по мятежникам. В сущности этот толстяк оказался единственным революционером на всю Москву. Видимо, не в последнюю очередь это было связано с тем, что он был экономистом-монетаристом, то есть исповедовал вполне оторванную от жизни идеологию, род гностицизма. Надо быть немного гностиком, чтобы быть способным на чистое, экзистенциальное насилие. Необходимо иметь предварительно выпестованный эстетический такт.

Хороший тон категорически необходим. Какое право остаться в живых имели Руцкой и Хасбулатов? Они должны были умереть с оружием в руках, потому что главное не их бессмысленные тактические расчеты, а необходимость художественного совершенства. Их трусость превратила то, что собиралось стать трагедией абсурда, в непристойный анекдот. Когда революция не может быть адекватно описана в эстетических категориях, это не революция, а дерьмо.

Я, конечно, был знаком с положением о необходимости превращения политической ситуации в военную, но только у чеченцев научился тому, что это действительно самый эффективный, самый рациональный и жизненный подход ко всем пограничным политическим ситуациям. Никогда нельзя раздумывать - стрелять или не стрелять. Стрелять нужно при первой же, даже самой маленькой возможности.

В 1993 г. я все еще был глуп. Мне казалось, что это не наша война. И лишь теперь, умывшись слезами и кровью (из разбитого носа), я понимаю так ясно, как понимают необходимость воды в пустыне, что чужих войн не бывает. Любая война - это твой уникальный, неповторимый шанс на победу. Шанс осуществить скачек прямо сейчас, легко, моцартиански, примерить величие. Мне пришлось побывать в Москве в 1997 г., проездом из Грозного. Это город перекормленный деньгами. Это не город, это - тучное пастбище. Воевать тут можно было бы лет пятьдесят без перерыва. Боже! С каким удовольствием я здесь повоевал бы!

Полковник Боровец

Я сидел в президиуме между Тереховым и Ачаловым, когда награждали защитников Белого дома. На столе валялась целая куча орденов. Я мог и себя наградить, но побрезговал - оформление не понравилось. Сажи Умалатова, та до сих пор награждает орденами Советского Союза, в том числе и "Красной Звездой", где-то же их делают. Терехов рассказывал, как они брали Генеральный Штаб. Подъехали на КПП - никого нет, все двери на замках, дежурные поразбежались. Перелезли через ворота, из-за угла с визгом выскочил какой-то тип, оказалось, дежурный офицер, стал стрелять их пистолета. Ответным огнем из автомата он был убит. Терехов сгоряча бросился оказывать помощь, оглянулся, "боевиков", как корова языком слизала, все разбежались, тут его милиция и повязала. Любопытствующий постовой подошел на выстрелы, разузнать, что случилось. Терехову грозила "вышка", на него хотели "повесить" убийство. Политическое насилие было сведено до таких уголовных категорий.

В том же следственном изоляторе пребывал и Ачалов - министр обороны в правительстве мятежников. К слову, татарин по национальности. Он сам был десантником, физически очень сильный. Как-то надзиратель его толкнул. Он его двинул так, что того четыре часа отливали. В камеру ворвалось несколько человек из охраны с дубинками. Он как-то исхитрился выломать дужку из спинки кровати - в изоляторах КГБ обстановка получше - и отбил. Не смогли с ним справиться, попробовали хитростью. Подключили в душе к крану фазу, надеялись, что мокрого ударит током, спишут на несчастный случай. Случайно, на входе Ачалов поскользнулся на скользком полу, схватился за косяк, почувствовал удар током и не пошел. Сидел месяцев шесть.

Помню, в кабинете Руцкого в Белом доме находилось два мешка долларов, пачками, запаянными в пластик. Из них сначала собирались заплатить по сто

баксов всем защитникам, но потом передумали, никому не раздали. Поступил приказ - выносить через канализацию. Мы увидели, что там ОМОН - не пройти. Спрятали мешки в коллекторе и отлучились минут на двадцать, поискать другую дорогу. Когда вернулись - ни ОМОНа, ни мешков, ни следов. Плюнули мы на это восстание, открыли люк и пошли. Почему в карманы не набрали? Думали, все наше будет. Когда спецназ брал Белый дом защитники выносили все, что могли. Компьютеры, ковровые дорожки, отрезали даже телефонные трубки и совали в карманы. Штурмовали то с одной стороны, а сзади ходили все, кому не лень. С нашей стороны были бестолковые, а с той еще бестолковее. Бенья ничего лучшего не придумал, как посадить на Красной площади вертолет. Руста собрались из Германии вызвать. Послы уже начали собираться "на свал", думали, опять грядет Великая Октябрьская. На счастье для них примчался Бурбулис. Фигурально выражаясь, побил ногами "мальша Плохиша" (так называли Гайдара), собрал весь "бомонд":

- Страну хотите просрать за пол часа.

Офицерам и прапорщикам дивизии им. Дзержинского под это дело здорово отломилось. Выплатили зарплату, а позже, кроме нее, выдавали еще и президентскую надбавку. После Чечни дивизию реформировали. В новом составе она насчитывает 5 полков с новым вооружением, убрали танковый батальон, артиллерийский дивизион. Собираются воевать "в толпе".

Дмитро Корчинский

Осенью 1993 г. Верховный Совет Украины почти без обсуждения, значительным большинством голосов принял изменения к уголовному кодексу. Законопроект был подготовлен одним из отделов СБУ и был направлен непосредственно против нас. Ощущалось, что в этот раз мы таки достали всех. Позже Кравчук рассказывал, что Ельцин был чрезвычайно возмущен нашими "художествами" в Абхазии и требовал нас прищучить. Для этого были выдуманы статьи, которые квалифицировали как тяжкое преступление, следовательно предусматривали большие сроки заключения за наемничество и незаконные военизированные формирования. Таким образом, наша деятельность способствовала развитию права в Украине. Интересно, что одними из первых правовых актов нового Украинского Государства были: ликвидация уголовной ответственности за гомосексуализм и введение такой за участие в военизированных формированиях. Современное общество позволяет беспрецедентную индивидуальную свободу, в т. ч. и сексуальную - трахайтесь, кто с кем хочет - однако, оно вполне ощущает опасность со стороны сообществ. Любое актуализованное сообщество - это преступная группа. Вскоре новые статьи были применены против нас. Началась зимняя избирательная кампания 1993-94 гг. Мы принимали в ней довольно активное участие. Вся Украина была залеплена плакатами: "Наши люди привыкли жить в великой державе. Мы сделаем Украину великой, чтобы народу не пришлось менять своих привычек". Выступая в то время по телевидению, я говорил: Во всей этой процедуре выборов есть нечто унижительное. Кандидаты словно выставляют себя в ларьке, предлагая избирателям отдать то, чего у них нет, за то, что им не нужно. Купите себе хозяина - говорим мы, идя на выборы - приобретите коллективного вождя. Не хотите купить - придется взять бесплатно". В те времена киевская команда УНСО регулярно проводила учения на Лысой горе. Одно из таких учений было накрыто превосходящими силами милиции. Ряд

людей был арестован, начались обыски на квартирах активистов. Ко мне ввалилась большая группа милиционеров с автоматами и в бронежилетах. Обыскивали они без большого вдохновения, изымали какие-то бумаги. Наше трехлетнее чадо очень хотело подержаться за автомат. "Будешь хорошо себя вести, - сказал я ему, - вырастешь, из такого автомата будешь стрелять таких дядей".

Обыск в штабе УНСО продолжался сутки. Перевернули все, однако ничего существенного не нашли. Потом обнаружилось, что кто-то из нас забыл пачку автоматных патронов в куче газет сваленных, в подвале. Вот был бы подарок ментам, если бы они не лоханулись. Из всего этого мы сделали роскошную рекламную компанию, что сильно помогло на выборах. Однако, восемь человек пребывали в Лукьяновской тюрьме, все другие были под следствием. Уголовное дело прекратили после выборов, в результате которых трое наших стали депутатами Верховного Совета. К моему удивлению, не так уже и много наших людей "сломаюсь" под милицейским давлением. Страх не один. Страхов много. Бывает тяжело предугадать даже собственную реакцию. Есть люди, которые не боятся российского танка, однако очень боятся милицейского бобика. Есть люди смелые в драке, однако не могут выдерживать минометного обстрела. Один знакомый терпигорец рассказывал мне, как ему довелось еще в советские времена выбивать долг из теневика. Он давил на него психологически, бил, вывозил в лес и подвешивал, применял электрический ток - ничего не помогало. Почему-то ему пришлось в голову достать из автомобильной аптечки шприц и показать клиенту. Тот сразу указал, где лежат деньги.

Считается, что почти каждого человека пыткой можно заставить дать показания. Однако, опыт свидетельствует, что это далеко не так. Об этом говорит и уголовная практика, и, как мне приходилось слышать, практика ЦРУ во Вьетнаме. Вероятно, на каждого человека можно найти свой "шприц", но это требует таланта, чувства и опыта палача - следовательно удается далеко не всегда.

В разгар нашей абхазской кампании в Украине посадили трех человек - руководство Ватутинской команды УНСО. Они до смерти забили одного негодяя, который как-то непорядочно отнесся к имуществу хлопца, который в это время был на войне. Старшим был дед Мыкола. Он сидел уже несколько раз, принимал участие в Приднестровских событиях. В заключении все трое вели себя очень хорошо, даже дерзко. Никто не давал никаких показаний. Милиция не имела никаких стоящих доказательств. Однако, сила карательной системы состоит в том, что там не ведут себя подобно персонажам детективных романов, не выдумывают никаких версий, не утруждаются доказательствами. Берут первого попавшегося и, как правило, не ошибаются.

Для следственных действий хлопцев возили в местный райотдел. Поздней осенью явилась возможность побега. Дед Мыкола сагитировал еще четырех заключенных, которые прямо в камере написали заявления в УНСО. Всемером они разоружили охрану, захватили транспорт и осуществили побег. С самого начала ими было сделано две ошибки. Первая та, что они двинулись в глубь Черкасской области, а не в соседнюю - Кировоградскую, где ментов сумели поднять по тревоге только на третьи сутки; другая - та, что они не оставили на месте оружие. Если бы они это сделали, мероприятия по их розыску далеко не были бы такими интенсивными. За неделю их всех переловили, причем дед Мыкола отстреливался. Затем их три года до суда держали в Черкасском следственном изоляторе, где деда Мыколу мне удалось посетить. Для того, чтобы попасть в СИЗО, я прихватил с собою в качестве тарана одного из наших депутатов.

Однако, я прошел, а его не пустили. Свидание происходило в присутствии следователя. Мы поговорили минут десять. Когда следователь стал нас прерывать, дед Мыкола начал его бить и это вызвало ужасный скандал. Я потом долго успокаивал начальника тюрьмы.

Впоследствии я присутствовал на чтении судебного приговора. Все уголовники участники побега дали показания, признались во всем, валили друг на друга вину. Наши отрицали все, никто так и не дал никаких показаний. На каждом висело по восемнадцать статей. Чтение приговора продолжалось около семи часов. Наиболее вероятным приговором для деда Мыколы была высшая мера. Семь часов он ожидал последних слов судьбы о том, будет он жить или нет. Он был абсолютно спокоен и так же дерзок. Высказывал признание по отношению к суду, читал книгу. Он напоминал мне христиан первых веков: "И на постановления судей отвечали оскорблениями".

Когда судья произнес "пятнадцать лет", мы все вздохнули с облегчением.

Дед Мыкола даже не оторвался от книжки.

Один из уголовников отказался убежать вместе со всеми и остался в своей камере. Тем не менее его признали соучастником и дали чуть ли не больше чем другим. На редкость справедливый оказался судья.

Славко

Из уголовников мне больше всего запомнился "Седой". Ему было лет под пятьдесят, три "ходки". В УНСО пришел по каким-то своим идейным соображениям. Корчинский высоко его ценил за преданность делу. В одной из "межконфессиональных" стычек, когда УНСО захватила на 4 часа Киево-Печерскую Лавру, "Седому" сильно досталось - треснули ребра. В Абхазии он был старшиной "Арго". В Приднестровье на мосту в Рыбнице нес охранную службу вместе с "Паулем", исполнял различные оперативные задания, был осужден за хранение оружия. После освобождения спился и умер.

Феноменальнее всего закончилась история с "Паулем". Этот бывший конвойщик из "вонючих войск" прибил к УНСО в Приднестровье. Приехал из России, что уже само по себе, крайне подозрительно. Его приняли, он неплохо проявил себя, его повысили до телохранителя одной крупной персоны в тогдашнем руководстве ПМР, он не выдержал соблазнов светской жизни, распустил язык. Его поймали, бросили в "зندان" (яма в земле). После соответствующей обработки, он говорит: "Я знаю, вы меня испытывали. Или вы меня убили бы, или направили на повышение!". Пришлось, действительно отправлять его в Харьков "на повышение". "Пауль" неплохо проявил себя в Абхазии, но подвела способность к самоснабжению оружием. Он один добывал у грузин столько же, сколько я брал со склада по приказу. Причем одновременно со мной, на том же складе. Одно слово, сверхсрочник! ("А утром мамонта в яме не оказалось. Так появились прапорщики"). По причине безденежья, "Пауль" начал приторговывать оружием. Хотели его расстрелять, но сбежал. По случаю награждения боевиков чеченскими орденами, в УНСО была объявлена очередная амнистия. "Пауль", дитя, тебя вновь простили, ты бы хоть позвонил...

Дмитро Корчинский

Да, да, простил бы я тебя палкой по горбу. Хотя я уже толком не помню, в чем он там провинился.

Славко

Отдельную категорию в УНСО составляли "дзенмены". Собственно понятие это сложилось во многом под воздействием "Беркута". Родом из Лисичанска, до войны в Приднестровье он был судим за какие-то свои прегрешения. Оставил чудесное эссе о расстрельных двориках (времен войны) Вильнюсской тюрьмы. Он, действительно, интересовался буддизмом, выглядел отмороженным. Помню, позднее в Новочеркасске, когда открывали памятник атаману Платову, а мы были в числе почетных гостей (с приглашением на банкет), казачки перепились и на площади перед атаманским дворцом началась свалка. Старшина кинулась полосовать всех нагайками. Посреди этого сумасшедшего дома неподвижно стояли и беседовали три человека: лама из Калмыкии, "Беркут" и я. Мы говорили о круговороте вечности. Эта отмороженность в Бендерах спасла "Беркуту" жизнь. После перемирия в Бендерах он, провожая знакомую, забрел на контролируемую "опоновцами" территорию. Его остановили. Он доложил, что украинец (тогда говорили о межнациональных миротворческих силах, но вошли только русские). Ему предложили "пройти для выяснения". Оружия у него с собой не было, только нож. Он вынул его и приставил к своему животу, сказал, что "не было приказа" (проходить). Немая сцена продолжалась с минуту. Потом его отпустили: "Ты скажи своим, мы тоже не звери".

* ГЛАВА 5. ПУТЕШЕСТВИЯ *

Славко

Не хвляясь, я побывал во многих странах Западной Европы и никогда не смущался при этом отсутствием виз или необходимых прочих формальностей. С Востока на Запад набиты такие тропы!

Начиная с троп, в буквальном понимании этого слова и заканчивая пресловутыми коридорами. Благо, западные границы Украины и Польши проходят, в основном, по рекам. Стекающие с гор, они ежегодно подвержены паводкам, которые смывают заграждения. Помню, как Эдик, интереса ради, водил меня в Румынию. Ранней весной река разлилась, линию столбов с колючей проволокой снесло намытым грунтом. Мы перешли по камням на румынскую сторону, полезли на гору. С непривычки я упрел и в сердцах обозвал высоту по аналогии с севастопольской - "Ебун-горой". Наконец, нам повстречался какой-то местный житель: в брезентовом плаще, синих штанах, кирзовых сапогах - типичный гуцул. Я хотел было окликнуть его, но Эдик не дал:

- Тише, мы уже час как в Румынии.

- А вышки?

- Какие вышки, я тебя потом отведу.

Местные жители пользовались этим обстоятельством. В 1996 г., когда казалось, что вся Польша поплывет на плотках в Балтийское море, крестьяне в нашем селе кидали дохлых поросят в воду - в качестве "гуманитарной помощи" панам.

С началом перестройки переходы стали массовыми. Уже в 1994 г. плата с "брата" или "сестры" за переход польской границы составляла не более 10-30 долларов. Возили микроавтобусами или рефрижераторами, сутки через трое. Когда на КПП заступал "свой" человек, пропускали не досматривая. Романтики никакой, все равно, что лесопосадку перейти. Набивали китайцев как селедок,

до германо-французской границы проезд стоил сто долларов с человека. Один фраер собрал с курдов по тысяче пятьсот гривен, повозил их какое-то время и высадил в Ивано-Франковской области.

- Идите по этой улице вниз.

Они, наверное, и до сих пор там живут. Как-то я встретил на Андреевском спуске "Крону" - цеплялся к художникам, мол, ногти у Богородицы на иконах неприлично длинные. Они с товарищем ходили в Лион, вступать в Иностраннный Легион. Обоих депортировали из Италии. Собирались опять, денег у них, конечно, не было, как в анекдоте.

- Снова в Италию хочется.

- Что уже был там?

- Нет, раньше хотелось.

Но все это меркнет по сравнению с разбойничьими рейдами румын. Впервые о них я услышал находясь некоторое время, по совершеннейшему недоразумению в западногерманской тюрьме. Среди потенциальных "экономических беженцев" мне не раз доводилось слышать ахи да охи на предмет, как у них хорошо сидеть.

"Простыни белые, булочками кормят на завтрак..." Не знаю, зона она и есть зона, унижает само чувство несвободы, а не бытовые проблемы. Как то, когда немецкий охранник замахнулся на меня дубинкой, я обозвал его "фашистом". Побоялся ударить, сволочь - пустился в объяснения о денацификации. Короче, когда на мое приветствие: "Алло, акбар! Нохче ву (я чечен), дорогие товарищи!" никто не отозвался, я было, заскучал. Но тут ихний "смотрящий" камеры - румын, подошел и указал место возле себя. Им было отмеряно в углу некое условное пространство, размером где-то 2 на 3 метра, в которое прочие обитатели камеры, проникать не смели. А были это сплошь цыгане.

Меня всегда удивляло недружелюбие, которое испытывают друг к другу два этих народа. Возможно, причина в конфликте двух пассионарностей. Если вы когда-нибудь путешествовали поездами местного сообщения по Румынии, то не могли не обратить внимания на римские профили тамошних обитателей и их выяснения отношений.

- Du tem (забыл как по румынски "к начальнику станции").

- Du tem pulo.

В девяностые страна понемногу теряла имидж, созданный усилиями "Гения Карпат" и "Дуная Мысли". К концу своей жизни Николае Чаушеску превратился для Запада в "неинтересного сталиниста". Не знаю, с чьей легкой руки шапкозакидательская характеристика румын закрепилась в советской военной истории. Минуя даже взятие Плевны и успешную смену фронта во второй мировой войне, впечатление производит современная оценка румынской преступности правоохранительными службами Запада. Румынские Rollen-Kommandos, численностью до 150-300 человек, малыми группами каждый сезон прокатываются через территорию Австрии, ФРГ, Швейцарии, в общем направлении на Бельгию. Не знаю, почему именно на Бельгию, но, говорят, тамошний диалект французского весьма близок румынскому. При этом румыны избегают проторенных автобанов, крадутся лесами, наезжают сельские магазины, мелкие фирмы, выносят сейфы. Средствами взлома служат грузовые автомобили, ими же, на буксире, добытые "ящики" транспортируются в лес где и разбираются примитивными инструментами. В бегстве и при попытках задержания "наездники" оказывают ожесточенное сопротивление. Не в последнюю очередь ввиду преступности с Востока, даже самые глухие и высокогорные из швейцарских кантонов спешит обзавестись собственным полицейским "спецназом", а пойманных правонарушителей (СНГ,

Балканы) содержат в военной тюрьме, единственной в Швейцарии, где еще сохранились решетки на окнах.

Дмитро Корчинский

В конце весны 1994 г. Шухевич не захотел больше считаться председателем УНА. Я назначил на эту должность одного из наших депутатов - Олега Витовича. Он имел наиболее представительный вид.

Где-то в это же время к нам обратились родственники летчика Биляченко.

Он был сбит над Нагорным Карабахом, попал в плен и был приговорен к казни.

Биляченко служил в Азербайджане. После распада Советского Союза он старался возвратиться в Украину, но отдел кадров Министерства обороны отказал ему.

Вернувшись в Азербайджан, вступил в авиацию и бомбардировал карабахские села. Мы старались заинтересовать его судьбой Министерство Иностранных Дел, но напрасно. Тогда я поехал сам. Со мною был дядя Толя и полковник Боровец.

Была осень 1994 г.. Сначала мы приехали в Тбилиси и обратились в Мхедриони,

чтобы они отвезли нас в Армению. Они имели базы в каждом районе и конкурировали с милицией за контроль дорог. На одной из таких баз мы заночевали. Она представляла собой несколько обнесенных стеной строений. Нам показали небольшой арсенал. Мы пили местное вино. Когда кто-то из нас поднимал реваншистские тосты, лица мхедрионовцев были кислыми. Никто не верил в возможность и успех новой войны. И в Тбилиси, и здесь у всех на устах была одна песня: против России все одно не попрешь.

Вообще страна после поражения представляет собой жалкое зрелище, но перед собою мы видели вооруженных людей, которые смирились с поражением. Мне хотелось их поубивать.

Рано утром нам дали черную Волгу и мы поехали в сторону Армении. За рулем был молодой парень из местного мхедриони. На границе, когда мы подъехали к шлагбауму, произошел безобразный случай: у нас попытались попросить документы. У нашего водителя отнялся язык от такой наглости, он резко выкрутил руль, машина, ревя мотором, помчалась назад. Через десять минут мы вернулись с подкреплением. Мхедрионовцы положили пограничников на пол в их будке (при этом и те и другие ужасно кричали), а мы двинулись далее. Из армянской будки никто даже не вышел посмотреть на нас. Разъезжая в дальнейшем по Армении мы не встретили ни одного милицейского поста. Армяне были настроены на победу и не терпели глупостей. Военный пост нам встретился ночью, на въезде в Карабах. Нас не пропускали до утра. Мы провели время слушая рассказы о войне. Из них мы узнали, что сначала здесь господствовал обычный знакомый нам бардак, свойственный войне в толпе. Но в 1992 г. они навели железный порядок, установили жестокую дисциплину и за полтора года достигли полной победы. Теперь они владеют территорией втрое большей, чем собственно территория Карабаха, с границей, которая проходит по наиболее выгодной оборонной линии. Также они получили 120 км границы с Ираном. Через три часа езды по горной дороге мы были в Степанакерте. Было видно, что город сравнительно недавно бомбардировали, встречались разрушенные и сгоревшие дома, но ощущалось, что за порядком смотрят. Ни одного вооруженного человека на улицах мы не увидели. Центральное учреждение - Комитет Оборона охранялся одним милиционером с пистолетом. Он сидел как вахтер за стеклом и не вышел, когда мы проходили мимо него. Председателем Комитета Оборона был Роберт Качарян. В разговоре ощущалось, что это сильная

личность. "Как у вас отношения с метрополией? " - спросили мы. "Мы еще посмотрим, кто из нас метрополия" - ответил он. Через четыре года он стал президентом Армении. Мы заговорили о Биляченко. Качарян согласился заменить смертную казнь на пожизненное заключение. Условием полного помилования он назвал официальное обращение к нему МИД Украины. Вероятно, ему нужны были для Карабаха факты межгосударственных отношений.

Для сопровождения нам предоставили офицера связи и два отделения автоматчиков (не столько для охраны, сколько для понту). Сам Роберт Качарян, как мы имели возможность удостовериться, передвигался по Карабаху без всякой охраны. Он сел в "Ниву" и ехал куда ему вздумается. Я вспоминал Киев, переполненный вооруженной милицией, охрану правительственных зданий, словно приготовленных к осаде и думал, что это столица страны, которая готовится проиграть любую войну.

Мы посетили Биляченко в тюрьме. Услышав, что его не расстреляют, он не высказал ни каких эмоций. Затем мы уехали в одно из учебных подразделений. Здесь введен военный всеобуч. Из всех мужчин приемлемого возраста бронь имеют только восемьсот. Обучение очень интенсивное и продолжается полгода. Часть, в которую мы заехали была обнесена стеной. Ранее здесь было азербайджанское село. Сейчас оно было забетонировано под плац. Поражали порядок и чистота. Все до мелочей повторяло советские в/ч. Мы видели солдат, которые белили бордюры. Здесь практиковалось десять часов боевой подготовки в день. Нас завели во что-то вроде "ленинской комнаты". На стенах были портреты армянских исторических деятелей и военачальников. Во времена второй мировой войны 120 тыс. населения НКАО дало советской армии 25 генералов, четырех маршалов Советского Союза, одного адмирала флота. Пока жил в Карабахе, воду этот адмирал мог видеть только в кружке.

В определенных природных и исторических условиях удивительным образом рождаются чрезвычайно перспективные сообщества. Скажем, станица "Зимовейская" на Дону, из которой вышли Разин, Хабаров и Пугачев (неплохая продуктивность). Или возьмем Афины V ст. до р. х.. По количеству населения это было село, в котором практически одновременно жили и общались между собою Сократ и его ученики, среди которых Платон, кроме того Аристотель, Аристофан, Софокл, Перикл и архитекторы Парфенона, Фидий и его ученики, кроме того мастера античной керамики, которая была великим явлением и ювелиры. Весь Эллинский Мир был насыщен матерыми человечисами, но в Афинах не возможно было плюнуть, чтобы не попасть в какого-нибудь гения. Наверно, это ужасно утомляло.

Правда, насколько я понял, ПВО обеспечивали русские. Если бы карабахцам пришла фантазия взять Баку, они его взяли б.

Мы выезжали довольно поздно вечером. Ночью мы пересекли границу Карабаха и заблудились в горных дорогах. Мы долго кружили в темноте, пока не наткнулись на какой-то одинокий дом. Когда мы подъехали спросить дорогу, оказалось, что там одни только женщины. Я представил себе, что бы случилось, если бы пять небритых подозрительного облика мужчин на машине с грузинскими номерами подъехали к подобному дому на Украине. Нас бы встретили выстрелом из дробовика. Здесь же две пожилые женщины выскочили к нам и начали уговаривать остаться переночевать. Нам пришлось долго отказываться, а, когда мы отъезжали, они силой втолкнули в окно кулек с водкой, хлебом и сыром. Мы заехали в Ереван встретиться с одним из вице-премьеров и двинулись назад. Армения очень напоминает полотна Сарьяна - серо-желтые бесплодные горы. Вы переезжаете границу с Грузией и вас сразу же поражает буйность

зелени, живописность скал и ручьев.

В Тбилиси мы посетили Джабу Иоселиани. Тогда он был вторым человеком в Грузии. Его кабинет находился под кабинетом Шеварднадзе. Ему было за шестьдесят и выглядел он уставшим. До перестройки он был известным в уголовных кругах человеком и много сидел. Однако, имел высшее образование и, говорили, даже ученую степень по искусствоведению. В конце восьмидесятых он создал "Мхедриони", а в 1992 г. вместе с Кетовани осуществил государственный переворот, свергнув с президентского поста Звиада Гамсахурдиа. Это сопровождалось несколькими днями боев в Тбилиси, следы которых все еще оставались на проспекте Шота Руставели. После того, как Гамсахурдиа бежал в Чечню, Джаба с Кетовани поставили во главе государства Шеварднадзе, который жил тогда в Москве и, казалось навсегда вышел из политического оборота. Но в 1994 г. ощущалось, что он все больше овладевал ситуацией, чего нельзя было сказать о старых бандитах, которые его поставили. Об этом и зашел разговор. Я предложил Джабе дать мне возможность создать значительную украинскую группировку где-нибудь в Сванетии. Она могла бы, как вести систематическую партизанку в Абхазии, так и в случае чего поддержать Джабу в будущем столкновении с Эдиком. Также я считал, что необходимо убить Абашидзе. Однако Джаба только улыбался. Было видно, что он отягощен страшным весом жизненных обстоятельств и хочет только спокойствия. Мы вышли из его кабинета в приемную, где тусовалось много вооруженного народа. Я подумал: "Джаба пару раз съездил на Генеральную ассамблею ООН и решил, что с Эдиком можно играть по цивилизованным правилам. А Эдик сыграет с ним по бандитским". Так и произошло. Вскоре "Мхедриони" было разоружено и пересажено. Посадили и Джабу. Посадили Кетовани. Посадили всех. Если бы, кроме всех этих бандитов, в Мхедриони было хотя бы с десятков революционеров, все могло бы пойти иначе. Я не перестаю удивляться тому, насколько адекватными новой ситуации оказались старые пердуны из политбюро.

Если у вас есть организация, если у вас есть война, никогда нельзя допускать преобразования военной ситуации в политическую.

ГОРЫ И ОРУЖИЕ

Славко

Контакты УНСО и курдов - отдельная тема. Даже среди "обиженных" и неудовлетворенных народов они пользуются дурной репутацией. Достаточно сказать, что только армянское правительство Нагорного Карабаха решилось признать курдские претензии на государственность. Прежде, боевиков УНСО и Курдской Рабочей Партии объединяли разве что источники, из которых они скупно черпали оружие на Западе. До того, как Хорватия по окончании боевых действий стала крупнейшим поставщиком оружия на черный рынок, да и после этого, классическим источником оставались венгерские и чешские оружейные заводы, буквально тысячами поставлявшие через Австрию нумерованные пистолеты CZ-75 и P9R, якобы нелегальной сборки из ворованных комплектующих, а так же более устаревшие модели, не пользовавшиеся популярностью на гражданском рынке: CZ-70, M29, M37. Явно из легальной торговли на Западе поступали и подобные "уцененные" модели. Как только цена оружия, например, "Астры" M4000 (или "Беретты" M35) падала ниже ста долларов США, можно было быть уверенным, что его вскоре повезут на Восток, чтобы продать в 5-6 раз дороже. Оптовая цена на китайские ТТ вообще достигала 10-20 долларов США за единицу оружия. Глушители к подобному оружию - большого объема с войлочными прокладками в

качестве поглотителя, так же производились в подпольных мастерских где-то на юге Европы. В девяностые годы именно курды были возмутителями спокойствия в странах Западной Европы. Даже в спокойной Швейцарии, по данным полиции, большая часть перестрелок приходилась на курдско-турецкие выяснения отношений, даже в сфере торговли наркотиками. Большая емкость магазинов пистолетов CZ-75 и P9R позволяла за считанные секунды создавать огневую завесу и разбежаться до прибытия полиции. Лично я не знаю, как им это удавалось с венгерским оружием. Доставшийся мне "трофейный" P9R коммерческое название модели "Люгер" (не путать с настоящим "Люгером") на пять выстрелов делал три осечки. Во-первых, курок надежно взводился самовзводом только с полувзвода, а, как известно, при осечке курок находится в спущенном (крайнем переднем) положении, так, что самовзводом он только чуть "пощелкивал". Во-вторых, гнездо бойка в затворе было с забоиной и какой-то умелец обточил довольно массивный ударник до толщины иглы. Сырой материал, далеко не бериллиевая бронза, как в дорогом оружии, сразу же деформировался, боек едва накалывал капсюль. О силе боевой пружины, так же, вероятно, термически не обработанной, я даже боялся и думать. А ведь оружие было звездой черного рынка Украины сезона '96 и стоило 800-1000 долларов, предлагалось даже в калибре. 45. Известный феномен "криминального оружия", убить из которого нельзя, но посадить за него можно. Может оно и к лучшему, по крайней мере, никого не убьют. Весной 1998 г. в одном из киевских кабаков в центре города состоялась знаменательная перестрелка из венгерских пистолетов. Первый "Люгер" отказал после восьми выстрелов и был выброшен владельцем, когда тот шел на свал, а второй, кажется, отказал сразу, как только из него попытались открыть ответный огонь. В сезон отстрелов 1997 г. боевики УНСО пятью выстрелами из двух ПМ положили четверых. Бывший при сем событии венгерский пистолет, осекся на втором выстреле. Станным образом, P9R получил весьма высокую оценку украинских оружейников из ГИВЦ "Спецтехника" Министерства внутренних дел. Мне как правонарушителю остается надеяться, что очень похожий на его "младшего брата" калибра 380АСР, украинский "Форт-12" унаследует безотказность базовой модели.

Со сторонниками Абдуллаха Аджаллана Корчинского свел Кетовани., в бытность последнего командующим своей гвардии. Первая встреча произошла вскоре после падения Сухуми. Состоялась она в Зугдиди, как раз перед началом междоусобицы, стоившей жизни "законному" президенту Грузии Звиаду Гамсахурдиа. Представитель "зведерастов" присутствовал при встрече. Вероятно, уже тогда "Кетуши" вынашивал какие-то свои наполеоновские планы, завершившиеся попыткой автобусного наезда на Сухуми, его низвержением и смертным приговором, до сих пор не приведенным в исполнение. Зачем Кетовани понадобился при этой встрече Корчинский? Вероятно, чтобы прибавить себе веса поддержкой со стороны Украины. Ведь в "полуофициальность" миссий "Арго" тогда верил даже президент России Ельцин. "Спасибо Кравчуку!" - кричали грузинские дети, увидев иностранных военных. Как известно, силы УНСО в последовавшем конфликте выступили на стороне Шеварднадзе, однако тропы в Курдистан были проложены. Зимой 1994 г. на сей предмет последовала еще одна встреча на высшем уровне с Джабой Иоселиани. Батоно Джаба как раз вернулся из Давоса, где присутствовал при форуме финансистов. Он произвел на меня незабываемое впечатление. В кабинете размером со школьный спортзал, за которым простиралась еще комната для отдыха размером в сто пятьдесят квадратных метров, увешанная оружием кануна века, в черных мягких сапогах, черных галифе, черной рубашке и при белом галстуке "бабочка", хотя на самом

деле он носил или дорогие "барыжные" костюмы, или американскую камуфляжную форму. Я даже не помню, о чем мы тогда говорили. На память об этой встрече, мой спутник Сергей ухитрился даже спереть патрон из магазина "Береты" М92 - личного оружия патриарха грузинской государственности. А я занялся "Скорпионом" одного их охранников, раньше не верил, что он так портативен. Весной того же года пришло время отправляться в путь. Моим напарником стал уже упоминавшийся Сергей, офицер-десантник. В настоящее время этот человек начал новую жизнь, после успешной социальной реабилитации занимает определенное место в обществе - работает сторожем и имеет реальную перспективу продвинуться до начальника смены. Эта должность дает ряд ощутимых преимуществ: можно спать ночью, так же в круглосуточных магазинах в ночную смену заступают самые молодые продавщицы. С другой стороны, старшие и несомненно более опытные, брезгуют работать ночью. Я не хочу портить дальнейшую карьеру своего старого боевого товарища и поэтому изменю некоторые биографические подробности. Тогда Сергей еще пребывал в дзене. Ему хорошо удавалось отсутствующее выражения лица. При случае он любил косить под дауна. Перед этой поездкой Сергей залег на дно, чтобы оборвать нежелательные связи, постригся, отпустил бороденку по закавказской моде и даже обзавелся тонированными контактными линзами. Хотел взять с собой еще и молитвенный коврик, но это было бы уже явным кощунством. Многие курды - огнепоклонники.

Пиши я классический авантюрный роман о тех временах, я бы замаскировал своих героев при переходе границы женщинами. Тогда толпы "Наташек" направлялись искать счастье в Турцию, "Ой, дана, шикидым-шикидым", интересно, изгладится ли этот фольклор из памяти поколения? По дороге в Абхазию "Соловей" и его люди, летевшие на смену "Бобру", попали в Батуми. Верные колхидской традиции, известной еще со времен "Золотого Руна", разбираться с пришельцами, аджарцы бросили "аргонавтов" в тюрьму. В соседней камере, тюрьма-то в Батуми маленькая, да и порядки другие, находились "Наташки", которым не посчастливилось добраться в Турцию. От их криков "Мальчики, мы вас хотим!" - дрожали стены узилища.

Кто-то из второстепенных российский писателей девятнадцатого столетия, имя его стерлось из моей перегруженной событиями памяти, рассказал такую правдивую историю. Как то в период войны на Кавказе, русский сторожевой корабль перехватил турецкую фелюгу, шедшую из Сухум-Кале с грузом живого товара. На судне были девушки-горянки, предназначенные для гаремов. Им была предложена свобода, которую все они с негодованием отвергли. Каждая из них мечтала быть проданной, а цена - количество золотых монет - была для них вполне объективным критерием красоты и прочих достоинств. Где бы еще женщина могла дожидаться такого к себе отношения. Представляете, как осаждали торговцев живым товаром в семнадцатом-восемнадцатом столетиях, если еще сейчас от желающих уехать прохода нет.

Существует ряд любопытных источников, дающих понятие о жизни гаремов на рубеже нашей эпохи. Они тем более ценны, что написаны специалистами. Француженка Claudin Fayein работала в Йемене, в период правления Имама Ахмади. Ее книга "EI-Hakima", доступная также в одноименном польском переводе, говорит многое о тайнах души арабской женщины. Как уже догадался подготовленный читатель, образцом для писательницы послужила другая не менее известная книга о Востоке "EI-Hakim". Ее автор швейцарец J. Knittel так же злоупотребляет врачебными тайнами. В период между двумя мировыми войнами, это произведение считалось мировым бестселлером. Книга известна в немецком

оригинале, так же в английских, даже в польских переводах. Следует объяснить, что медицинские процедуры оставались едва ли не единственной возможностью увидеть восточную женщину хотя бы частично дезабиле. Когда французские живописцы вслед за оккупацией Алжира ощутили зов Востока, им пришлось долго помучаться в поисках моделей. Даже безотказные в таких случаях во Франции проститутки, отказывались позировать обнаженными. О кризисе жанра свидетельствуют хотя бы "Турецкие бани" Энгра. Если бы я еще не боялся обвинений в антисемитизме, то сказал бы и о том, что кризис натурщиц в Алжире в конце концов решили еврейки. Понимаю Гогена! О том, что гарем был высокоморальным институтом семьи, свидетельствует и сам выбор евнухов, в качестве его служащих. Против использования служанок выступали жены, которых, как и всех жен в мире, преследовал призрак нарушения супругом верности. Против слуг восставала, конечно же, ревность мужа. Брак, он всегда брак, даже полигамный, меньше всего в нем секса. К сожалению, способ и место пересечения нами границы Турции все еще не могут быть названы достаточно точно. Сказать, что сделано это было с помощью "мхедриони", означает польстить нашим грузинским друзьям. Есть на Кавказе еще один древнейший и высококультурный народ, как и греки, пользующийся репутацией "евреев Востока". Как-то в Баку я стал свидетелем страха, который внушали армяне местной политической элите. Некий тат горский еврей из приближенных Ельчибея делал круглые глаза и нашептывал Дмитру на ухо: "Господин Корчинский, бойтесь армян! Бойтесь армян, господин Корчинский, это ТАКИЕ люди...".

В дни ГКЧП только, что рожденная УНСО вошла в контакт с командиром отдельного полка связи полковником Виленом Арутюновичем Мартиросяном. Как истинный сын армянского народа, будучи патриотом Украины, он единственный из командиров частей в Советской Армии отказался выполнять приказы мятежников. Пообещал вскрыть хранилища, раздать оружие боевикам и двинуться на Киев. Судя по дальнейшей бескомпромиссной карьере генерал-майора Мартиросяна и его отставке, это свое обещание он бы сдержал. Армянин все-таки, из Азербайджана. В начальный период армяно-азербайджанского конфликта Вилен Арутюнович проявил себя объективным и беспристрастным арбитром. Нынешние добрые отношения с президентом Армении Робертом Кочаряном - достаточное тому подтверждение.

Имели хождение и разного рода инсинуации на предмет контактов Корчинского с тогдашним руководителем украинской военной разведки Скипальским. За все годы, вплоть до момента написания этой книги, ни один офицер украинских ВС не посетил при посредничестве УНСО ни одной зоны локальных конфликтов. Некоторое число специалистов по Востоку, действительно было вывезено из Закавказья неким полковником с помощью УНСО. В Киеве весной того же 1994 г. на квартире А. Лупиноса даже имела место одна неформальная встреча офицеров. Формально, господа офицеры имели что-то против тогдашнего командования Вооруженных Сил и фантазировали на темы военного переворота. Я бы постеснялся назвать это "заговором". Я пришел в конце и все время, пока шло совещание, читал немецкий трактат "Die Masturbation". Это был закат военного движения в Украине. Последний раз офицеры собрались, чтобы выработать цеостную концепцию строительства армии. Причем это были те, кому действительно наболело. Среди них уже упоминавшийся генерал Лавриненко, некогда военный советник во Вьетнаме. Теперь он уволился, преподает в институте Сухопутных Войск.

Фактически, встреча была использована Корчинским для сбора информации о

недавнем положении дел на Среднем Востоке. Один из участников, полковник Н. долгое время работал в данном направлении, находился в Тегеране в период исламской революции. В общем, было что вспомнить. Разговор восходил ко временам младотурецкого триумvirата и завершался где-то в началах формирования АНА на территории Армянской ССР и Нагорного Карабаха. Вообще, имел общекультурную ценность. Жаль, что специалист подобен флюсу, житейские проблемы сводят его ценность к нулю. Проживая в общежитии для семейных, и имея двух взрослых дочерей, (я говорю о полковнике Н.), не можешь позволить себе даже мечтать о чем-то другом, кроме квартиры. Англичане были правы, когда доверили создание империи любителям.

Мои познания о курдах и положении дел в регионе базировались на романах Джеймса Олдриджа "Дипломат" и "Горы и оружие". Оказалось, что я не так уж неправ. Восстание в Иранском Азербайджане в 1945-46 гг. было инспирировано советским правительством. Еще в 1942 г. Советский Союз и Турция находились на грани войны. Вдоль линии границы ежедневно происходили перестрелки. Объектом советских претензий, кроме зоны черноморских проливов, была и турецкая часть Армении. Стартовые позиции первых советских ракет находились в Крыму и были нацелены на Турцию. Вообще, удивительно, какими проторенными путями в никуда следует государственная политика. Начало восстания курдов под руководством Мустафы Барзани в горном районе на границе Ирана, Ирака и Турции принято датировать 1961 г., так, словно до этого в регионе не шла перманентная резня. Сирия восемнадцать лет, до 1998 г. поддерживала КРП в пику Турции.

Ввиду ситуации в Иране и Ираке, Турция неизбежно должна была получить свободу рук в решении курдской проблемы в интересах запада. Режим военной демократии, установленный в стране со времен младотурок, находит понимание в НАТО и ЕЭС именно в этом своем "военном" аспекте. На поведение Турции, как недавно и Греции, закрывают глаза, поскольку нужно кого-либо "щемить". Вооружения бывшей ГДР были переданы Турции с благой целью использования их для подавления курдского движения. Интересно, зачем в этой связи была начата дестабилизация Кипра? В ходе моих ближневосточных контактов, я узнал любопытный факт. Оказалось, греки через Кипр поддерживали палестинцев с начала 70-х годов, а у турок неплохие отношения с Израилем. В конфликт на южных границах Турции оказалась втянутой и Украина. Плата за проход судов под украинским флагом через проливы, самое позднее с 1994 г. взималась Анкарой оружием, которое Киев передавал Баку для ведения Азербайджаном боевых действий против Нагорного Карабаха.

Сами армяне, благодаря наличию мощной диаспоры в Ливане, наверное, первыми в бывшем союзе получили доступ к международному черному рынку оружия. Первые "скорпионы", пущенные в ход боевиками в Ростове, были доставлены в СНГ с Ближнего Востока.

При наличии таких оживленных народно-хозяйственных связей, нам не составило труда добраться до турецкой провинции Хакяри на границе с Ираком. Далее в направлении городов Заху и Дахун простирается иракская часть Курдистана. Со времен курдского восстания, городок Эрбиль в горах считался столицей самопровозглашенной государственности. Внутрикурдский конфликт в Ираке вызван противоречиями между Патриотическим Союзом Курдистана во главе с Джалалом Талабани и Курдской Демократической Партией Массуда Барзани, кажется, поддерживаемой Ираном. Вникнуть во все это я даже не пытался. Как во времена Ланкастеров и Йорков достаточно было знать: "зеленые" - это ПСК, "желтые" - КДП. Сидя в тылу, например, в чеченских селах, понять, что

происходит на фронте - в Грозном, практически, невозможно. О чем они там "перетирали" я так и не понял. Наши армянские и грузинские друзья демонстрировали нашу маленькую миссию в качестве своеобразного свидетельства собственных далеко идущих планов. "Украина нам поможет" - тогда в это еще можно было поверить. Оружие и снаряжение курдской милиции, именуемой "Пешмерга" советского происхождения. Откуда именно были доставлены те же "песчанки" или АКМ можно только догадываться. Думаю, из Армении. К нашему удивлению, в рядах курдской милиции мы обнаружили двух старых знакомых - боевиков "Арго". Они проделали тот же путь, что и мы, только, пользуясь еще более неформальными связями, сделали это намного быстрее. Осенью 1993 г. по возвращении из Абхазии вступили в контакт с курдскими студентами, обучавшимися в Украине. С помощью их связей вышли на курдских эмиссаров. В Турцию они въехали как "челноки", сюда добрались старым УНСОвским способом, выдавая себя за журналистов. Вообще, в кризисных районах полно стремных личностей, выдающих себя за представителей второй древнейшей профессии. Отличить их от настоящих не составляет труда, только руки у властей до этого обычно не доходят. Турецкая полиция и войска блокируют доступ в горные районы. Национальное и политическое расслоение в регионе происходит по горизонтали. Сами курды, живущие пониже в городках с неизбежной конной статуей Ататюрка на площади и хлебнувшие изобилия турецких базаров, подобно нашим челнокам, разложены процветанием. В большинстве своем, это именно они рвутся, в том числе и через Украину, на запад, в поисках политического убежища. У горных курдов эти "беженцы" считаются за "опущенных". Курдское руководство в принудительном порядке отправляет на обучение за границу молодых людей. Тех, кто пребывал в отрядах с 16-ти 17-ти летнего возраста и к 20-ти успел проявить себя потолковее. Основная масса боевиков среднего возраста - лет 20-ти - 30-ти. Многие воюют профессионально, но пастухов, пришедших в отряды на несколько месяцев также достаточно. Контакты с долинами, хотя и необходимы, но поддерживаются боевиками осторожно, через посредников. Одни села поддерживают курдов, другие сразу "стучат" турецким властям. За боеприпасами спускаются в поселения или доверенные лица выносят их на место перегрузки. На свои базы "левых", в том числе нас, курды не пускают. Мы жили в поселке, куда прибыли и наши боевики, чтобы пожить здесь с месяц перед обратной дорогой, отъесться, пока не сойдут следы кочевой жизни и главное - рубцы от снаряжения. С их слов, в тот период в отрядах было 13 человек из СНГ. Трое украинцев составляли самую многочисленную национальную группу, были еще армянин Алик и грузин Мамуки. Кацапов не было. Все новые, приходящие в горы, примерно в одно время, турами проходят обкатку, продолжительностью в три месяца. Курды считают, что своя подготовка необходима независимо от прежнего военного опыта. В основе обучения - техника горных переходов. Наивысшая точка в провинции достигает 4168 м. В день гоняют по камням минимум километров по пятнадцать, что очень много, пока не втянутся. Харч скудный: бобы с пшеном, скорее жареные, чем вареные и лаваш. Когда пищи не хватало, пекли мясистые листья какого-то растения. Остальное, как в "Последнем подвиге Камо".

- Учения часто проводите? Штабные игры?

- Слушай, какие игры, дорогой? Стрелять, слава Богу, не разучились, верхом ездить тоже.

Поскольку украинцы имели опыт боевых действий в горах - воевали в Афганистане - "учебки" они избежали. Но товарищей развели по отдельным

группам. У курдов это вообще практикуется, чтобы избежать "групповщины". По мнению их командования, боевики, не имеющие "неформальных" связей, лучше исполняют приказы. "Наши" в отряде выделялись внешне тем, что носили автоматы на груди - "по-афгански", курды носят на плече, стволом вниз. Боевые действия состояли из переходов в Ирак и оборонительных боев с турками. Отбивались от армии и полиции. Турки, они хотя и "турки", но малыми силами в горы не совались.

Дмитро Корчинский

Тем временем в Чечне стало интересно и мы решили посетить Грозный. Мы плохо тогда представляли ситуацию на российских постах и в Осетии, поэтому решили добраться в Чечню из Кахетии, через перевалы. Кроме того, мы хотели испробовать путь в Чечню из Грузии на случай войны.

Кахетия головокружительно красива. Поднимаясь все выше в горы, где уже была осень, которая создавала невероятные переливы горячих цветов на склонах, я понял, почему русские все время так стремились завоевать Кавказ. Я тоже хотел бы его завоевать. Мы ехали "Рафиком". С нами был местный главарь Мхедриони, который прихватил с собою РПК, и молодой парень кистинец Кистинцами называют чеченцев, которые живут в Кахетии. Их несколько тысяч, они составляют приблизительно два села.

Высоко в горах старые села и дома сложены из плоского камня, как крепости. Грузины вообще имеют способность вписывать архитектуру в ландшафт. Нам встречались отдельные четырехугольные башни. Местные кладбища представляют собой низенькие домики, заполненные костями. Их можно видеть через окна-бойницы в стенах. Захоронение ранее происходило так: человек, который чувствовал, что умирает, поднимался в такой домик, протискивался во внутрь, сдвигал из низеньких нарков костяк предшественника, ложился на его место и умирал. Я расспрашивал местных жителей, однако мне так и не удалось выяснить, с чем связано возникновение этого обряда. Возможно - это последствие эпидемии.

Дорога закончилась. Далее можно было ехать только верхом. Перед нами была отдельная сакля, что прилепилась к склону горы. Хозяин держал много овец и коров. Коровы, как коты, оживленно лазили по вертикальным склонам. Я не ожидал в них таких способностей.

Тем временем Мхедрионовцы за какие-то копейки купили у хозяина барана. Через две с половиной минуты он превратился в заботливо порезанные куски мяса. Я дольше нарезаю одну луковицу.

Мы расспрашивали о возможной дороге через перевалы, старались договориться о конях и, в конце концов возвратились назад. Ни тогда, ни во время войны, нам так и не удалось ни одного раза пройти через перевалы.

Может ли быть что-то вульгарнее, чем ездить на войну автобусом?

Мы сели в набитый кистинцами и их шмотками автобус, и поехали в Грозный. Мы сидели сзади, заваленные вещами. На каждом посту водитель платил деньги. За деньги мы проехали без досмотра через российскую таможню и пограничников.

Мы прибыли в Грозный на другой день после первой попытки его взятия так званой оппозицией. Возле Рескома (президентского дворца) уже несколько дней митинговало несколько тысяч вооруженного народа. Я разговорился с часовым в прихожей Дудаева. Он был уставший и хотел спать. Его не было кем заменить. Видно было, что каждый достал с серванта свой наилучший пулемет и вышел сюда

как на сцену. Каждый словно смотрел на себя сбоку и ужасно гордился собою. Внешний вид, выправка очень много значили для них. Ради красивого жеста можно было и умереть. Чеченцы сильно отличаются от других кавказцев. Они преимущественно флегматики, немногословны. Многие некавказской внешности, светловолосые. Видно, что сильно много намешано. Чечня - это Швейцария XIV ст. Та же самая публика. Через пятьсот лет это будет финансовая столица, если финансы все еще будут в моде. Здесь, как и везде, на революции желало погреться много тараканов. "Парламент - пятая нога в телеге чеченской революции", сказал как-то Джохар Дудаев и разогнал его. Как выяснилось позже - это был рациональный шаг. Когда началась война, всех народолюбцев и демократов, как будто ветром вздуло. По окончании - они объявились, чтобы попроситься в правительство.

С 1991 г. Чечня жила и воевала по Бакунину. Там не существовало государства и не сильно много людей страдало от этого (от наличия государства обычно страдает больше). Для того, чтобы успешно жить и побеждать по Бакунину, необходимо, чтобы нация состояла из бакунистов - чрезвычайно энергичных, своевольных, воинственных людей.

Джохар был сильным вождем, который ничем не руководил. Он достойно проявлял себя и во времена нефтяных спекуляций и во времена ракетных обстрелов. Он погиб именно тогда, когда это было необходимо, ни днем позднее. Это делает его большим политиком.

Мы разговаривали с ним в его большом кабинете. Он был невысокого роста, худоват и тонкокостный, в отличие от большинства чеченцев, которые относятся к грациальному типу. "Если начнется война, - сказал он, - миллион моджахедов появятся здесь, чтобы защищать нашу свободу". "Никаких моджахедов не бывает, - ответил я. - В Афганистане все моджахеды (не афганцы) были китайскими инструкторами, Ирак никакие моджахеды не защищали. Советский Союз больше помогал палестинцам, чем все арабские страны вместе взятые, за пять лет армяно-азербайджанского конфликта, никто там не увидел ни одного моджахеда". Следующая война подтвердила эти слова.

Я старался обсудить проблемы обороны и нашего участия в ней с вице-президентом Зелимханом Ендербиевым, однако он тогда еще не верил, что начнется война. Впрочем, я не думаю, что они способны были осуществить какие-нибудь оборонительные приготовления.

В Чечне и Карабахе я видел два абсолютно отличных подхода к организации жизни. И тем не менее оба были эффективными. Это вынудило меня всерьез задуматься.

ПОЧЕМУ ВЫ ТАКИЕ ВОЕННЫЕ?

Билый

В декабре 1994г., когда еще шли бои за Грозный две группы добровольцев из Украины направились в Чечню. Для безопасности и большего успеха предприятия были избраны два маршрута. Один вел из Баку, через Дагестан, другой из Тбилиси, через Абхазию, на предмет чего, уже имелись соответственные договоренности командования УНСО с лидерами местных политических партий и членами правительств Грузии и Азербайджана.

В ходе предыдущей деятельности мне удалось наладить контакты с представителями силовых ведомств, обоих государств, однако объявляться в местах минувших боев, даже под "официальные" гарантии не улыбалось, и я

направил свои стопы к берегам более спокойного, бессточного бассейна, каковым является Каспийское море.

К моменту нашего прилета в Баку, там уже находился дядя Толя.

Теоретически он должен был обеспечить коридор при прохождении паспортного контроля и таможенного досмотра, но как водится - опоздал. Бдительные азербайджанские пограничники быстро смекнули, что половина из молодых людей в самолете, декларирующих себя "бизнесменами", одета в черные джинсы, обута в армейские ботинки и перепоясана под бушлатами ремнями от снаряжения. Нас повязали, но тут, как ангел спаситель, в сопровождении людей из Народного Фронта объявился дядя Толя. Нас освободили, а милиционеры, в качестве компенсации, за беспокойство, получили по пачке сигарет "Конгресс" нелегального производства, расположенного где-нибудь под "Баку".

Разместили нас в гостинице "Интурист" на берегу моря. В первую же ночь, мы выпили такое количество чая, что вполне могли быть посвящены в "айзеры". Затем перешли на пиво, уничтожив весь гостиничный запас, Азербайджанцы до него не очень охочи, их почему-то удивляла даже наша привычка обходиться в данном случае без стаканов. Денег не хватало, к счастью всяческая зелень предлагалась в буфете со шведского стола - совершенно бесплатно. Каждое утро один из украинцев являлся с пакетом и набивал его так, будто собирался кормить коня. Остальное приходилось приобретать на базаре. Бдительная азербайджанская милиция обнаружила нас и там. Из карманов задержанных извлекли унсовские шевроны и нарукавные повязки, из чего был сделан вполне здравый вывод на предмет того, что это вероятно шпионы, прибывшие из Москвы устраивать очередной государственный переворот. Однако, две бутылки водки и на этот раз позволили выбраться из щекотливой ситуации.

Из гостиницы "Интурист" мы перебрались в "Южную". Некогда там останавливались партийные функционеры. В наше присутствие ее контролировал самый "омонистый" из местных ОМОНов. Их штаб располагался на четвертом этаже, на втором они хранили оружие. Нам определили квартиры на третьем. Коридорной там была бабка из Харькова, она все время обращалась к нам "хлопчики". От нее мы узнали массу интересных подробностей. Бабуся убиралась в комнатах и имела доступ повсюду. Оказалось у омовцев имелось и кой-какое тяжелое вооружение, они именовали его водометом, но бдительная старушка им не поверила. Был у них и заложник, его держали прикованным наручниками к батарее уже с месяц, периодически "сажая на бутылку". Омовцы, все как один щеголяли в бушлатах и спортивных штанах, поэтому присутствие одетых в полувоенную форму, но по другому, вызывало постоянное любопытство постов. На входе стояло три-четыре человека, другие сновали с автоматами по коридорам.

Даже без знания тюркской речи легко было понять о чем они разговаривают: "а-ла-ла, ботинки, а-ла-ла, портупея. Слушай, ты почему такой военный?"

Когда деньги вышли все, мы, возглавляемые дядей Толей "пошли по рукам".

Тогда Народный Фронт еще держал в городе "свой" квартал, по нему бродили люди с автоматами и радиостанциями. Но дни, когда с простой беседы Абульфазом Эльчибеем можно было снять несколько сот долларов безвозвратно миновали. Так мы оказались в объятьях "серых волков", поддерживавших довольно тесные связи со своими турецкими собратьями. Позже в Киеве и Москве мне довелось наблюдать однокомнатные квартиры, снимаемые вечными эфиопскими студентами, в которых проживает еще человек двадцать. Так вот, квартира в которой мы проживали в Баку, отличалась от тех лишь тем, что снимал ее азербайджанец, была она двухкомнатной, а обитало в ней человек сорок!

Кроме нас, хозяина, депутата чеченского Верховного Совета и

сопровождавших его лиц там проживало еще человек двенадцать студентов из Турции. Все по национальности чеченцы, по возрасту совсем еще дети, лет по 18, с первого-второго курса, только единицы - со второго-третьего. Руководил ими, не могу сказать командовал, "Руслан", борец - метра два ростом, косая сажень в плечах. Однажды в турецкой газете он обнаружил снимок с похорон своей семьи. На войну студентов провожал весь город, жители собрали деньги, устроили банкет в лучшем ресторане. К сожалению, языковой барьер мешал выяснить подробности. В этой смешанной чеченско-азербайджанско-украинской компании мы встретили Новый Год. В остальном наше скучное существование уютом не баловало. Как-то наш норвежский предшественник Sverre Midtskau - резидент английской разведки в Осло в годы Мировой войны удачно сравнил пребывание в сейнере, в области частной жизни, с возможностями стриптезерки в ночном клубе. Через день забивался туалет, и тогда все один за одним, когда остальные притворялись спящими, бегали в ванную, Так мы прожили 7-8 дней, потом студенты неожиданно исчезли. На войне я с ними не встретился. Говорили, что в Ведено, в бою с десантниками они почти все погибли. На бывшей партийной базе отдыха, когда нас перевезли перед переходом через границу, мы повстречали еще одну группу турок. Те выглядели уже посолоннее: лет двадцати пяти-тридцати, одетые в отличие от студентов не в джинсы и ковбойские сапоги, а в полувоенные солидные ботинки. Утром, дневальные по базе "айзера" были поражены, когда одна группа братвы выскочила босиком на снег и начала бить челом об лед на плацу, творя намаз, а другая, то есть мы, так же босиком, устроила вокруг них пробежку. Несколько раз мы покидали базу, но перейти границу проводники-чеченцы так и не решились. После Нового Года, когда пал Грозный, азербайджано-дагестанская граница была перекрыта пятью кордонами федеральных войск. От дороги в поле, словно "линия Китчинера" в англо-бурскую войну через каждые пятьсот метров тянулись блиндажи, закопанные в землю БТР, проволочные заграждения. Оставался только путь через горные реки - вброд, рискуя отморозить гениталии. Мы были готовы рискнуть, но чеченцы и турки "обломились". Что для нас было лишь очередной военной авантюрой и возможностью стяжать славу, для них составляло предмет жизни, в конце концов, это была их война.

На базе к нам присоединилась и вторая группа, пытавшаяся пройти через Абхазию, собственно, через контролируемый грузинами анклав в абхазской Сванетии. Попытка не удалась, помешало пустяковое недоразумение с норвежскими или шведскими наблюдателями от ООН. Пришлось возвращаться. Группу, которая пыталась добраться через Грузию, повязали в аэропорту Тбилиси. Но полицейские, бывшие "мхедрионовцы", поверили орденским книжкам ребят, воевавших в Абхазии, свистнули "своего" таксиста, приказали везти в парламент. Один из охранников у входа оказался уже более компетентным, припомнил и командира "Дмитрия с усами", доложил выше. По причине позднего времени Джаба (Иоселиани) гостей не принял, но выслал своих мордovorотов на иномарках отвезти ребят на базу "Мхедриони". В то время Тбилиси в территориальном и социальном отношении разделялся на две зоны: "светлую", в которой было электричество, и "темную", в которой оно отсутствовало. Штаб "Мхедриони" - реквизируемый двухэтажный особняк за высоким забором, располагался в последней. Пришельцы долго сигналили, кричали, пока на балкон не выползла какая-то фигура и не начала в ответ потрясать автоматом. Наконец договорились. В честь гостей был спешно накрыт стол: чача, кабачковая икра, рыба в томатном соусе. В то время телефонная связь в Тбилиси была затруднена и наши всю ночь звонили по знакомым бабам. Утром поехали к Джабе. Грузины

были пьяны, но похмелиться не забыли. Сползли в машины, те не заводились, оказалось - нет бензина. Размахивая автоматом, тормознули кого-то проезжавшего мимо, конфисковали с пол ведра бензина. Тбилиси выглядел из окна машины, как никогда живописно. В парках - срезанные деревья, их растаскивают на топливо. Во дворах горят костры. На приезде украинцев "Мхедриони" неплохо поднялись. Останавливались у каждого бензовоза, пытались говорить по-украински: показывали на гостей - "украинули джари" (груз. украинские военные). Собирали со всех деньги и бензин. Джабы в парламенте еще не было. Вооруженный "сучкой" САКС-74У, охранник смотрел телевизор. Наши заснули прямо на диванах. Минут через тридцать их начали будить. "Джаба, Джаба идет! Ребята пройдите в эту комнату".

На обратном пути, вновь квартировали в темной части города. Хозяин, выпив чачи, раздобыл и позволил пострелять с балкона. Метров за сто пятьдесят, в освещенной части города, горели фонари. Унсовцы расстреляли несколько, прежде, чем кто-то открыл ответный огонь во тьму. У хозяина дома было довольно обычное для грузина оружие: АКМ, карабин обр. 1938г., малокалиберная винтовка. Пистолет - "Иномарку", он почему-то не показал. За праздничным столом, "мхедрионовец" Ираклий сказал тост:

- Ребята, мы будем вас ждать. Когда сойдет снег - пойдем на Абхазию! - И подарил книгу "А зори здесь тихие".

Но снег в горах, как известно лежит долго. Только осенью 1997г. мы объявились в Абхазии, уже без "Мхедриони".

В конце концов все добирались в Чечню через Россию. В блокаду это было значительно легче, чем после войны.

"Путь воина прям, как полет бумеранга. "

Дмитро Корчинский

В начале июня 1995 г. пожилой мужчина с короткой седой бородой, украшавшей благородное породистое лицо, прогуливался аллеей старого ботанического сада при Киевском университете. Внезапно он остановился и медленно опустился на землю. Его глаза помутнели, лицо побледнело. Это был сердечный приступ. Прохожие положили его на лавку. На ней он и умер. Это был патриарх Владимир (Василий Романюк). Я очень хорошо знал его. Когда-то, когда его еще не выбрали патриархом, мы ездили с ним в Ивано-Франковскую область, в горные районы. Там была его родина. Он хотел вдохновить местных православных на усиление борьбы с греко-католиками. Еще в австрийские и польские времена, известные своим упрямством гуцулы, сохраняли православие. Греко-католикам удалось достичь существенных успехов уже в лишь девяностых годах. Я взял два десятка хлопцев. Мы объезжали села. В каждом мы собирали людей в клубах. Епископ Владимир выступал первым. Суть его речи всегда сводилась к одному: духовные центры украинского народа не могут быть ни в Москве, ни в Ватикане; необходимо составлять списки католиков и передавать нам, мы будем с них спрашивать, для чего они хотят продать неньку-Украину, кроме того, всем необходимо вступать в УНСО. После него выступал я и старался хоть немного успокоить перепуганных людей. Его проповеди в церквях сразу превращались в политические речи. Его вообще не столько интересовала вера, сколько борьба за веру. Это был наш человек. Он терпеть не мог поповщины и всего, что с нею связано, содомии и сребролюбия. Когда он умер, после него не осталось ничего, что можно было бы разделить, ни имущества, ни собственности, ни денег. На столике возле его кровати всегда валялось

что-нибудь из книг мадам Блаватской или Гюрджиева. Библии я там не замечал. Еще он считал, что церковная служба слишком затянута. Он много сидел в тюрьме, сначала за бандпособничество, потом - за принадлежность к автокефалии. Его выбрали патриархом после смерти Мстислава. И вот он тоже был мертв и его следовало похоронить. Учитывая престиж церкви это нужно было сделать или в Лавре, или в Св. Софии. Власть возражала и предлагала место на Байковом кладбище. Этим она давала понять, что считает Владимира мирянином и не признает Киевский Патриархат за церковь. На совещаниях по поводу похорон я настаивал на самовольном захоронении в Софии. Мне казалось нецелесообразным атаковать Лавру. Ее нижняя часть принадлежала Московскому патриархату. Безусловно, могло бы возникнуть столкновение, что дало бы возможность ментам представлять свои действия как предотвращение межконфессионального конфликта. София не принадлежала никому, там был государственный музей, короче говоря конфликт показывался во всей чистоте как конфликт между церковью и безбожным государством. Центральной фигурой снова оказался Филарет. На последнем соборе он был выбран на удивительную должность заместителя патриарха. Киевский патриархат успел внести много нового в развитие православия. Этим он мне и нравился. Я предлагал Филарету поэкспериментировать с альбигойством, но он не соглашался. Все клирики ужасные консерваторы.

Настал день похорон. Гроб стоял во Владимирском соборе. Утром начали собираться люди. Подъезжали священники и верующие из других областей. Я собрал своих человек двести. В заалтарной части все время тусовались какие-то депутаты, епископы, пришел бывший президент Кравчук. Все предлагали разное. Филарету звонили из администрации президента, предлагали похоронить именно здесь, возле Владимирского собора. Ни президента, ни премьера в это время не было в Киеве. Они не хотели брать на себя никакой ответственности. На хозяйстве остался вице-премьер по каким-то экономическим вопросам Роман Шпек. Я взял кого-то из Епископов и поехал к нему в большое темное здание кабинета министров.

- Клир и верные церкви настроены похоронить Святейшего в Святой Софии - сказал я, - Возьмете ли Вы на себя ответственность за приказ разогнать похоронную процессию?

- В Софии невозможно никакое захоронение - ответил он, - мы предлагаем вам выбор: Байковое или Владимирский собор.

- Вы берете на себя ответственность за бойню? - настаивал я.

Он ответил что-то невнятное. Выходя от него, я понял, почему под эту ситуацию подставили именно его. Оно было такое никакое, что если бы что-то произошло, никому в голову не пришло бы требовать от него ответа. Он заведомо не способен был принять ни какого решения.

Я возвратился в Собор. Там всем этим заранее испуганным придуркам удалось уговорить Филарета не идти на конфронтацию и согласиться на захоронение здесь. Только вынести тело для чего-то к памятнику Шевченко и там отслужить еще одну панихиду.

Впрочем, настаивать и на этом решении ни Филарет ни синод не решались.

"Нужно выносить тело" - сказал я и дал приказ хлопцам образовать живой коридор. Образовалась большая процессия и, когда мы вышли на Владимирскую улицу, то повернули к Софии, а не к Шевченко, и почти сразу же столкнулись с кордоном милиции. Они были одеты в шлемы и бронежилеты и прикрывались щитами. УНСОвцы перебежали в голову колонны и несколько минут готовились к

прорыву. В качестве тарана были использованы секции металлического ограждения, которым, очень неосмотрительно, милиция пыталась укрепить свою оборону. Милиционеры отбивались резиновыми дубинками и густо поливали наши головы "черемухой". Наконец милиция была прорвана и толпа двинулась по Владимирской. Во время столкновения очень смело проявили себя священники из западно-украинских парафий. Свободно мы дошли к площади Богдана Хмельницкого и расположились перед колокольней Св. Софии. Ее ворота были заперты изнутри. За ними было несколько сот человек ОМОНа. Началась служба, запел хор. Я приказал хлопцам взять клириков и гроб в кольцо. Кто-то еще ездил в кабинет министров договариваться, кто-то звонил в администрацию президента - все было напрасно. Время от времени из-под ворот толпу протравливали газом, так что епископам пришлось служить панихиду, натянув на лицо платки. Я попросил принести ломы и лопаты, которые накануне были спрятаны в нескольких местах неподалеку от площади. Прямо в асфальте, под стенами колокольни, мы начали долбить могилу. Часа за два мы ее выкопали. Панихида все еще продолжалась. Было уже под вечер. Я заметил передвижение и суету в милицейских подразделениях. Я протиснулся к Филарету и сказал ему: "Прекращайте, нужно немедленно хоронить". Гроб на скорую руку заколотили и, когда стали опускать в могилу, милиция начала наступление. Слышали, как генерал, который руководил ее действиями отдал приказ: "Толпу бить, УНСОвцев калечить". Ворота растворились и оттуда двинули сотни ОМОНовцев - основное направление атаки было поддержано еще и с левого фланга вдоль стены. Нас всех хватило всего минуты на полторы сопротивления. В их головы полетели куски асфальта и камни из могилы. Отбивались лопатами, при этом героически себя проявил кое-кто со священников. Несколько человек руками засыпали могилу, пока их били по спинам резиновыми дубинками. Толпа побежала по площади. Милиционеры догоняли задних, сбивали на землю и долго топтали. Тех, кого им удавалось захватить, они затащивали в ворота и били там. Наконец, вся площадь была очищена от толпы и взята в кольцо милиции. Около сотни человек собралось в стороне. Чтобы ободрить их, я организовал небольшой митинг. Темнело. Вероятно, милицейское начальство не знало, что делать дальше. Или вытаскивать гроб из могилы, или оставить все как есть. В этот день они все время не успевали за изменениями ситуации. Им доносили, что Филарет и Синод колеблются, поэтому они не ожидали, что толпа решительно пойдет в прорыв. Они не могли вообразить, что могилу начнут долбить прямо под стенами колокольни, поэтому сначала считали своей основной задачей не пустить процессию на подворье Софии. Пока они согласовывали с Кабинетом Министров и администрацией, что делать в новых обстоятельствах, могила уже была вырыта. Пока они готовились к атаке, гроб опустили. Наконец, начальниками на горе было принято то решение, которое принимается всегда: оставить все, как есть. Милицию убрали с площади. В темноте мы подошли к могиле, досыпали ее и прослушали последнюю за этот день короткую службу. Филарет без посоха (его погнули в драке), растрепанный, держался молодцом. Я сказал всем нашим основным на всякий случай не ночевать дома, поскольку считал возможными аресты. Несколько наших, которых захватили на площади, всю ночь истязали в Шевченковском райотделе. Интересно, что в издевательствах активное участие принимала женщина-следователь. Через два дня я встретился с министром внутренних дел. Его назначили незадолго до этого. Он не захотел разговаривать один на один и, входя в его кабинет, я увидел там, кроме него, кого-то из заместителей и какого-то "примусоренного" депутата, который начал первым: "Министр в отчаянии оттого,

что случилось. Если бы вы знали, какой это добросовестный человек! Перед вашим приходом мы уговаривали его не подавать в отставку". Глазами он приглашал меня присоединиться к этим уговорам. "На вашем месте, господин министр, - сказал я, - я немедленно подал бы в отставку". "Будете на моем месте, тогда и подавайте!" - взорвался он. Мы несколько минут порывали друг на друга, и я вышел, попытавшись хлопнуть дверью (она была массивная и это не очень удалось). Это был типичный омоновец с красной мордой. Все время, пока мы разговаривали, меня не оставляло ощущение, что он ждет минуты, пока я уйду, а тогда вытащит из-под стола каску, щит и дубинку, оденет это на себя и подбежит к зеркалу покрасоваться.

На том дело в целом и завершилось. Выступая впоследствии на большом митинге над могилой патриарха, я говорил: "Первые дни после побоища на Софийской площади, власть боялась, что все, кому досталось по голове - депутаты, руководители партий, церковь - призовут народ к гражданскому неповиновению, к восстанию. Но от всех этих людей мы слышали только их старую мантру "сохранять спокойствие, не поддаваться на провокации". Когда завтра на площади будут насиловать их жен, они сохранят спокойствие и вы услышите от них тоже самое - "не поддаваться на провокации". И все же победа возможна. Нам дали по голове, однако патриарха похоронили там, где указал я, а не там, где хотел президент. Власть впервые столкнулась с организованным, упорным своеволием народа. Я хочу, чтобы впоследствии на этой могиле было написано: "Здесь лежит патриарх Владимир. Он сидел в тюрьме, служил в церкви, а день его похорон, стал днем его триумфа".

БАЛКАНСКИЕ УЗЛЫ

Роевой Шкипер

Основным инструментом войны на Балканах все же являются регулярные вооруженные силы, а не банды, как во многих прочих локальных конфликтах. Что представляют собой Югославская народная армия. Армия Республики Сербской в Боснии и Герцеговине. Армия Республики Сербская Краина. Армия Республики Босния и Герцеговина. Армия Республики Хорватия? Очень длинный список (почти как список кораблей из "Иллиады" Гомера). Ограничимся единственной Армией Республики Сербской в Боснии и Герцеговине, в которой я имел честь служить в звании поручника и должности "офицер-рачурач" (вычислитель). С признанием международным сообществом Хорватии, Боснии и Герцеговины как независимых государств, новая Югославия была вынуждена вывести свои войска из этих стран. Однако значительную часть своих материально технических запасов ЮНА (бывшая НОАЮ) оставила местному сербскому населению. На основе континента сербских резервистов и этих запасов были созданы базы местной обороны, для сопротивления хорватским правительственным войскам усташам - националистическому ополчению. Результат превысил все ожидания. Сербы Краины захватили почти треть Хорватии, а боснийские - больше семидесяти процентов территории, собственно, Боснии (без Герцеговины). Кроме переданных ЮНА вооружений, широко использовались мобилизационные запасы оружия, обмундирования и тяжелой техники, сил местной самообороны, предназначавшиеся ранее, для развертывания в случае массовой агрессии со стороны Варшавского Договора.

Офицерские и унтер-офицерские кадры состояли из местных жителей, служивших после окончания училищ и военных школ в родных городах и селах. Прочие приехали сюда служить, осели, приспособились, или, просто, не хотят, или не могут (некуда) уехать. Все эти люди, почти автоматически, по собственному желанию, перешли из ЮНА в ВРС. Нехватка кадров, уже после первых же боев была ликвидирована за счет отличившихся солдат - прирожденных и признанных подчиненными пехотных командиров. Офицерские звания присваивались так же выпускникам офицерских школ и военной академии Республики Сербской в Баня-Луке (военные выпуски). Моральное состояние офицерского корпуса весьма высокое, сербы были готовы умирать за свои завоевания, а уж убивать и подавно.

Организационно ВРС и Г состояло из Главного штаба (тыловой пункт управления - ТПУ в Хан Пьесак, Главный командный пункт - ГПК в Пале, передовой командный пункт - ПКП в Сараево) и из корпусов.

Саравско-Романийского (осада Сараево, участки Олово-Кладань, Хан-Пьесак и др.), Дринского (Горажде, Ржета, Сребреница, прочее Подринье) 1-го, 2-го, 3-го Краинских. Каждый корпус состоял из 4-8 бригад. Пехотная (легкопехотная, горная) бригада насчитывала четыре, пять батальонов.

Механизированная бригада, это почти тот же советский мотострелковый полк, в замысле, но не в исполнении - танковый батальон и два мотострелковых батальона. В танковой бригаде - два танковых и один мотострелковый батальоны. Все бригады имеют свою артиллерию: артиллерийский дивизион, зенитный дивизион, противотанковый дивизион или батарею. В корпусе, дополнительно имеется и корпусная артиллерия и противотанковый резерв, дивизион или полк, в зависимости от степени важности занимаемого им участка фронта. Имелись и армейская артиллерия, также противотанковый резерв - бригада. Естественно, были и армейские, корпусные, бригадные подразделения связи, саперные, МТО, ремонтные, прочие.

На вооружении "пешадиe" (пехоты) находились "Юго"- варианты автомата Калашникова и РПК, оба калибра 7, 62x39. Калибры 5, 45x39 и 5, 56 НАТО в Югославии не прижились. Единый пулемет 7, 62x54 RM 80 - копия ПК, но почему-то каждый укомплектован оптическим прицелом. Снайперская винтовка Zastava 76, калибров 7, 62x54 R, 7, 92x57, 7, 62 НАТО - нечто среднее между СВД, АКМ и румынской FPK. Единый пулемет M53 на базе немецкого MG42 и карабин M48, оба калибра 7, 92x57. Самозарядный карабин M59/66A1, как и автоматы M70, приспособленные для стрельбы винтовочными надкалиберными гранатами "тромбон". Ручные противотанковые гранатометы, легкие разовые RBR80 по образцу американского LAW72, прицельная дальность стрельбы 250 м, практическая - до 300м. Так же тяжелые по образцу "Карл Густав" (один вариант) или "Фольгоре" (другой вариант), практическая дальность стрельбы до 600м. Безоткатные орудия калибров 82 и 105мм. Противотанковые ракетные комплексы двух типов: советская старая "Малютка" 9K11, производившаяся в Югославии по лицензии и "Фагот" с полуавтоматическим режимом наведения. Противотанковые комплексы в самоходном варианте, включали "Малютку" на колесном шасси М-69 и на гусеничном шасси М-80. Системы весьма действенны и применяли их достаточно грамотно, чего нельзя сказать о других локальных конфликтах. Пехота имеет минометы калибров 60 и 80 мм. Последний значительно совершеннее советского М82, и имеет в полтора раза большую дальность стрельбы.

Для передвижения на поле боя в механизированных бригадах и некоторых ротах моторизованных бригад имелись бронетранспортеры М69, по образцу

БРДМ-2, но длиннее и с десантными люками в бортах. Вооружение - в небольшой башне два пулемета 12, 7мм "Браунинг" М2НВ и советский лицензионный ПКТ. Двигатель дизельный, скорость по шоссе - 70км/час, запас хода по топливу - 750км. Другой вариант "борбенный вуз пешадије" М-80, гибрид советской БМП-1 (мотор, коробка передач, бортовые фракционы, система управления) и немецкой "Мардер" (высокий корпус, амбразуры для оружия, башня с 20мм автоматическим орудием, ПКТ и двумя "Фаготами", в первом выпуске - одной "Малюткой") Танковые части и подразделения сербов имели на вооружении до 60 танков Т-34, использовавшихся в основном, как САУ, около 180 Т-54 и Т-55 собственного производства, с весьма усовершенствованной броневой защитой, лицензионные Т-72 - до 40 единиц, и новые Т-84 - максимально модернизированные Т-72 - до 20 единиц. Ремонт и обслуживание танков, восстановление их после боевых повреждений производились силами собственной промышленности в Сараево, Баня-Луке.

Огромную роль сербов Боснии и Краины играла артиллерия. Еще с Первой Мировой войны сербы зарекомендовали себя весьма умелыми артиллеристами. Вплоть до 1941 г. 80% артиллерийского парка составляли французские орудия и 20% русские, собственно, хорошо известная нам из фильмов о гражданской войне "трехдюймовка". В девяностые годы "разномастность" артиллерийского парка, как самоходной, так и буксируемой артиллерии значительно возросла. Системы управления огнем были как российского так и западного происхождения, с которыми сербы при отсутствии электронно-вычислительного обеспечения, управлялись весьма профессионально, я бы даже сказал - органически. Они просто хорошо приспособились к этому за долгие-долгие годы. И вся артиллерия, в том числе и зенитная, имела "работу" все, находилась в хорошем техническом состоянии.

Сербь приспособились использовать оружие со всего света, приспособляя его к своим нуждам и частично, модернизируя. Приведу пример. На базе старого американского танка М4А2 "Шерман" сербы создали самоходное орудие калибра 90мм. "Шерман" против современных танков, как и Т-34 ничего поделаться не может, однако, зачем добру пропадать. Поставили новый "топ" (орудие сербск.) новый дизельный двигатель, новые гусеницы с резино-металлическими шарнирами и резиновыми подушками на траках, чтобы асфальт не портить. Вот тебе и "новейшая" артиллерийская самоходная система. Действуют такие орудия наряду с СУ-100 и Т-34, весьма удачно. Экипажи хорошо подготовлены. Каждый твердо знает свои обязанности. Стреляют, как с закрытых огневых позиций, так и прямой наводкой. Выскочат, задавят одну-две цели, истратив не более четырех-пяти снарядов и скроются в "заклон" (Укрытие сербск.). Результат очевиден: мусульмане, которым нечем ответить или разбегаются, или прекращают огонь, или бегут жаловаться французам. Ну и, конечно же, несут иногда потери.

Больше всего, после Советского Союза и Украины, меня поразило то, что за столько лет хранения технику не раздербанили, все сохранилось, даже танковые аккумуляторы, к образцам времен Второй Мировой войны. И еще впечатляет, как грамотно использовали технику сербские воины запаса, а ведь никакого военного образования, кроме месяца-двух военных сборов они не имели. Какой разительный контраст с российскими "контрактниками", которых позднее приходилось наблюдать на Кавказе. Пьяное быдло и только. И они еще хотят называться нацией. Я отклонился от темы, однако по моему Балканскому опыту, никакая они не нация, как и большинство украинцев, а - дерьмо. А чего заслуживает дерьмо по логике вещей? Чтобы им удобряли землю. И не остается

ни памяти, ничего. Только потом понаезжают эксперты международного сообщества и начинают копать в перегнутое "массовых захоронений жертв сербского террора!" Сами сербы не обращают ровно никакого внимания на множество собственных "преступлений против человечности" и, поэтому, являются нацией и будут существовать.

Надеждой и сильнейшим аргументом сербов была их артиллерия. В войну она была многочисленна, но разнотипна, однако сербы весьма органично использовали этот разнотипный калибров и типов артиллерийских систем. Также существование двух систем угломера - советской (60-00) и английской (64-00). Все системы буксируемой артиллерии - собственного производства, за исключением старых американских систем, проданных Тито, после 1948 г. за символическую цену, когда американцы выводили свои войска из Австрии и Италии, а тащить эти гаубицы за океан было себе дороже. Надо признать, что эти "старенки" (старушки, сербск.) себя полностью оправдали. Но из буксируемых систем конечно же наиболее популярна "Лицензионка" Д-30, являющаяся системой корпусной артиллерии. Применялась часто даже по-батареино, на ответственных направлениях. Дальность ("домет" по сербски) - 16 км., в местных условиях вполне достаточна. Не нужно переставлять станины. Круговой обстрел - 360 градусов обеспечивает неограниченный маневр огнем по направлению. Из старых артсистем широко применялись ЗИС-3 (образца 1942г. - 12км. калибр 76мм, дальность 14км.), М-30 (образца 1938г. 112мм - 12км.), М-46 (образца 1950г. 130мм - 27км.), МЛ-20 (образца 1931/37г. 152мм - 18км.), А-19 (образца 1937г. 122мм - 20км.) из более новых Д-20 "Нора" (152мм - 18км.) Д-74 (122мм - 24км.), самоходная 2С1 "Гвоздика", закупленная в России. Так же для стрельбы по наземным целям применялись и зенитные пушки времен Второй Мировой войны: советская калибра 85мм (образца 1939г., немецкая - 88мм (образца 1937г.), шведская "Бофорс" калибра 40мм, автоматическая, в кассете - 10 снарядов. Орудия выкатывали на прямую наводку, они действовали весьма эффективно. Широко применяли, выпускавшиеся по лицензии советские противотанковые пушки (образца 1962г. калибра 100мм) и полевые пушки БС-3 (образца 1944г. калибра 100мм).

Однако, все действия сербской артиллерии - это действия в горах.

Таблицы стрельбы - горные, "долет" снаряда, несколько больший, чем на равнине. Огневые позиции минометных, гаубичных, а временами даже и реактивных батарей, хорошо скрыты в складках местности и не могут быть обнаружены даже при ведении огня. Только при помощи технических средств возможно было бы выявить местоположение батареи, ведущей огонь. Однако, ни радиолокационных ни звукометрических станций не было ни у самих сербов, ни конечно же у мусульман. Оставался только один способ, выявление стреляющей батареи противника ночью, с помощью секундомера. Однако тут были нужны специалисты, закончившие артиллерийское училище, или хотя бы просто имевшие интеллект и желание. Боюсь, однако, что сербы в данном случае не имели ни того, ни другого.

Следует сказать несколько слов по реактивной артиллерии. Она вся сербского производства, под реактивный снаряд калибра 128мм, с дальностью полета 12км. Были разработаны 30-ствольные буксируемые и самоходные, на базе автомобиля ГАМ-150 системы залпового огня. Специфику составляли одноствольные ПУ - контейнеры, применявшиеся в артиллерии легких пехотных и горнопехотных частей. Установки переносятся одним пехотинцем, до сотни их собирают на отдельном участке. Каждая наводится отдельно. Исчисляют метеопоправки, после чего двумя-тремя группами, по 2-4 снаряда производится

пристрелка, после чего дают "сальву" (залп. сербск.). Масса таких установок, через третьи страны была продана моджахедам в Афганистан. Теперь эти ракеты вернулись на югославский фронт. Их употребляют, хотя и не так массово, как сербы, боснийские мусульмане. Они же наладили и собственное производство.

Тактическая особенность применения сербской артиллерии - ее децентрализованность в смысле размещения огневых позиций. Наиболее широко, в управлении огнем и для организации взаимодействия применяются подразделения: расчет, взвод, батарея. Огонь массируется очень редко, только в исключительных случаях. Ввиду дефицита топлива для маршей, вырабатывалась и своеобразная дислокация. Размещение артиллерии - позиционное, а не кочующее, как это предполагается при наличии сильной контрбатарейной борьбы. За батареей, огневым взводом, даже отдельным расчетом, закрепляли отдельное число целей на переднем крае и в глубине вражеской обороны. При этом обеспечивают хорошую, по сравнению с советской, проводную и радиосвязь. Несмотря на широкую децентрализацию, ввиду позиционного характера боевых действий, штаб артиллерии не только бригады, но и корпуса мог вызвать даже отдельную глубину и поставить огневую задачу. И максимум за 5 мин. по указанной цели открывали огонь. На действия сербов сказывалось и то, что некоторая часть их артиллерии находилась под надзором международных сил, тогда именовавшихся UNPROFOR.

Позитивным фактором было то, что сербы могли позволить себе иметь по две, а то и три смены. Пока одна, приблизительно на 10 дней пребывала на передовой, остальные готовятся к боевым действиям, отдыхают, занимаются боевой подготовкой. Но даже на передовой сербские артиллеристы не особенно отягощают себя полевыми условиями жизни. Квартируют расчеты в хатах на околицах сел, отдельно стоящих "викендницах" (Дачах) и прочих комфортабельных местах. Конечно, в пехоте и в артиллерийских подразделениях, стоящих на прямой наводке, инженерное обеспечение проведено в полном объеме и расчеты живут в блиндажах. *A la gnerre, comme a la guerre.* Даже "посада" (экипажи сербск.) танков или самоходок, за исключением дежурных наводчиков и командиров, пребывает в блиндажах. К слову, местные сербские "батюшки" в местах дислокации артиллерии охотно приходят на огневые позиции благославлять. Любимым развлечением для них является дернуть за спусковой рычаг - выстрелить по "турку". Мусульмане в захваченных сербских селах обычно вешали священников на колокольнях за кресты. Веревку привязывали за крест.

Касательно стрельбы с закрытых позиций, то она действительна только в том случае, когда огонь корректирует свой командир батареи (взвода). Иначе, сербы, часто густо валят без корректировки по населенным пунктам, взяв с карты какую-либо определенную точку, перекрестиям дороги или командным высотам. Приемы корректировки огня отличаются и от наших - той же "улитки" и от западных. Корректировщик выдает на огневую позицию отклонение разрыва снаряда от цели, взятое с обратным знаком в метрах, не только по расстоянию, но и по направлению! По направлению - так же в метрах! И это, однозначно, для всех способов пристрелки. Другая особенность: в сербском "руководстве по огневой службе" для каждой артсистемы утвержден свой определенный угломер. Например, для излюбленной Д-30 он составляет 7-00 и только 7-00 во всей сербской армии! И третье: всегда применяется единый угломер, по коллиматору или по пикетам (пропуск в тексте), не берется местный предмет за точку наведения. Это значительно облегчает работу и старшему офицеру батареи и

вычислителю. Кстати, вычислитель у Югославов - офицерская должность. Он, в принципе, и исполняет в батарее почти всю интеллектуальную работу. Функции прочих офицеров - "кукарекать", то есть озвучивать, данные для стрельбы, подготовленные вычислителем.

Тактика зенитчиков, от вьетнамской, или советской, в принципе не отличалась. Разве, что сказывался сильно пересеченный рельеф местности. Средства ПВО, особенно ПУ зенитных ракет, поэтому, практически неуязвимы, если конечно, не ставить их нарочно на открытом месте. В ПВО, как и в артиллерии, сербам не хватало средств выявления, так же хорошо подготовленных специалистов. Однако, простые задачи они способны были решать и поэтому представляли собой, как и во Вьетнаме, некоторую угрозу. Сбитые над Горажде "Хариеры" и "Миражи" - достаточное тому свидетельство. В конце признаю, что за все время общения с сербами, я не проникся к "братушкам" горячей любовью, скорее - наоборот.

Дмитро Корчинский

Дальнейшая судьба Шкипера была печальна. Вернувшись в родное Закарпатье, с товарищами он решил зачем-то подорвать какого-то местного уголовного авторитета самодельной бомбой с дистанционным управлением. Бомба взорвалась в машине, когда они везли подкладывать ее под этого авторитета. Видимо, радиоустройство, соединенное с детонатором, сработало от блуждающих токов, как это иногда случается с самоделками. Водитель машины погиб на месте, а Шкипер убежал. Он приехал ко мне и попросил, чтобы я его спрятал. Я пристроил его у знакомых уголовников в Херсонской области на берегу Азовского моря. На солнышке у этого негодяя развязался язык. Всем знакомым девкам он рассказал, какой он замечательный боевик. И при этом хвастался техническими подробностями. Они особенно возбуждающе действуют на девственные умы дилетантов (дилетанток).

В то время менты пребывали в напряжении. Искали, кто подложил бомбу под нового премьер-министра. Шкипера брала киевская группа, прямо на пляже. Человек пятьдесят с автоматами. Блокировали и со стороны моря. Водолазы лапами шлепали по берегу. Самое выдающееся событие в истории города (уже не помню, как он там называется).

- Не дам ни копейки на адвоката, - сказал я. - Он сам хотел сесть и все сделал для этого.

Славко

Балканские походы дали УНСО целый ряд способных разведчиков нелегалов. Первым в их ряду надлежит назвать некоего Кольбаха. Человек феноменально трусливый, он даже в Киевсовет умудрился быть избранным дважды. Филологические, в частности мнемонические способности этого блондина, позволяли ему выгладеть своим среди представителей динарской расы. Сами балканцы имеют собственные представления о том как должен выгладеть человек той или иной национальности. Оно и понятно, быть смуглее черногорца, к тому же они до сих пор носят фески (или что-то вроде фесок). Поэтому, у них каждый рыжий "прави турок".

* ГЛАВА 6. МЕЖДУ ЧЕЧНЕЙ И БЕЛОРУССИЕЙ *

МЫ ПОКИДАЕМ БАМУТ

Владислав Дождь

Весь гарнизон "бессмертной крепости Бамут" (так это называлось на официальном языке дудаевцев) во главе с комендантом гордо именовался батальоном и состоял (накануне падения "крепости") из 78 человек. Инженерно-строительные работы выполняли плененные солдаты срочной службы, последний списочный состав - 89 человек. К моему прибытию система обороны была уже создана и постоянно совершенствовалась. Основу ее составляли не какие-то шахтные ПУ, а обыкновенные ходы сообщения, протянувшиеся между Верхним и Нижним Бамутом. Длина их достигала нескольких километров, а перекрытых участков (в 3-4 наката) - многие сотни метров. Согласиться с утверждением пропаганды о том, что Бамут был уничтожен на 80%, можно лишь с учетом подвалов, которые и составят пресловутые 20% сохранившихся сооружений. Подвалы были капитальные, одно- и двухэтажные: они служили нам при бомбардировках лучшей защитой, чем хилые "блиндажи", в которых мы обитали.

К весне 1996 г. Бамут был пуст. Его население, кроме нас, состояло из одичавших котов, сбившихся в стаю. Во главе, которой стоял... пес Джек, о котором еще будет сказано.

На вооружении гарнизона на момент штурма находились 2 ПУ ПТУРС "Фагот", 2 АГС, 1 противотанковое орудие калибра 85 мм, 1 миномет калибра 82 мм, 1 автоматическая пушка, снятая с БМП-2 и переделанная в носимую однозарядную. Парк танковых средств состоял из двух "Нив" и двух УАЗов. Жемчужину "коллекции" составляла персональная "Нива" коменданта. Белая машина была расписана надписями "Police". Наверху красовались две мигалки и мегафон. Под ними щит с надписью "Военная Police". Был еще танк, но у него незадолго до моего прибытия при стрельбе разорвало орудие.

Гарнизон именовался батальоном, но в составе его я могу выделить из общей массы боевиков разве что "комендантский взвод" - 22 человека из числа окружения командира, с которыми он ел и спал, отдельно от прочих. Командир любил вести с нами интеллектуальные беседы, ибо говорить с остальными было буквально не о чем. Список требований к окружающему миру у рядового малолетки составлял: занять "шестисотый мерс" и "поймать" Наташу Королеву (пользуясь, случаем, хотелось бы предупредить певицу о существовании подобных намерений).

Книг они не читали. Меня за знания взрывчатых веществ окрестили "физиком", напарника (неизвестно за что) - "химиком".

Возможности "военно-учебного" воздействия на чеченцев весьма ограничены. Держалась вся эта "группень" благодаря прирожденным качествам командира. Есть такие вполне мирные с виду люди, которые, попадая подчас случайно на войну, обнаруживают, что родились именно для этого.

Прежде наш командир воевал в Абхазии. Я тоже, но он посоветовал не распространяться об этом во избежание проблем с "кровниками", ибо кое-кого из чеченцев в Абхазии настигла-таки "меткая унсовская пуля". Мне хотелось бы выразить признательность нашему командиру. Свой долг он выполнил, и нас, почти всех, оттуда вывел. Но не будем забегать вперед.

В прессе принято много говорить о "тейпах", но никакого отчетливого родового членения у боевиков я не заметил. Люди делились скорее на "группы

по интересам". Большая часть боевиков - это малолетки из горских селений. Выглядели они весьма экзотично: американские камуфляжи, белые гольфы, соломенные шляпы с рекламой "Jupi"...

Вооружены автоматами АК-74. У всех пистолеты. Особой популярностью пользовались АПС (до 3500 долларов США), меньшей ПМ, ТТ и револьверы "Наган". За все время я видел только один кавказский кинжал - у старика. Все остальные носят ножи "Рембо". Количество боезапаса на бойце самое разное: от двух до 30 (!) запасных магазинов. Патронами (просто так) не делятся. Из

(**)30 снаряженных магазинов АК-74 весят более 20 Кг [Примечание публикатора]

прочего оружия - отмечу две "личных" СВД командира: одну он всегда носил сам, другую доверил только нам, украинцам. Мы с ней никуда бы не сбежали, в отличие от местных.

Подразделение не было спаяно. Между малолетками из-за пустяков возникали ссоры, все часто шелкали затворами. Систематическая боевая подготовка отсутствовала, но ввиду длительной практики чеченцы хорошо держались под огнем, и в составе подразделения были вполне способны совершать простейшие тактические маневры.

Несмотря на ограниченное воздействие цивилизации, а может, и благодаря этому, чеченский боевик поголовно держался очень "гонорово". Отношение к русским - традиционно презрительное. Переговоры ни с кем ниже генерала наш комендант не вел. Приведу один пример:

- Кто говорит?

- Генерал... Яковлев.

- А по имени-отчеству вас как? (Чеченцы очень вежливы в обращении).

- Григорий Семенович (условно).

- Педераст вы, Григорий Семенович. И что удивительно - русские сносили и "переговаривали" дальше.

Следует отдать должное и приверженности чеченцев обрядам ислама. Намаз даже под огнем, в окопах они совершали пятикратно. Когда я впервые увидел, как они снимают куртки, обувь, все снаряжение, откладывают даже ножи, я подумал, что они собираются врукопашную (ибо такое намерение выражалось неоднократно). Тогда я тоже стал творить единственную известную мне молитву "Отче наш", чтобы Господь отвратил их от этого намерения.

Знакомство с тяжелым пехотным оружием у чеченцев было весьма поверхностным. Ударная мощь "крепости" зиждилась на редкой способности командира точно наводить "Фагот". Еще со времен незабвенной срочной службы в "железной" дивизии я встречал весьма мало людей, обладающих этой способностью.

С тех пор, как во время обстрела Бамута "Градом" удалось подбить одну из установок в момент ее перезарядки, нас беспокоила только авиация. Вероятно, русские "по проводкам" сообразили, что мы обладаем управляемым оружием.

Как и везде, основную нагрузку подавления противника нес на себе РПГ-7.

У чеченцев так же, как и в Абхазии, сложилось странное убеждение, что кумулятивные гранаты большого калибра являются осколочными.

В комендантском взводе мы, украинцы, составили расчет РПГ. Всего за время моего присутствия федералы потеряли под Бамутом 2 танка и 3 БПМ.

Борьбу с бронетехникой противника облегчало то, что на нас бросили "безактивки" - танки Т-80 без активной брони. Танки с активной броней, как водится, защищали штабы. Чисто случайно из ДШК удалось сбить один чрезмерно

снизившийся СУ-24.

Как я сказал, допекали нам только авианалеты. Чеченцы опасались их, но сперва относились к бомбам с чисто восточным стоицизмом: "Услышишь - откатись туда под дувал, попадает - не попадает... ". Но очень скоро налеты стали предметом куда большего внимания.

Средством ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения, связи) служил все тот же пес Джек. Многократно израненный во время прежних налетов, он научился определять опасность на слух. Пока Джек лежит, подняв ухо, все спокойны, но как только он бежит в убежище (обыкновенный подвал) - все бегут за ним. При этом вытаскивают бедного пса наружу, чтобы следил за обстановкой...

Пытались мы вести огонь и из единственного миномета. Как и все попытки обслуживать групповое оружие, это выглядело весьма красочно:

- Аллах акбар! - Мину кидают в ствол. Я уже собираюсь добавить сакраментальное "Воистину акбар", когда обнаруживаю (на слух), что "не совсем акбар": накола нет. Пока минуту вытряхивают из ствола, я на всякий случай отхожу.

- Кидай сильнее! - Мину швыряют в ствол. Хлопок. Долгое ожидание разрыва.

- На Москву пошла... Я проговариваюсь насчет вероятной причины.

- А вы колпачок снимали? - но тут же прикусываю язык. А вдруг они будут вытряхивать из ствола и вторую мину?

Гранатами чеченцы глушили в реке рыбу. Минами и взрывчаткой не пользовались вовсе. Поэтому первоначально мои робкие попытки провести занятия были встречены без понимания. Но все переменялось. Как-то я заметил, что один джигит обматывает заряд тротила детонирующим шнуром и присоединяет к нему МУВ (натяжной взрыватель мгновенного действия), и вмешался... Чеченец воспринял новость о ДШ философски:

- За четыре секунды я уже буду далеко.

По сути, я был согласен с ним (очень далеко!), но все же настоял на том, чтобы дернуть за шнурок из укрытия...

Мин чеченцы имели массу и всяких. Среди них много МОН. Обычно они сбрасывали на них гирю, чтобы проверить действие. Я заминировал единственный сохранившийся мостик через реку (до этого мины не ставили год). Некоторые выражали свое неудовольствие: теперь им приходилось преодолевать реку вброд. Положение изменилось, когда на mine подорвался какой-то "кацапчук".

Основным разведывательным средством для нас был телевизор на аккумуляторах. Из "Новостей" ОРТ мы узнавали много нового о себе, в том числе, что нас 800-1000 человек и где мы базируемся... Войсковая разведка с обеих сторон сводилась к тому, что мы согласно обоюдной договоренности спускались к реке, обменивались новостями, купались и расходились.

Пропаганда много твердила об иностранных наемниках, Кроме нас двоих (не наемников!) пятеро наших были еще у Басаева, который их очень ценил. За все время я видел только одного "интернационалиста" - кабардинца. Но с ним произошла печальная история. Он задумал "дезертировать" (что значит дезертировать из такого сборища, я не знаю). Его поймали, "опустили" и поставили готовить пищу для пленных. Жил он возле Джека, когда его заставляли что-либо подавать, требовали мыть руки.

Бытовая брезгливость и чистоплотность чеченцев в военном быту весьма похвальны, если не доходят до абсурда. Так, группа потеряла троих уже когда "каналы" из Бамута: они остановились на речке обмыть гениталии. Мы вовремя

почуяли самолет и спрятались в кусты. После чего уважение к нам как знатокам военного дела со стороны чеченцев только возросло, но было уже поздно. Отношение "прочих" чеченцев к боевикам лучше всего иллюстрирует тот факт, что даже хлеб они продавали боевикам за деньги.

Дождались мы и гуманитарной помощи от короля Саудовской Аравии. Его Величество расщедрился на казахстанский рис и вермишель аналогичного происхождения. Кто и сколько на этом заработал, ведает только Аллах. Так что на смену знаменитой грузинской сладкой вермишели без масла у нас был сладкий рис.

В этой связи вспоминается виденная мною в Казани сценка. Как известно, ночью цена на водку в ларьках (в Казани, во всяком случае) поднимается. И вот недовольный покупатель бросается на продавца с криком: "Свинья, мы же с тобой оба мусульмане! "

Посетил нас и "моджахед". Заезжая знаменитость была облачена в американский камуфляж с короткими рукавами. По причине незнания чеченского языка, изъяснялись по-русски. Поиграла три часа в нарды и убралась восвояси! На пути перенимания зарубежного опыта комендант закупил для приближенных порядочно таких же battle dress и отдельно для своего водителя - пилотский combydress.

Основной базой снабжения для нас служили расположенные по соседству с Бамутом "погранцы". Они продавали боеприпасы, и даже оружие. Правда, драли безбожно. Популярный среди чеченцев АК-74 с полным "джентльменским набором" (подствольник, глушитель, оптический прицел) стоил ни много, ни мало 1600 долларов США. Меня удивляла такая точность калькуляции: вероятно сотня шла посреднику.

Никакой связи с никаким вышестоящим командованием не существовало. Связь с соседними населенными пунктами поддерживали конные посыльные. В батальоне имелись и 2 радиостанции "Кобра". Они были захвачены в ходе успешного боя с "Витязем".

Это элитное подразделение поразило всех совершенно "киношной" тактикой. Шли как каппелевцы в психическую атаку: в полный рост клином, с боков бронетехника. Потом на поле боя я насчитал до 20 убитых и тяжелораненых. Фурор у чеченцев вызвал офицерский бронезилет "Маркиз". Чеченский юноша начал палить в лежащего на земле раненого очередями из АПС. Тот пополз. Юноша за ним (малое пробивное действие и сумасшедшее рассеивание при стрельбе из АПС в автоматическом режиме известны). Потом чеченцы стреляли по бронезилету из АК, СВД, ПК, ДШК и, наконец, выбросили.

Обычно боевые порядки федеральных войск в наступлении строились следующим образом. Первая линия - "полугодовалые" солдаты срочной службы, вторая - "Годовалые", за ними контрактники, следом офицеры. Контрактники внешне отличимы благодаря черным платкам и обнаженным торсам.

Обычно они осуществляют функцию заградотряда и косят из ПК налево направо. Контрактников ненавидят, чеченцы берут их в плен весьма неохотно. К обычным "срочникам" отношение совсем другое. При мне в плену некоторые побывали по два раза, и я не видел, чтобы пленных били или издевались над ними иным образом. У пленного сразу смотрят канал ствола автомата. Если чистый:

- Иди, "Колян", бери свою лопату.

В бою федералы держатся по-разному. Каждому, кто воевал, известны "необъяснимые" (для гражданских) перепады в боеспособности. Чечня - не Абхазия, особо не окопаешься. Я видел даже бруствера из тел павших, которые

сооружали оставшиеся в живых.

При отступлении федералы бросают убитых, бывает раненых, всегда можно найти на поле боя "Осу", "Шмель", но только не автомат. Вероятно, существует какой-то приказ об ответственности за утерю личного оружия, и он действует.

(Я уже упоминал о беседе с генералом Яковлевым, она состоялась после того же боя с "Витязем" - чеченцы "торговали" двадцать убитых. Связь осуществлялась по коду 27-64.)

Единственной наступательной операцией чеченцев при мне было нападение на позиции русских. Неделю продолжалась "разведка". Численность противника оценивали в роту. Когда наехали, оказалось, что не меньше батальона. Мы потеряли до 10 человек, потери федералов тогда оценили, как водится в сто. Недостаток муштры ведет к тому, что чеченцы плохо адаптируются к быстрой смене обстановки. Помню, как они запаниковали ночью при виде "точечных огней" на автоматах "Витязей". Как же, видно, сколько много врагов и как они "окружают! "

Я тогда сказал коменданту:

- Понимаю, что "лампочка Ильича" сюда не дошла! Но мы-то с вами цивилизованные люди, знаем, что такое электричество.

Хотелось бы воздать должное простому русскому солдату. Обычный "Колян" поддержал репутацию православного воинства своим стратотерпением. Собственно, "шестимесячники" взяли Ачхой-Мартан. Взяли за полчаса. Перед этим и они полночи пробирались к центру села от дома к дому. Там под мечетью спали чеченцы - и все смылись.

Изменение атмосферы вокруг Бамута мы почувствовали уже вечером в блиндаже. Ошибаются те, кто думает, что чеченцы говорят сплошь по-чеченски. Конечно, пресловутое генеральское "по радио слышна чистая русская речь" преувеличение, но количество русских слов вполне достаточно, чтобы уловить смысл разговора. Итак, мы "спали", а чеченцы сошлись на том, что пора "качать воздух".

Утром мы побежали... Белая "Нива" и два УАЗа были уже под горой у речки, а в Бамуте все еще продолжался бой. Кого с кем? Мы сошлись на мнении, что "контрактники" перестреливаются со "срочниками". Говорят, такое случалось не раз.

Штурм Бамута продолжался с 19 по 24 мая 1996. По данным Геннадия Трошева потери ОГВ при штурме составили 52 человека, из них 21 убитыми. [Примечание публикатора]

Мы остановились в пещерах и там "демобиловались". Сдали оружие, командир выплатил нам деньги. Чего-чего, а денег хватало. Даже "опущенному" кабардинцу, когда того поранило при авианалете и того верхом поволокли в горы, в госпитале передали с курьером энную сумму денег. Кабардинец, правда, предложил все деньги курьеру. Взамен попросил только, чтобы тот никому не говорил о его местонахождении.

Комендант, по моим расчетам, располагал в Бамуте суммой миллиарда два российских рублей. Раздача Ельциным 100 миллионов рублей русским его нисколько не удивила. "Я могу десять таких помощей оказать".

После Бамута сам командир и группа непримиримых, вместе с которой он "свалил", решили пробираться... в Крым. Километрах в сорока от пещер у моста через речку наши проводники остановились - "почувствовали засаду".

- Давайте вернемся, а завтра на конях переедем.

Но мы отказались. Трое чеченцев и нас двое перешли мост. В селе за

рекой, как водится, у кого-то нашлись родственники, и нас свели с гор. В аэропорту Минеральные воды, в разорванных выше колена спортивных штанах, я выглядел более чем подозрительно. Поэтому, даже не удивился, когда на нас "наехала" милиция. Оказывается, в их крае за пребывание без разрешения было введено наказание - 10 суток ареста или 10 минимальных зарплат. Благо, в современной России, как некогда в государстве Хеттов, почти от всего можно откупиться. Милиция польстилась на мои четыреста долларов. Меня отвезли на вокзал, купили плацкартный билет до Киева, и отпустили!

Всего в боях за Бамут, чеченцы потеряли 6 человек, включая тех троих в речке. Какие потери понесли УНСО в Чечне? Мне известны только два случая. Басаевцы убили какого-то выдающегося "контрактника" с невероятной татуировкой. Наш, тоже любитель этого дела, пошел посмотреть. В руинах его и накрыло авиабомбой, не смогли откопать.

Вторым, уже летом, когда я находился на Украине, пропал без вести Виталик Шевченко. Тогда в недрах политического руководства возник вполне авантюрный план, обменять троих заключенных в Белоруссии "Унсовцев" на группу российских пленных. Виталик, человек невероятно, почти "книжно", порядочный, очень страдал от своего бессилия и невозможности помочь товарищам, поэтому, без колебаний и без какой-либо проверки, вызвался на предложенную авантюру.

К концу войны охота на людей приобрела самые массовые масштабы. Любой, самый ничтожный выкуп, позволял "охотникам" из состава различных российских "силовых структур" не чувствовать себя в окончательных дураках. Уже потом, эту практику похищений приняли чеченцы. Сейчас на Северном Кавказе никто не отказывается от подобной добычи, тем более, когда она сама плывет в руки. Забегая вперед, скажу, когда в ноябре 1997 г. мои менее удачливые товарищи оказались в изоляторе местного УВД в Нальчике (Кабардино-Балкария) его начальник, некий Сулейман, прямо заявлял:

- Вы знаете, во сколько мне обходится их содержание?

Благо начальник строил дом и готов был удовлетвориться самой скромной суммой в 3 тысячи долларов США (за 11 человек). В противном случае он обещал "уступить" задержанных федералам. Как я подозреваю, уступка эта так же должна была состояться не бесплатно, а, например, в обмен на неких местных задержанных российской стороной.

Вообще на Северном Кавказе довольно остро стоит проблема идентификации противника. Подчас жизненно важно знать, является ли данное "лицо кавказской национальности" сотрудником правоохранительных органов и чьих именно. Ни камуфляжи, ни кокарды советской милиции не позволяют отличить чеченских милиционеров, от ингушских или дагестанских. В Дагестане, к слову, возрождена феодальная концепция продажи "патентов". Чтобы стать милиционером следует заплатить не менее трех миллионов старых российских рублей: по 400 тысяч обойдутся медкомиссии или форма, значительно дороже, удостоверение и оружие. Естественно, что вложенные средства спешат возместить, поэтому на проезжих дорогах и разыгрываются классические сцены.

Пробираясь в Чечню через Дагестан вторично, я в качестве пассажира большегрузного "КАМАЗа", развлекал водителя анекдотами, чтобы тот не уснул. Когда в сумерках, на дороге возникли какие-то вооруженные люди. К моему удивлению водитель даже не притормозил, только несколько раз показал в ветровое стекло крест-накрест сложенные руки.

В ответ на мое тревожное:

- А, если пальнут? Дагестанец только усмехнулся.
- Это милиция, я им показал, что еду пустой (и на взятку они могут не рассчитывать).

- А, если они захотят проверить?

- Они на рессоры смотрят. Если машина сидит низко, значит груженная.

Благословенный XVI век, "что с воза упало..."

О самом Бамуте остается добавить лишь несколько слов. Пса Джека убили после штурма, его шкуру в качестве военного трофея повез куда-то на родину то ли в Рязань, то ли в Воронеж, какой-то предприимчивый контрактник. После захвата Бамута русскими на инженерном фугасе значительной мощности подорвалась КШМ (командно-штабная машина) командира батальона. Да, перед бегством из Бамута, все запасы мин и взрывчатки, были превращены мною в фугасы большой мощности, чтобы добро не пропало. НО если кого-то разрывает бомба, то это уже ее проблемы, а не того, кто ее ставил. К слову, безжалостно убитый победителями Джек перед этим отбил у саперов их ученую овчарку. Говорят, у нее был выводок прекрасных щенков. Жизнь продолжается!

Дмитро Корчинский

Мы пробовали пропагандировать военнослужащих Федеральных Сил. Мы решили воздействовать на их генетическую память аллюзиями власовской армии. Подобно Дудаеву Власов тоже был генералом и патриотом евразийства. Мы распространяли такие листовки.

СОЛДАТЫ!

Вы холодны, голодны, раздеты, но в пределах Садового Кольца лежат самые тучные пастбища в мире. Родина изнывает под гнетом жидов, комиссаров и дистрибьюторов. Пятьдесят лет назад доблестная германская армия показала вам путь к освобождению. Вступайте в Русскую Освободительную Армию (РОА). Вы будете обеспечены довольствием. Обмундирование и паек в соответствии с нормами Вермахта. В РОА нет неуставных отношений и межнациональной розни. В ваших солдатских книжках будет скромно записано "Auslander" (иностранец). Каждый, кто явится на вербовочный пункт в Хасавюрте, ул. Ленина 4, со штатным оружием или доставит офицера, получит должности в тылу и заградительных отрядах, наряду с калмыками и прочими казаками. Вступайте в Русскую Освободительную Армию бригадного генерала Салмана Радуева!

Что есть предметом философии? Во времена марксистско-ленинской обстоятельности и определенности - это была наука о наиболее общих законах развития природы и общества. И это было хорошо, спокойно. Но не долго. Будет ли законным поставить вопрос так: есть ли что-нибудь кроме природы, а в сфере человеческого - кроме общества? Две природы, например. Только ли законы есть в развитии? Возможно есть место для фундаментальной случайности, для беззакония? И как только мы так ставим вопрос, мы выходим за пределы определения, оставаясь в пределах философии. И что в результате?

"Рассуждения о всеобщем с точки зрения всеобщего". Это очень верно.

Философия занимается прилагательными, в отличие от натурфилософии, которая занимается существительными и глаголами.

Над нами смеются. Человеку бросают мелочи, оставляя в неопределенности относительно важнейших вопросов. Я хочу знать свой диагноз относительно

рака, а мне все время говорят про прыщи. И я начинаю подозревать наихудшее. Сразу, как только человек отходит от предметно-конкретного, от мелочей, он попадает на холод. Абстракции агрессивны.

Существует вульгарный образ философа. Благостный старичок, который где-то там сидит и философствует в спокойствии, пока трудящиеся тачки таскают. На деле, никакого спокойствия там нет. Философия - это экстремальные умственные состояния.

Рассказывают, что Лютера спросили: "Что делал Господь до того, как создал Мир?" Тот ответил: "Сидел в лесу и резал розги для тех, кто интересуется этим вопросом".

Ставя последние вопросы, человек ощущает боль.

В Киеве есть институт философии. Меня всегда это ужасно сместило. Я воображал себе группы старших и младших научных сотрудников, которые сидят в бочках, как Диоген, медитируют и получают розги за запрещенные вопросы.

Философия - не наука. Наука предусматривает возможность экстраполяции.

Если соблюдать условия А, и Б, то результат будет В. Скажем, астрономия может вычислять местонахождение Юпитера на орбите на каждую минуту вперед.

Уже, например, экономика - не наука. Она не может экстраполировать исходя из собственного категориального аппарата. Что может экстраполировать философия?

Навряд ли экстремальные состояния бытия вообще поддаются систематизации.

Философия пребывает между системами - это умственное пограничье. История философии больше интересна истории, чем философии. Я мог бы вообразить

целесообразность подобного института разве что в качестве редакционного органа, который заботится о гигиене словоупотребления. Безусловно,

"Субстанция" у Николая Кузанского и она же у Гегеля - это две совсем разные неопределенности относительно своим функциям в метафорах. Однако, оба обязаны отличать субстанцию от субстрата.

Один раз в эпоху можно увидеть огненные слова на стене, но делать своей профессией экспертизу стен на наличие пророчеств - это стать профессиональным священником (профессиональным мошенником).

Философии втрое больше в Лукьяновской тюрьме, чем в институте философии.

В это время министром юстиции был Василь Онопенко. Я терпеть не могу юриспруденцию и чиновников и поэтому до сих пор не понимаю, как он оказался в этой компании. Его попросили подойти на совет национальной безопасности и сообщили, что считают необходимым снять с регистрации УНА в связи с событиями на Софиевской площади. Онопенко ответил, что такая удивительная форма отношений между государством и общественным объединением, как "снятие с регистрации", ему неизвестна. Кроме того, он не хотел бы быть орудием политической расправы. Разговор продолжился у президента. Онопенко заявил, что ему это надоело и он подает в отставку. После того, как он это сделал, УНА была делегализирована решением какого-то заместителя. Это сразу сделало всех нас уголовными преступниками. По украинским законам, руководство и участие в нелегализованном общественном объединении, угрожает сроком до 12 лет лишения свободы с конфискацией имущества.

Я собрал своих депутатов (трех верховного совета и нескольких местных советов) и послал их на голодовку протеста возле администрации президента на Банковской улице. Через два дня в Киев должен был прибыть израильский премьер Ицхак Рабин. Перед его приездом Президент спустился к голодающим и попросил их уйти, пообещав разобраться и восстановить справедливость.

Мне пришлось согласиться, поскольку мои депутаты уже давно скулили и

мечтали вернуться в тепло, к еде. Я чувствовал, что мне придется прессовать их, а в этой ситуации не хотелось ставить под угрозу единство рядов. Я собрал пресс-конференцию и заявил, что через неделю протесты будут возобновлены.

Аноним

Любая администрация имеет свой шарм. Я полгода добивался приема у Руденко - генерального прокурора СССР в последние годы его жизни. Наконец, добился, вошел. В кабинете сидит за столом обезьяноподобное существо в кителе. Я начал путано излагать суть дела, но где-то на половине убедился, что оно меня не слушает. Существо встало из-за стола, отошло в угол кабинета, справило там малую нужду, вернулось, обратилось ко мне:

- Хорошо, сынок, какая на улице погода?

Я перепугался до смерти. Секретарь в приемной ехидно поинтересовался:

- Ну, как, решили свой вопрос?

Это Карамзин начал придавать смысл чьему-либо правлению, административной деятельности вообще "Князь такой-то, собиратель русских земель". Чуть собачья! Иван Грозный только к концу жизни узнал, что Сибирское ханство теперь его. Кучум больше не приходил из-за Камня, доносы "о разорении" не поступали, чему князь поначалу был немало удивлен.

Дмитро Корчинский

Через неделю депутаты и еще десяток добровольцев из областей, взяв матрасы и одеяла, снова пошли на Банковскую улицу. Там их встретил кордон милиции. Нам заявили, что к администрации никто не будет пропущен. Тогда я решил расположить голодающих на Площади Независимости. Это наиболее людное место в Киеве, следовательно - наиболее выгодное для политических акций.

Они расположились по-цыгански живописной группой, обставившись плакатами с лозунгами. Сразу они были окружены милицией, которая оставалась вокруг них круглосуточно, на протяжении следующих трех недель. На следующий день все, кроме депутатов Верховного Совета, были арестованы и оперативно приговорены к разным срокам административного заключения. Их место сразу заняла следующая группа добровольцев. И так пошло дальше. Раз в день происходил арест. Место арестованных занимали новые. Небольшая живая волна. Всего через Дарницкий спецприемник прошло около двухсот человек. Я понимал, что для поддержания духа наших людей, мне, как руководителю, необходимо разделить их судьбу. В один из дней я пошел на площадь, зашел в кольцо милиции и сел на матрац перед одним из наших депутатов. Через некоторое время подошли автозаки, милиция накинулась на голодающих, которые пассивно сопротивлялись, сцепившись руками. Последним взяли меня и отвезли в Старокиевский РУВД.

Там я сначала пообщался с начальником управления общественного порядка города, потом меня отвели в кабинет начальника РУВД. Вскоре туда зашла женщина-судья. Я попросил бумаги, чтобы внести обычные ходатайства. Она усмехнулась и сказала, что осуждает меня на пятнадцать суток. Я снова оказался в клоповнике на Ремонтной улице. Соседние камеры были набиты нашими хлопцами, однако мне не давали с ними контактировать. Они продолжали голодовку в тюрьме. Мне тоже пришлось отказаться от пищи. Тюремное

начальство было уже крайне уставшим от ежедневного наплыва нашей буйной публики. Хотя все камеры были переполнены, со мною сидели только двое крайне опущенных субъектов. Я развлекался чтением газет. Один из моих сокамерников, со страхом взял одну из них, долго крутил ее в руках, потом признался, что отдельные буквы он еще разбирает, однако читать у него не выходит. Заскучав, я стал требовать, чтобы меня перевели в какую-нибудь другую камеру с более веселой компанией. Меня перевели напротив. Там был какой-то рэкетир и, взятый на горячем, домушник. Они были поражены тем, что мне по первому моему требованию приносили чайник с кипятком. Один из них уже восемь суток требовал себе йода, Я сказал, чтобы принесли и через пять минут у нас был йод. Мои сокамерники смотрели на меня настороженно. Я организовал их на уборку камеры, после чего домушник сделал из бумажек карты и мы стали играть и рассказывать друг другу разнообразные истории.

Иногда ко мне приходили поговорить милиционеры. Кроме всего прочего, они рассказывали о том, как вело себя в этих самых камерах "Белое братство". Они были по-настоящему буйные. Они отказывались принимать что-либо от охраны. Они как-то баррикадировали двери камер изнутри, употребляя только собственную мочу. Ни одного шага никто из них не сделал самостоятельно, в другие камеры и на допросы их приходилось носить. Я был в восторге.

В это время врачи одной из больших киевских больниц взяли шефство над арестованными УНСОвцами. Некоторых им удалось выдернуть в больницу. Услышав, что арестовали меня, они стали требовать, чтобы им дали возможность меня обследовать. Они выдумали мне какой-то диагноз и отвезли в больницу.

Начальство с облегчением отпустило меня.

На следующий день я уже был дома. Акция продолжалась еще немного, но под конец третьей недели она перестала вызывать интерес прессы, поэтому я решил прекратить ее.

Впредь мы существовали в полулегальном состоянии.

Как-то я решил немного систематизировать пропаганду. Я считал возможным заменить программу стилем, но книжники и фарисеи все время предъявляли мне неопределенность экономической доктрины УНСО. Необходимо было заткнуть им рот. За изготовление экономической программы взялись Владимир Солопенко, который незадолго до этого вернулся с Дальнего Востока и Рудольф Машура - весьма колоритная личность. Вскоре после опубликования их произведения оба трагически погибли. Это был знак судьбы. Если мы хотим победить сначала нужно добиться победы нашей терминологии, наших понятий, нашего способа смотреть на мир. Ситуация никогда не должна описываться экономическими категориями.

Солопенко разбился на машине. Рудольфа Машуру расстреляли из пистолета-пулемета. 19 пуль в теле. Он умер еще до того как упал. Он был наилучшим в Украине специалистом по всему, что касалось ценных бумаг. Он удерживал в голове тысячи законов, постановлений, директив, правил, прецедентов и оперировал всем этим как художник.

Он взял в аренду землю в районе Никольской слободки и под мутные строительные проекты выпустил какие-то хитрые акции на 170 миллионов долларов. Он крутил этими акциями как фокусник, заполнял ими уставные фонды банков, менял на векселя, давал в залог, платил долги. Короче человек напечатал себе на 170 миллионов денег. Он готовил вторую эмиссию на 250 миллионов долларов, но его убили. При жизни он поддерживал отношения со всеми бандитами города Киева. И, по-моему, многих обманывал, хотя трем из них платил по 5000 долларов в месяц. Все они бросились делить его

наследство, но ничего не нашли. Богатство - это не килограммы, это ситуация, которую богат особым образом организует вокруг себя.

Машура был похож на Всемирный банк. Его операции имели ту же природу. Самые большие в мире доходы берутся из воздуха. Банки сберегают и оборачивают пустоту.

Производство пустоты не менее необходимо мировому хозяйству, чем производство энергоносителей.

Тем временем на Украине брала нас за горло гнетущая стабильность. Мы ощущали себя, как немцы после Вестфальского мира. Где-то бурлила жизнь, где-то вожди и герои творили историю, где-то оружие привыкало к людям, а у нас была стабильность - мертвечина. Однако, более благоприятная ситуация складывалась в Белоруссии. Там Лукашенко понемногу внедрял диктатуру. А где есть диктатура - там актуализируется революция.

На десятую годовщину чернобыльского взрыва оппозиция в Минске готовила массовые мероприятия. Я решил, что мы могли бы их радикализировать. Белорусы были готовы страдать за идею, необходимо было их научить убивать за идею.

Я отправил в Минск несколько групп (всего несколько десятков человек).

Они добирались разными путями. Единственное, что я говорил им на прощание - "провокация, репрессия, революция". Одну из групп задержали в небольшом белорусском городке и, продержав двое суток, депортировали. Все другие добрались. Там они организовали стычки с ОМОНОм, перевернули две милицейские машины, сумели превратить заурядную демонстрацию в предисловие гражданской войны. К сожалению, продолжения не произошло. Жизнь переполнена предисловиями и предтечами. Нечему писать послесловия, некому воскресать. Большинству наших удалось удачно выскользнуть из Минска, однако семь человек были выловлены и обвинены в организации массовых беспорядков.

Мы старались поднять волну возмущения в Украине, активизировать прессу и правительство. Все неудачно. Давая в те дни пресс-конференцию, я говорил: "Нация не определяется границами, не определяется языком, не определяется политическими институтами, она определяется только национальной солидарностью. Нация, как человек, который может быть насколько угодно умным и развитым, однако, если она лишена простых инстинктов удовлетворять голод, жажду, реагировать на крик "Наших бьют!" - он погибнет".

Мы продолжали провокации в Белоруссии. Нашей задачей было поселить в головах молодежи идею о необходимости террора. Мы массово засылали в Минск и другие города инструктивные и пропагандистские материалы.

О РАЗВЕРТЫВАНИИ НАРОДНОЙ ВОЙНЫ

1) Задание оккупационных властей Белоруссии не допустить превращения политической ситуации в военную. Мы ставим перед собой противоположную задачу. Через восстание, к победе войны! Никакой стратегии, никакой тактики, никакой болтовни по программным вопросам. Слова разъединяют - действие объединяет. Враг наступает - мы отступаем, враг замешкался - мы тревожим, враг остановился - мы бьем, враг отступает - мы наступаем!

2) Боевые действия в Чечне выявили полную непригодность наемных формирований, представляющих собой всевозможные ОМОНЫ, СОБРы, Титаны, Витязи, Беркуты (и прочие "петухи"), которые, столкнувшись с организованным сопротивлением, бегут, бросая даже своих раненых. Как немецкие каратели и полиция, новые оккупанты воюют только с гражданским населением. Поэтому,

угрозы ОМОНОм пусть забьют себе в задницы!

3) Подготовка к боевым действиям требует начального вооружения. Ввиду начала охотничьего сезона в августе месяце надлежит уже сейчас изучать охотничьи угодья, маршруты электропоездов, посты милиции на станциях, дорогах, в населенных пунктах. Необходимо в первые же два дня начала охоты разоружить как можно больше пьяных "охотников". Действие водки усиливается растворением нескольких таблеток "клофелина" (так чтобы вкус не был очень заметным). Клофелин снижает давление и объект безболезненно для него засыпает.

4) При нападениях надлежит подготовить алиби, тайник для оружия, одеваться неприметно и одинаково, иметь сменную одежду и обувь. Приемы нападения отрабатываются до автоматизма. Пути отхода должны быть заранее пройдены, а не только намечены.

5) Изымаются ружья, патроны, документы. Особо через сельскую агентуру надлежит выявлять браконьеров, нарушителей правил охоты, те не сразу "расколются".

6) Критерием допустимости любой боевой операции есть безнаказанность ее участников. Поэтому ее планируют исходя из максимальных шансов на успех. Двух ружей для группы из 3-5 человек вполне достаточно.

7) Охотничье ружье по раневому действию "накоротке" превосходит армейское и милицейское оружие. Ранение грудной клетки или живота при стрельбе с 1-3 м смертельно. Дробью 7-5 (на уток) стреляют до 1 метра. Дробью 3-1 (на зайца) до 3 метров, дальше картечью 6-8 мм или пулями. Стволы обрезают на длину отъемного приклада 45-50 см. Приклады не обрезают! Стволы легко режутся слесарной пилой, при этом в тиски зажимают ту часть, которую отрезают.

8) Хранят оружие так: отдельно стволы, отдельно приклады, отдельно патроны. Оружие никогда не хранят дома, никому тайник не показывать, особенно подружкам.

К месту акции оружие подносят пособники и они же его относят. При малейшем риске, после операции оружие "скидывают" на месте. Поэтому, никаких следов, отпечатков пальцев, ниток, прочего. Ружье можно применить даже держа его в целлофановом мешке, нащупав через мешок спусковые крючки.

9) Стреляют первый раз, целясь в солнечное сплетение. По цели в бронежилете - по ногам. Второй раз стреляют в голову. Выстрел из дробового оружия идентифицируется только по компонентам патронов (пыжам, прокладкам, гильзам). Все это легко запутать меняя патроны. При стрельбе из мешка не остается и порохового нагара на руках, одежде.

10) Охотничьи ножи, как и любые другие, непригодны в боевых целях.

Оружием служат заточенные отвертки. Их можно держать в рукаве или завернутыми в газетку и бить, не снимая ее. Удары наносят с фиксацией жертвы (держат и бьют). Удары по свободной цели без подготовки неэффективны. Удары наносят сзади, в область почек; спереди - сверху вниз: в шею под ключицу; снизу: вверх - в пах.

20 мая 1942 г.

НАЧНИ РЕВОЛЮЦИЮ С СЕБЯ!

Не беда, что нет сил пойти штурмом на президентскую администрацию. Пусть пока не хватает духа проткнуть заточенным напильником продажного

судью, который засудил тебя на 5 суток за демонстрацию.

Несу и что с того, что ты один.

Каждый способен на маленькую революцию. Узнай в справочной службе телефон прокуратуры, позвони туда из автомата и сообщи им, что скоро произойдет национальная революция и их повесят за ноги, как и всех представителей режима, который они защищают.

Оскверняй портреты Луки везде, где они тебя попадают. Пиши на стенах надписи, унижающие честь и достоинство этого козла.

Когда такого рода деятельность войдет в моду, половина революции будет уже сделана.

Мы нашли во Львове коммерческую радиостанцию, которая выходила на средних волнах и от безденежья дышала на ладан. За несколько сот долларов мы договорились о трансляции ежедневной часовой передачи на Белоруссию. В радиопередачах широко использовались культурологические ассоциации, например:

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ

В соответствии с Сейнт-джейской и московской декларациями, а также Уставом международного военного трибунала комиссия по делам военных преступлений на оккупированной территории Белоруссии объявляет о создании регистра военных преступников, подлежащих суда военного трибунала.

В соответствии с местным параграфом Устава международного военного трибунала в преступлениях против мира, военных преступлениях, преступлениях против человечества обвиняется номер первый Александр Лукашенко - глава оккупационной администрации. Подобный прецедент имел место в ход деятельности предыдущего международного военного трибунала в Нюрнберге. Тогда по делу проходил обвиняемый в"-- 18 Зейс-Инкварт - губернатор оккупированной нацистами Австрии, комиссар рейха в Голландии. Он был признан, как и Лукашенко, виновным по трем пунктам обвинений, и приговорен к смерти. Приговор приведен в исполнение 15. 10. 1946 г. Характерно, что повешение не привело к перелому шейных позвонков. По заключению врачей, смерть Зейс-Инкварта наступила лишь через две с половиной минуты. Он умер в страшных мучениях.

Конечно, следовало бы повесить его ранее, но обратите внимание, ни один пушанский дуб суке не дал (сука не дал) и пришлось болтаться скотине на гнилой российской осине.

Мы успели выйти несколько раз, после чего на радиостанцию наехало СБУ и всех до смерти перепугало. На этом наша радиовойна закончилась. Наша деятельность таки раздражала белорусский аппарат подавления. Одной связанной с нами девушке Минская прокуратура выдвигала обвинение "шпионаж в пользу УНСО". Это тешило нашу гордость. Я мешаю, значит я существую.

К сожалению, все наши усилия не увенчались успехом. В какой-то степени по вине легальной оппозиции. Когда белорусскую молодежь посещала фантазия взять штурмом администрацию президента, на ее пути становился не ОМОН, а дяди из Народного Фронта, которые говорили: "Давайте, мы не будем сегодня воевать, а проведем решительный митинг, на котором примем бескомпромиссную резолюцию. А через неделю соберем еще один митинг". И на каждый очередной митинг приходило все меньше людей. Сложность осуществления революции в Белоруссии состоит в том, что там есть только один революционер - Лукашенко.

КАК Я БЫЛ СЫНОМ ПРЕЗИДЕНТА ЛУКАШЕНКО

Александр Полещук

Постмодернистская история любви

Мы познакомились в Минске в пятницу 26 апреля. Организаторы шествия от БНФ ожидали подхода волгоградского "Витязя" поэтому начало демонстрации задержалось до пяти часов вечера.

На весенней прохладе многотысячная толпа, разбившись на кучки, задумчиво перебирала ногами. В такой остановке невольно обращаешь внимание на женщин. Обратил и я. Как тогда, так и сейчас, вопрос выбора не стоял.

"Третьим декретом Украинской Державы будет определено, что женщины обязаны иметь ноги не короче 110 см". Это единодушное убеждение сложилось еще в Приднестровье, когда очаровательные студентки тираспольского пединститута поражали нас своими формами.

Здесь такая была одна, над толпой возвышалась русоволосая голова на горделивой шее. Белорусские женщины вообще значительно превосходят в развитии местных мужчин. Я чуть было не написал "в красоте", но вовремя спохватился (могут неправильно понять), К тому-же, они отличаются и похвальной склонностью к конспирации. Ни одна из наших спутниц в электричке так и не созналась в цели своего визита в Минск, хотя некоторые лица затем мелькали в митинговой толпе.

Всплеск политической активности среди белорусской молодежи вполне объясним, Отрезанные от бизнеса и преступности молодые люди обоего пола невольно посвящают свой досуг различным идеям. Общая культурная и историческая не хочу сказать - отсталость, но консервативность Белоруссии способствует возрождению таких экзотических для России явлений, как анархисты или даже эсеры. В самом деле, когда ловишь себя на мысли на одной из улочек старого Гродно или рыночных площадях окрестных местечек, то это обычно мысль о польском восстании 1863-64гг. или революции 1905-07гг. в Королевстве Польском.

"Я пабитый, парезанный

Я пашытый, пастреляный

Об коханні сваім недаречным

як зможу, так буду спяваць.

Это местечковое танго стало гимном нашей любви уже позднее. А пока я осторожно приблизился и затеял разговор на извечную тему "Женщина и социализм" (Август Бебель). Особенно упирая на "национальный вопрос в Австро-Венгрии".

Тут прозвучала команда и УНСО двинулось вперед, направляя ошалелые массы сябров на щиты и дубинки ОМОНа. "Любить народ - это водить его (за нос) под картечь". Обязанности командира мигом вышибли из мозгов и образ милой минчанки и мои грешные мысли.

На мосту над автомобильной развязкой мы опрокинули первую баррикаду.

Ничего особенно страшного, три-четыре милицейские легковушки, за ними редкий кордон наспех мобилизованных ППС (патрульно-постовой службы). Даже без касок.

В мгновение ока машины были перевернуты, людское море захлестнуло обороняющихся. Ошалелые от крамольной мысли, что вот оказывается так просто

можно побить "ментов", мирные граждане спешили выместить свои копившиеся годами обиды на блюстителей закона. Возникла давка.

Это вполне понятное чувство ненависти: "наша милиция нас бережет, сначала поймает, потом стережет" помешало нашим тактическим планам. Впереди смутно мерцали шеломы смоленского ОМОНа, Предстояло бросить на стену из щитов нестройный клин соплеменников. Но для этого их надлежало оторвать от последних, еще вяло отбивавшихся милиционеров.

Я смело вклинился в толпу. Впереди всего в нескольких шагах на высоте моих глаз замелькала знакомая строгая юбка. Вытянувшись во весь рост, нависая над головами передних, дама моего сердца яростно колотила ошметками зонтика по головам "эцилопов"... Я невольно схватился за то, что видел и ощутил сталь напрягшихся мускулов, дама вероятно была гребчихой. Она обернулась:

- Так что Вы там говорили о национальной революции?

Клянусь, я опешил, вспомнился Париж, лето 1968 г., прекрасный фильм с Пьером Ришаром, одна из героинь - "Белая Ласточка", неужели и со мной произойдет это чудо: обрести среди всего этого безумия кого-то, кто сможет быть тебе больше, чем другом (я имею в виду женщин). ... И поезд тлеет догорая,

И ты, высокая до звезд,

сквозь заминированный мост

идешь, страх смерти попирая. ... Атака не удалась, мы проиграли

кампанию. В 1410 г. смоленским полкам удалось изменить даже течение Грюнвальдской битвы. На окруженном со всех сторон милицейскими кордонами пятачке еще всю кипели митинговые страсти, когда я принял решение сматываться. "Мы отступаем, и отстающих пусть заберут черти. " Но еще нужно было это как-то организовать. На моих глазах милицейский бобик резко тормознул у одной ничем внешне не примечательной группки пешеходов. Со скоростью зайца "Серый" метнулся под колеса машин. На удачу, "собьют - не собьют", он пересекал одну за другой полосы с весьма оживленным движением. Менты не отставали.

На мгновение я забыл о первейшем долге: спасении священного знамени (собственной шкуры). Так хотелось чтобы "Серый" ушел. Погоня скрылась в какой-то подворотне. "Господи, якщо ты еси... И тут, в третий раз, как в сказке, меня окликнули. Моя знакомая с подругой, как ни в чем не бывало покидала площадь. Я подхватил обеих дам под руки и, чуть громче обычного рассказывая грузинские анекдоты (Гризли? Нэт, руками задавили!), мы миновали кольцо оцепления.

В общежитии нас ожидал чай - "гербата", как говорят на запад от "линии Сталина"

В объятиях этой дамы я и проснулся в субботу 17 октября 1996 г. Глядя в синие сумерки рассвета за окном я какое-то время лежал неподвижно, взвешивая все за и против. С одной стороны жрать в доме было уже нечего, традиционная полуночная "гербата" в виде жиденького чая начинала угнетать. С другой стороны, характер предстоящего занятия и приходящаяся на него дата не оставляли никаких сомнений в исходе мероприятия. "По субботам мы больше не воюем" - гласит один из заветов Провидныка. Именно на этот день приходится наибольшие потери во всех операциях УНСО. "Ну его к черту, может не идти? " Но "идти" было необходимо. Положение обязывало.

На углу Володарского (возле тюрьмы) мои сомнения подтвердились самым недвусмысленным образом. Густые цепи милиции перекрывали тротуары, проверяли

документы у прохожих, шмонали молодежь, а наиболее подозрительных загружали в "воронки". Именно это в годы немецкой оккупации именовалось облавой. В сгустившейся толпе я невольно замедлил шаги, лихорадочно ощупывая карманы. у^Гк, удостоверение "Евразии" - оно с двуглавым орлом, пригодится, удостоверение "Пресса" тоже сойдет, удостоверение референта депутата Верховного Совета Украины. К сожалению, все на разные фамилии. И еще два паспорта. За один из них - грузинский мне дали в морду на винницком вокзале. Всю нелегальщину я предусмотрительно перегрузил на свою спутницу, теперь ее предстояло скинуть, пока напор задних не вытолкнул нас на "ментов". Истошный крик:

- Александр Григорьевич! принудил меня обернуться. Какой-то мужиченка в орденских колодках с разгону бросился мне на шею, в нос ударил запах немытого тела и лука.

- Александр Григорьевич, - теперь уже обернулись и остальные прохожие. Спасительное решение, как водится, пришло мгновенно. Я слегка отстранил ошалевшего от счастья отставника. - Спасибо, спасибо, что победили.

Пока я вновь прижимал старца к груди, сквозь толпу протолкался полковник "Алмаза".

- Собственно, я его сын (Черт! Надо было сказать "племянник").

- Мы тут элементы фильтруем. Можем машину. Александр...

- Александр Александрович

- Спасибо, не стоит, мы тут в кафе собирались, перекусить.

Я хватаю за руку ошалевшую гребчиху и через секунду мы уже впереди, в изрядно проредившейся, но спасительной среде пешеходов. После всего происшедшего, вопрос о том чтобы "идти", отпал сам собой. Два раза на грабли не наступают, даже из идейных соображений.

МИНСК. ЗИМА

Первое впечатление самое верное, ибо не трезвый расчет, а эмоции толкают людей на улицы. Что бы ни твердили аналитики, никакие закулисные махинации не в силах ни вызвать, ни подменить то хмельное чувство свободы, которое одинаково присутствовало и на улицах Минска, и на улицах Москвы, Киева, Грозного, Тирасполя, Вильнюса, Тбилиси. Демократия, если и способна существовать в "чистом виде" то лишь в виду тирании. "Улица принадлежит народу. Не отдавайте улицу врагу". (Фидель).

Как сторонний наблюдатель, я далек от мысли обелять или очернять ту или иную из сторон конфликта. Это внутреннее дело самих белорусов, каждый народ заслуживает своего правительства. Я приехал в Минск за запахом крови. "Папа" Хемингуэй как-то попытался описать запах смерти. Александр Суворов (не фельдмаршал) - запах танка. Для меня свобода - это, прежде всего, холод, смешанное ощущение бессонницы и усталости, возбуждение, которое заставляет забыть о еде, сне, страхе, собственной выгоде. Если все это я почувствую в Минске, можно быть уверенным - там прольется кровь.

Нужно лишь слегка поднапрячься и перетерпеть ночь в плацкартном вагоне.

Есть нечто общее в поездах, идущих на войну. В основном, это электрички, в лучшем случае обшарпанные плацкартные и общие вагоны. При наличии толики счастья и лингвистических способностей ими можно добраться, скажем, до Югославии, без всяких виз и, не прибегая к услугам тайных перевозчиков.

Подпольные пути, соединяющие Европу, существуют, их обыденность - лучшее

тому доказательство. Но сегодня меня больше интересуют пассажиры, а не маршрут. Что удивляет уже при первом знакомстве с белорусами, так это то, что все они знают про УНСО. Президентские средства массовой информации явно перестарались. На остановке в Чернигове, когда в вагон загружается партия украинских "торбешников" невольно возникает напряженная пауза, наконец, кто-то из белорусов решается: - Вы с УНСО?

- Нет, мы с базара.

Вздых взаимного облегчения, но в ходе застольной беседы выясняется, что УНСО в Калуше (Ивано-Франковская область) все-таки есть "Даже милицию бьют". В преддверии границы "челноки" замирают. Украинская таможня с привычным крохоборством лезет во все дырки, не гнушаясь даже помойным ведром у отхожего места. Однако белорусская что-то запаздывает. Наконец, является. Вид совершенно опущенный.

- Вы тут спите, а в Минске жгут...

Какой-то еврейчик вскакивает со своего места и начинает лихорадочно будить соседа, прикрывшего мешки собственным телом.

- Где жгут? Кого? Погром?

- Костры на площади.

- А чего вы документы не проверяете?

- А на хрена...

Так и ушли, пассажиры не смогли уснуть, до самого Минска вглядывались в мокрую тьму за окном.

В минской "трубе" - переходе от метро на площади Незалежности к железнодорожному вокзалу некий художник предлагает всем желающим портреты их астральных тел.

На самой площади толпа, человек в двадцать с национальными флагами. Я на всякий случай приветствую.

- Жыве Беларусь!

- Гарелку будешь? Зачекай, шчас подвезуць... Оказывается, каждый час микроавтобус из ресторана подвозит пищу - бутерброды с ветчиной и водку в стаканчиках из-под "Кока-колы". К этому времени за счет сочувствующих из близлежащих подворотен толпа увеличивается в два-три раза.

Потягивая через соломинку водку с вполне приднестровским названием "Два бусола", я пытаюсь набрать НЗ из бутербродов, но не дают. Наконец, надкусываю два последних, кладу, друг на друга и отхожу. Ну, выпили, закусили, спустя какое-то время на холоде становится грустно.

- Когда еще привезут? Увы, до вечера подкормка, больше не светит. Я беру на себя инициативу.

- У нас в Грозном с флагами бегают.

Белорусы послушно строятся по два. Думаете, побежали? Пошли. Ходили до трех часов дня. Так и родился известный репортаж в "Новостях".

Между тем рассвело. Я покупаю бутылку шампанского и отправляюсь в общежитие университета прощупать настроения студенчества. Мои студентки мирно посапывают в одной постели. Как два котенка (отопление еще не включено).

- Как учеба?

Сыпятся жалобы. Почти треть студентов университета набрана из села без вступительных экзаменов. Оказывается, "такие жлобы, одно сало и самогонка". Подходит время утреннего повтора "Санта-Барбары" На экране вместо Сиси Кетвела президент Лукашенко. В домашнем джемпере, рубашке без галстука, сидя в простом кресле, не мигая, смотрит в глаза телезрителей.

- Трудящиеся жалуются, что с прилавков пропало яйцо. Я выяснил, оказывается, бизнесмены вывозят его в Москву. Так вот, я верну белорусское яйцо на его историческую родину.

И так дважды в день по часу по всем каналам: ОРТ, НТВ, РТР, БТ и Telewizja Polska.

Вполне объяснима горячая любовь, которую испытывает рядовой белорусский избиратель к своему президенту. В магазинах Минска самый дорогой торт "Немига" (с жареными орешками и шоколадной глазурью) стоит всего 2, 5 доллара, килограмм красной рыбы - 1, 8 доллара. На митинге в Гомеле, толпа человек в 200-300 бабушек прорвала символическое оцепление и окружила президента. - Александр Григорьевич, почему вы так быстро уезжаете, побудете с нами... Авторитет Президента в Белоруссии незыблем. По этому поводу рассказывают даже байку. Некая группенька из "Белого Легиона" явилась на военный полигон неподалеку от Минска и предъявила письмо от администрации Президента с просьбой "посодействовать". Молодым людям позволили поупражняться с автоматами, пулеметом, даже РПГ. Через несколько дней все вскрылось - был страшный скандал. "Легионеров" объявили во всеэсенговский розыск, что не помешало им позже пить со мной пиво в Киеве. Руководство полигона затащали в военную прокуратуру.

Неизбежное политическое отступление. Весь сыр-бор с оппозицией в Белоруссии начался по "национальному вопросу". Очень часто символы, форма. Подменяют реальное содержание. Демагог Лукашенко, в сущности, первый после Дудаева революционер, пришедший к власти в отдельно взятой стране. Его приемы, обычная пропаганда, которая до него удавалась многим. Беда в том, что среди "демократических" политиков революционеры отсутствуют напрочь. Аккредитация позволяет мне присутствовать в Верховном Совете как раз в момент ожидания импичмента.

Председатель ВС РБ С. Шарецкий, в дурно пахнущей черной кожаной куртке турецкого дубления, ленивым взмахом руки приветствует сквозь закрытое окно редкую толпу сторонников Верховного Совета.

- Много людей, хорошие люди. Жаль только флаг у них фашистский.

(Справедливости ради следует указать, что в начальный период оккупации бело-красно-белый флаг использовался в качестве атрибута "национального возрождения"). ... Впалые груди, зябкие плечи. Нет, здесь явно не пахнет кровью. Выхожу на улицу. Уже смеркается. На стоянке BMW "пятерка". Почему-то, в странах-наследницах СССР эти машины весьма популярны в управлениях гос. охраны. Шестисотый "мерс" президента Лукашенко - с флажком на капоте, часто появляется в сопровождении одной такой машины, иногда двух - вторая "Вольво". Еще летом на "Славянском базаре" в Витебске унсовцев удивила легкость доступа к августейшей особе. Но, наглость обескураживает: заложить даже небольшую бомбу не хватило ни духа, ни времени. В подобных делах самое непростое - решиться.

Возле БМВ тусуется несколько человек, но это не охранники, а баркашевцы. Один из них узнает во мне старого знакомого из Белого Дома (октябрь 1993г.)

Завязывается беседа на предмет листовок УНСО с рецептами изготовления взрывчатых веществ и самодельных взрывных устройств. Оказывается, и в Белом Доме напалм варили по унсовским рецептам, следы чего сохранились даже в уголовных делах на "защитников". Баркашевец жалуется:

- Вот, один из ваших у меня АКСУ увел.

- Так что, ты его тут ищешь?

- Вообще-то мы тут за деньги.

Вид баркашевского воинства значительно изменился. После того, как часть руководства дорвалась до денег, возникла потребность в "боевиках", для представительства: с арийским профилем, умеющих картинно держаться за ремень. С целью отсеивания, было проведено тестирование на "детекторе лжи" и всех более-менее экзальтированных отшили. Всего в Минске баркашовцев человек двадцать, они выполняют при особе белорусского президента вполне официальные обязанности не то советников, не то информаторов. На площади появляются те, кого я ищу, звучит украинская речь. Но - осечка, пришедшие раздают новенькие визитки "информационной референтуры ОУН" Какой именно, мне не ясно. Сама наследница Степана Бандеры - "пани" Ярослава Стецько давно перебралась из Мюнхена в Киев и хлопочет об избрании в Верховный Совет. Похоже, белорусы тоже разочарованы. Подбегают двое запыхавшихся мужчин,

- Где эти, из УНСО?

- А вы кто?

- Мы военные корреспонденты.

- Я сам военный корреспондент. Они туда пошли. Ухожу в противоположную сторону.

В толпе сторонников мое внимание привлекает знаменосец с необычным стягом: на белом фоне красный конь. Спрашиваю:

- Это кто, поклонники Петрова-Водкина или апологеты "кентавристики"?

- Нет, сторонники социал-демократической партии. Они исповедуют ненасилие, поэтому сняли рыцаря и седло.

УНСО по прежнему отсутствует. Наконец-то есть время сделать паузу и объяснить, что, собственно искала оная организация в Белоруссии.

Для политического радикализма самый опасный момент - это стабилизация общества, пусть даже в падении. Украина так долго падает в финансовую пропасть, самую глубокую, со слов Остапа Бендера, что это уже стало привычным. Таким образом, экспорт революции становится неизбежным. У радикалов, как и у либералов и консерваторов отсутствуют ответы, на насущные запросы нарождающегося общества потребления. Остается насилие, как универсальное средство заявить о себе.

26. 04. 96 во время вполне рутинного черныбыльского митинга. Минск посетили около шестидесяти двух бойцов УНСО во главе с "куриным" Соловьем отставным майором Советской Армии, ветераном Афганистана, Чернобыля, Приднестровья, Абхазии, Чечни. "Унсовцы" возглавили толпу, перевернули несколько милицейских машин, но были остановлены стеной щитов смоленского ОМОНа (Смоленским полкам мировое славянство обязано и победой под Грюнвальдом). По окончании митинга Соловей и еще шесть человек были арестованы, обвинены в "перекрытии транспортных путей" (первый в СССР и СНГ случай осуждения по этой статье). В тюрьме у Соловья обострилась астма, все время следствия он пребывал в полубессознательном состоянии.

Задokumentировано по два вызова "неотложки" в день. Ингалятор забрали при аресте сотрудники правоохранительных органов, однако, даже минской милиции, едва ли не лучшей в бывшем Союзе, не удалось "расколоть" унсовцев. В свою очередь, Киев ответил массовой пропагандой террора. "Мученики" из УНСО стали кумирами некоторой части местной молодежи, вполне малочисленной, для того, что бы занести бомбу в универмаг "апеллировать к Сатане" (Д. Корчинский). Но, похоже, все это еще только предстоит.

Пока разыгрываются более привычные карты. Поговаривают о польском сепаратизме в западных областях Белоруссии. Таковая, собственно, одна -

Гродненская, соседняя - Брестская в значительной мере населена украинцами и являгами (полищуками). Со времен Горбачева католическая церковь вполне открыто действует в западных областях бывшего СССР, что свидетельствует скорее о бессилии Ватикана. Костелы, как в Африке миссии, стали средоточием гуманитарной помощи и рассадником иждивенческих настроений. В соседнем с Минском Ракове, к слову бывшему еще в XVII ст. Меккой арианства, костелу принадлежат четыре микроавтобуса, курсирующие по местечку. Проезд для католиков бесплатный. Естественно, что вместить всех желающих они неспособны, поэтому при посадке выяснения отношений доходят до смешного. Католицизм, это еще и билет в Польшу, раньше на базар, теперь на сезонные работы. Даже соседи - потомки непримиримых бандеровцев ныне почитают за честь рыть картошку на лядских плантациях. Для обитателей Польши-Б, Польша-А навеки останется метрополией. Топимый (определение Пилсудского) польский империализм, действительно существует: в сознании колониальных народов. Недаром Папа Римский призвал молиться за осужденных в Минске бойцов УНСО.

К востоку от старой границы приоритеты прямо противоположные.

Продавщица из супермаркета, в компании которой я провожу следующую ночь, приветствует и Лукашенко и интеграцию - ревизии не донимают, муж на заработках в России. Похоже, зарабатывает хорошо. Я легко уживаюсь с вещами, не принадлежащими мне, сказывается многолетняя привычка. Жилище, в которое ты пришел и из которого уйдешь, дальнейшая судьба вещей, в котором тебя не интересует, является действительно твоим, хотя тебе в нем ничего не принадлежит, кроме сумки.

Это невозможно передать, это нужно ощутить, как и все о чем здесь идет речь. Ощущение спокойствия, когда в целом мире никому неизвестно где ты, это и есть абсолютная свобода. Этого просто не поймет тот, кто ни разу не открывал двери, не зная, кто стоит за ними - соседка или группа захвата. Утром все становится ясно. За ночь на площади возведены заграждения. Внутри сиротливо "як зубрыкы в загоне", мокнут сторонники оппозиции. Все-таки удачное определение. Помню, в Абхазии, какой-то грузинский вор возжелал поменять свой "парабеллум" без патронов на ПМ одного из наших (с патронами). Наш, естественно, отказался, туземец обиделся.

- Я же вор (в законе).

- Какой ты вор, ты бык в загоне.

И тот стерпел. Действительно, в Грузии в последнее время стали "короновать" даже двадцатипятилетних и не сидевших. "А что, был бы человек хороший".

Вечером глава оппозиционного Верховного Совета Сема Шарецкий сетует:

- Что-то много людей собралось на площади. Пойду разгоню. Из толпы отвечают нестройным пением "Марша УНСО", начинают расходиться. Все кончено. Подбегает знакомый, какие-то типы назначают встречу на предмет "выработки дальнейших планов". Прошлый раз на подобном "совещании" повязали двоих наших, прибывших из Украины.

Сходка назначена на 18. 00, поезд на Киев отправляется в 21. 00. В это время я уже качу поездами местного сообщения в сторону Гомеля... .. Я проснулся утром на деревянной скамье электрички оттого, что сквозь разбитое окно мне в лицо совали зеленого тигра (продажа мягкой игрушки - одно из основных занятий местного населения). Граница была на замке и выглядела очень пустынной. Одинокий меняла в Щорсе - истый самаритянин, приютил меня

на ночь. Я выглядел так жалко, что даже украинский пограничник сжалился и угостил меня сигаретой "Мальборо". Родина встречала своих героев.

Дмитро Корчинский

Человек нуждается в смысле, какой бы грубой скотиной он не был.

Инстинкт быть ДЛЯ, потребность пребывать внутри смысла - один из основных инстинктов наравне с половым и с инстинктом голода. Я думаю даже, что чувство самосохранения - частный случай смыслового инстинкта.

Сашко Полищук на какое то время вынужденно оказался за пределами организации, которая продуцировала для него надсознательное, смысл.

Испытание оказалось непереносимым. Он стал пить, подсел на анашу. С пистолетом без боевой пружины он пошел на ювелирку, был схвачен и осужден на семь лет. Его жизнь вновь обрела смысл. Смысл ожидания выхода на волю. В тюрьме он парадоксальным образом чувствует себя психологически более комфортно, нежели последние месяцы на свободе. Приходилось наблюдать (и читать), что человек, вынужденно пребывающий долгое время на нелегальном положении, в момент, когда его, наконец, берут, испытывает облегчение. Ибо, будучи в бездействии подполья, он не только тяготится страхом, но и часто теряет определенность в смысле.

Основной функцией вождя есть продуцирование смысла, и только во вторую очередь руководство конкретными тактическими операциями и дележ добычи.

В конце лета сложным путем к нам поступило предложение командира 44-го российского пограничного отряда (Владикавказ), касательно того, чтобы попытаться обменять 14 захваченных чеченцами пограничников на наших заключенных в Минске. Мы ухватились за это предложение. Контакт на пограничников были двое харьковских журналистов (мужчина и женщина), которые с начала чеченской войны крутились на Северном Кавказе, подрабатывая на московские агентства. Парочка была авантюрная, но выхода у нас не было. Я отправил с ними во Владикавказ одного из самых способных и близких ко мне хлопцев - Виталия Шевченко. Еще двое уехали в Москву для встречи с командованием пограничных войск и кем-то из правительства. Позднее они должны были соединиться с первой группой в Назрани, чтобы вместе ехать в Чечню, найти, тех кто удерживает пограничников и договориться об обмене. Сначала все шло неплохо. Удалось заинтересовать начальство пограничников. Они связывались по этому поводу с Лукашенко и с его стороны не было получено отказа. Все затормозилось в Назрани. В это время началось последнее чеченское наступление на Грозный, в результате чего все смешалось и выйти на обычные связи стало проблематичным. Просидев несколько дней в Назрани, Виталик с харьковским журналистом решили продвигаться наугад. Позже удалось выяснить, что чеченец, который их сопровождал, был найден застреленным в лесополосе на обочине. Они же исчезли бесследно. Через некоторое время на их поиски отправилась женщина - другой журналист - и тоже исчезла. Мы потратили много усилий и средств на поиски, но все напрасно. Таковы грязные шутки судьбы. За время войны целая куча наших людей перебивала в Чечне и никто не исчез. Нужно было поехать Виталику на самый конец, чтобы не возвратиться. Существует такая вещь, как оперативный инстинкт. Есть люди, которых притягивает тюрьма, а есть люди, которые никогда не попадают, которые уходят с хаты за пятнадцать минут до прихода ментов. Как и любой другой талант, оперативный инстинкт никак не коррелирует с умом, общим образованием

и тому подобным. Виталик был его начисто лишен. За год до своего исчезновения, он попался во время поездки на Донбасс. Там у нас случилась неприятная ситуация. Имело место предательство, были аресты, изъятия оружия и взрывчатых веществ. Виталик был еще с одним хлопцем. Сидя в электричке по дороге из Луганска в Торез, они ощутили внешнее наблюдение. В попытке оторваться, они разошлись. Второй хлопец благополучно слинял, а Виталика взяли. Ему подкинули пачку патронов для того, чтобы был повод для ареста. Где-то за неделю мы его вытащили, но это был знак судьбы о том, что необходимо заняться своими инстинктами. Перед тем как убить, судьба дает знак.

"ПИДУ ВТОПЛЮСЯ У РИЧЦИ КОДОРИ"

Роевой Явир

Эту песенку на известный бравый мотивчик в 1944 г. распевали партизаны по всей Волыни, без разницы их политических убеждений и национальной принадлежности. Осенью 1997 г. казалось, что все федеральные и местные силовые структуры на Северном Кавказе осведомлены о перемещениях большого числа украинских граждан, малыми группами и в общем направлении на Грузию. Дискуссии с правоохранителями в поездах дальнего и местного сообщения протекали весьма стандартно: А, хохол. Куда едешь?

- В Грузию, сестра замуж выходит.
- Приглашение есть?
- Какое приглашение, по телефону позвонили.
- Что-то много вас тут ездит, что, у всех сестры? Деньги есть?
- Есть.
- Тогда давай.
- А как же я дальше поеду?
- А как сюда доехал, ножками.

Следует отметить, что дизельпоезд (тепловоз с отслужившими свой срок вагонами) возможно остановить в чистом поле между Минводами и Хасавьюртом и выкинуть пассажира прямо в руки чеченского пастушка-подростка с автоматом на плече. Сколько-нибудь безопасно по территории Северного Кавказа удастся передвигаться разве, что на такси, доверяя водителю оплату всевозможных дорожных поборов. Уже на следующей станции за Минводами, полно частных такси, водители которых, грузины и осетины, всего за 20 долларов "с ветерком" везли до Тбилиси. Пограничные и таможенные посты, очевидно подкупленные, пропускали их без каких-либо формальностей, едва обменявшись приветствиями

Но "Папая" выставили из поезда в Минводах, отняли 20 "баксов" Пешим порядком и на перекладных он добрался до грузинской границы, где, наконец, услышал родное:

Ромели ха? (Кто идет? груз.)

Узнав, что идет "украинули", пограничник был несказанно рад и все допытывался:

- Снайпер, да?

Все заверения "Папая" на предмет того, что он скромный сборщик лесных орехов, не возымели действия. Погранец остановил дальнобойщика, записал номер, и приказал водителю довезти того до Тбилиси Правда, при этом,

одновременно и сообщил куда следует. В Казбеги, начальник местного УВД уже ожидал гостя. Он накрыл поляну, и все допытывался: - Снайпер, да?

Наверное, по оперативной информации ожидали снайпера.

Конспирация в грузинском исполнении выглядит весьма трогательно. Когда в Тбилиси на складе МВД мы получали положенное нам для самообороны оружие, кто-то из чинов поделится содержанием телеграммы, прибывшей из Киева. МВД Украины просило оказать содействие разыскать, задержать и этапировать целую группу наших товарищей. Похоже, авторы бумаги понятия не имели о степени законности всего мероприятия. Позднее, уже в абхазской Сванетии майор Вассо, запретил нам вести радиопереговоры по-украински. Сразу же возникла проблема позывных, мы - "Тахви-1", он - "Тахви-2": Спрашиваем одного свана, каким будет его позывной? Он отвечает:

- Я, вообще-то, охотник, а как будет "охотник" по-украински?

- Мысливец.

- Слушай, хорошее слово, а. Выходим в эфир и из уст самого "Тахви-2" слышим:

- Пане куренный (господин майор кур.)

Здесь надлежит сделать отступление и объяснить причину и цель нашего появления в Грузии. Летом 1997 г. наше командование получило предложение от командования погранвойск Грузии сформировать отдельную бригаду для ведения лесных работ в Абхазии. Понятие "бригада" издавна обозначало, в том числе и сомнительные военизированные формирования. Со времен первой мировой известна "ирландская бригада" в составе германской армии - 82 человека. Нас набралось немногим больше. На переговорах представители Грузии выражали желание иметь человек пятьсот. Несомненно, что с целью пропагандистского воздействия на Россию, о чем ниже. В смысле тактическом они и нами не знали, как распорядиться.

На территорию Абхазии мы попали через Ходжалский перевал, высота самой г. Ходжали 3313м. Дорога для автотранспорта была проложена здесь во время строительства высоковольтной ЛЭП. Потом о ней благополучно забыли. Все пользовались дорогой, ведущей от моря, по ущелью вдоль р. Кодори. В ходе боевых действий в 1993г. вокруг Ткварчели образовался абхазский анклав. К весне у них закончилось продовольствие и боеприпасы, приходилось рубить гвозди и снаряжать ими патроны. На все настойчивые предложения Корчинского и "Устима" ликвидировать анклав в Ткварчели, обычно весьма толковый командир грузинской бригады, действовавшей на - этом направлении только отмахивался.

- А, людей из-за них дожить. Сами подохнут. Однако летом, в районе

Очамчиры произошло весьма таинственное событие. Якобы с трех десантных кораблей был высажен десант численностью до 600 чел. морской пехоты.

Десантники прошли в район Ткварчели, каким-то образом доставили туда боеприпасы и продовольствие. Позднее их, разбившихся на меньшие группы, должны были снять с плато вертолеты. В этой, второй фазе операции, грузины сумели, якобы, организовать противодействие и до 200 человек десанта уничтожить. Некоторые обстоятельства этой истории уже тогда, для меня, присутствовавшего на месте событий и ничего не обнаружившего, выглядели вполне легендарно черная форма "подствольник" у каждого десантника, из которых они стреляли так густо, как мы из автоматов. Сейчас, спустя 4 года в подлинности этой истории никто не сомневается. Вскрылись даже новые подробности: из трех десантно-высадочных средств грузинской артиллерии удалось потопить одно, а другое отогнать огнем. Еще через шесть лет, я сам напишу по данному поводу что-нибудь вроде: "когда я вылез из-под обломков

стратегического бомбардировщика, то перед моими глазами все еще стояло море, усеянное кораблями флота вторжения".

Как бы там ни было, но при сдаче Сухуми и повальном бегстве, значительная часть грузинских войск и населения не сумела пройти вдоль моря в направлении Очамчиры-Гала и, будучи отрезанной, устремилась вдоль р. Кодори в Сванетию.

Прежде мои знания о сванах ограничивались фильмом С. Говорухина "Вертикаль", где последние были изображены в виде благородных туземцев, горской разновидности куперовских делаваров.

Оказалось, что Сванетий три: горная, грузинская, абхазская. Ничего плохого не могу сказать о жителях грузинской. В Хаиши, уже после рейда, нам было запрещено выходить в город из расположения части в форменной одежде с украинскими знаками национальной принадлежности. Естественно, приказ игнорировался. В лавке мы купили бутылку водки и сели под деревом. Подошли сваны:

- Украинцы, да, мегабари (братья, груз.)? Что вы так сидите, идите к нашему столу, что вы эту гадость жрете, сейчас он принесет...

А о жителях абхазской Сванетий, мои боевые товарищи, пережившие исход из Сухуми, просили сказать, что они, таки педерасты. Беженцы с детьми, часто в летней одежде (на перевале снег был высотой в три метра), двигались вдоль левого берега, скальной стены высотой до 1500 м, дорога пролегает метрах в пятистах над рекой. Еще сейчас все дно ущелья завалено сотнями единиц техники от легковых машин до танков. На околицах села Чхалти, Аджари, Ацгари, Момариш стоят раскуроченные "гробы". Жители этих сел нещадно грабили отступавших. Война, действительно разжигает низменные инстинкты, однако некоторые, передаваемые из уст в уста подробности известны уже из мифов о варварских нашествиях. Женщины, насилуемые на глазах мужей и детей. Жены насильников, с любопытством взирающие на это зрелище...

Первоначально абхазские силы повторили ошибку грузин в Ткварчели, не ворвались в Сванетию на плечах беглецов. Со временем была сформирована колонна. Когда "Икарусы" - неизменное средство перевозки живой силы в Абхазии двинулись по дороге, сваны их встретили огнем с противоположного берега реки. Майор Вассо, вообще прекрасный артиллерийский наводчик, тогда корректировал огонь минометов. Двое "унсовцев", отбившихся от своих при отступлении, участвовали в боине. Их оптимистическую оценку потерь противника в 700 человек, следует принимать с обычным коэффициентом 0, 1. Овладев перевалом, абхазы смогли бы его надежно запереть, а так, в глубине Абхазии образовался весьма обширный грузинский анклав, живущий своей удивительной жизнью. До войны численность населения Абхазии грузины оценивали в 600 тыс. чел., из них: 320 тысяч грузин, 50 тысяч абхазов, 70 тысяч украинцев (я серьезно). Сейчас там проживает не более 120 тыс. человек.

Население абхазской Сванетии не превышает 2 тыс. человек. За четыре года войны люди совершенно разложились и вернулись к первобытным инстинктам, таким восхитительным в литературном переложении. Сказывается отсутствие власти. Грузинский аппарат насилия первоначально был представлен отрядом в 45 милиционеров, дислоцированным в Чхалти. После столкновений со сванами их перевели к перевалу. Сейчас основное их занятие - сбор агентурных сведений о наличии оружия у местного населения. Разоружение всей этой публики в случае благополучного для Грузии исхода конфликта будет связано со значительными трудностями.

За два месяца нашего пребывания в Сванетии одиннадцать местных жителей было убито в пьяных разборках. Нас предупреждали.

- Будут стрелять - ложись на пол. Не надо отвечать (на огонь, ред.)

Пьяные, понимаешь.

Так и случилось, майор, отвечающий за нашу доставку, не придумал ничего лучшего, как замаскировать нас под полицию. Когда из грузовиков полезли люди в непонятных, почти что "немецких" шапках и стали расселяться на втором этаже школы, в ту же ночь, на рассвете кто-то дал по окнам очередь из автомата. В карауле как раз стоял "Ирпень", он тут же выбил прикладом стекло и открыл огонь по сванам, собравшимся внизу. Что они там делали я, признаться, не знаю. Не выглядывать же в окно с расспросами: "Кто стрелял? " и "Что вы тут делаете? ". Чачу, наверное, пили. На Кавказе принято собираться перед домами. Пока сваны разбежались, мы через черный ход вынесли ПК, установили его на горе. Когда село было окружено и находилось под прицелом, начались вежливые выяснения подробностей инцидента "кто, что, зачем? ".

Нас зауважали.

Пока что грузинские власти действуют исключительно пряником. Раз в два месяца с очередной сменой солдат прибывает груз гуманитарной помощи: грузинской, от ОБСЕ и от ООН. Нормы довольствия впечатляют. Например, в месяц на одного свана выдают бесплатно 8 кг сахара. Украинские "талонные" нормы времен перестройки не превышали и 1, 5 кг. Дают также: керосин, муку, одежду. Население щеголяет в стильных американских парках. За неограниченную свободу: охотиться, рубить лес, не платить налоги, грабить, насиловать, убивать, возделывать наркотики, сваны заплатили лишь отсутствием электричества, что составляет разительный контраст с лежащей внизу Абхазией, или той же Чечней. Однако, в горах полно прекрасных генераторов тайваньского производства. Машинка массой в 3кг, с расходом 3 л топлива способна 4-5 часов давать энергию, достаточную для работы двух стоваттных лампочек и одного телевизора. Машинка побольше обеспечивает потребности целой деревни или военной базы.

Основным занятием сванов на осень 1997г. было воровство. У нас воровали все, что можно вынести целиком, разобрать или открутить: патроны, гранаты, ремни, зажигалки Zippo, сигареты Marlboro. Доходило до смешного. Забрасывают груз вьючными животными, после доставки оказывается, что примерно одной трети не хватает. Обращаемся с претензией к старшему, тот выражает готовность разобраться:

- Сейчас пойду узнаю. Вскоре возвращается.

- Они говорят, что не брали.

Группа местных и наших сидит в комнате на бетонном полу, курят и пьют.

Пока "Сэм" выходит посмотреть, как там чайник, исчезает его зажигалка Zippo.

Сваны дружелюбно помогают советами в поисках: - Слушай, может в щель закатилась, а (пол бетонный).

Через десять дней один из туземцев явился к нам с этой же зажигалкой заправиться бензином.

Уже здесь, в Киеве, "Устим" обнаружил отсутствие поясного ремня.

Спросонья, я "автоматом", отвел от себя все возможные подозрения.

- В щель закатился.

Желающим повторить наш опыт, я могу посоветовать прием, неоднократно и с успехом применявшийся "Нориком" в Чечне. Перед каждой поездкой он выкладывал из карманов все мало-мальски ценное.

Как иностранцы, мы принципиально не вмешивались в подробности местных товарно-денежных отношений. Война сама по себе является достаточно затратным мероприятием. Но иногда, наблюдая за тем, как для перевозки грузов приобретают коней за 350 лари, хотя их можно было бы нанять значительно дешевле, я вспоминал поучительные истории времен русско-японской войны.

- Мерин Яшка!

- Убит в перестрелке.. Веди на левый фланг.

Даже по самым щедрым прикидкам мы растратили едва десятую часть выделенного на операцию имущества и денежных средств. Даже я при всем моем пиетете к "качанным" деньгам и том, что обычно никто из командиров наемных формирований не делает, умудрился срубить тыщенки полторы долларов. На беду, деньги достались другим разбойникам. Тесть, на которого я решил оформить машину во избежание возможных конфискации имущества, умудрился купить "Ладу" на штрафплощадке в милиции. При регистрации в ГАИ оказалось, что номера на кузове и двигателе "искусно" перебиты так, что за предыдущие полгода обнаружить подделку никак не удавалось. В общем, плакали мои денежки. "Если вас грабят, не кричите - вы рискуете привлечь внимание полиции", Из известных мне среднеазиатских и кавказских племен, только сваны обладают счастливой способностью одновременно курить коноплю и пить спиртное. Да, в виду отсутствия винограда местные жители принуждены изготавливать брагу из яблок и выделять из нее спирт карбидом. Но о вкусах хозяев не спорят. Странно, ведь конопля перебивает действие спиртного. Даже чеченцы вынуждены выбирать между одним и другим.

Прибыв на определенную нам квартиру в Чхалти, я, сбрасывая с плеч многопудовый груз, обратил внимание на окаменевшего в изумлении "Сову". Ожидая увидеть нечто способное потрясти моего бравого товарища, я повернул голову и тоже остолбенел. Под окном рос куст конопли, под окнами соседнего дома - еще два. "Сова" таки попробовал оба сорта и, если действие первого оказалось вполне ординарным, то второй "пробивал" с опасным замедлением. Когда все уже было позади и за тросами, переброшенными через вздувшуюся Кодори, нас ожидали грузовики, идущие к перевалу, "Сова" внезапно "обломался" совершать очередную ходку за грузом. - Вы хотите моей смерти. (он был совершенно серьезен)

Я не знаю, что там говорят врачи и этнографы о пользе умеренного употребления стимулирующих головной мозг средств в условиях высокогорья. Но на мой неискушенный взгляд следов коммерческого производства "плана" я не обнаружил. Уже в Тбилиси, в аптеке, кто-то из наших смеха ради спросил:

- Морфин есть?

- Сейчас нет - совершенно серьезно ответил провизор, - но если вам нужно, приходите завтра.

По вероисповеданию сваны, номинально христиане, а фактически язычники. Церквей нет, строят одну. Для отправления всех религиозных церемоний, один-два раза в год приезжают священники.

Боевые действия в горах, как таковые не происходят. Силы сторон весьма ограничены. Грузинский блокпост чуть ниже по течению Кодори составляют 40 солдат срочной службы, войск МВД (малиновые береты). Держат их в горах вахтами по два месяца. Ребята тоскуют и серьезной боевой силой не являются. Количество грузинских партизанских отрядов в Абхазии достигает пяти-шести, численность каждого человек пятьдесят - восемьдесят. Одновременно на Сванетию базируются два-три, одни в рейде, другие на отдыхе в Грузии. В ходе переговоров с Ардзинбой сам Шеварнадзе категорически отрицал участие в

боевых действиях в Абхазии грузинских военнослужащих.

- Слушай, какие партизаны, а? Это возмущенное население, понимаешь.

Численность миротворческих сил России в Абхазии зимой 1997-98гг. достигала 1500 чел. В их состав входили один воздушно-десантный и два мотострелковых батальона. Контингент в основном состоял из солдат-контрактников. От прочих военнослужащих федеральных сил, "миротворцы" отличались нашивками МС на правой стороне груди. Командующий - генерал-майор Сергей Корябко. В оперативном отношении территория, находящаяся под их контролем, была разделена на две зоны безопасности: северную (абхазскую) - командующий, полковник Владимир Оголотков, и южную (грузинскую) - командующий - Владимир Дорофеев. Очередной мандат на пребывание российских сил истекал 21. 01. 98г. и мог быть продолжен только на саммите Глав Государств СНГ, планировавшемся 19. 03. 98г. Присутствие и деятельность российских войск стала к тому времени объектом двусторонних претензий. Грузинская сторона считала их виновными в том, что они задерживают возвращение в Абхазию 300 тыс. грузинских беженцев, как прямо препятствуя ему, так и не обеспечивая должной безопасности. Абхазы были вообще возмущены российской политикой в регионе, прежде всего таможенной.

Уже после нашего возвращения, между Россией и Грузией разгорелся пограничный конфликт. На контрольно-пропускном пункте в Дарьяльском ущелье российская сторона перенесла на грузинскую территорию свою досмотровую площадку. Последовал энергичный демарш грузинской стороны, в ущелье были посланы даже митингующие студенты. Что разительно напомнило мне знаменитую серию протестов испанской молодежи против британской оккупации Гибралтара. Когда обеспокоенный министр внутренних дел Испании позвонил британскому послу и предложил выслать больше полиции, то услышал в ответ: - Лучше посылайте поменьше студентов. На переговорах, грузинский министр обороны в очередной раз пригрозил своему российскому коллеге, что Грузия удалит со своей территории военные базы России и откроет границу с Турцией. Так же грузинская сторона потребовала возврата вооружения, вывезенного с территории республики 1992-93гг. в Россию и на Украину. Операция эта проводилась весьма спешно, самолетами военно-транспортной авиации, в большом ходу у покупателей были "эвакуированные" "Волги" и "Уазики". При разделе пирога не обошлось без жертв. Дочери тогдашнего командующего округом Патрикеева, плеснули в Харькове кислотой в лицо, чтобы не болтала лишнего.

Формально, Россия согласилась на некоторые уступки. Начальник федеральной пограничной службы Николаев даже подал в знак протеста в отставку. Госдума разразилась скандалом. "Незаконный" украинский экспорт через Грузию был оценен в 80000 тонн спирта в год, а его цена должна была составить лишь половину стоимости местного, российского. После разгрома нелегальных водочных заводов в Подмоскowie, взоры налогового ведомства обратились в Северную Осетию. Встреча Черномырдина с президентом этой республики Галазовым принесла результаты. В феврале 1998 г. ввоз акцизных товаров в Россию со стороны Закавказья был разрешен только через пропускные пункты в Сочи и Махачкале. Это, фактически, подорвало не только торговлю украинским спиртом, но и собственно абхазскую контрабанду, через Сухуми. Хотя можно ли назвать контрабандой торговлю при отсутствии таможенного контроля. Основным предметом вывоза из Абхазии служит древесина ценных пород. В горах ведется интенсивная сплошная вырубка леса. В порту Сухуми полно турецких лесовозов. Российские пограничники постоянно предъявляли претензии судам под иностранным флагом, приходившим в этот самозванный porto

franko.

В военном отношении абхазы были недовольны действиями "грузинских партизан" в северной зоне безопасности. Командующий ею Владимир Оголотков, дипломатично заявлял, что не знает, кто именно производит разрушения на дорогах. Вероятно, на его позицию повлияла скромная цена, назначенная за голову российского полковника - 500 долларов. "Батона Тахви" (Устим), приобретший по случаю в "военторге" полный набор полковничьих регалий, постоянно лелеял план - переодеть какого-нибудь покойника "по-славяннее" и предъявить его фото на предмет получения обещанного вознаграждения. "Если ты можешь заработать десять центов, убив индейца, убей десять - и ты получишь доллар!" Благо, российских полковников в Абхазии было как собак нерезаных. В регионе сохранилась инфраструктура баз отдыха Министерства Обороны. Со своей стороны абхазы грозились начать ответные акции в южной зоне безопасности. Правительство Шеварнадзе с 1994 г. высказывало намерение заменить российские миротворческие силы в регионе многонациональными, с украинским участием. Под этим прозрачно подразумевалось, что украинцы не будут препятствовать грузинскому проникновению на абхазскую территорию, а в случае войны ограничатся формальными протестами в стиле войск ООН. Майор Вассо неоднократно поднимал тост за то, "чтобы в следующем году миротворческие силы стояли в Воронеже и за бабки пропускали чеченцев грабить Москву".

Проведению какой-либо согласованной военной политики мешала политическая разобщенность грузинского командования. Тогдашнего министра обороны Нодиабаидзе обвиняли в пророссийских симпатиях. Якобы он даже по-грузински плохо понимал, о чем, конечно, судить не мне. Хотя с другой стороны, один из основателей армии Нагорного Карабаха, начальник штаба обороны НКР генерал-майор "Иванов", первым делом запретил употребление в войсках в служебных целях армянского языка и прочих местных наречий. Как известно, армяне - жители этой de facto азербайджанской колонии изучали в школах русский язык. Командующий сухопутными войсками Важа Хурашвили и командующий погранвойсками со своей стороны были втянуты в ведение приватной войны в Абхазии и конспирировали по данному поводу. Я уже писал, что у меня сложилось впечатление, что грузинский заказчик использовал присутствие украинских наемников, в том числе и для давления на российское командование. Во всяком случае, меня охотно фотографировали с различными представителями грузинского командования.

"Регулярные" войска абхазского режима достигают численности в 2-2, 5 тыс. человек. Солдаты срочной службы постоянно дезертируют. Основную угрозу составляют боевики. Это местные жители, часто инородцы (адыгейцы, армяне - живого абхаза я так и не видел), живущие по селам, имеющие оружие. В прошлую войну все они запятнали себя преступлениями, поэтому понимают, что пощады не будет. Их опыт боевых действий в составе банд формирований вполне достаточен. На нашем направлении ниже блокпостов в ущелье были расположены 5-6 армянских сел. Боевики из них, общей численностью в 60-70 чел. при двух БТР, составляли резерв пехоты для российского блокпоста, и по сигналу тревоги должны были мчаться в "Икарусах" на выручку.

Абхазские ВВС имели в своем составе 2 реактивных учебно-боевых самолета L-39 Albatross, использовавшихся в качестве истребителей, бомбардировщиков и штурмовиков. Так же 2 спортивных самолета - ЯК, служивших разведчиками и 2 транспортных вертолета Ми-8. Огневой поддержке миротворческих сил служили два российских "Крокодила" - Ми-24. В 1993-94гг., в ходе боевых действий

грузинской стороной было потеряно несколько штурмовиков СУ-25, производства завода им. Димитрова в Тбилиси. Один из них сбили "стрелой" российские десантники, прямо над нашими позициями. Собственно, абхазы зенитных ракет не имели. Летчик выбросился с парашютом. Ко мне подбежал радостный "Рута": - Пане Куренный! Давайте, я его сниму! Я справедливо рассудил, что летчик все равно летит на нас и никуда уже не денется. Грузины выслали моторную лодку и подобрали пилота из воды. После сдачи Сухуми и отступления в абхазскую Сванетию налеты на город производил еще один храбрый грузинский вертолетчик, пока и его не сбили. Он загружал на борт ручные гранаты, вставленные в стаканы, бомбардир выдергивал кольца и сбрасывал груз вниз. Стаканы разбивались, гранаты детонировали.

Российская сторона потеряла над Абхазией два Ми-8 и один Ми-24.

Грузинское командование выплачивало за сбитый вертолет премию в пять тысяч долларов, без разницы его принадлежности, российский или абхазский.

Доказательством должна была послужить фотография свежих обломков машины. Ввиду отсутствия зенитных ракет, вертолет можно было подстеречь с ДШК, на перевале, но, увы, скорее всего - грузинский.

В наше второе пребывание в Абхазии, в распоряжение МВД Грузии, находился только один пригодный к полетам, Ми-8. Им осуществлялись переброски, преимущественно в тыловых районах. При отсутствии воздушного транспорта доводилось преодолевать южную зону безопасности на автомашинах вместе с грузинскими милиционерами. Как-то машину, в которой ехал Дубецкий, в районе Зугдиди, остановили "миротворцы". Солдатик сразу полез в кузов сшибать сигареты. Ему предложили "приму", кацапчук остался недоволен: - А с фильтром нет?

- А отсосешь? Окрысился Дубецкий. Того, как ветром сдуло.

Даже по территории самой Абхазии грузинские партизаны передвигаются достаточно свободно. Заходят даже за реку Бзыб. Западнее Марухского перевала находится местность, именуемая "аэродром" - крайняя точка продвижения немецко-фашистских войск на данном направлении. Повсюду в горах проводилась разведка посадочных площадок для вертолетов, готовились тайники для забрасываемых грузов.

В то же время российский войска были озабочены разве, что обороной собственных блокпостов Командир одного грузинского отряда поведал весьма характерную историю. Его группа оперировала в районе реки Кодори. Они захватили грузовик "Урал" и ночью выехала на окраину Сухуми. У командира было в городе личное дело, его жена - по национальности абхазка, - сошлась с другим и он собирался ее за это прикончить. Где-то на пол пути до него дошло, что он уже не успеет обернуться до рассвета, пришлось возвращаться к машине. На блокпосту "Урал" остановили. "Миротворец" откинул полог, заглянул в кузов. Там человек пятнадцать грязных, заросших мужчин, группа была в рейде уже две недели, на головах платки, все с оружием.

- Кто такие?

- МВД - (имелось в виду абхазское), - ловим дезертиров. Солдатик молча закрыл полог, спрыгнул с кузова. Думаете он им поверил? Конечно нет. Но своя шкура дороже.

На нашем направлении российские миротворцы - 12 солдат и 2 офицера, отделяли грузин от абхазов. Разложение затронуло и федеральные силы. Симптомы те же: водка, наркотики. В Гальском районе, населенным преимущественно грузинами "миротворцев" ненавидят. По всей Грузии отношение к русским весьма прохладное. Спекулируя понятием "украинули", удавалось

избегать недоразумений на языковой почве, а так же оплаты за мелкие покупки. Что, наша вода нравится (Боржоми). Зачем деньги, бери так.

В том же Ханши даже милиционеры считали своим долгом подойти поздороваться, указать лучший магазин, харчевню. В Тбилиси мы обосновались в одном баре на набережной, где нам так же предписывалось пребывать в штатском и говорить между собой по-русски, за то над стойкой висела большая эмблема УНСО. Грузинские военные охотно разбирали и украинские кокарды с трезубцем. Дороги в Абхазии и без нашего участия находились в плачевном состоянии. Наша колонна преодолевала Ходжалский перевал следующим походным порядком: бульдозер (разгребает завалы) "Урал", за ним еще один бульдозер (подталкивает его), еще "Урал" и пара ГАЗ-66, за ними мы в пешем строю. Переправа через р. Кодори происходила по двум стальным канатам. По ним мы перенесли на себе каждый не менее 350 кг груза. На обратном пути, в паводок, уровень воды поднялся на 6 метров и тогда я понял, что такое настоящее стихийное бедствие. В Киеве таковым считали подъем воды в Днепре на 80 см. Когда идешь по канатам, то даже сквозь рев воды слышишь, как по дну с бильярдным стуком перекатываются огромные валуны. В горах больше всего изматывали переходы. За 10-11 часов мы преодолевали едва 3-5 км. Крутизна серпантинных тропок была такая, что ноги предыдущего находились на уровне глаз следующего за ним. Мешали и недостатки снаряжения. Мы имели десантные ранцы, бушлаты (все советское, даже патроны 7, 62x39 1982-84гг. выпуска калибра 5, 45x39 до 1982 г.), так же американские ботинки и спальники. Спальники и бушлаты нещадно впитывали влагу. К счастью, не донимал излишек тяжелого оружия 1-СВД, 1-ПК, 1-РПГ-7 на группу. Тем не менее, основной мыслью на маршруте было "если упаду - не встану". Перетаскивание значительных объемов грузов ставило во главу угла фактор времени. В ответ на предложение майора Вассо, нашего офицера связи и представителя грузинского командования, произвести тот или иной объем работ, скажем, за 4 дня, сваны, обычно выдвигали альтернативное предложение - 8 дней. Мы, бывало, укладывались и в один день.

Говорить о собственно боевых действиях не приходится. Погода, снег и дождь допекали нам куда больше противника, если бы таковой вдруг объявился. Инструкции, которые получали грузинские партизаны, находились в явном противоречии с декларируемым намерением восстановить грузинское господство в Абхазии. Помню, как меня инструктировал один высокий милицейский чин. - За Ингури друзей нэт. Увидел стадо - пастуха убэй, стадо перегони сюда. Не можешь перегнать - зарэж.

Приказывали разрушать все: дороги, мосты, подпорные стены, здания, линии электропередач, трансформаторы. Чтобы вывести из строя последний, доводилось ночью выбираться на окраину села и протыкать емкость с трансформаторным маслом штык ножом. Сказывался и недостаток средств взрывания. Приходилось довольствоваться кустарными "дистанционками" и временными замедлителями из будильников. Из взрывчатых веществ мы употребляли пластит и тротил.

Эффективность диверсий в Абхазии весьма снижена и легкостью ответа. Линия электропередач от Ингури ГЭС в направлении на Грузию первоначально идет по территории Гальского района и только оттуда - на Тбилиси. После каждого особо чувствительного взрыва, абхазы на один-два дня отключали электроснабжение.

От природы Сванетии осталось лишь несколько воспоминаний. Первое из них ненависть к олеантрам. Дома, в Киеве, их сажают в горшки, поливают водой

"наполовину с кровью". А ведь это подлейшее растение. Пролезть через них нельзя, а стоит наступить ногой на серпантине, и поедешь вниз, как по рельсам. Еще донимали лианы, их сплошная сеть, сквозь которую доводилось продираться. Обнаружив одну потолще, Обух тут же сложил ее "стремечком" и попытался влезть, потянуло к предкам. Тут же и упал, конечно. Но и без него обезьян в горах Абхазии хватало. Знаменитый питомник разгромили еще в 1993 г. Кто-то пустил слух, что обезьян в научных целях заражали самыми жуткими заболеваниями, вроде СПИДа или вируса Эбола. Короче, в ходе боевых действий отстреливали их все конфликтующие стороны. Но, по рассказам сванских охотников, гамадрилы все же выжили. Если их не трогать, они, якобы, не проявляют свирепости. Советовали: если увидишь - обойди стороной. Я был знаком с этими нахальными тварями по Африке, и безо всяких колебаний приготовился прикончить первого, кто повстречается. Уже со времен Древнего Египта павианы практически поголовно перешли на питание плодами рук человеческих, нещадно разоряя плантации и пастбища Царицы Савской. О "людях с песьими головами", живущих в "стране плешивых", упоминал в своем "Хождении за три моря" и Афанасий Никитин. Через буров, обвинявших обезьян наряду с туземцами в том, что они разрываю животы ягнтям лишь для того, чтобы испить хорошо переваренного овечьего молочка, ненависть к павианам передалась и к прочим белым колонизаторам. Помните у Ливингстона: "Повстречали негра и павиана. Обоих пристрелили". В данном случае, отсутствие расовых и межвидовых предрассудков сослужило советскому обществу плохую службу. Гамадрилов использовали для медицинских экспериментов, не думая о последствиях. Взрослый гамадрил достигает размеров немецкой овчарки, а его зубы и седалищные мозоли устрашают одним своим видом. Мой коллега - полковник Крот, долгое время, бывший военным советником в Мозамбике утверждал, что солдаты некоторых африканских племен в Заире сожительствовали с самками обезьян. Следствием чего, кроме потомства, стало и распространение того же СПИДа и Эболы на род человеческий. Лично я этому нисколько не верю. Самки обезьян сварливы, непостоянны и ужасно пахнут. Самцы всех разновидностей павианов также отличаются завидной потенцией. Зимой 1994г. военные наблюдатели от ООН какой-то скандинавской национальности подобрали в горах изможденного гамадрила. Тот быстро отъелся на гуманитарных харчах. Как-то в сфере досягаемости его лап оказалась зазевавшаяся курица. Гамадрил мигом втащил ее в клетку и ничтоже-сумнящаяся "вспетушил". Извращение пришлось по душе растленной сущности скандинавов. Они стали постоянно подбрасывать кур, купленных у населения своему пленнику. Когда об этом аттракционе пронюхали местные "зведерасты" (сторонники покойного президента Запада Гамсахурдиа), они тут же умыкнули обезьяну вместе с клеткой. На беду, первой попавшейся птицей оказался петух. Гамадрил тщательно выскубал перья из копчика и совершил акт скотоложства, отягощенный гомосексуализмом. Уже здесь в Абхазии рассказывали, что некоторые матерые самцы обзавелись семьями, устроили поселения, раздобыли где-то оружие и теперь требуют автономии в составе Грузии.

Несмотря на правовую незащищенность, во многом благодаря отсутствию туризма и резкому сокращению хозяйственной деятельности, дикая природа в горах еще сохранилась. Большую шкуру медведя туземцы отдавали за цинк патронов, выделанную шкуру куницы - за 20 лари. Невероятно, но в Кодори заходил лосось, охотились на него местные с помощью автоматов калибра 7, 62, пули 5, 45 от воды рикошетили. Один корректирует огонь, а другой стреляет. Как-то хлопцы пошли половить рыбу. Я выбрался следом, но их уже не застал,

они вернулись другой дорогой. Возвращался и я, вдруг вижу: на дереве висит автомат АК-74 с деревянным прикладом. Воистину, благословенна земля Грузии, когда на ней произрастают такие плоды. Но, смутное беспокойство исподволь омрачало мою радость. И действительно, на вечернем построении обнаружилось, что автомат принадлежит Обуху. Тот вернулся с рыбалки, обнаружил пропажу, еще успел сказать:

- Наверное, автомат забыл. Надо пойти забрать.

- И "отрубился" (заснул). Но вторично я своего шанса не упустил.

Обедали мы во дворе, там стоял стол и лавки по обе стороны. Обух, единственный из всей группы таскал за собой пистолет ПМ, совершенно бесполезный в горах. Пообедав, он оставил оружие на лавке и даже прежде, чем вездесущие сваны успели сообразить, что к чему - оно исчезло. Вообще, контроль за оружием, по сравнению с 1993г. значительно усилился. Необходимое для целей самообороны вооружение мы получали под расписку. Автоматы были калибра 5, 45x39, но нам выдали два ПБС и патроны 7, 62x39 с дозвуковой начальной скоростью полета пули. Ввиду отсутствия калиберного оружия, пришлось сменить один румынский АКС-74У на АКМ. По тому, как сван прятал оружие, я понял, что шмонать начинают предметно. Посреди двора на самом виду находилась бочка с водой, и никто не обращал на нее ровно никакого внимания. В бочке он и находился, наглухо запаянный в целлофан. По возвращении на родину мне самому довелось проверить действенность подобного трюка. Возникли кое-какие осложнения, потерпевший вызвал милицию, и я был вынужден срочно "скинуть" пистолет в рукомойник. Пронесло. И меня тоже. Автомат свану понравился, складной приклад позволял носить оружие под верхней одеждой, даже сидя верхом, а за 200 шагов он попадал из него в бутылку. Правда бутылка, как правило, не разбивалась.

Нас также пытались разоружать. Какой-то престарелый грузинский майор, как он утверждал, командир партизанского отряда, хотя из всего отряда я видел только водителя и его машину, потребовал сдать оружие. Это надо было себе представить: посреди "Дикого Запада", на оккупированной территории... "Устим" объяснил, что сдаст оружие там, где его получал - на складе МВД в Тбилиси и вежливо поинтересовавшись, каковы будут последствия, не выполнил требование майора. Тот возопил:

- Я вас арестую!

Интересно, как бы ему это удалось - арестовать 62 сошедших с гор человека, искусанных клопами и озлобленных не очень удачным течением рейда. Мы так и не успели развернуться, помешала погода, в горах начиналась зима. Зная коварство туземцев "Устим" тут же связался по спутниковому телефону с Тбилиси. Министр одобрил его действия. Но тут же возникла проблема нашей безопасности на обратном пути. После произведенных работ нас элементарно могли застучать российским миротворцам и спровоцировать тем самым международный скандал. "Устим" предлагал ехать обычным путем под видом грузинских милиционеров, а оружие спрятать под сидением. "А куда морды свои хохляцкие спрячете?" - любопытствовал министр. По возвращении, когда номера оружия не совпали, я был глубоко возмущен. Хозяева клятвенно обещали, что не будут иметь никаких претензий, лишь бы только количество стволов сошлось. Вот автомат, вот ствол, какие могут быть разговоры?

- А, послушай, пусть твой парень напишет, что автомат ему утром подменили. Какой-то незнакомый отряд.

На том и порешили. Вечером, за бутылкой чачи, Вассо объяснил, что у свана, скажи я правду, будут неприятности. Вопрос "где взял (автомат)?"

выглядит по-идиотски на фоне картин 1993 г., когда оружие носил каждый, кто хотел, но такова природа правоохранительных органов. Кое-какие боевые трофеи, несомненно, скопились и у нас. Пара автоматов, с десятков рожков, килограммов тридцать взрывчатки. В лучших пиратских традициях все это было зарыто. Зачем? Не выбрасывать же. Сваны с вожделием наблюдали за нашим походом. По возвращении, половина Сванетии ожидала нас в Чхалти в надежде выведать какие-то приметы клада. Чтобы предотвратить широкомасштабные поиски, мы распустили слух о том, что тайник заминирован со всех сторон, сваны возмутились.

- Слушай, зачем мины? А если кто-то коз будет пасти? Мы только посмеивались.

- Кому там в голову придет коз пасти?

Только на родине я понял, что лучше, пожалуй, было обменять на шкуру медведя. У нас такая шкура "затягивала" в комиссионке долларов триста-триста пятьдесят. Заполучить ее можно было, кроме цинка патронов, в обмен на сменный ствол к ПК, который я предусмотрительно списал в стиле "Кавказской пленницы" (ствол пулеметный один - упал в ущелье) сразу же по прибытии в Сванетию. Сами мы предпочитали охотиться на одичавших домашних свиней. Ни один сван не знает, сколько у него в хозяйстве этих животных. Свиноматка уводит приплод в лес, и до зимы они там питаются каштанами и желудями. Только одна из добытых нами хрюшек имела на себе хотя бы какой-то слой сала. На базаре в Тхибули я сам видел, как такое животное укусило собаку. Возникла даже мысль создать аттракцион "Грузинские бойцовские свиньи" и кочевать с ним по украинской провинции, под осуждающую молву селян. "До чего животину довели".

Оттянуться по настоящему от последствий боевого стресса нам удалось уже в Тхибули, куда из Ханши нас перебросили вертолетом. Получив в целости, обещанные нам 350 долларов США, мы почувствовали себя хозяевами жизни. Судите сами: однокомнатная квартира в этом обетованном месте стоит 100-150 долларов, баран - 20 лари (1 доллар - 1,28 лари), ужин на двадцатерых с водкой и вином - 30 лари, обслуживание, даже женщины - все в долг, по распискам.

Безделье располагало к наблюдению за нравами и порядками в обновленной грузинской армии. Уже в первые дни, в ходе интенсивных предподходных тренировок мы обратили внимание, что грузинский солдат, нынче не тот. Войска единообразно экипированы, солдаты в касках (что в 1993 г. наблюдалось только в "Арго"), чистят ботинки, белят бордюры (верный признак поддержания дисциплинарных отношений). Батальоны целыми днями пропадают на занятиях (один на базе в Хаими, другой в Тхибули). После проигранной войны Шеварднадзе произвел широкомасштабное избиение командных кадров, так же рядовых "комбатантов" (с которыми обычно разбиралась милиция). Так что теперь мамлеи (лейтенанты) и капитаны встречаются куда чаще, чем полковники и вице-полковники. А я уже не боюсь остаться единственным старшим мамлеем на всю грузинскую армию, как это почти случилось в 1993 г. "Устим" благополучно избежал чистки, пребывая за пределами Грузии, и сохранил свои звезды вице-полковника. Чего нельзя сказать о другом "белом наемнике" Обухе. В свое время он принял участие в неудавшемся путче Кетовани (бывший министр обороны приговорен к расстрелу) и едва унес из страны ноги. Как он сокрушенно объяснял:

- Я бы дослужился и до полковника, но батальон, которым я командовал объявили бандформированием.

Правда, когда я в течение полугода просил его показать или назвать мне хотя бы одного своего подчиненного он, стыдливо, отказывал.

Где разоренная Грузия берет деньги на армию не ясно. Вероятно, средства поступают за счет продажи полезных ископаемых. За долгие годы Советской власти у нас сложилось впечатление о Грузии, как о солнечной курортной республике, где возделывают мандарины и чай. На самом деле страна располагает многими видами стратегического сырья. Тот же чиагурский марганец еще с кануна века служил объектом вождения иностранных концессионеров. Средняя месячная заработная плата в стране - 12 лари, жалование прапорщика - 76 лари. Ясно, что все держатся за службу зубами. Много сделано и в области подготовки нового офицерского корпуса. Значительное число офицеров в звании от лейтенанта до капитана проходило стажировку в США, Италии, Франции, Австрии. На нашей базе было пять инструкторов, якобы прошедших курс обучения американских рейнджеров. Не знаю, как что другое, а физо и техника горных восхождений давались ими даже с шиком. Инструктор, прежде кандидат в мастера спорта по вольной борьбе, одним ударом ноги выбивал магазин из Калашникова и передергивал затвор (на предмет выбросить досланный патрон). Из чего я сделал простой вывод "Живого я тебя, голубчика, ближе трех метров к себе не подпущу".

Инструктора действовали вполне в прибалтийском стиле, разве что изображали не Европу, но всячески подчеркивали американское качество своих учебных программ. Особенно доставалось невинному афоризму "сам погибай, а товарища выручай". Смысл идиоматических выражений обычно пропадает уже при первом переводе, что говорить о тройном; с русского на английский, потом на грузинский и обратно. "Ну, чем вы ему поможете, если погибнете?" Было видно, что печальный опыт Кореи и Вьетнама вьелся американцам в печенки. К раненому, во избежание ловушек, надлежало подкрадываться с предосторожностями, как к утопающему. Еще лучше было бы оставить его прикрывать отход, обложив дополнительно минами. Только скажите об этом раненому. Делать все не как в советской армии - это, понемногу, задалбывало. Ах, эти чопорные индийские джентльмены из Дели. Постепенно, некоторая ревность к щенячьему восторгу подчиненных, который они испытывали, общаясь с настоящими Рембо, зародила во мне смутные подозрения. Еще на базе меня так и подмывало проверить, знакомы ли нашим рейнджерам ружейные приемы американской армии, хотя бы простейшие, например - Reise - Pistol. Однако нужно было быть совсем не в себе, что бы так портить отношения с хозяевами. Уже по возвращении на Родину я, наконец, удосужился просмотреть конспекты "Папая" и "Ирпеня" по подрывному делу, которые эта парочка умудрилась тащить через две границы. Ничего особо американского, исключая самые общие места, я в них не обнаружил. Создатели учебной программы явно не рассчитывали, что кто-то, кроме них, знаком с Field Manual FM 5-13 (Boobytraps) или 21-50 (Ranger Training and Operations). Нам, командирам, инструктора так прямо и прогружали "Солдаты все должны повторять за вами, как обезьяны. Понимать зачем, им не обязательно". Хороший совет - сеять невежество, если бы они им еще и сами пользовались, а так личный состав узнал от них, заодно о существовании и задачах SAS или Legion Etrangere. Сама война в Абхазии внесла нечто новое в развитие искусства охоты на людей, и внимательное изучение даже данной работы, позволяет извлечь некоторый опыт, имеющий практическую ценность,

Тем не менее, хороших полевых офицеров из грузин мало. Как они сами объясняют - менталитет такой. Мы уже смутно понимаем, что надо копать окопы,

но преодолеть себя не в силах.

Как во всяком большом деле не обходится и без "панамы" на военных заказах. Весь танковый парк Грузии, а это танки Т-55 и Т-72, причем, первые, по опыту боевых действий, ценятся ввиду своей простоты, выше, получил новые моторы. Однако ввиду использования, якобы полученного из России, непригодного масла, многие дизеля вновь заporоли. Об особенностях американского снаряжения я уже упоминал. Похоже, что за соответствующую мзду или просто, по дешевке, грузинская сторона приобрела "неликвиды", оставшиеся со времен "Бурей в пустыне". Какой смысл делать спальники водонепроницаемыми, когда вода в пустыне едва-едва конденсируется. Сравнительно с прочими конфликтами, грузины весьма продвинулись в области радиосвязи. У нас были американские радиостанции "Томсон", работающие в КВ диапазоне. Они зарекомендовали себя в горах хорошо. Чего нельзя сказать об УКВ станциях "Кюмах", якобы австралийского производства, вероятно, также предназначенные для равнинной местности. У грузинских солдат в ходу были даже миниатюрные "уоки-токи", позволяющие радиофицировать каждого пехотинца. Накопленного Грузией ударного потенциала, ввиду внутренней и международной ситуации хватит для ведения лишь победоносного "блицкрига" длительностью в 30-45 дней. Что при увязании России в "миротворческих" операциях где-нибудь в Дагестане, вполне осуществимо. Роль Чечни в таком политическом раскладе значительно возрастает. Примерно треть нашего личного состава не участвовала в боевых действиях в Абхазии, а обеспечивала коридор с Чечней через Казбеги. В тех местах чешские строители пробивали в горах "стратегическую" дорогу между Грузией и Чечней, минуя Россию. По этому же коридору предполагалось выводить наших людей из Чечни в случае неблагоприятного течения дел в дагестанском проекте или наоборот, самим отступить туда при каких-либо непредвиденных событиях в Грузии. Неудавшееся покушение на Шеварнадзе и события в Мингрелии, подтвердили разумность такой предосторожности. На государственном уровне отношения Грузии и Чечни, возможно, и удастся улучшить. Но на бытовом уровне примирение невозможно. Вообще, когда начинаешь вникать в подробности межнациональных отношений на Кавказе, от них веет чем-то ветхозаветным.

При выселении чеченцев, поголовье их домашних животных и пастбища достались соседним народам. Из них только грузины вернули хозяевам по их возвращению из ссылки примерно то же количество скота. Но надо знать мировоззрение чеченца. В его мысленном взоре немедленно возник образ того стада, которое могла дать его корова и ее приплод за эти пятнадцать лет. Поэтому начинаешь понимать скрытое значение слов того же майора Вассо, видящего в госпитале чеченца, принимающего из рук медсестры какие-то лекарства:

- Ты, что чеченец, (сволочь). Что, почки болят, (хорошо). Лечить приехал, (чтоб ты сдох).

Наше пребывание на базе в Тхибули завершилось воистину гомерическим спором. Между "Устимом" и Вассо разногласия возникли по двум вопросам. Пробьет ли пуля ТТ, лежащий на песке носовой платок. ("Устим" - да, Вассо - нет.) И пробьет ли пуля ПМ каску образца 1943г. ("Устим" - да, Вассо - нет). Пробные стрельбы завершились вничью, ни одна из пуль патронов болгарского производства (со свинцовыми сердечниками) не пробила каски. Но и пуля ТТ прострелила белоснежный носовой платок "Устима". "Рута" поднял его и, держа обеими руками, как простыню чеченской новобрачной показал дыру Вассо. Это было уже слишком и, подвыпившие, возбужденные спором господа

офицеры открыли по платку беглый огонь так, что от надульного пламени начала тлеть ткань. Если в вас когда-нибудь стреляли спереди, вы должны знать, как отличается в этом положении звук выстрела. "Рута" стоял неподвижно до последнего пятнадцатого выстрела.

- Какие нервы! - Восхитился Вассо.

- Пошли вы! Я боялся пошевелиться.

Мое приключение увенчалось историей, словно сошедшей со страниц колониальных хроник. В 1610 г. английская Ост-Индийская Компания отправила в плавание свою первую экспедицию. В 1603 г. три из четырех кораблей Ланкастера вернулись груженные перцем. Перца было столько, что цены катастрофически упали и пайщики умоляли больше его не привозить. Я не внял этому уроку истории и вложил остатки кровно заработанных мною денег в 500 кг лаврового листа, цены на который в Грузии были значительно ниже, чем на Украине. Предприятие обещало быть прибыльным и более надежным, чем афера с машиной, но оказалось, что средняя годовая потребность, например, консервного завода или мясокомбината, едва достигает 150 кг данного продукта. Даже по самым смелым подсчетам моя "лаврушка" покрывала потребность Ивано-Франковской области года на три.

Дмитро Корчинский

В массовом сознании мы никогда не присутствовали в качестве политической партии. Нас воспринимали как нечто среднее между цыганами и чеченцами. Меня всегда обвиняли в недостаточной украинскости. Какое бы лицо я не надевал, профессиональные украинцы чувствовали запах серы при моем приближении. Книжников и фарисеев когда то посещали серьезные сомнения относительно праведности Иисуса. Он и в самом деле не был таким уж праведником, он просто был Сыном Божиим.

Я всегда считал ущербным бытующий в головах националистов образ отечества. Отечество это не территория, это сумма подвигов. Национализм это не программы, национализм это выстрелы. У народа следует отобрать костыли. Они все еще отравляют нашу душу, книжники и фарисеи. Их книги устарели, а фарисейство в том, что названия которые они используют уже ничего не называют. Их схемами, их понятиями уже нельзя ничего описать.

Говорили, что мы убийцы. Но на самом деле солдат, который идет в бой, террорист, даже уголовник, который идет на ограбление имеют психологию и ощущения жертвы. Они жертвуют собой .

Убийцами с психологией убийц являются милиционер, прокурор, судья. Они не рискуют. Они убивают заноса свои убийства в протокол. Нет ничего более отвратительного, чем государственное насилие. Когда говорят о бюрократической диктатуре представляют железные колонны, диктатора перед миллионными массами, Гитлера, Сталина. Об этом можно только мечтать, ведь на самом деле это отягощенная бытом сорокалетняя дамочка судья в районном суде, которая приговаривает лет этак к 12-ти по делам, которые она в принципе даже физиологически не способна понять.

Владислав Дождь. МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ В БАМУТ.

Еще Хемингуэй утверждал, что во время войны не следует писать о ней всю

правду. Сейчас, по окончании боевых действий, мир в Чечне представляется достаточно колоритным, чтобы написать и о нем. Признаюсь, меня погнало в Джохар Галу любопытство. "Ну, как там они без нас? "

Даже внешне толпа на улицах Грозного отличается от такой же в Москве или Киеве. Апатия, безынициативность абсолютного большинства соотечественников - удручают. Становится тяжело видеть эти лица, слышать обрывки их разговоров. Я уже не говорю о политике. Чеченские лидеры красивы не только в поведении, но и внешне, что составляет разительный контраст во время переговоров. Конечно, говоря о чеченцах я имею в виду "превалирование эстетического над этическим". У их визави, при всей правоте их намерений, атрофированы не то что мышцы тела, но и лица. Из русских, только Березовскому, удавалось вести дела с руководством. Кстати, по поводу "национального вопроса", Аятолла Хомейни как-то сказал: "Весь русский народ, как мусульмане, так и не мусульмане... "

Мое первое появление в Чечне было куда более авантюрным. Я перешел российско-азербайджанскую границу в Дагестане, по паспорту чеченца, находившегося в розыске. Об этом мне радостно сообщил его владелец, уже в ста метрах за КПП.

В ходе боевых действий, усилиями украинских СМИ, был создан вполне романтический образ Чечни. Эта точная симпатия доходила до маразма. Один деятель в Ивано-Франковске упал перед "вечным огнем" на колени и поклялся не вставать, пока "москальи" не выведут свои войска из Грозного. Еле увели его подруки. Отдельные экзальтированные особы были готовы ехать туда, чтобы "разделить трудности с этим героическим народом". Разъяснения на предмет того, что подобное путешествие не завершится, скорее всего, в горах, на стройке или на пастбище оставались гласом вопиющего в пустыне. Особое впечатление на трудолюбивых соотечественников производили телепейзажи разрушенного Грозного. Даже средней руки строительные дельцы из провинции не могли не удержаться, чтобы не перевести руины в кубометры кладки и условные единицы. Этим уже грех было не раскрутить. Разговоры о воинских подвигах плавно перетекали в проблему заложников и наши контакты с нынешними хозяевами страны. Таким образом мы торговали "крышей" на экспорт.

Милиция рискует тормозить только машины с номерами. Если таковые отсутствуют и еще видна объяснительная надпись "номеров и документов нет" - значит транспортное средство принадлежит уважаемому человеку, а в багажнике, скорее всего лежит ПК. Стреляют в городе по-прежнему охотно, особенно по вечерам, но на слух и по виду это уже не перестрелки.

С Гилаевым мы заочно познакомились в Абхазии, о чем надлежало дипломатично молчать во избежание претензий "кровников". Тогда он водил бригаду человек в 30-50. Прежде торговец бензином, человек сугубо штатский, он первым начал готовить этих же полсотни человек своего "спецназа" к войне. В ходе боевых действий, еще до падения Грозного, он был единственным, кто пытался вести регулярную войну, держать фронт. И нес при этом значительные потери. Несмотря на это под его началом собиралось наибольшее число людей. Сфера влияния Гилаева простирается на район Шатоя. Он и его люди принадлежат к тейпу джохва. Тейпы не следует абсолютизировать, как форму общности, но нужно в них ориентироваться для понимания внутренних отношений. Из командиров Гилаева я больше знал "Лося" и "Челюсть". Каждый из них контролирует по ущелью, это два-три села. Места гористые, жизнь тяжелая, люди небогатые. Дома поражают спартанской обстановкой: стол, стулья, лежанка, видеоманитофон.

В войну каждый из командиров мог собрать до 300 человек, конечно очень ненадолго. Сейчас на них лежит забота о пропитании "их" населения, приходится искать работу (работать "по долгам"). Перед нашим прибытием в среде чеченского руководства вспыхнул конфликт. Пресловутая чеченская нефть выглядит в реальности куда комичней, непосредственной, в стиле тех, кто ее "добывает".

"Челюсть" держал Наурский район, захватил энное число нефтяных скважин. Переработка добытой нефти велась кустарным способом, только что не самогонными аппаратами. Низкокипящие фракции грозненской нефти отделяются уже при температуре разгонки, около 150 градусов и образуют превосходный бензин, который "Челюсть" накапливал в трофейных автоцистернах. Масхадов приказал двинуть против него правительственные части - свою родню, статусом несколько повыше "захватчиков", так как они сидят в казармах и им обещано жалование. Горцы выставили 4 танка и "Град". "Челюсть" ворвался в резиденцию Масхадова, при этом одному из охранников сломали бороду. "Челюсть" пообещал президенту отрезать уши.

Самого Гидаева мы застали в отбитой им у Масхадова "правительственной резиденции" - бывшем профилактории на окраине Грозного. Уже дней десять, как вице-премьер по восстановлению Чечни томился: творил намаз, забросил свой спутниковый телефон.

Следует пояснить меру его отшельничества. Как и в войну, связь остается проблемой в республике. Спутниковые телефоны многих знакомых командиров уже поизносились и соединяют неохотно. На переговорной станции одна минута разговора с Киевом стоит 3 доллара. Монополию на спутниковую связь в Чечне имеет фирма, контролируемая Березовским. Сам Гидаев является едва ли не наиболее обязательным "лицом кавказской национальности" в среде чеченского руководства. И если его доконала тяжелая работа по восстановлению республики, то тому были веские причины.

Как всегда, так и здесь, речь шла о модной ныне проблеме взаимозачетов.

Некто в российском руководстве предложил чеченцам самим изымать средства "на восстановление" с субъектов СНГ, в счет их задолженности России. Чеченского министра строительства, явившегося по данному вопросу в Киев, в Совете Министров сразу же послали. Обычно, узнав о любом финансовом предприятии, чеченцы являются туда с вопросом:

- Куда мы можем прийти за нашей долей?

Если их сразу же послать, они обычно и идут. В данном случае, не касаясь сути секретных пока переговоров, можно сказать, что чеченской стороне пришлось удовлетвориться долгами физических и юридических лиц меньшего масштаба. Сама техника разбойничьего промысла, даже в исполнении чеченцев, не так занимательна.

Дмитро Кочинский

Как-то мне рассказали бытующий в среде Московской уголовной общности анекдот, который не столько характеризует чеченцев, сколько тот суеверный страх, который возникает у одномерного человека, когда в его жизнь агрессивно вторгается проявления иной высшей духовности.

Правда, рассказчик был уверен, что все это действительно имело место году этак в девяносто третьем.

Началось с того, что молодой чеченец хлопнул кого-то из московских авторитетов. Он удалился в Чечню, а в Москве имели место разборки, терки, стрелки. Короче выяснения отношений закончились, так сказать, генеральной

стрелкой, на которую собрались все заинтересованные лица. Чеченцы также вызвали из Чечни и героя дня, под какие-то гарантии безопасности. Разговор продолжался часа четыре. Наконец виновник торжества не выдерживает и говорит:

- Все эти ваши понятия мне глубоко чужды. Суда вашего я над собой не признаю. Я мусульманин и судить меня может только Аллах, что он сейчас и сделает.

Чеченец достал револьвер, оставил в барабане один патрон и сыграл в русскую рулетку. Раздался выстрел и он упал с простреленной головой. Когда его уносили, чеченский папа сказал русским коллегам:

- Вот видите, как мы умеем платить за свои ошибки. А теперь давайте посмотрим, как умеете платить вы.

В Киеве политикой в поддержку воюющей Чечни занимались двое чеченцев - Како Махаури и Руслан Бадаев. Через них проходило много контактов. Оба, к сожалению погибли. Како был застрелен в девяносто седьмом году. Немного раньше Руслан Бадаев был убит одним ударом ножа в сердце. Как потом оказалось, бил мой знакомый по другим делам. Руслан был борец. Вообще нужно иметь мужество и квалификацию, чтоб хорошо действовать ножом. Большинство убийств с помощью ножа это десять - пятнадцать ран на теле жертвы. И бьют не со злости, просто добить тяжело. Человек с перерезанной трахеей живет еще минут двадцать. И, вы не поверите, бывали случаи, когда еще успевали давать какие-то показания.

Одно время у нас были довольно тесные отношения с независимыми профсоюзами горняков объединения "Первомайск уголь". Одного из профсоюзных лидеров пытались зарезать, видимо по просьбе кого-то из руководителей объединения.

Он возвращался вечером домой. Его окликнули по имени (чтобы удостовериться, что это действительно он), и сразу же ударили. Нож одного из нападающих вошел в селезенку и вышел под печенью, другой бил под лопатку, пытаюсь достать сердце, но нож просто проткнул легкие. Они сразу же ретировались, как только профсоюзник упал на колени. После этого он встал, добежал (!) до дома, около километра, поднялся на второй этаж, позвонил в свою квартиру и только после этого упал. Через два дня я навесил его в больнице. Он мог вставать и делать несколько шагов по палате.

Я уважаю людей, которые могут убить одним ударом ножа не фиксируя жертву другой рукой. В этом есть истинный дзен.

Владислав Дождь. ПОХИЩЕНИЯ.

Общество и город, которые наблюдаешь в Джохар-Гале (Грозном), казалось, сошли с экрана "Кавказской пленницы". Можно всерьез говорить о воплощении идей товарища Саахова. Похищают действительно часто. Мотив, самый тривиальный - деньги. При обилии желающих, похищение зачастую, происходит спонтанно. Все выясняют о жертве в ходе действия. Увидев меня в рубашечке "Bugatti", темных очках и с "барсеткой", знакомые чеченцы не преминули обратить внимание:

- Ты похож на еврея. Смотри, похитят.

Так случилось, что заскучав в обществе людей Басаева, я отошел от них буквально на минуту. Глупая привычка европейца прогуливаться, а не сидеть на корточках, перебирая четки. Захотелось взглянуть на меню ближайшего кафе.

Восстановление Грозного, в смысле ведения строительных работ, отличается похвальной частной инициативой. Каждый огораживает пространство, которое в состоянии удержать и эксплуатировать. В основном это базарчики: лотки и ларьки, так же маленькие кафе, популярной повсюду в СНГ архитектуры. По вечерам в них собирается весьма колоритная публика в камуфляжах, с гранатометами и пулеметами. Это, так называемый "весенний призыв". Никакие они не боевики, а так дешевые фраеры, - мародеры. Нелепостью, декорацией выглядит их оружие. Когда почти все довольствуются пистолетом на теле и чем-то автоматическим в машине. Конец войны всегда выплескивает на поверхность немало грязи.

Я не прошел и сотни шагов, как у обочины резко затормозил "бобик". - Кто такой? Почему здесь ходишь? (Не притворяйтесь рыбой) Ну, садитесь... поедем разбираться. Между тем машина поехала не в центр города, а по окраинам. Перебираемые мною фамилии чеченского руководства не производили на похитителей никакого впечатления. Анархизм свойственен чеченцам, они прирожденные бакунисты. Вот и сейчас мои спутники только понимающе кивали головами.

- Да, Масхадов. Да, Гиалаев. Да, Радуев. (мол есть такие)

Спасение пришло неожиданно, как в авантюрных романах.

- УНСО? Так, вези обратно. Что же вы, такой человек и без охраны (признак низкого социального статуса). Мы будем Вашей охраной. А деньги у Вас есть?

Меня вернули на то же самое место, угостили обедом сомнительного качества, расплатились за него, (я принял эти знаки внимания в качестве извинения) и исчезли. Я самым тщательным образом пересказал случившееся своим спутникам и получил подтверждение. Да, так в большинстве случаев и похищают.

Относительно журналистов, чеченцы прекрасно понимают, что тем плевать на "освободительную борьбу", и что гонятся они только за сенсациями. Почему бы не заработать на тех, кто и сам зарабатывает на крови. Разговоры на предлог того, нужны "им" (чеченцам) теперь журналисты в Грозном или нет, возможно отнести на счет мании величия самих журналистов. За них платят больше (чем за строительных рабочих) именно, когда они не работают, а сидят в подвале.

Кажущаяся легкость моего освобождения случайна. Никогда не знаешь, на что среагирует противник. Когда 245 танковый полк, тогдашний командир Сергей ЧИБИСОВ "взял" Ведено и Шатой (фактически их ему сдали, чтобы избежать разрушений), мы попали в нелепую ситуацию. Оружие продано, оставалось либо бежать в горы и там питаться травой, либо стреляться (из чего?), чтобы не попасть в руки "федералов", либо уходить на родину, что мы и собирались предпринять перед этим. На пути до Кизляра и из Кизляра до Минвод нас "тормозили" четырежды. Больше всего я испугался в первый раз, когда ехавшие с нами чеченцы знали, кто мы такие. После проверки они даже подходили и тихонько старались пожать руку. Было не по себе от такой "поддержки". Наша легенда не выглядела убедительной, мы курьеры с Украины, ездили в Махачкалу договариваться за покупку рыбы. Надо было видеть наши слежавшиеся от долгого безделья туфли, пожертвованные дружественным чеченцем. Штаны, подпоясанные ремнями от снаряжения, "тельники" в багаже. Мой спутник додумался вклеить в обложку книги даже свои фотографии с оружием. Впрочем, глядя на его визитную карточку - трижды переломанный нос, я бы ему и так не поверил. Только бы взглянул и сразу не поверил.

В Минводах проверка была наиболее "профессиональной", брали даже мазки с пальцев на предмет следов пороха и ружейного масла. Искали на теле укусы вшей, следы ремней, хорошо еще, что мы неделю "откисали" в серных ваннах. И все равно нас бы повязали, если бы не мой день рождения. Я рвался к празднику на родину, тыкал в глаза своим паспортом в поезде, норовил всех угощать водкой. Так что майор, проводивший там проверку, возвращался дважды, чтобы застать нас врасплох. Мог "застукать" нас только на вполне объяснимом расслаблении. Заторможенная реакция моего спутника, ненавидящее выражение его лица были плохой помощью. Мне самому психологическая разгрузка далась тяжело. Пришлось даже запереться в гостинице в Кизляре и раскурить по "косяку".

Русские относятся к своим обязанностям на войне, как к казенному делу. Отсюда их стремление иметь что-то и для себя и наша возможность спастись. День рождения вызывал у проверяющих вполне определенную ассоциацию.

САЛМАН РАДУЕВ.

Услышав новый титул нашего старого знакомого - "бригадный генерал", кто-то из спутников поинтересовался "это, как выше генерал-полковника?" - Сразу за "подбригадным".

Карьера Радуева удивляла. Почти ровесник Басаева и Гидаева, он и в свои тридцать лет не воспринимался всерьез. Когда Басаев готовил свой наезд, людей выразивших принципиальное согласие на участие, сразу же закрывали в подвал, чтобы предотвратить утечку информации. Даже цель - Буденовск, была выбрана случайно. О планировавшемся наезде Радуева на Кизляр говорили на всех грозненских и московских базарах. В серьезность его намерений никто не верил. После Первомайской Радуев стал объектом покушений ФСБ номер один. Даже его внешний вид латиноамериканского революционера: борода, темные очки, "фиделевка" во многом объясняется желанием скрыть свое новое лицо и шрамы на нем. Он был очень тяжело ранен. В октябре, при очередном покушении, был ранен еще раз. Из всех группировок в Грозном, "групень" Радуева больше всего напоминает УНСО. Такие же голимые, разве, что с пулеметами и автоматами, приходят-уходят, целый день отираются по комнатам и во дворе. Сидят под деревьями, о чем-то говорят, играют в нарды. Последнее качество - обязательно для каждого, кто пожелает стать своим в подобной компании. В местном раскладе сил Радуев играет роль "буйного" и "неуправляемого". В политическом отношении "командующий армией Дудаева" остается наибольшим идеалистом среди полевых командиров своего ранга. С чеченскими военачальниками предоставляется возможным говорить на две темы: о деньгах и "о жизни". В последнем случае, что предоставляет редкую возможность получать эстетическое наслаждение от созерцания вполне литературных персонажей. Поэтому "чеченским Робин Гудом" я бы скорее назвал Радуева.

В 1993-94 гг. российская пропаганда, прежде всего "товарищ Неврозов", усиленно лепили этот персонаж из Руслана Лабазанова. Уже долгое время спустя его "политической смерти", на него все еще пытались взвалить ряд взрывов на Северном Кавказе. Причем, все романтическая атрибутика, в том числе и с обязательными "женщинами-террористками", недвусмысленно указывала на российское авторство этого "приключенческого романа". Вообще, население Надтеречного и Ачхой-Мартановского районов пользуется у горцев репутацией "очечневших", то есть ассимилированных. В войну даже раздавались голоса на предмет того, что надо бы их резать, но победы списали былые противоречия. Возникли новые - те же вахаббиты.

На зеленой печати, которой Радуев украшает свои автографы ("исполнено собственноручно"), красуется генерал Дудаев в костюме "товарища Саахова" - в цивильном и шляпе! Малиновое факсимиле гласит: "Brigadnu General Salman Raduew". Как тут не вспомнить старый анекдот на предмет водяных знаков на фальшивых десятках:

- А почему Ленин в кепке?

- А у нас все в кепках!

С Радуевым и его "армией освобождения Кавказа" связывают надежды на новую общекавказскую войну. Когда Масхадов подписывал с Лебедем мир, этим были недовольны почти все полевые командиры. Стремление добить группировку федеральных войск было единодушным. Под конец боевых действий войска испытывали невиданный недостаток снабжения. Новую подобную группировку Россия смогла бы выставить спустя год и более. На все это время, чеченцы стали бы хозяевами Кавказа. Так что Лебедь, был в то время подлинным спасителем России как и все "пораженцы", начиная с Крымской войны.

Сейчас наметилось и еще одно направление внутричеченской конфронтации.

Радуев, как и большинство - националист. Весь чеченский народ принадлежит, в смысле религиозном, к двум суфийским орденам - вирдам. Отсюда вирдовые - суфийские пляски на площадях, излюбленная некогда тема для ТУ -

Панисламистское течение представляют менее многочисленные вахаббиты. За их спиной - режим Саудовской Аравии. В смысле политическом, из руководства Чечни, к ним можно отнести и Удугова. У последнего - хорошие отношения с Березовским. Березовскому якобы принадлежит цементный завод, снабжающий стройки в Грозном - воистину золотая жила. Вахаббиты не признают иных наций, кроме единой исламской, так же федеральных святых, орденов, всей местной культуры. После первых столкновений в Дагестане можно ожидать, что чеченский народ сократится на некоторую свою часть то ли вахаббитов, то ли их противников. Недавний, уже декабрьский "наезд" на танковый батальон в Дагестане, подтвердил правоту летних раскладов. К сожалению, или к счастью, ввиду изменения положения Радуева, нам украинцам не довелось принять участия в боях в Дагестане. Но это уже совсем другая история.

У Басаева я встретил и небезызвестного "Монгола". В свое время этот человек объявил охоту на "Япончика", после чего тот был вынужден бежать в Америку - в лапы ФБР. "Монгол" - единственный из знакомых мне чеченцев - выделяется явно уголовными повадками: моторика, жесты, пресловутое "шевеление перстами" ("сначала сверху вниз, а потом, как крестятся" - так меня некогда учили). Выглядеть вором среди чеченцев не престижно. У них свои особенности поведения.

Практически все боевики УНСО в Чечне, летом 1997 г. были сконцентрированы вокруг Радуева. Число их достигало тридцати человек. Цель пребывания - надежда раздуть еще один конфликт на Кавказе, в Дагестане или Азербайджане. Большие надежды возлагались на изменение чеченской позиции в Абхазском вопросе. Основной ударной силой режима Ардзимбы, кроме федеральных войск и, тогда еще совместного, черноморского флота, были чеченцы, армяне и адыгейцы. Однако, осенью 1997 г. сторонников покойного грузинского президента Гамсахурдия, если таковые вообще имеются, поддерживал разве, что Салман Радуев. Положение последнего по сравнению с летом, весьма ухудшилось, что привело и к падению стратегических планов Корчинского. Предполагалось, что, базируясь одновременно в Грузии и Чечне, и имея для коммуникации неконтролируемую Россией дорогу, унсовцы смогут сохранить свободу маневра в случае смены политической ситуации в одной из стран. Потребность содержать

какую-то часть организации под ружьем в "освобожденной (от закона) зоне" вызвана как стремлением иметь вооруженный кулак, так и преследованиями со стороны режима в Украине, нужно же где-то прятать лиц, находящихся в розыске.

Аноним

В Чечне я вплотную столкнулся с двойственной ролью женщины в исламе. При всей внешней подчиненности чеченок например, когда входит муж они встают и просят разрешения продолжать работу, без их активной поддержки в семьях, война была бы невозможна. Женщина, вообще-то по своей природе контрреволюционна, но чеченки, в отличие от русских, сознают цели войны и несут на себе ее тяжесть, создавая мужчинам вполне надежный тыл, а так же необходимый на начальном этапе дестабилизации шумовой фон. Например, при блокадах, прорывах, когда от обычного насилия только переходят к вооруженному. То же, стараниями Андреевой, наблюдалось в Приднестровье. К сожалению, в руинах Грозного наши соотечественницы проявили себя совсем иным образом. Максимум, что "из под них" можно было извлечь, это ненадежная роль посредниц в контактах с российскими военнослужащими на предмет продажи краденого военного имущества. По телевизору в программах "душки" Неврозова, я не раз слышал возмущенные вопли "бочкаревок" ("афганское" понятие, женщина-военнослужащий или находящаяся в постоянном общении с военными). - Чеченцы всех русских женщин считают за проституток!

Простите меня, милые дамы, но сексуальная революция в этой стране еще не наступила и свои прелести вы предлагаете далеко не безвозмездно. В принципе, я сторонник если не строгой, то последовательной морали. Аят Корана (24; 33) гласит: "... не принуждайте ваших девушек к распутству, если они хотят целомудрия..." Ограниченные в средствах публичного выражения своих чувств, лишённые законного права первыми заговаривать с незнакомыми мужчинами, женщины Чечни дают волю рукам, собственно, бедрам, при каждом удобном случае. Например, в общественном транспорте. Об этом феномене шариатского общества мне рассказывали еще коллеги, побывавшие в Иране. Запреты являются надежнейшим средством в борьбе с пресыщением. Юные ичкерийки в возрасте наших старшеклассниц все еще свято веруют, что дети рождаются от поцелуев. С возрастом, объемы женской свободы растут и где-то в климактерическом возрасте темперамент берет свое. С этого возраста вы вполне можете наслаждаться обществом прекрасных горянок. К слову, об общественном анекдоте о волосатых ногах и волосатой груди. На Кавказе - это не такая уж редкость и ваша избранница, как ни в чем не бывало, сбрасывает растительность вокруг сосков так же, как подмышками. Говорят, что с воздействием профилактических осмотров в советское время, обычай брить волосы внизу, уступил место короткой стрижке. Может в городах оно и так, но в горах свято чтут обычаи предков. Каждый половозрелый член семьи имеет свой кумган для интимных омовений. Если семья большая, возле нужника их висит штук пятнадцать-двадцать.

Владислав Дождь. "БИРЖА".

Место на базаре, где в Грозном продается оружие, именуется биржей. У местных оно пользуется не лучшей репутацией. Считается, что в Шали, или в горах, у жителей покупать оружие дешевле. Жить-то как-то надо, а здесь

орудуют перекупщики. В тот день ассортимент на рынке был обычным, только оружие российского производства. Иногда бывает и иностранное, но редко. У одного из чеченцев я заметил даже пистолет-пулемет латвийского производства под макаровские патроны. По отзывам владельца, оружие, несколько напоминающее "Клин" в его руках стреляло безотказно. Что впечатляет и свидетельствует о стабильном спросе, так это цены. Говорят, они держатся благодаря тому, что за оружием приезжают и из России. Специфику предложения диктуют и вкусы чеченцев. За пистолет АПС просили ни много, ни мало - 4500 долларов, больше, чем за винтовку СВД. Подобное оружие, несмотря на его очевидную безбидность, разве, что по витрине стрелять, пользовалось у чеченцев популярностью и в войну. Доходило и до курьезов. Брат коменданта в Шали имел "стечкин", каковым очень гордился. При посещении отхожего места, запасные магазины упали в "очко". Немедленно был вызван пленный майор ФСБ, которому и довелось исполнять функцию золотаря. В ответ на его слабую попытку протеста, я не удержался чтобы не вставить между угрозами два шекеля и от себя.

- Согласно нормам Женевской конвенции, офицеров в звании майора, наряду с младшими офицерами допускается привлекать к физическому труду. Забыл что ли, что майор есть низший чин высшего командного состава? Чистка сортиров так же не связана с оборонными работами. Потом пришлось объяснять коменданту, что такое Женевская конвенция. Он не понял.

Столь же популярные у чеченцев ТТ предлагались по 800-1200 долларов.

"Наган", правда, новый и с боевыми патронами, что у нас редкость, можно было приобрести, как и в Киеве за 600 долларов. Интересовавшие нас ПМ и "Калашниковы" стоили недорого 550-600 долларов. Патрон к ПМ - 1 доллар, не разгуляешься. Может оно и к лучшему, рядом с базаром можно опробовать оружие, пострелять, как когда-то в досаафовском тире. В горах мы приобрели цинк патронов 5,45 ровно за 14 долларов. В ходе боевых действий один такой патрон стоил 500 рублей.

Из раритетов я обнаружил пистолет "Маузер". Произведенное до первой мировой войны оружие было ввезено на Кавказ и уже тут украшено серебром с чернью весьма тонкой работы. В канун века оружие немецкого и австрийского производства, как холодное, так и огнестрельное, господствовало на местном рынке. Еще в эту войну встречались трофейные карабины-"маузера", ценившихся, как и английские "Ли-энфильды" в Афганистане, за пробивное действие. Ввиду дефицита патронов, некоторые из владельцев, пытались приспособить отечественный, от "трехлинейки". Поскольку, боеприпасы им были очень нужны, никакие аргументы "против" не доходили.

К слову импорт дорогого оружия осуществляется из сопредельной Грузии, где приобретение и хранение его гражданами страны не требует специального разрешения. Иное дело, ношение, грузинская милиция употребляет эту статью УК с большой ретивостью, в том числе для преследования всяческих "комбатантов" (ветеранов войны в Абхазии) и противников Шеварнадзе. Поставляет оружие на Кавказ, как и в Канды века известная немецкая фирма, только теперь, вместо "маузеров" большим спросом пользуются "беретты". Цены впечатляют, если стоимость вышеописанного "маузера" хоть как-то коррелирует с мировой - 2500 долларов против недавней - 1000 фунтов стерлингов на аукционе в "Сотбис", то модель Brigadir M92 "Lukus" при мне приобрели за 10 тыс. лари (I Y, S, D-1, 3 лари). Но это еще не предел, совсем уже "навороченный" пистолет, при посредничестве Корчинского пытались сплавить Шамилю Басаеву за... 40 тыс. долларов. Корчинский вежливо уклонился, хотя психологически "гешефт" был

выверен очень точно. Нынешний премьер-министр в таком обществе, как чеченское не может обойтись без очень дорогого, желательного уникального, оружия, как "мерседес" или спутниковый телефон - это вопрос престижа. Контрабанда подобного оружия западного производства довольно распространена среди мелких грузинских бизнесменов. Странным образом, тяжелое оружие пехоты, те же "Шмели", для нужд войны в Абхазии, приобретается в Чечне. Участвуют ли в этом бизнесе российские фирмы, я не знаю. Однако на той же "бирже" массово и задешево - всего 400 долларов предлагаются современные пистолеты "ИЖ" российского производства. Оружие "гражданского образца" исполнено на базе газовых версий пистолета Макарова, имеет странный калибр 7,6 и снабжено глушителем. Не так давно партия подобных пистолетов была приобретена украинской стороной для нужд банковских охранных структур. Эксплуатация оружия выявила такой его недостаток, как частые задержки в стрельбе, вызванные поддутием, даже разрывом гильзы. Подобным пистолетом был вооружен и террорист, недавно захвативший в Москве шведского дипломата. Моя попытка разузнать, откуда пришла целая партия такого оружия, была враждебно встречена продавцом. Конфликт удалось замять, но нам пришлось ретироваться.

Дмитро Корчинский

Идея живет в своих крайних проявлениях. Она умирает, когда ее принимают все. "Вера, надежда, любовь" - когда-то было не менее революционным лозунгом, чем "Свобода, равенство, братство", чем "Вся власть советам", чем "Хайль Гитлер!" Идея живет, пока пугает. Как только исторические ревизионисты докажут, что нацисты не сжигали евреев в печках, с магией свастики будет покончено.

Владислав Дождь. "КУДА МЫ МОЖЕМ ПРИЙТИ ЗА СВОЕЙ ДОЛЕЙ? "

Обобщать опыт войны в Чечне занятие неблагодарное. Если я сунусь с тем, что собрал в серьезные военные учреждения, меня посчитают идиотом. Людей, которые там сидят и их систему военного образования спасает только то, что воевать им самим не приходится. Чтобы получить хоть слабую надежду быть услышанным, остается сосредоточиться на негативном опыте самих чеченцев. В среде чеченцев существуют довольно сложные взаимоотношения, сориентироваться в которых проще, если начать с личности. Наиболее "контрреволюционная" часть населения в Чечне те, кому 35-45 лет. Именно они служили опорой Загаеву, Гантемирову, Лабазанову. Сейчас они являются средой, на которой зарождается новая бюрократия. Особенностью ее является отсутствие силовых полномочий. Даже в милиции служат все те же, в ней почти нет молодежи.

Исполняют, как решают все - авторитеты. Нельзя подходить к чеченским лидерам с отечественно-номенклатурными представлениями о "начальниках", чтобы достичь чего-то. В Чечне не нужно быть должностным лицом. Когда в войну Масхадова именовали "Начальником штаба", все понимали, что это титул, а не звание. На другой день после его избрания президентом, чеченцы дружно возненавидели своего избранника. Появилось даже новое прозвище - "ушастый". Рассказывают анекдот, якобы Дудаев собрал всех своих в горах и сказал: - Ну, все, будем конать. Я-то свои усы сбрую, а вот, что ты с ушами сделаешь?

Стали считать и стоимость президентских мерседесов за сто пятьдесят тысяч. Сначала, один, затем второй, правда говорят, что это все тот же, только с другой стороны. Журналисты много гадали и по поводу мотивов отставки Басаева.

Так вот, он ушел, чтобы усилиться. Его приближенные уже рассказывают историю о том, как сидели в кафе и увидели въезд своего вождя в новом обликий... Впереди милицейская машина с мигалкой. Пошли пересуды... "Зазнался, продал нас, с лягавыми разъезжает". Конечно это миф, но он только персонифицирует существующую тенденцию. А недавнее возвращение Басаева, но уже на пост премьер-министра, его вполне подтверждает.

В чеченском обществе существует прослойка тысяч в пятнадцать человек, которую я охарактеризовал бы, как "протоаристократию". Каждый мужчина, принадлежащий к ней, постоянно находится, даже среди своих в ситуации, когда он вынужден проявлять уважение к своему окружению и требовать того же для себя. Это система отношений является единственной формой субординации.

Власть полевых командиров держится на уважении, поэтому "кадровый состав бригад не превышает трех-пяти десятков человек. Только на короткое время численный состав возрастал за счет примкнувших "индейцев". Басаев в пиковые моменты своей популярности собирал до 500 человек. Все они воспринимали войну, как свое личное дело. То есть, принуждены были сами заботиться об оружии, снаряжении, продовольствии. Когда нас привезли в Грозный, ставить на позиции, мы два дня скитались в поисках штаба. Реакция боевиков была в стиле "тебе надо, ты и воюй, сам найдешь как".

Чтобы получить автомат, нужно было "тереть" с полевым командиром, чтобы он его тебе подарил, или брать на какое-то время в аренду. Уже потом предоставлялась возможность "раскрутить трупик". Весьма скоро послышались суждения на предмет того, что украинец, как и чеченец ни за что не расстанется с автоматом, если за него можно получить хоть один доллар. Уже говорилось, что в ходе последних боев за Грозный русские солдаты не получали хлеба по три недели. Но и самим чеченцам приходилось покупать его у торговцев. Ввиду отсутствия тыла мобилизационные возможности чеченского общества ограничены "тремя-шестью тысячами боевиков". Сами чеченцы, несмотря ни на что, считают это положение нормальным. Поиск собственной выгоды составляет основу их интереса к любому начинанию.

В отношениях с федеральными войсками это было особенно очевидно. Здесь не пропускали ни одной возможности. Например, для перевозки делегации к месту переговоров выделяют бронетранспортер. Чеченцы садятся на него, водружают зеленое знамя и целый день разъезжают по Грозному перед объективами видеокамер. Заодно сжигая и неприятельский бензин. Во время скандала, стоившего командиру 245 танкового полка Сергею Чибисову должности, когда бригада в 12 человек сожгла в ущелье 60 единиц бронетехники, никто так и не удосужился подсчитать, сколько в действительности сгорело и было сброшено в пропасть, а сколько преданно чеченцам - списали на боевые потери. Не секрет, что при танковых наездах на Грозный большинство машин было сначала покинуто экипажами и только затем разграблено и сожжено для сокрытия следов.

Еще одним недостатком чеченцев является некоторая ограниченность кругозора, порожденная, как ни странно, тем же практицизмом. Когда, при обороне Грозного люди Гилаева копали окопы, то делали это только из уважения к своему начальнику, а не из понимания, зачем все это нужно. Вразумили их уже артобстрелы и авианалеты. Круг технических познаний чеченца ограничен:

оружие, видеомэгнофон, кнопочный телефон, еще машина. Получив в руки, например, пистолет, они сразу же садятся его разбираться. Со взрывчаткой уже сложнее. В Шали долгое время выставляли противотанковые мины, забыв поставить их в боевое положение. Подрывники, артиллеристы и водители бронетехники почти всегда "интернационалисты" или даже пленные. Я знавал одного парня из Ленинграда. Он со своим другом чеченцем попал на войну странным образом. Они отправились в Грозный и порешили, если больше зверствуют русские, то присоединяются к боевикам, если чеченцы, то возвращаются в Питер и начинают их там "мочить". Парень был танкистом, а за зиму дважды горел. Раз в МТЛБ, раз в Т-72. Оба раза стреляли из гранатометов свои же. Хорошо еще, что люки были открытыми и излишек давления от кумулятивной струи сбрасывался через них. В ответ на его маты и напоминание о зеленом знамени, на антенне слышались похожие объяснения:
- Танк, понимаешь. Туда ездит - назад. Я думаю стрелять - не стрелять. Решил стрелять - (потому что) танк.
Владислав Дождь. МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ В БАМУТ.

Еще Хемингуэй утверждал, что во время войны не следует писать о ней всю правду. Сейчас, по окончании боевых действий, мир в Чечне представляется достаточно колоритным, чтобы написать и о нем. Признаюсь, меня погнало в Джохар Галу любопытство. "Ну, как там они без нас? "
Даже внешне толпа на улицах Грозного отличается от такой же в Москве или Киеве. Апатия, безынициативность абсолютного большинства соотечественников - удручают. Становится тяжело видеть эти лица, слышать обрывки их разговоров. Я уже не говорю о политике. Чеченские лидеры красивы не только в поведении, но и внешне, что составляет разительный контраст во время переговоров. Конечно, говоря о чеченцах я имею в виду "превалирование эстетического над этическим". У их визави, при всей правоте их намерений, атрофированы не то что мышцы тела, но и лица. Из русских, только Березовскому, удавалось вести дела с руководством. Кстати, по поводу "национального вопроса", Аятолла Хомейни как-то сказал: "Весь русский народ, как мусульмане, так и не мусульмане... "
Мое первое появление в Чечне было куда более авантюрным. Я перешел российско-азербайджанскую границу в Дагестане, по паспорту чеченца, находившегося в розыске. Об этом мне радостно сообщил его владелец, уже в ста метрах за КПП.
В ходе боевых действий, усилиями украинских СМИ, был создан вполне романтический образ Чечни. Эта точная симпатия доходила до маразма. Один деятель в Ивано-Франковске упал перед "вечным огнем" на колени и поклялся не вставать, пока "москальи" не выведут свои войска из Грозного. Еле увели его подруки. Отдельные экзальтированные особы были готовы ехать туда, чтобы "разделить трудности с этим героическим народом". Разъяснения на предмет того, что подобное путешествие не завершится, скорее всего, в горах, на стройке или на пастбище оставались гласом вопиющего в пустыне. Особое впечатление на трудолюбивых соотечественников производили телепейзажи разрушенного Грозного. Даже средней руки строительные дельцы из провинции не могли не удержаться, чтобы не перевести руины в кубометры кладки и условные единицы. Этих уже грех было не раскрутить. Разговоры о воинских подвигах плавно перетекали в проблему заложников и наши контакты с нынешними хозяевами страны. Таким образом мы торговали "крышей" на экспорт. Милиция рискует тормозить только машины с номерами. Если таковые

отсутствуют и еще видна объяснительная надпись "номеров и документов нет" - значит транспортное средство принадлежит уважаемому человеку, а в багажнике, скорее всего лежит ПК. Стреляют в городе по-прежнему охотно, особенно по вечерам, но на слух и по виду это уже не перестрелки.

С Гиладель мы заочно познакомились в Абхазии, о чем надлежало дипломатично молчать во избежание претензий "кровников". Тогда он водил бригаду человек в 30-50. Прежде торговец бензином, человек сугубо штатский, он первым начал готовить этих же полсотни человек своего "спецназа" к войне. В ходе боевых действий, еще до падения Грозного, он был единственным, кто пытался вести регулярную войну, держать фронт. И нес при этом значительные потери. Несмотря на это под его началом собиралось наибольшее число людей. Сфера влияния Гиладель простирается на район Шатоя. Он и его люди принадлежат к тейпу джохва. Тейпы не следует абсолютизировать, как форму общности, но нужно в них ориентироваться для понимания внутренних отношений. Из командиров Гиладель я больше знал "Лося" и "Челюсть". Каждый из них контролирует по ущелью, это два-три села. Места гористые, жизнь тяжелая, люди небогатые. Дома поражают спартанской обстановкой: стол, стулья, лежанка, видеоманитофон.

В войну каждый из командиров мог собрать до 300 человек, конечно очень ненадолго. Сейчас на них лежит забота о пропитании "их" населения, приходится искать работу (работать "по долгам"). Перед нашим прибытием в среде чеченского руководства вспыхнул конфликт. Пресловутая чеченская нефть выглядит в реальности куда комичней, непосредственной, в стиле тех, кто ее "добывает".

"Челюсть" держал Наурский район, захватил энное число нефтяных скважин. Переработка добытой нефти велась кустарным способом, только что не самогонными аппаратами. Низкокипящие фракции грозненской нефти отделяются уже при температуре разгонки, около 150 градусов и образуют превосходный бензин, который "Челюсть" накапливал в трофейных автоцистернах. Масхадов приказал двинуть против него правительственные части - свою родню, статусом несколько повыше "захватчиков", так как они сидят в казармах и им обещано жалование. Горцы выставили 4 танка и "Град". "Челюсть" ворвался в резиденцию Масхадова, при этом одному из охранников сломали бороду. "Челюсть" пообещал президенту отрезать уши.

Самого Гиладель мы застали в отбитой им у Масхадова "правительственной резиденции" - бывшем профилактории на окраине Грозного. Уже дней десять, как вице-премьер по восстановлению Чечни томился: творил намаз, забросил свой спутниковый телефон.

Следует пояснить меру его отшельничества. Как и в войну, связь остается проблемой в республике. Спутниковые телефоны многих знакомых командиров уже поизносились и соединяют неохотно. На переговорной станции одна минута разговора с Киевом стоит 3 доллара. Монополию на спутниковую связь в Чечне имеет фирма, контролируемая Березовским. Сам Гиладель является едва ли не наиболее обязательным "лицом кавказской национальности" в среде чеченского руководства. И если его доконала тяжелая работа по восстановлению республики, то тому были веские причины.

Как всегда, так и здесь, речь шла о модной ныне проблеме взаимозачетов. Некто в российском руководстве предложил чеченцам самим изымать средства "на восстановление" с субъектов СНГ, в счет их задолженности России. Чеченского министра строительства, явившегося по данному вопросу в Киев, в Совете Министров сразу же послали. Обычно, узнав о любом финансовом предприятии,

чеченцы являются туда с вопросом:

- Куда мы можем прийти за нашей долей?

Если их сразу же послать, они обычно и идут. В данном случае, не касаясь сути секретных пока переговоров, можно сказать, что чеченской стороне пришлось удовлетвориться долгами физических и юридических лиц меньшего масштаба. Сама техника разбойничьего промысла, даже в исполнении чеченцев, не так занимательна.

Дмитро Кочинский

Как-то мне рассказали бытующий в среде Московской уголовной общности анекдот, который не столько характеризует чеченцев, сколько тот суеверный страх, который возникает у одномерного человека, когда в его жизнь агрессивно вторгается проявления иной высшей духовности.

Правда, рассказчик был уверен, что все это действительно имело место году этак в девяносто третьем.

Началось с того, что молодой чеченец хлопнул кого-то из московских авторитетов. Он удалился в Чечню, а в Москве имели место разборки, терки, стрелки. Короче выяснения отношений закончились, так сказать, генеральной стрелкой, на которую собрались все заинтересованные лица. Чеченцы также вызвали из Чечни и героя дня, под какие-то гарантии безопасности.

Разговор продолжался часа четыре. Наконец виновник торжества не выдерживает и говорит:

- Все эти ваши понятия мне глубоко чужды. Суда вашего я над собой не признаю. Я мусульманин и судить меня может только Аллах, что он сейчас и сделает.

Чеченец достал револьвер, оставил в барабане один патрон и сыграл в русскую рулетку. Раздался выстрел и он упал с простреленной головой. Когда его уносили, чеченский папа сказал русским коллегам:

- Вот видите, как мы умеем платить за свои ошибки. А теперь давайте посмотрим, как умеете платить вы.

В Киеве политикой в поддержку воюющей Чечни занимались двое чеченцев - Како Махаури и Руслан Бадаев. Через них проходило много контактов. Оба, к сожалению погибли. Како был застрелен в девяносто седьмом году. Немного раньше Руслан Бадаев был убит одним ударом ножа в сердце. Как потом оказалось, бил мой знакомый по другим делам. Руслан был борец. Вообще нужно иметь мужество и квалификацию, чтоб хорошо действовать ножом. Большинство убийств с помощью ножа это десять - пятнадцать ран на теле жертвы. И бьют не со злости, просто добить тяжело. Человек с перерезанной трахеей живет еще минут двадцать. И, вы не поверите, бывали случаи, когда еще успевали давать какие-то показания.

Одно время у нас были довольно тесные отношения с независимыми профсоюзами горняков объединения "Первомайск уголь". Одного из профсоюзных лидеров пытались зарезать, видимо по просьбе кого-то из руководителей объединения.

Он возвращался вечером домой. Его окликнули по имени (чтобы удостовериться, что это действительно он), и сразу же ударили. Нож одного из нападающих вошел в селезенку и вышел под печенью, другой бил под лопатку, пытаясь достать сердце, но нож просто проткнул легкие. Они сразу же ретировались, как только профсоюзник упал на колени. После этого он встал, добежал (!) до дома, около километра, поднялся на второй этаж, позвонил в свою квартиру и только после этого упал. Через два дня я навещил его в

больнице. Он мог вставать и делать несколько шагов по палате.
Я уважаю людей, которые могут убить одним ударом ножа не фиксируя жертву другой рукой. В этом есть истинный дзен.

Владислав Дождь. ПОХИЩЕНИЯ.

Общество и город, которые наблюдаешь в Джохар-Гале (Грозном), казалось, сошли с экрана "Кавказской пленницы". Можно всерьез говорить о воплощении идей товарища Саахова. Похищают действительно часто. Мотив, самый тривиальный - деньги. При обилии желающих, похищение зачастую, происходит спонтанно. Все выясняют о жертве в ходе действия. Увидев меня в рубашечке "Bugatti", темных очках и с "барсеткой", знакомые чеченцы не преминули обратить внимание:

- Ты похож на еврея. Смотри, похитят.

Так случилось, что заскучав в обществе людей Басаева, я отошел от них буквально на минуту. Глупая привычка европейца прогуливаться, а не сидеть на корточках, перебирая четки. Захотелось взглянуть на меню ближайшего кафе. Восстановление Грозного, в смысле ведения строительных работ, отличается похвальной частной инициативой. Каждый огораживает пространство, которое в состоянии удержать и эксплуатировать. В основном это базарчики: лотки и ларьки, так же маленькие кафе, популярной повсюду в СНГ архитектуры. По вечерам в них собирается весьма колоритная публика в камуфляжах, с гранатометами и пулеметами. Это, так называемый "весенний призыв". Никакие они не боевики, а так дешевые фраеры, - мародеры. Нелепостью, декорацией выглядит их оружие. Когда почти все довольствуются пистолетом на теле и чем-то автоматическим в машине. Конец войны всегда выплескивает на поверхность немало грязи.

Я не прошел и сотни шагов, как у обочины резко затормозил "бобик". - Кто такой? Почему здесь ходишь? (Не притворяйтесь рыбой) Ну, садитесь... поедем разбираться. Между тем машина поехала не в центр города, а по окраинам. Перебираемые мною фамилии чеченского руководства не производили на похитителей никакого впечатления. Анархизм свойственен чеченцам, они прирожденные бакунисты. Вот и сейчас мои спутники только понимающе кивали головами.

- Да, Масхадов. Да, Гиалаев. Да, Радуев. (мол есть такие)

Спасение пришло неожиданно, как в авантюрных романах.

- УНСО? Так, вези обратно. Что же вы, такой человек и без охраны (признак низкого социального статуса). Мы будем Вашей охраной. А деньги у Вас есть?

Меня вернули на то же самое место, угостили обедом сомнительного качества, расплатились за него, (я принял эти знаки внимания в качестве извинения) и исчезли. Я самым тщательным образом пересказал случившееся своим спутникам и получил подтверждение. Да, так в большинстве случаев и похищают.

Относительно журналистов, чеченцы прекрасно понимают, что тем плевать на "освободительную борьбу", и что гонятся они только за сенсациями. Почему бы не заработать на тех, кто и сам зарабатывает на крови. Разговоры на предлог того, нужны "им" (чеченцам) теперь журналисты в Грозном или нет, возможно отнести на счет мании величия самих журналистов. За них платят больше (чем за строительных рабочих) именно, когда они не работают, а сидят

в подвале.

Кажущаяся легкость моего освобождения случайна. Никогда не знаешь, на что среагирует противник. Когда 245 танковый полк, тогдашний командир Сергей ЧИБИСОВ "взял" Ведено и Шатой (фактически их ему сдали, чтобы избежать разрушений), мы попали в нелепую ситуацию. Оружие продано, оставалось либо бежать в горы и там питаться травой, либо стреляться (из чего?), чтобы не попасть в руки "федералов", либо уходить на родину, что мы и собирались предпринять перед этим. На пути до Кизляра и из Кизляра до Минвод нас "тормозили" четырежды. Больше всего я испугался в первый раз, когда ехавшие с нами чеченцы знали, кто мы такие. После проверки они даже подходили и тихонько старались пожать руку. Было не по себе от такой "поддержки". Наша легенда не выглядела убедительной, мы курьеры с Украины, ездили в Махачкалу договариваться за покупку рыбы. Надо было видеть наши слежавшиеся от долгого безделья туфли, пожертвованные дружественным чеченцем. Штаны, подпоясанные ремнями от снаряжения, "тельники" в багаже. Мой спутник додумался вклеить в обложку книги даже свои фотографии с оружием. Впрочем, глядя на его визитную карточку - трижды переломанный нос, я бы ему и так не поверил. Только бы взглянул и сразу не поверил.

В Минводах проверка была наиболее "профессиональной", брали даже мазки с пальцев на предмет следов пороха и ружейного масла. Искали на теле укусы вшей, следы ремней, хорошо еще, что мы неделю "откисали" в серных ваннах. И все равно нас бы повязали, если бы не мой день рождения. Я рвался к празднику на родину, тыкал в глаза своим паспортом в поезде, норовил всех угощать водкой. Так что майор, проводивший там проверку, возвращался дважды, чтобы застать нас врасплох. Мог "застукать" нас только на вполне объяснимом расслаблении. Заторможенная реакция моего спутника, ненавидящее выражение его лица были плохой помощью. Мне самому психологическая разгрузка далась тяжело. Пришлось даже запереться в гостинице в Кизляре и раскурить по "косяку".

Русские относятся к своим обязанностям на войне, как к казенному делу. Отсюда их стремление иметь что-то и для себя и наша возможность спастись. День рождения вызывал у проверяющих вполне определенную ассоциацию.

САЛМАН РАДУЕВ.

Услышав новый титул нашего старого знакомого - "бригадный генерал", кто-то из спутников поинтересовался "это, как выше генерал-полковника?" - Сразу за "подбригадным".

Карьера Радуева удивляла. Почти ровесник Басаева и Гиалаева, он и в свои тридцать лет не воспринимался всерьез. Когда Басаев готовил свой наезд, людей выразивших принципиальное согласие на участие, сразу же закрывали в подвал, чтобы предотвратить утечку информации. Даже цель - Буденовск, была выбрана случайно. О планировавшемся наезде Радуева на Кизляр говорили на всех грозненских и московских базарах. В серьезность его намерений никто не верил. После Первомайской Радуев стал объектом покушений ФСБ номер один. Даже его внешний вид латиноамериканского революционера: борода, темные очки, "фиделевка" во многом объясняется желанием скрыть свое новое лицо и шрамы на нем. Он был очень тяжело ранен. В октябре, при очередном покушении, был ранен еще раз. Из всех группировок в Грозном, "группень" Радуева больше всего напоминает УНСО. Такие же голимые, разве, что с пулеметами и автоматами, приходят-уходят, целый день отираются по комнатам и во дворе. Сидят под деревьями, о чем-то говорят, играют в нарды. Последнее качество -

обязательно для каждого, кто пожелает стать своим в подобной компании. В местном раскладе сил Радуев играет роль "буйного" и "неуправляемого". В политическом отношении "командующий армией Дудаева" остается наибольшим идеалистом среди полевых командиров своего ранга. С чеченскими военачальниками предоставляется возможным говорить на две темы: о деньгах и "о жизни". В последнем случае, что предоставляет редкую возможность получать эстетическое наслаждение от созерцания вполне литературных персонажей. Поэтому "чеченским Робин Гудом" я бы скорее назвал Радуева.

В 1993-94 гг. российская пропаганда, прежде всего "товарищ Неврозов", усиленно лепили этот персонаж из Руслана Лабазанова. Уже долгое время спустя его "политической смерти", на него все еще пытались взвалить ряд взрывов на Северном Кавказе. Причем, все романтическая атрибутика, в том числе и с обязательными "женщинами-террористками", недвусмысленно указывала на российское авторство этого "приключенческого романа". Вообще, население Надтеречного и Ачхой-Мартановского районов пользуется у горцев репутацией "очечневших", то есть ассимилированных. В войну даже раздавались голоса на предмет того, что надо бы их резать, но победы списали былые противоречия. Возникли новые - те же вахаббиты.

На зеленой печати, которой Радуев украшает свои автографы ("исполнено собственноручно"), красуется генерал Дудаев в костюме "товарища Саахова" - в цивильном и шляпе! Малиновое факсимиле гласит: "Brigadnu General Salman Raduev". Как тут не вспомнить старый анекдот на предмет водяных знаков на фальшивых десятках:

- А почему Ленин в кепке?

- А у нас все в кепках!

С Радуевым и его "армией освобождения Кавказа" связывают надежды на новую общекавказскую войну. Когда Масхадов подписывал с Лебедем мир, этим были недовольны почти все полевые командиры. Стремление добить группировку федеральных войск было единодушным. Под конец боевых действий войска испытывали невиданный недостаток снабжения. Новую подобную группировку Россия смогла бы выставить спустя год и более. На все это время, чеченцы стали бы хозяевами Кавказа. Так что Лебедь, был в то время подлинным спасителем России как и все "пораженцы", начиная с Крымской войны.

Сейчас наметилось и еще одно направление внутречеченской конфронтации.

Радуев, как и большинство - националист. Весь чеченский народ принадлежит, в смысле религиозном, к двум суфийским орденам - вирдам. Отсюда вирдовые - суфийские пляски на площадях, излюбленная некогда тема для ТУ -

Панисламистское течение представляют менее многочисленные вахаббиты. За их спиной - режим Саудовской Аравии. В смысле политическом, из руководства Чечни, к ним можно отнести и Удугова. У последнего - хорошие отношения с Березовским. Березовскому якобы принадлежит цементный завод, снабжающий стройки в Грозном - воистину золотая жила. Вахаббиты не признают иных наций, кроме единой исламской, так же федеральных святых, орденов, всей местной культуры. После первых столкновений в Дагестане можно ожидать, что чеченский народ сократится на некоторую свою часть то ли вахаббитов, то ли их противников. Недавний, уже декабрьский "наезд" на танковый батальон в Дагестане, подтвердил правоту летних раскладов. К сожалению, или к счастью, ввиду изменения положения Радуева, нам украинцам не довелось принять участия в боях в Дагестане. Но это уже совсем другая история.

У Басаева я встретил и небезызвестного "Монгола". В свое время этот человек объявил охоту на "Япончика", после чего тот был вынужден бежать в

Америку - в лапы ФБР. "Монгол" - единственный из знакомых мне чеченцев - выделяется явно уголовными повадками: моторика, жесты, пресловутое "шевеление перстами" ("сначала сверху вниз, а потом, как крестятся" - так меня некогда учили). Выглядеть вором среди чеченцев не престижно. У них свои особенности поведения.

Практически все боевики УНСО в Чечне, летом 1997 г. были сконцентрированы вокруг Радуева. Число их достигало тридцати человек. Цель пребывания - надежда раздуть еще один конфликт на Кавказе, в Дагестане или Азербайджане. Большие надежды возлагались на изменение чеченской позиции в Абхазском вопросе. Основной ударной силой режима Ардзимбы, кроме федеральных войск и, тогда еще совместного, черноморского флота, были чеченцы, армяне и адыгейцы. Однако, осенью 1997 г. сторонников покойного грузинского президента Гамсахурдия, если таковые вообще имеются, поддерживал разве, что Салман Радуев. Положение последнего по сравнению с летом, весьма ухудшилось, что привело и к падению стратегических планов Корчинского. Предполагалось, что, базируясь одновременно в Грузии и Чечне, и имея для коммуникации неконтролируемую Россией дорогу, унсовцы смогут сохранить свободу маневра в случае смены политической ситуации в одной из стран. Потребность содержать какую-то часть организации под ружьем в "освобожденной (от закона) зоне" вызвана как стремлением иметь вооруженный кулак, так и преследованиями со стороны режима в Украине, нужно же где-то прятать лиц, находящихся в розыске.

Аноним

В Чечне я вплотную столкнулся с двойственной ролью женщины в исламе. При всей внешней подчиненности чеченок например, когда входит муж они встают и просят разрешения продолжать работу, без их активной поддержки в семьях, война была бы невозможна. Женщина, вообще-то по своей природе контрреволюционна, но чеченки, в отличие от русских, сознают цели войны и несут на себе ее тяжесть, создавая мужчинам вполне надежный тыл, а так же необходимый на начальном этапе дестабилизации шумовой фон. Например, при блокадах, прорывах, когда от обычного насилия только переходят к вооруженному. То же, стараниями Андреевой, наблюдалось в Приднестровье. К сожалению, в руинах Грозного наши соотечественницы проявили себя совсем иным образом. Максимум, что "из под них" можно было извлечь, это ненадежная роль посредниц в контактах с российскими военнослужащими на предмет продажи краденого военного имущества. По телевизору в программах "душки" Неврозова, я не раз слышал возмущенные вопли "бочкаревок" ("афганское" понятие, женщина-военнослужащий или находящаяся в постоянном общении с военными). - Чеченцы всех русских женщин считают за проституток!

Простите меня, милые дамы, но сексуальная революция в этой стране еще не наступила и свои прелести вы предлагаете далеко не безвозмездно. В принципе, я сторонник если не строгой, то последовательной морали. Аят Корана (24; 33) гласит: "... не принуждайте ваших девушек к распутству, если они хотят целомудрия..." Ограниченные в средствах публичного выражения своих чувств, лишённые законного права первыми заговаривать с незнакомыми мужчинами, женщины Чечни дают волю рукам, собственно, бедрам, при каждом удобном случае. Например, в общественном транспорте. Об этом феномене шариатского общества мне рассказывали еще коллеги, побывавшие в Иране. Запреты являются надежнейшим средством в борьбе с пресыщением. Юные ичкерийки в возрасте наших старшекласниц все еще свято веруют, что дети

рождаются от поцелуев. С возрастом, объемы женской свободы растут и где-то в климактерическом возрасте темперамент берет свое. С этого возраста вы вполне можете наслаждаться обществом прекрасных горянок. К слову, об общественном анекдоте о волосатых ногах и волосатой груди. На Кавказе - это не такая уж редкость и ваша избранница, как ни в чем не бывало, сбривает растительность вокруг сосков так же, как подмышками. Говорят, что с воздействием профилактических осмотров в советское время, обычай брить волосы вниз, уступил место короткой стрижке. Может в городах оно и так, но в горах свято чтут обычаи предков. Каждый половозрелый член семьи имеет свой кумган для интимных омовений. Если семья большая, возле нужника их висит штук пятнадцать-двадцать.

Владислав Дождь. "БИРЖА".

Место на базаре, где в Грозном продается оружие, именуется биржей. У местных оно пользуется не лучшей репутацией. Считается, что в Шали, или в горах, у жителей покупать оружие дешевле. Жить-то как-то надо, а здесь орудуют перекупщики. В тот день ассортимент на рынке был обычным, только оружие российского производства. Иногда бывает и иностранное, но редко. У одного из чеченцев я заметил даже пистолет-пулемет латвийского производства под макаровские патроны. По отзывам владельца, оружие, несколько напоминающее "Клин" в его руках стреляло безотказно. Что впечатляет и свидетельствует о стабильном спросе, так это цены. Говорят, они держатся благодаря тому, что за оружием приезжают и из России. Специфику предложения диктуют и вкусы чеченцев. За пистолет АПС просили ни много, ни мало - 4500 долларов, больше, чем за винтовку СВД. Подобное оружие, несмотря на его очевидную безобидность, разве, что по витрине стрелять, пользовалось у чеченцев популярностью и в войну. Доходило и до курьезов. Брат коменданта в Шали имел "стечкин", каковым очень гордился. При посещении отхожего места, запасные магазины упали в "очко". Немедленно был вызван пленный майор ФСБ, которому и довелось исполнять функцию золотаря. В ответ на его слабую попытку протеста, я не удержался чтобы не вставить между угрозами два шекеля и от себя.

- Согласно нормам Женевской конвенции, офицеров в звании майора, наряду с младшими офицерами позволяется привлекать к физическому труду. Забыл что ли, что майор есть низший чин высшего командного состава? Чистка сортиров так же не связана с оборонными работами. Потом пришлось объяснять коменданту, что такое Женевская конвенция. Он не понял.

Столь же популярные у чеченцев ТТ предлагались по 800-1200 долларов.

"Наган", правда, новый и с боевыми патронами, что у нас редкость, можно было приобрести, как и в Киеве за 600 долларов. Интересовавшие нас ПМ и "Калашниковы" стоили недорого 550-600 долларов. Патрон к ПМ - 1 доллар, не разгуляешься. Может оно и к лучшему, рядом с базаром можно опробовать оружие, пострелять, как когда-то в досаафовском тире. В горах мы приобрели цинк патронов 5,45 ровно за 14 долларов. В ходе боевых действий один такой патрон стоил 500 рублей.

Из раритетов я обнаружил пистолет "Маузер". Произведенное до первой мировой войны оружие было ввезено на Кавказ и уже тут украшено серебром с чернью весьма тонкой работы. В канун века оружие немецкого и австрийского производства, как холодное, так и огнестрельное, господствовало на местном рынке. Еще в эту войну встречались трофейные карабины-"маузера", ценившихся,

как и английские "Ли-энфильды" в Афганистане, за пробивное действие. Ввиду дефицита патронов, некоторые из владельцев, пытались приспособить отечественный, от "трехлинейки". Поскольку, боеприпасы им были очень нужны, никакие аргументы "против" не доходили.

К слову импорт дорогого оружия осуществляется из сопредельной Грузии, где приобретение и хранение его гражданами страны не требует специального разрешения. Иное дело, ношение, грузинская милиция употребляет эту статью УК с большой ретивостью, в том числе для преследования всяческих "комбатантов" (ветеранов войны в Абхазии) и противников Шеварнадзе. Поставляет оружие на Кавказ, как и в Канды века известная немецкая фирма, только теперь, вместо "маузеров" большим спросом пользуются "беретты". Цены впечатляют, если стоимость вышеописанного "маузера" хоть как-то коррелирует с мировой - 2500 долларов против недавней - 1000 фунтов стерлингов на аукционе в "Сотбис", то модель Brigadir M92 "Lukus" при мне приобрели за 10 тыс. лари (I Y, S, D-1, 3 лари). Но это еще не предел, совсем уже "навороченный" пистолет, при посредничестве Корчинского пытались сплавить Шамилю Басаеву за... 40 тыс. долларов. Корчинский вежливо уклонился, хотя психологически "гешефт" был выверен очень точно. Нынешний премьер-министр в таком обществе, как чеченское не может обойтись без очень дорогого, желательного уникального, оружия, как "мерседес" или спутниковый телефон - это вопрос престижа. Контрабанда подобного оружия западного производства довольно распространена среди мелких грузинских бизнесменов. Станным образом, тяжелое оружие пехоты, те же "Шмели", для нужд войны в Абхазии, приобретается в Чечне. Участвуют ли в этом бизнесе российские фирмы, я не знаю. Однако на той же "бирже" массово и задешево - всего 400 долларов предлагаются современные пистолеты "ИЖ" российского производства. Оружие "гражданского образца" исполнено на базе газовых версий пистолета Макарова, имеет странный калибр 7,6 и снабжено глушителем. Не так давно партия подобных пистолетов была приобретена украинской стороной для нужд банковских охранных структур. Эксплуатация оружия выявила такой его недостаток, как частые задержки в стрельбе, вызванные поддутием, даже разрывом гильзы. Подобным пистолетом был вооружен и террорист, недавно захвативший в Москве шведского дипломата. Моя попытка разузнать, откуда пришла целая партия такого оружия, была враждебно встречена продавцом. Конфликт удалось замять, но нам пришлось ретироваться.

Дмитро Корчинский

Идея живет в своих крайних проявлениях. Она умирает, когда ее принимают все. "Вера, надежда, любовь" - когда-то было не менее революционным лозунгом, чем "Свобода, равенство, братство", чем "Вся власть советам", чем "Хайль Гитлер!" Идея живет, пока пугает. Как только исторические ревизионисты докажут, что нацисты не сжигали евреев в печках, с магией свастики будет покончено.

Владислав Дождь. "КУДА МЫ МОЖЕМ ПРИЙТИ ЗА СВОЕЙ ДОЛЕЙ? "

Обобщать опыт войны в Чечне занятие неблагоприятное. Если я сунусь с тем, что собрал в серьезные военные учреждения, меня посчитают идиотом. Людей, которые там сидят и их систему военного образования спасает только то, что воевать им самим не приходится. Чтобы получить хоть слабую надежду быть

услышанным, остается сосредоточиться на негативном опыте самих чеченцев. В среде чеченцев существуют довольно сложные взаимоотношения, сориентироваться в которых проще, если начать с личности. Наиболее "контрреволюционная" часть населения в Чечне те, кому 35-45 лет. Именно они служили опорой Загаеву, Гантемирову, Лабазанову. Сейчас они являются средой, на которой зарождается новая бюрократия. Особенностью ее является отсутствие силовых полномочий. Даже в милиции служат все те же, в ней почти нет молодежи.

Исполняют, как решают все - авторитеты. Нельзя подходить к чеченским лидерам с отечественно-номенклатурными представлениями о "начальниках", чтобы достичь чего-то. В Чечне не нужно быть должностным лицом. Когда в войну Масхадова именовали "Начальником штаба", все понимали, что это титул, а не звание. На другой день после его избрания президентом, чеченцы дружно возненавидели своего избранника. Появилось даже новое прозвище - "ушастый". Рассказывают анекдот, якобы Дудаев собрал всех своих в горах и сказал: - Ну, все, будем конать. Я-то свои усы сбрую, а вот, что ты с ушами сделаешь?

Стали считать и стоимость президентских мерседесов за сто пятьдесят тысяч. Сначала, один, затем второй, правда говорят, что это все тот же, только с другой стороны. Журналисты много гадали и по поводу мотивов отставки Басаева.

Так вот, он ушел, чтобы усилиться. Его приближенные уже рассказывают историю о том, как сидели в кафе и увидели въезд своего вождя в новом обличий... Впереди милицейская машина с мигалкой. Пошли пересуды... "Зазнался, продал нас, с лягавыми разъезжает". Конечно это миф, но он только персонифицирует существующую тенденцию. А недавнее возвращение Басаева, но уже на пост премьер-министра, его вполне подтверждает.

В чеченском обществе существует прослойка тысяч в пятнадцать человек, которую я охарактеризовал бы, как "протоаристократию". Каждый мужчина, принадлежащий к ней, постоянно находится, даже среди своих в ситуации, когда он вынужден проявлять уважение к своему окружению и требовать того же для себя. Это система отношений является единственной формой субординации. Власть полевых командиров держится на уважении, поэтому "кадровый состав бригад не превышает трех-пяти десятков человек. Только на короткое время численный состав возрастал за счет примкнувших "индейцев". Басаев в пиковые моменты своей популярности собирал до 500 человек. Все они воспринимали войну, как свое личное дело. То есть, принуждены были сами заботиться об оружии, снаряжении, продовольствии. Когда нас привезли в Грозный, ставить на позиции, мы два дня скитались в поисках штаба. Реакция боевиков была в стиле "тебе надо, ты и воюй, сам найдешь как".

Чтобы получить автомат, нужно было "тереть" с полевым командиром, чтобы он его тебе подарил, или брать на какое-то время в аренду. Уже потом предоставлялась возможность "раскрутить трупик". Весьма скоро слышались суждения на предмет того, что украинец, как и чеченец ни за что не расстанется с автоматом, если за него можно получить хоть один доллар. Уже говорилось, что в ходе последних боев за Грозный русские солдаты не получали хлеба по три недели. Но и самим чеченцам приходилось покупать его у торговцев. Ввиду отсутствия тыла мобилизационные возможности чеченского общества ограничены "тремя-шестью тысячами боевиков". Сами чеченцы, несмотря ни на что, считают это положение нормальным. Поиск собственной выгоды составляет основу их интереса к любому начинанию.

В отношениях с федеральными войсками это было особенно очевидно. Здесь не пропускали ни одной возможности. Например, для перевозки делегации к месту переговоров выделяют бронетранспортер. Чеченцы садятся на него, водружают зеленое знамя и целый день разъезжают по Грозному перед объективами видеокамер. Заодно сжигая и неприятельский бензин. Во время скандала, стоившего командиру 245 танкового полка Сергею Чибисову должности, когда бригада в 12 человек сожгла в ущелье 60 единиц бронетехники, никто так и не удосужился подсчитать, сколько в действительности сгорело и было сброшено в пропасть, а сколько преданно чеченцам - списали на боевые потери. Не секрет, что при танковых наездах на Грозный большинство машин было сначала покинуто экипажами и только затем разграблено и сожжено для сокрытия следов.

Еще одним недостатком чеченцев является некоторая ограниченность кругозора, порожденная, как ни странно, тем же практицизмом. Когда, при обороне Грозного люди Гилаева копали окопы, то делали это только из уважения к своему начальнику, а не из понимания, зачем все это нужно. Вразумили их уже артобстрелы и авианалеты. Круг технических познаний чеченца ограничен: оружие, видеомagneтофон, кнопочный телефон, еще машина. Получив в руки, например, пистолет, они сразу же садятся его разбирать. Со взрывчаткой уже сложнее. В Шали долгое время выставляли противотанковые мины, забыв поставить их в боевое положение. Подрывники, артиллеристы и водители бронетехники почти всегда "интернационалисты" или даже пленные.

Я знавал одного парня из Ленинграда. Он со своим другом чеченцем попал на войну странным образом. Они отправились в Грозный и порешили, если больше зверствуют русские, то присоединяются к боевикам, если чеченцы, то возвращаются в Питер и начинают их там "мочить". Парень был танкистом, а за зиму дважды горел. Раз в МТЛБ, раз в Т-72. Оба раза стреляли из гранатометов свои же. Хорошо еще, что люки были открытыми и излишек давления от кумулятивной струи сбрасывался через них. В ответ на его маты и напоминание о зеленом знамени, на антенне слышались похожие объяснения:

- Танк, понимаешь. Туда ездит - назад. Я думаю стрелять - не стрелять.

Решил стрелять - (потому что) танк.

Рефлекс, как видим, безусловный. У чеченцев нет тактики, слаженность из боевых групп основывается все на тех же отношениях в коллективе. Возможность привлекать для дальнейшего обучения "военспецов", ограничивается отсутствием возможностей. Кто и зачем будет за это платить, и кто и каким образом, будет этому учиться ?

Декабрьский "наезд" на танковый батальон федеральных войск в Дагестане, вновь оживил на ОРТ кампанию поиска иностранных "военспецов". Всплыло имя иорданца Хаттаба, мифические ученики которого, якобы, сдавали таким образом выпускной экзамен.

Как-то на Балканах мои сербские друзья - филологи удивлялись почему у украинцев слово янычар имеет такое негативное значение. Издавна "потурнаки", тот же Мехмед-Паша Соколович пользовались уважением, у своих менее преуспевших соплеменников.

Дворы новых чеченских правителей привлекают и менее преуспевших авантюристов с Украины и даже из России. Действительно, обстановка в Чечне такова, что на каждом шагу принуждает либо расправлять плечи, а потом крылья или опускаться все ниже. Как гласит известная закономерность "орел тоже птица, как и петух". Чеченцы, действительно, впечатляют. Каждый, кто хочет выглядеть как они, вести и ощущать себя подобным образом, но не имеет своего

за душой, уже подпадает под их влияние.

В чеченцах, их поклонники находят то, что напрочь отсутствует в них самих. В том числе и удачливость. Несколько перестрелок, несколько покушений годам к тридцати убеждают тебя, что и ты, вообще-то крутой. А факты избегания давно заслуженной "ответственности" свидетельствуют о некоторой толике счастья. Но твои сверстники в Чечне водят за собой и водят в открытую не пять-шесть, а тридцать-пятьдесят человек. Это впечатляет и вызывает соблазн.

"Очечневший" счастлив своей принадлежностью к миру "сверхчеловеков".

Глядя на такого, представляешь, как выглядели янычары и поставщики "казачьего мяса" на рынки Стамбула. Они, действительно, были озарены светом "истинной" веры.

На другом полюсе рабы. В ходе боевых действий много говорили, как о "рыцарстве" так и о "варварстве" чеченцев. Плен, арест, сами по себе унижение и несчастье, но зарекаться от них даже твердым намерением "не даваться живым" не умно. Теперь я понимаю благородные помыслы творцов сталинского устава "Ничто, даже угроза смерти..." Хотели, как лучше, а получилось как всегда.

Я наблюдал разное отношение к пленным. Наиболее неконструктивным, европейски-рыцарским, было поведение Масхадова. В подвале правительственного здания он собрал человек пятьдесят солдат и офицеров, позволил им поддерживать воинскую дисциплину и субординацию. Солдаты чистили начальству сапоги, мыли у них пол. На зеркале у офицеров был свой уголок, где они вешали фотографии близких. Станным образом, эта доброта обернулась для пленных смертью. При отступлении, в районе "минутки" они почти все погибли под обстрелом федеральных войск.

Гиалаев сразу же отправлял пленных в горы, строить дома или пасти овец.

Почти все остались живы. Мы, европейцы, первое время терялись, видя "белых рабов". Сказывались недостатки гуманистического воспитания. При виде пленных поначалу возникала мысль: "Хлеба им дать, что ли?" Потом оказалось, что достаточно и одной сигареты на троих.

Основная масса рядовых, практически сразу же отпускались, чеченцы, весьма брезгливые в быту, предлагали пленным пойти помыться, постирать одежду. Те отказывались. Как во всех войнах и во всех армиях инициаторами каких-либо издевательств были тыловики. Мальчишки в десять-двенадцать лет, ростом от горшка в два вершка, но уже с гранатой и "борсом" (чеченским автоматом) наслаждались своей властью над десантниками ростом в два метра и косою саженью в плечах.

Солдаты отборных войск охотно исполняли гимнастические упражнения, танцевали "калинку-малинку". Неловко признаться, но это, поначалу забавляло - по аналогии с народной сценкой с "русским медведем", который держит в лапах молоток и балалайку - показатели трудолюбия и незакомплексованности скотины. Менее безобидными были сексуальные пантомимы в стиле "мама моет раму, а папа пристраивается сзади". Детишек извиняет разве что период полового созревания. Били редко. При бытовых привычках чеченцев им было достаточно для унижения и обычных в нашем понимании хозработ. Меня всегда поражала пассивность жертв, даже ввиду неминуемой и очевидной смерти. Человек спокойно стоит, когда ему в упор, целятся между глаз из автомата. Когда расправлялись с контрактниками, те исполняли все команды палачей "Ляжь!", "Подбери руки!", "Подогни ноги!" Жертвам довольно глубоко перерезали шею, поддевали трахею и пересекали ее, как при забое скота.

Зрелище не из приятных: человек свистит, дергается минут пятнадцать. Перед тем, как бросить в общую могилу, его все равно приходилось достреливать.

Есть что-то неизменное в обычаях войны. Один старый солдат так объяснял, почему они не брали в плен испанцев из "голубой дивизии":

- Я солдат, и немец солдат. Нас погнали на войну под страхом смерти. А этот - доброволец.

Со времен гражданской войны в Испании берет свое начало и правило расправляться с авианаводчиками. Я был свидетелем того, как в подвале у Масхадова выявили одного среди пленных. Произошло все, как в шаблонном фильме о войне. Нашелся доброхот из числа украинцев, поскольку чеченцы по началу не знали, как это делается. Гена Ключников (к слову, военный журналист: до недавнего времени он писал для "Независимого Военного обозрения"), по старой "грушной" привычке зацепил этого офицера: - Как стоишь? Какое училище заканчивал? Саратовское... А почему на тебе ботинки летные? Какое училище? Правду говори! И парень лоханулся, признал, что был послан в распоряжение командира наземной бригады, как авианаводчик. Фамилия его была Брянцев, звание - старший лейтенант, родом из Мариуполя. Если бы он не побоялся и записал себя при регистрации украинцем, мы бы его вытащили. Масхадов нам уже подарил "из уважения" одного еврейчика рискнувшего сразу признаться, что он "украинец". Мы его потом привезли за собой в Киев и водили по пресс-конференциям, где он всех заверял, что "как русский офицер... осуждает все это безобразие". А тащить обоих через две границы, с посадкой в России, да еще за свой счет... Мы сообщили родителям. Его мать написала Дудаеву, но парень к тому времени погиб от своих же бомб на "Минутке"... Жернова Господни мелют медленно, но верно.

Славко

Ничего так не вредит военному искусству, как ложные представления о его возможностях. "Никакой стратегии, никакой тактики, никакой болтовни по программным вопросам" (Маригелла). "Война есть продолжение политики" учит нас Клаузевиц устами Ленина. "Кто много читает, тот глупеет. Ибо: враг наступает - мы отступаем; враг замешкался - мы тревожим; враг остановился - мы бьем; враг отступает - мы отступаем" (Председатель МАО).

Напомню, что решительные цели войны заключаются в разгроме вооруженных сил противника и захвате его территории. В современных условиях подобные цели не могут быть даже задекларированы. Государство не перестало быть формой, организующей насилие, изменились формы насилия, организуемого государством. "Римский мир держался на легионах, этот - на ценных бумагах, а с развитием электронных носителей информации, "бумаги" утрачивают даже свою физическую суть бумаги. Свою идеальную суть они потеряли еще раньше. Они обозначали физический капитал так давно, что это уже стало неправдой.

Господство отчужденных форм определяет сегодняшний день. Формы, которые не стоит и не нужно понимать, в них следует ориентироваться. Юрист - жалкое существо, жрец пустоты, человек, который "ориентируется", сегодня стоит над князьями, над вождями и судит жизнь. Так что, лишь среди голимых уголовников ищешь будущее, в картинках их нелепых татуировок, откровения в их предательских глазенках (эх, бритвой бы) - зарю нового дня" (Д. Корчинский). Вооруженное восстание, партизанская война, террористический акт остаются пасынками военного искусства. Сегодня представляется возможным говорить о некоей субкультуре, питающей эти явления и лежащей в основе, в том числе и, собственно, военных их проявлений. "Профессионалам" из армии,

службы безопасности, полиции претит идеологическая нагрузка, а претензии новоявленных мессий на истинность своих учений раздражают. Наилучшим рецептом восприятия, здесь остаются рекомендации отцов-иезуитов: пассивно поддаваться основам чужого учения. Тогда за несоответствиями терминологии, что особенно мешает восприятию "профессионалами" любительских военных работ, становится возможным увидеть поле боя глазами "новых военных".

С невозможностью содержания массовых армий и применения оружия массового поражения, преимущество любой армии на театре военных действий (ТВД) является относительным и как таковое может быть преодолено. Это и является предметом военного искусства с точки зрения инсурекции. В принципе, позитивистские установки о возможности достижения в войне каких-либо целей несостоятельны. Они являются источником самых диких взглядов на предмет "правильного" или "неправильного" ведения боевых действий. Как следствие их, реально существующую войну объявляют "неправильной" (последний пример - Чечня), только потому, что она не отвечает чьим-то представлениям о ней. Что настораживает в военных, с которыми приходится иметь дело? У них масса проблем и без войны. Выслуга лет, квартира... Абсолютное большинство командиров подменяет действие разговорами на предмет того, что еще им не хватает для достижения победы. И это военные! Когда перед началом первой мировой войны нового британского военного министра Ричарда Холдейна спросили, какую армию он хотел бы создать, тот ответил: "Младогегельянскую". После этого разговор прекратился.

Полковник Боровец

Осенью 1997 года мне пришлось посетить Махачкалу с целью вызволить из местной тюрьмы десятков наших бойцов, которые имели глупость попасться проезжая блок-пост, когда выходили из Чечни. Пустырь на окраине города, цементный завод, бывшие промзоны, где масса помещений складов, в зоне конфликта использовались по назначению. Благо, заборы у нас строить умели, сверху натянули колючую проволоку, разделили внутри решетками и сетками. Мне нравится этот талант народа, дом, дворец, ватерклозет, это сложно, а вот узилище мигом смастерят в чистом поле, я сам в бытность мою комендантом грешил этим, за лето отгрохал капитальную "губу".

Сулейман, начальник приемника - распределителя, глубоко восточный человек с порога заявил:

-- Я ем, что и они, пойдете попробуем.

Когда мы откушали баранины с картошкой, я подумал, что от такой кормежки никто в Украину не поедет. Но, оказалось, что страдальцев, с их слов, вообще не кормили, что само по себе выглядело подозрительным, ибо к моменту моего приезда они прибывали в заключении с месяц. Выдавали себя за строителей. Супейман спросил марку цемента. Раскалывали их элементарно, но ФСБ ими не занималось. Согласно бюрократического принципа, отбор кандидатов в "терраристы" ведется по принципу, есть он в компьютере или нет. Их даже в изолятор ФСБ не взяли, спихнули к Сулейману, потому что больше было некуда. Это, как в армии - камера временного содержания. С точки зрения Сулеймана они были бесполезны, на стройку их не погонишь. Я был разочарован в российском ФСБ, у некоторых идиотов нашли инструкции по стрелковой подготовке и подрывному делу и их при этом не рассматривали, как терроритов. Даже не били. Тем не менее узники, в кедах и солдатских ватных штанах, с лихорадочно блестящими глазами на изможденных лицах, чесались, как блохастые

собаки так, что не видно было рук, черных, как у грачей. При медосмотре трое даже оказались обрезанными. У Сулеймана они ничего кроме глубокого, чисто человеческого отвращения не вызывали.

-- Слюшай, чего ты их пойдешь смотреть, они так воняют.

Мне самому тяжело было разыгрывать из себя правозащитника. Мы с Сулейманом были одной крови, при виде решеток во мне проснулись былые инстинкты. Сулейман сказал по секрету:

-- Если бы у них были деньги я бы даже отпускал их под конвоем на базар покупать сало.

Деньги ему были нужны, чтобы достраивать загородный дом. Сошлись на трех тысячах. Мы давали ему дважды - триста и четыреста долларов. Нагрели обе стороны, да еще и занял у чеченца. Сулейман обобрал нас, как липок, осталось тысяч сто русскими. Там же я познакомился с чеченской разведкой, один чеченец, пацан из УБОБа сам на меня вышел, предложил свои услуги. Мы поили этот гребаный УБОБ две ночи, все они мусульмане, а как пьют. Мой напарник только бегал, менял столы. После этой поездки он зарекся куда-нибудь ездить. Когда Сулейман понял, что узники больше никому не нужны и никто ими уже не поинтересуется, он их выставил из своего заведения.

Аноним. АБХАЗИЯ С ДРУГОЙ СТОРОНЫ ФРОНТА

В ходе нашего сотрудничества с грузинскими друзьями активно разрабатывались различные планы, в том числе и террористических актов в Сухуми. Ввиду отсутствия у грузин какой-либо агентурной сети, наше первичное планирование носило сугубо умозрительный характер. Деньги на "проникновение" в страну МВД Грузии так и не выделило. Теперь, пребывая в Сухуми, я смог невольно оценить эффективность нашего тогдашнего планирования. "Простейший" замысел моего авторства -- произвести взрыв бинарного заряда и распылить в замкнутом помещении вокзала некоторое количество ОВ-синильной кислоты - оказался мертворожденным, ввиду отсутствия в стране регулярного транспортного сообщения. Наши поездки на обратном пути осуществлялись, в основном, частными такси. Стоимость проезда от Сухуми до границы всего 100 рублей. Против этого плана тогда выступил и Корчинский, он считал его не имеющим пропагандистского эффекта. Его собственные планы на предмет террористических актов, направленных против президента Ардзимбы и других высших должностных лиц абхазского режима, при всем их внешнем авантюризме, оказались на диво легко осуществимыми. Приемная местного МВД практически не охранялась, дежурный -- молодой пацан -- был вооружен только пистолетом, рамка металлоискателя отсутствовала, в приемной болталась масса посетителей, охранники с дубинками. Министр принял нас сразу же после звонка дежурного. Кабинет находился на втором этаже двухэтажного казарменного строения. Клобч Иванович в советской милиции дослужился до звания старшего лейтенанта. Теперь он в свои 35 лет генерал-майор абхазской милиции. В Москве по случаю ему даже подарили настоящую генеральскую форму советского милицейского образца.

Разговор зашел о недавних событиях. В зону конфликта были введены мобильные силы местного МВД, до 300 человек. Это практически все "подразделения готовности". Остальная часть "вооруженных сил" комплектуется, в случае необходимости, призывниками в возрасте 16-55 лет. Вообще, на дорогах Абхазии и улицах Сухуми удивительно мало вооруженных из "ментов", только посты ГАИ имеют по одному автомату. Еще перед банком, где мы меняли

доллары, стояла вооруженная охрана. Старик с двумя румынскими АК-47 на плечах ел банан.

Спросил я и о "людях с песьими головами". Министр был категоричен, всех обезьян, после того, как они начали набрасываться на коров, отстреляли. Наибольшую угрозу мирной жизни в республике сейчас представляет страх перед минами. Население даже пограничную, мелководную реку Псоу боится переходить не по мостам. По этой же причине я не посетил и памятную дачу Сталина - место дислокации "Арго". Говорят, там значительные разрушения и "все заминировано". Проверять мы не стали - поверили на слово.

Меня интересовала также судьба русских добровольцев воевавших в Абхазии. После победы им были обещаны дома и земли побежденных. Некоторые имели глупость настаивать на получении обещанного до истечения трех лет после окончательной победы. Некий русский патриот оказался достаточно буйным для того, чтобы организовать целое поселение новоявленных эмигрантов. Абхазы сдали всех ФСБ.

На приемной президента нет вывески, рамка, правда, есть. Охрана - ребята на вид лет по 15-16. Президент также принял нас без проволочек минут через 15. Кабинет более чем скромный. Ардзинба чем-то напомнил мне Кочаряна, но выглядел потухшим. Его можно было понять: "независимость" народу осточертела, каждая война - вспышка агонии, позволяющая режиму продлить свое существование. Ардзинба отнесся к абхазской эскалде "Арго" скорее снисходительно - нашли, на чьей стороне воевать! - ибо хорошо знал наших союзников. Что бы там не говорили о грузино-абхазских взаимоотношениях беженцы с обеих сторон, явной вражды в тылу не наблюдается. В Сухуми нас подвозил до вокзала водитель-грузин. Он рассказывал, что те, кто не поддался панике и не побежал, не попался победителю под горячую руку, в массе своей выжили.

Вся междугородняя связь в Абхазии до сих пор осуществляется через Тбилиси. На Ингури-ГЭС, где вместе работают жители Грузии и Абхазии, зарплату выплачивают "лари". "Абхазцы" - в массе своей русские специалисты - дико возмущаются. Около 50% абхазцев по вероисповеданию мусульмане - вероятно единственные на Земле, которые едят свинину и пьют вино. Российский диктат в регионе весьма ощутим. Курс рубля к доллару такой же, как в России. На рейде в Сухуми два военных корабля под российскими флагами.

Мы поселились в санатории РВСН. Огромные генеральские коттеджи в сто комнат стоят пустые. Один счастливчик абхаз держит на территории кади: вино и мясо практически даром. Передел гостиничного бизнеса является, наверное, крупнейшей из закулисных махинаций в республике. Падение цен, конкуренция со стороны соседних российских "здравниц" говорят, что местные объекты практически задарма скупают иностранцы. Представителю ОБСЕ приписывают фразу: "Чем дольше продлится война, тем ниже упадут цены на недвижимость". Все виденные мною в Сухуми иностранцы, принадлежали к разноплеменной орде "миротворцев". По официальным данным миссия ООН в Грузии и Абхазии насчитывает всего 90 военнослужащих. Не сказал бы. Все иностранцы какие-то "паленые", из Ливана, Албании, Анголы, в основном "черные". В Сухуми и Пицунде "миротворцы" заняли лучшие здания, в них подают даже горячую воду. В Пицунде швейцарцы из Международного Красного Креста оттяпали даже коттеджи, где жили советские вожди. На флагштоках водружены флаги стран-участниц самой экзотической расцветки. Между ними на бельевых веревках полощатся женские трусы самой "совковой" цветовой гаммы, даже розовые. Многие миротворцы из

Африки привезли жен и детей, благо климат позволяет. Начальник санатория жаловался нам:

Чувствуют себя как дома, все загадили под пальмами.

Миротворцам живется вольготно. После взрыва, стоившего жизни троим из них, остальные отказались ездить на патрулирование, мотаются на белых автомобилях по каким-то своим делам. Пользуясь собственной неприкосновенностью, ввозят массу товаров рефрижераторами. Привозят пиво, сигареты, жвачку. Вывозят в первую очередь дикорастущие лесные орехи, которые им продает местное население. В офисе миротворцев я натолкнулся на целые штабеля ящиков, подумал, гуманитарная помощь, оказалось - орехи.

Продают урожай туркам, те добавляют их в свой шоколад.

Поначалу в Боснии меня удивляла неприязнь местных сербов к иностранным "миротворцам" различного рода, "стоявшим" от ООН или от НАТО. Первые же невольные наблюдения выявили причину. Все миротворцы были озабочены только тем, как бы подороже продать собственную неприкосновенность. Ламинированные карточки - удостоверения личности, обеспечивающие бесплатный и бесконтрольный проезд, места в конвоях, дефицитные товары "первой необходимости". На пути из Хорватии до Сараево, мешок кофе в зернах, проходя из рук в руки от хорватов к французам, от французам к соотечественникам и далее к мусульманам, дорожал со 150-200 до 800-1000 долларов США. В осажденном Сараево, как известно, никто не мыслил себе жизни без утренней чашечки этого бодрящего ароматного напитка. Даже оружие: с легкой руки миротворцев на Запад и на Восток расползались трофеи балканской войны. Среди них такие опасные игрушки как стреляющие ручки или мины ловушки, замаскированные, например, под стальные магазины к АК-47. При снаряжении шестого патрона, срабатывал заряд ВВ массой в 35 г и несчастному отрывало кисть руки. То же самое происходило и при попытке разобрать магазин для чистки. Магазины добрались даже до Бельгии. "Бойтесь галльских возниц, привозящих данайские дары!" Теми же причинами объясняется и всеобщая ненависть к миротворцам ООН в Сомали.

Выбор товаров на местном рынке ограничен. Кто-либо из украинских бизнесменов мог бы с немалой выгодой продать там, скажем, пароход муки. Сухопутный путь в Абхазию лежит через Сочи и Адлер. О перипетиях местных взаимоотношений, в основном экономических, там вряд ли что-то узнаешь. Не любят любопытных. Больше всего блокирует Абхазию сама Россия. Со стороны России граница выглядит импозантно. КПП с арками, увенчанными двуглавым орлом золотого цвета. На абхазской стороне будка - полусгоревший автобус - и пестрый линялый значок национального знамени.

На территорию России со стороны Абхазии мужчин в возрасте до 60 лет не допускают, боятся диверсантов. По этому все грузы, в основном фрукты и овощи на продажу оптовикам, подвозят тачками женщины. Подвозить на животных так же запрещено, наверное, потому, что в лошадь или ишака можно спрятать намного больше контрабанды, чем в женщину. Бабы с тачек затаскивают мешки с укропом, луком, помидорами на транспортер. Проверка затягивается, скапливается очередь, созданы все условия для издевательств. Толчея цепи ограждения, мордатые таможенники, посредники - небритые лица кавказской национальности. Глядя на эту границу, невольно подумалось: "А Карацупа, дурак, японцев с собаками ловил". Недалеко ушли от него в смысле приоритетов и украинские пограничники. Смотрят документы на машину, на кого записана, какого года выпуска, сверяют номера, вообще, правильное оформление, в том числе и паспортов.

Русские в паспорт не заглядывают, их интересуют поборы. Такса за тележку 500 рублей (с богатыми разговор отдельный).

Свыше пятисот долларов декларируется (в Украине свыше тысячи долларов, ред.). А где Ваша декларация. А Вы ее в российском банке зарегистрировали? Где его искать и как регистрировать, я так и не понял.

А у Вас есть разрешение на въезд? С иностранцев по 20 долларов.

Запрещен ввоз многих типов радиотелефонов в зависимости от рабочих частот. Положено оставлять на таможне в камере хранения. По этому, когда подаешь к досмотру, надо класть деньги. Многим сборам придана форма законности. В вагончике сидит девушка, принимает деньги, выдает какие-то бумажки. На выезде их забирают.

Не удивительно, что и внутри страны возникают всякого рода рогатки.

Наиболее распространенный вид вымогательства - "на экологию". В насквозь прокопченном Новомактинске стоит оборванный "эколог", выдает квитанции подозрительного вида, действительные только на территории района. "Имеют хождение наряду с туалетной бумагой" - надпись на агитационных деньгах периода "гетманщины" Скоропадского.

ЭПИЛОГ

Дмитро Корчинский

В 1997 г. я ощутил, что УНСО теряет внутреннее единство и, что этот процесс является объективным. Все эти годы УНСО была для всех нас актуализированным сообществом, она была для нас церковью, семьей, столовой, школой. Не один раз я наблюдал интересные явления тонких душевных связей между членами сообщества: одинаковые состояния, психозы, которые охватывали людей, разорванных сотнями километров, одинаковые предчувствия, мистические закономерности (семеро убитых в Абхазии, семеро арестованных в Минске, субботние катастрофы и тому подобное). Как и любое актуализированное сообщество, УНСО спродуцировало надсознание, которое присутствовало в головах всех его членов. И вот эта интегрированная личность умирала, не в бою, как мечтал я, а от старости. И начинало немного вонять.

Сообщество было образовано в 90-91 гг. Вероятно, семь лет - средний природный срок жизни сообщества. Как-то мне попались мемуары агента Коминтерна Владимирова, который в 1942-43 гг. был командирован в Особый район Китая. Китайская Народная Армия находилась в жалком положении и была чуть ли не слабейшей среди всех действующих сил. Она была зажата между Гоминданом, отдельными милитаристами и Японцами. И в это последнее, как тогда казалось, время в партии и армии разворачивается дискуссия об исправлении стиля в литературе. Ежедневно в партийных организациях и военных подразделениях устраиваются многочасовые изматывающие собрания, где тот или иной руководитель обсуждается на предмет соответствия стилю. Устраиваются сеансы самокритики. По результатам обсуждений осуществляется чистка.

Владимиров был поражен тем, что Мао к исправлению стиля относится серьезнее, чем к военным задачам. Я тоже не понимал этого, но сегодня с высоты собственного опыта я могу утверждать, что, если бы Мао не провел Чжен Фына (исправления стиля), Китай никогда не был бы коммунистическим, если бы Сталин не осуществил чистку 1937 года, он не выиграл бы войну, Гитлер ее не

начал бы, если бы не ночь длинных ножей. Они понимали, что в новую ситуацию нельзя входить со старыми людьми. Под старыми аббревиатурами они создавали новые сообщества.

Актив организации потерял способность к фанатизму. Это было возрастное. Мало кто способен оставаться революционером после тридцати. Это был кризис жанра. В 1991 году всем было ясно все. Нам нужно было государство и тогда казалось очевидным, что будет война или революция. Нужно было создать организацию, которая победит в войне, или оседлает революцию. Все эти расчеты оказались неверными. Мы строили корабль для бурного моря, а оказалось, что мы посреди смердящего болота и мачты нужно переделывать на мокроступы. Ну, хорошо, у нас есть полулегальная боевая организация, от людей требуется самопожертвование, кто-то убит, кое-кто сидит. Возникает вопрос: за что? Украина уже есть, а войны нет. Не нравится власть? есть оппозиция на все вкусы. Где символ, за который можно было бы умереть? Мы стояли перед катастрофой - перед исчерпанием смысла. Необходимо было или менять стиль, или менять цель. Они уже не отвечали друг другу. Большинство склонялось к тому, что необходимо поменять стиль. Я решил, что нужно изменить цель, что нужно выткать новый флаг простых и ярких цветов. Основу любой организации составляет среднее звено руководства, то, что стоит между вождем и народом, между князем и дружиной Оно же является наиболее уязвимой и скоропортящейся частью организации. Сталин это понимал, Наполеон - нет. После российской кампании ему нужно было расстрелять маршалов, министров и родственников, и заменить их капитанами. Он выиграл бы.

Среднее звено в УНСО было неплохим. Однако, большинство людей имеет короткое дыхание. Они уже не способны были принимать участие в моих авантюрах, теряли способность подчиняться, теряли веру. Словно предчувствуя это, я долгое время старался готовить для первых ролей молодежь, но они слишком медленно учились. Все-таки ветераны были способнее. Кроме того, среди молодых был пристойный процент потерь.

Значительные аресты произошли в конце 1996 года. Запахло полным разгромом организации. Власть сильна, в обществе стабильность, впереди - беспросветность. За следующий год рядом политических шагов и интриг нам удалось стабилизировать атмосферу вокруг организации. Приближались выборы. Они должны были происходить по отчасти пропорциональной системе, следовательно принципиальным становился вопрос о нашей регистрации в министерстве юстиции в качестве политической партии. Этого удалось добиться осенью. Это стало политической сенсацией. Для выдвижения нашего партийного списка, я собрал партийный съезд.

На съезде я, как всегда, делал центральный доклад.

Братья и сестры! Мы думали победить в войне, а нужно побеждать в мире. В войне побеждают храбрейшие, в мире - подлейшие. Мы думали расстрелять подлость из гранатомета РПГ-7В, а пришлось сидеть с ней в одних кабинетах. Мы скатились до конституционности. Ниже некуда падать. Ничего не сделаешь, нужно вести правильную политическую деятельность. Нам труднее, чем другим, поскольку все партии созданы чиновниками из людей, которые хотят быть чиновниками, а мы же хотели быть вождями.

Что бы там не было далее, я верю, что историю Украины последних семи лет будут писать именно по нам. Сегодня уже никто не помнит как звали председателя Уманской районной государственной администрации в третьей четверти восемнадцатого столетия, а Гонга и Зализняк остались светлыми

историческими личностями не только в памяти украинского народа, но и в памяти братских ему польского и еврейского народов. Отличие западных стран в том, что их гайдамаки взяли власть. Американского Гонтю звали Джорж Вашингтон, а Зализняка - Томас Джефферсон.

Сейчас вы уйдете заниматься выборами, произносить речи, разговаривать разговоры. Полгода мелочности. И все-таки, где-то в глубине сердца помните, что маленькая сепаратистская благополучная Украина, которую так хотят избиратели, невозможна и не нужна. Украина возможна только как дракон с хвостом на Дальнем Востоке, сердцем на Кавказе, а головой на Балканах. И тень его повсюду.

Огромные просторы СНГ зовут какую-нибудь объединительную волю. Ресурсы хотят, чтобы кто-то пришел и взял их.

Я говорил и смотрел в зал, но видел обреченность. Эти очень симпатичные и родные мне люди уже не были способны на сверхусилия. Библия переполнена жестокими истинами, взятыми из практики борьбы. Не наливают молодое вино в старые мехи. Я давил ногами виноград на вино и слезы стояли в моих глазах. Старая эпоха завершилась и большинство осталось в ней.

Кто сел, семье кто сдался,
А кто властям служил.
Кто предал, кто продался
Лишь кормчий под кормою жил
Пока корабль еще стоял,
А после разломался.
Разбило голову бревно,
И только в памяти всплыло
То золотое старое
Забытое руно.

На следующий день я сказал панам командирам: "Вы не вытянете выборы. Я мог бы это сделать, но для этого я должен бы осуществить чистку и попрощаться с большинством из вас. Безусловно, возникнет борьба и опять же будет не до выборов. Партия, которая не преодолет четырехпроцентный барьер, никем в этой стране не будет восприниматься как политическая сила. Я вас всех сильно люблю, но заниматься вместе с вами политикой я больше не хочу. Я немного избалован победами и не хочу проигрывать там, где я вполне мог бы выиграть. По ряду причин я не хочу бороться за аббревиатуру, я оставляю ее вам. Некоторое время она вас прокормит. Оставайтесь с нею, а я пошел дальше.

В газетах был опубликован такой текст:

Отречение

Последние семь лет я руководил сообществом, широко известным под названием УНА-УНСО. Я горжусь этими годами.

Сейчас я слагаю с себя все руководящие функции, оставляю формальные должности. Я оставляю руководство организацией в пике ее популярности и силы.

Я делаю это из нежелания заниматься политикой. Я был главарем феодальной дружины, но не могу и не хочу быть директором политической партии.

Я дал уговорить себя стать во главе партийного списка УНА, но лучше, чем кто-либо, понимаю, что мое присутствие в партийном списке, лишает партию

возможности маневра, необходимой на выборах компромисности. Заявление о выходе из партийного списка уже направлено мною в исполком УНА.

За годы борьбы, организацией был накоплен неоценимый эстетический опыт, который безотлагательно нуждается в адекватном выражении в стихах, трактатах, эссе. Этим я планирую заняться с целью сделать в искусстве то, что мне удалось сделать в политике. Кроме того, с группой офицеров я работаю над созданием украинского института Кавказа. Я глубоко благодарен всем, кто был со мною.

Д. Корчинский, литератор.

Я пошел дальше. Я был не один. Экземпляры, подобные мне, всегда ведут за собою свиту. Впереди были новые организации, новые авантюры, новые войны, впереди были грандиозные проекты на Кавказе, впереди была Африка (я всегда мечтал побыть командиром роты лучников при дворе какого-нибудь императорского людоедского величества), впереди были поэмы и книги. Я верил, что жизнь еще полюбит меня, а тогда я не разнервирую смерть страхом. Как-то чеченцы написали письмо председателю Укрсоцбанка (он прибежал ко мне за защитой). Они просили пожертвовать пятьсот тысяч долларов на чеченскую революцию. Письмо заканчивалось словами, которыми хотел бы закончить и я: "В милицию обращаться не надо. Будем работать -- будем жить".